

• ВСЕ ЗВЕЗДЫ •

АРТУР КЛАРК
СТИВЕН БАКСТЕР

Звездный дует мастеров фантастики

СВЕТ ИНЫХ ДНЕЙ

Планета Земля из прошлого в будущее

Стивен М. Бакстер Артур Чарльз Кларк Свет иных дней

Вычитка – Оксана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156601

Свет иных дней: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2006

ISBN 5-699-18417-1

Оригинал: ArthurClarke, “The Light of Other Days”, 2000

Перевод:

Надежда А. Сосновская

Аннотация

Ранее не переводившийся на русский язык роман классика научной фантастики Артура Кларка, написанный в соавторстве со Стивеном Бакстером, оптимистичен, несмотря на описываемую в нем угрозу столкновения Земли с приближающейся к ней кометой. Глобальная утопия с воскрешением мертвых и расселением их в бескрайних просторах космоса, начинается как детектив, связанный с открытием фантастического свойства пространства-времени, возможностью заглядывать в прошлое, и далее переходит в калейдоскоп картин близкого и дальнего будущего человечества, достигшего звезд и распростившегося с неразрешимыми проблемами дня сегодняшнего.

Содержание

/Пролог/	5
/Часть первая/	7
/1/	8
/2/	40
/3/	62
/4/	83
/5/	89
/6/	110
/7/	127
/8/	147
/9/	152
/10/	170
/11/	180
/12/	193
/Часть вторая/	215
/13/	216
/14/	240
/15/	263
/16/	279
/17/	296
/18/	308
/19/	321
/20/	347

/21/	374
/22/	393
/Часть третья/	407
/23/	408
/24/	431
/25/	440
/26/	456
/27/	479
/28/	516
/Эпилог/	557
/Послесловие/	562

Артур Кларк, Стивен Бакстер Свет иных дней

Бобу Шоу

Разве это невозможно, часто гадаю я, чтобы то, с чем мы расстались слишком пылко, возоблагодало неким собственным опытом, не зависящим от нашего разума, и фактически продолжало существовать? А если так, разве не станет возможно со временем создать некое устройство, с помощью которого мы смогли бы все это включать? ... Вместо того чтобы припоминать тут – сцену, там – звук, я воткну вилку в розетку и стану слушать прошлое...

Вирджиния Вулф (1882-1941)

/Пролог/

Бобби видел Землю целиком – такую безмятежную в клетке серебряного света.

Синие и зеленые линии вонзались в новые пустыни Азии и североамериканского Среднего Запада. Искусственные рифы мерцали в Карибском море – бледно-голубые на фоне

темно-синих океанских глубин. Огромные умные машины трудились на полюсах, восстанавливали атмосферу. Воздух был прозрачным, как стекло, потому что теперь человечество добывало энергию напрямую из ядра Земли.

И Бобби знал, что, если бы он только захотел, ему достаточно было бы всего лишь усилия воли – и он смог бы вернуть время вспять.

Он бы увидел города, цветущие на мирной поверхности Земли, вспыхивающие и исчезающие, будто ржавые капельки росы. Он бы увидел растения и животных, изображения которых уменьшались и сворачивались, – так лист дерева снова стал бы почкой. Он бы увидел бы медленный танец материков, увидел бы, как Земля вбирает первобытный жар в свое железное сердце. А сейчас перед ним представал мерцающий и увеличивающийся в размерах шар жизни и разума, внутри которого было заперто прошлое, как мошка, застывшая в янтаре.

Долгое время на этой процветающей и растущей Земле, погруженной в Знание, мирно обитало продвинутое человечество. А в те годы, когда родился Бобби, мир даже невозможно было себе представить.

А все произошло из-за амбиций одного-единственного человека – желчного, нехорошего человека, который даже был не в силах понять, до чего могут его довести мечты.

«Потрясающе», – подумал Бобби.

Он смотрел в свое прошлое, в свое сердце.

**/Часть первая/
АКВАРИУМ С
ЗОЛОТЫМИ РЫБКАМИ**

*Мы... знаем, как жестока порой правда, и
гадаем, не более ли утешителен самообман.
Анри Пуанкаре (1854-1912)*

ДВИГАТЕЛЬ КАЗИМИРА

Вскоре после рассвета Виталий Келдыш неловко втиснулся за руль своей машины, включил смарт-драйв, и машина унесла его от обшарпанной гостиницы.

Улицы Ленинска были пусты, дорожное покрытие потрескалось, многие окна были заколочены досками. Он вспомнил, как выглядел Ленинск на пике своей активности, году в тысяча девятьсот семидесятом – кипящий жизнью научный городок с населением в несколько десятков тысяч человек, со школами, кинотеатрами, плавательным бассейном, стадионом, кафе, ресторанами и гостиницами. Даже собственная телевизионная станция здесь была.

И все же, когда Келдыш выехал из города по дороге, уводящей на север, на глаза ему попался старый синий указатель с белой стрелкой: «НА БАЙКОНУР». Оно все еще сохранилось, это старинное обманчивое название. И до сих пор здесь, в пустынном сердце Азии, русские инженеры строили космические корабли и запускали их в космос.

«Вот только, – с грустью подумал Виталий, – недолго осталось этим заниматься».

Наконец взошло солнце и прогнало с неба звезды: все, кроме одной, самой яркой. Она двигалась неестественно медленно и лениво над горизонтом на юге. Это были останки

Международной космической станции, сооружение которой так и не было завершено, а в две тысячи десятом году ее совсем забросили, после катастрофы престарелого шаттла. А станция все еще летала вокруг Земли – нежеланная гостья на давно закончившейся вечеринке.

Сразу за городом начиналась пустыня. Виталий проехал мимо верблюда, смиренно стоявшего на обочине. Рядом с ним стояла старушка-оборванка. «Подобную картину, – подумал он, – я мог бы увидеть в этих краях когда угодно за последнюю тысячу лет». Казалось, все великие перемены – политические, технические и социальные, пронесли по этой земле и словно бы ее не задели. Впрочем, возможно, все именно так и было на самом деле.

Но раннее весеннее солнце светило все веселее, и степь зеленела и пестрела ярко-желтыми цветами. Виталий опустил боковое стекло и попытался различить аромат цветущих лугов, который он так хорошо помнил. Однако обоняние, испорченное долгими годами курения, его подвело. Как обычно в это время года, его охватила грусть. Травы и цветов скоро не станет, весна в степи была короткой – столь же трагично короткой, как сама жизнь.

Он подъехал к границе.

Здесь в небо смотрели стальные башни, здесь возвышались гигантские бетонные ангары. Космодром – гораздо более обширный, чем его западные соперники, – простирался на несколько тысяч квадратных километров посреди пусты-

ни.

Большая часть космодрома сейчас, правда, была заброшена, и высокие пусковые установки медленно ржавели – медленно, поскольку воздух здесь был очень сухой, – или их растаскивали для своих нужд местные жители как с разрешения начальства, так и вовсе без оногo.

Но сегодня возле одной взлетной площадки кипела деятельность. Виталий видел техников в защитных костюмах и оранжевых касках, суетящихся около величественной пусковой установки. Они походили на приверженцев какого-то культа, собравшихся у подножия божества-колосса.

От башни управления полетом донесся голос: «Gotovnost desyat minut»¹. Десять минут. Пошел обратный отсчет.

От автомобиля до наблюдательной платформы идти было недалеко, но Виталий сильно устал. Он пытался не обращать внимания на то, как колотится его возмущенное сердце, как покалывает кожу от пота на лбу и шее, как тяжело дышится, а еще – на упрямую боль, сковавшую плечо и затылок.

Он прошел на свое место. Те, что уже собрались, поприветствовали его. Это были упитанные и благодушные мужчины и женщины, которые в этой новой России беспрепятственно курсировали между законными властями и смутным андеграундом. Были тут и молодые инженеры – эти отличались по-крысиному голодными лицами. Голод терзал родину

¹ В оригинале русские слова выглядят именно так. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Виталия после распада Советского Союза.

Он ответил на их приветствия, но с радостью предался одинокой анонимности. Мужчинам и женщинам из этого сурового будущего не было дела ни до него, ни до его воспоминаний о лучшем прошлом.

Не переживали они особо по поводу того, что должно было произойти здесь. Болтали о событиях, происходящих далеко отсюда: о Хайреме Паттерсоне и его «червоточинах», о его обещании сделать Землю прозрачной, как стекло.

Виталий хорошо осознавал, что он здесь самый старый. Вероятно, последний уцелевший представитель былого. Эта мысль доставила ему некоторое, довольно слабое, удовольствие.

На самом деле прошло почти семьдесят лет со дня запуска первой «Молнии», а это случилось в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Казалось, что прошло всего семьдесят дней, – настолько ярко эти события представляли перед мысленным взором Виталия. Тогда армия молодых ученых, инженеров-ракетостроителей, техников, рабочих, поваров, плотников и каменщиков пришла в эту, такую малообещающую с виду степь.

Они жили в палатках, они то изнемогали от жары, то замерзали, а вооружены были только преданностью гению Королева. Они построили и запустили первые космические корабли в истории человечества.

Конструкция спутников «Молния» была поистине гени-

альной. Громадные ракеты-носители системы Королева были неспособны вывести спутник на геосинхронную орбиту с большим радиусом, чтобы станция парила над определенной точкой поверхности Земли. Поэтому Королев пускал свои спутники по эллиптическим восьмичасовым траекториям.

Находясь на таких тщательно выверенных орбитах, три «Молнии» могли покрывать большую часть территории Советского Союза. На протяжении нескольких десятков лет СССР, а впоследствии Россия держали созвездия «Молний» на эксцентрических орбитах, и тем самым достигалось значительное социальное и экономическое единство огромной страны.

Виталий считал спутники связи «Молния» самым значительным достижением Королева, превосходившим даже успехи Генерального конструктора в запуске в космос роботов, и людей, и аппаратов, коснувшихся поверхности Марса и Венеры, и даже то, что Королеву чуть было не удалось опередить американцев по Лунной программе.

Но теперь, пожалуй, надобность в этих чудесных «пташках» пошла на убыль.

Громадная пусковая установка откатилась в сторону, отвалились последние энергетические кабели и медленно отползли прочь, будто жирные черные змеи. Обнажилась ракета-носитель, похожая на иглу с барочными желобами, такими типичными для древнего, восхитительного, супернадежного дизайна Королева. Солнце поднялось уже высоко в

небо, но ракету озарял яркий искусственный свет и окутывали облака пара выгоравшего криогенного топлива. Tri. Dva. Odin. Zashiganiye!

Подъезжая к кампусу «Нашего мира», Кейт Манцони задумалась над тем, не переусердствовала ли она в стараниях стильно «немножечко опоздать» на это зрелищное мероприятие, – небо над штатом Вашингтон уже играло всеми красками светового шоу, устроенного Хайремом Паттерсоном.

Небо расчерчивали маленькие самолеты и рассыпали в воздухе пыль (несомненно, она не несла никакой экологической опасности), а на слое этой пыли лазеры рисовали виртуальные изображения вращающейся Земли. Каждые несколько секунд земной шар становился прозрачным и в его сердцевине красовался знакомый корпоративный логотип «Нашего мира». Все это, конечно, выглядело ужасно аляповато и только заслоняло подлинную красоту высокого и ясного ночного неба.

Кейт затемнила верх автомобиля, но перед глазами у нее еще какое-то время стояла картинка, нарисованная на небесах. Рядом с машиной запорхал дрон. Это был еще один медленно вращающийся земной шар. Он обратился к Кейт гладким, исключительно синтетическим голосом, начисто лишенным эмоций:

– Сюда, мисс Манцони.

– Минутку. – Она прошептала: – «Поисковик», зеркало.

Посередине ее поля зрения кристаллизовалось ее изображение, оно беспечно наложилось на вращающегося дрона. Кейт осмотрела свое платье спереди и сзади, нанесла на предплечья программируемые татуировки и поправила выбившиеся пряди волос. Собственное изображение, синтезированное с помощью установленных в салоне машины видеокамер и переданное на имплантаты, вживленные в сетчатку, было немного зернистым и распадалось на блоки-пиксели, если Кейт делала слишком резкие движения, но она была готова смириться с этими ограничениями, связанными с устаревшей технологией имплантации. Уж лучше перетерпеть легкое головокружение, чем подпустить к своему черепу какого-нибудь криворукого нейрохирурга-имплантолога и позволить ему там копать.

Приведя себя в порядок, Кейт отключила изображение и вышла из машины – настолько грациозно, насколько сумела в необычайно узком и совершенно непрактичном платье.

Кампус «Нашего мира» оказался ковром, составленным из аккуратных квадратов газонной травы, лежащих между трехэтажными офисными зданиями – приземистыми, пухлыми коробками из голубого стекла на тоненьких опорах из сверхпрочного бетона. Уродливые и выпендренные образчики корпоративного шика девяностых годов двадцатого века. Нижний этаж каждой из этих построек представлял собой открытую автостоянку. На одной из них припарковалась машина Кейт.

Кейт влилась в людскую реку, текущую к нескольким банкетным залам. Над головами людей порхали дроны.

Зал представлял собой впечатляющее зрелище. Это был многоэтажный стеклянный цилиндр, построенный вокруг подлинного обломка Берлинской стены, покрытого граффити. Посередине зала струился поток воды, над ним были проложены небольшие каменные мостики. Сегодня по стеклянному полу разгуливало не меньше тысячи гостей. Группы склеивались, и группы растекались, и над всем этим витало облако болтовни.

Некоторые поворачивали головы, заметив Кейт. Одни узнавали ее, другие – как мужчины, так и женщины – снисходительно и похотливо строили расчеты.

Кейт выделяла из толпы одно лицо за другим, и от узнавания ей вскоре стало не по себе. Тут собрались президенты, диктаторы, представители королевских семейств, финансовые и промышленные магнаты, а еще – обычное ассорти знаменитостей из мира кино, музыки и прочих сфер искусства. Кейт пока не заметила президента Хуарес, но кое-кто из ее кабинета тут присутствовал. «Хайрем собрал ту еще толпу народа на свое последнее представление», – подумала Кейт.

Она, конечно, понимала, что ее сюда пригласили не только за блестящий талант журналистки и хорошо подвешенный язык, но еще и за то, что она была хороша собой, и за ту известность, которую принесло ей освещение открытия По-

лыни². Но под таким углом она была готова с радостью себя эксплуатировать с первого же дня своего «большого прорыва».

Повсюду порхали дроны, разносили канapé и напитки. Кейт взяла себе коктейль. На некоторых дронах красовались кадры с того или иного из телеканалов Хайрема. В суматохе на эти кадры внимания почти никто не обращал, даже на самые зрелищные, – ну вот, например, один из них представлял собой ракету перед стартом, явно заснятую в какой-то пыльной азиатской степи. Кейт не стала бы отрицать, что собирательный эффект от демонстрации всей этой техники получался впечатляющим. Он словно бы подкреплял знаменитую хвастливую фразу Хайрема о том, что цель «Нашего мира» – информировать планету.

Кейт направилась к одной из больших компаний неподалеку. Ей хотелось понять, кто или что является центром внимания. И она увидела стройного молодого человека, темно-волосого, с моржеобразными усами, в круглых «бабулькиных» очках, облаченного в довольно нелепый, яркий зелено-желтый мундир с алым кантом³. В руках он держал ка-

² Следует отметить, что название растения полынь, как и апокалиптической «звезды Полынь», по-английски звучит как «wormwood», что в буквальном переводе означает «червивое дерево». Такое название связано с тем, что в рыхлых стеблях некоторых видов полыни живут мелкие червячки.

³ Это Джон Леннон – так он выглядит на обложке альбома «The Beatles» «Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band». Мундиры, в которые облачены битлы, представляют собой дизайнерскую фантазию.

кой-то музыкальный инструмент – может быть, эуфон⁴. Кейт его, естественно, сразу узнала, а как только узнала, сразу потеряла к нему интерес. Всего лишь виртуалка. Она принялась разглядывать толпу вокруг музыканта и наблюдать за тем, как люди с детским восторгом таращат глаза на имитацию давно умершей, возведенной в ранг святого знаменитости.

Один из мужчин среднего возраста заметил ее и устремил на нее чересчур пристальный взгляд. У него были странные глаза – неестественно серые. «Может быть, у него новый вид имплантатов сетчатки, про которые ходили слухи?» – подумала Кейт. Говорили, будто бы при пересадке такого имплантата начинают действовать миллиметровые волны, а в этом диапазоне текстильные материалы становятся прозрачными, да еще и зрение несколько обостряется – то есть носитель таких имплантатов обретает способность видеть через одежду. Мужчина неуверенно шагнул к Кейт, и его ортопедический сервомотор – невидимая машина для ходьбы – возмущенно заурчал.

Кейт отвернулась.

– ... Он ведь, боюсь, всего лишь виртуальный. Я говорю об этом юном сержанте. Как, впрочем, и трое его приятелей, которых можно встретить в других местах в этом зале. Даже могущества моего отца пока маловато для того, чтобы воскрешать мертвых. Но вы об этом, конечно, знаете.

⁴ А на самом деле он держит под мышкой валторну.

Услышав этот голос прямо у себя над ухом, Кейт вздрогнула. Она обернулась и увидела перед собой молодого человека. На вид лет двадцать пять, черные как смоль волосы, гордый римский нос, подбородок с чувственной ложбинкой. Разнообразие предков проглядывало в его смуглой коже, кустистых черных бровях, туманно-голубых глазах. Но даже в самые первые секунды их встречи его взгляд уже блуждал – казалось, парню трудно смотреть Кейт в глаза.

Он сказал:

– Вы слишком пристально меня разглядываете.

Кейт стала защищаться:

– А вы меня испугали. Впрочем, я знаю, кто вы такой.

Это был Бобби Паттерсон, единственный сын и наследник Хайрема, прославленный секс-хищник.

«Интересно, сколько еще одиноких женщин он наметил себе в жертвы на сегодня?» – подумала Кейт.

– А я знаю, кто *вы* такая, мисс Манцони. Или мне можно называть вас Кейт?

– Называйте, если хотите. Я же называю вашего отца Хайрем, как и все прочие, хотя мы ни разу с ним лично не встречались.

– Желаете встретиться? Могу устроить.

– Не сомневаюсь.

Он разглядывал Кейт все более внимательно и явно наслаждался их легкой словесной дуэлью.

– А знаете, я мог бы догадаться, что вы – журналистка, ну

или писательница. Вы наблюдали за людьми, которые таранились на виртуала, а сам виртуал вас не интересовал... Само собой, я читал ваши статьи о Полыни. Вы, конечно, здорово всколыхнули воду.

– Не так сильно, как ее всколыхнет сама Полынь, когда рухнет в Тихий океан двадцать седьмого мая две тысячи пятьсот тридцать четвертого года.

Бобби улыбнулся. Его зубы были похожи на ровные ряды жемчужин.

– Вы меня интригуете, Кейт Манцони, – сказал он. – Вы ведь сейчас справляетесь у «Поисковика», верно? Обо мне спрашиваете.

– Нет. – Вопрос ее задел. – Я – журналист. Мне костыли для памяти не нужны.

– А вот мне нужны. Я вспомнил ваше лицо, ваши работы, а имя вспомнить не мог. Вы обижены?

– На что тут обижаться? – фыркнула Кейт. – На самом деле...

– На самом деле я улавливаю легкий аромат секса. Я прав?

На плечо Кейт легла тяжелая рука, она почувствовала мощный запах дешевого одеколona. Это был Хайрем Паттерсон собственной персоной – один из самых знаменитых людей на планете.

Бобби усмехнулся и аккуратно снял руку отца с плеча Кейт.

– Папа, ты меня опять смущаешь.

– Да ладно тебе. Жизнь слишком коротка, разве нет? – В акценте Хайрема отчетливо проступали следы его происхождения, слышались долгие, чуть гнусавые гласные. Так говорят в Англии, в Норфолке. Он был очень похож на своего сына, но волосы у него были светлее. Правда, осталось их не так много, и они курчавым венчиком обрамляли лысину. Ярко-голубые глаза сверкали над выдающимся фамильным носом. Он то и дело улыбался, демонстрируя зубы, пожелтевшие от никотина. Для человека, которому хорошо за шестьдесят, он выглядел молодо и энергично. – Мисс Манцони, я большой почитатель ваших работ. Позвольте сказать, что выглядите просто убийственно.

– Поэтому меня сюда и пригласили. Он довольно расхотался.

– Что ж, и поэтому тоже. Но мне хотелось быть уверенным в том, что есть хоть один умный человек посреди легкомысленных политиканов и записных красоток, которые обычно сбегаются на такие вечеринки. Мне нужен кто-то, кто сможет запечатлеть этот исторический момент.

– Я польщена.

– Вовсе нет, – нагло заявил Хайрем. – Вы иронизируете. До вас дошла болтовня о том, что я намерен сказать сегодня вечером. Вероятно, вы успели даже кое-что придумать самолично. Вы считаете меня чокнутым, страдающим манией величия...

– Вряд ли бы я так сказала. Я вижу перед собой человека с

новой игрушкой. Хайрем, вы действительно верите в то, что игрушка может изменить мир?

– Игрушки способны на многое, и вы это прекрасно знаете! Когда-то такими игрушками стали колесо, плуг, доменная печь – изобретения, на распространение которых по планете ушли тысячелетия. А теперь на это требуется жизнь одного поколения, а то и меньше. Вспомните об автомобиле, о телевидении. Когда я был маленький, компьютеры представляли собой гигантские шкафы, и их обслуживали орды жрецов, вооруженных перфокартами. Теперь мы полжизни проводим, подключенные к софт-скринам. А *моя* игрушка будет круче всего этого... Что ж. Это уж вам решать. – Он смерил Кейт оценивающим взглядом. – Желаю повеселиться. Если этот молодой повеса вас еще не пригласил, приезжайте поужинать, и тогда мы покажем вам больше – столько, сколько вы пожелаете увидеть. Я не шучу. Поговорите с кем-нибудь из дронов. А теперь прошу меня извинить...

Хайрем на секунду крепко сжал руками плечи Кейт и начал пробираться сквозь толпу, улыбаясь, помахивая рукой и обмениваясь рукопожатиями.

Кейт глубоко вдохнула и выдохнула.

– Будто надо мной висела бомба – и исчезла.

Бобби рассмеялся.

– Это он умеет. Кстати...

– Что?

– Я собирался вас пригласить как раз перед тем, как по-

явился этот старый балбес. Приезжайте к нам поужинать. Может быть, нам удастся неплохо провести время, узнать друг друга получше...

Бобби продолжал мурлыкать, а Кейт перестала его слушать и сосредоточилась на том, что ей было известно о Хайреме Паттерсоне и «Нашем мире».

Хайрем Паттерсон, урожденный Хирдамани Пейтел, происходил из бедного семейства, проживавшего в болотистой местности на востоке Англии. В данное время эти земли исчезли, погрузились в волны Северного моря. Первое состояние он сколотил, применив японскую методику клонирования для производства ингредиентов лекарств, применявшихся в народной медицине и прежде изготовлявшихся из тигриных усов, лап, когтей и даже костей.

Эти вещества Хайрем начал поставлять китайским общинам по всему миру. Это принесло ему известность двух сортов: одни осыпали его упреками за то, что он такую тонкую методику употребил для столь примитивных нужд, а другие восхваляли за то, что ему удалось поспособствовать сбережению популяций тигров в Индии, Китае, России и Индонезии. (Не лишним будет упомянуть, что тигров на тот момент ни в одной из этих стран почти не осталось.)

После этого Хайрем резко сменил направление деятельности. Он придумал первый в мире удачный софт-скрин – гибкую систему передачи изображения на основе полимерных пикселей, способных испускать многоцветный свет.

Успех софт-скрина принес Хайрему серьезную прибыль. Вскоре его корпорация «Наш мир» стала генератором продвинутых технологий, заняла ведущее место в области телевидения новостей, спорта и развлечений.

Но Британия была охвачена упадком. Она являлась частью объединенной Европы и была лишена орудий макроэкономической политики типа контроля за валютными курсами и процентными ставками да вдобавок не защищена достаточно интегрированной комплексной экономикой. Вследствие всего этого британское правительство не смогло сдерживать резкий экономический спад. Наконец в две тысячи десятом году социальные беспорядки и климатический кризис вынудили Британию выйти из Европейского Союза. Соединенное Королевство распалось. Шотландия пошла своей дорогой. На протяжении всех этих событий Хайрем изо всех сил старался не растерять капиталы «Нашего мира».

Затем, в две тысячи девятнадцатом году, Англия и Уэльс, отдав Северную Ирландию Ирландии и отправив членов королевского семейства в Австралию, где их довольно тепло приняли, стали пятьдесят вторым штатом США. Благодаря преимуществам подвижности рынка труда, межрегиональным финансовым трансфертам и прочим защитным свойствам поистине объединенной американской экономики Англия начала процветать.

Но ей пришлось процветать без Хайрема.

Став гражданином Соединенных Штатов, Хайрем не пре-

небрег возможностью быстренько перебраться в Сиэтл, штат Вашингтон. На окраине этого города он с полным восторгом соорудил новую корпоративную штаб-квартиру – когда-то на этом месте базировался кампус компании «Майкрософт». Хайрем любил похвастаться тем, что станет Биллом Гейтсом двадцать первого века. И действительно, его корпоративное и личное могущество на благодатной почве американской экономики возрастало в геометрической прогрессии.

Но Кейт отлично знала о том, что он – всего лишь один из сильных игроков на многолюдном и конкурентоспособном рынке. Сегодня она находилась здесь из-за того, что, как о том твердила молва и как только что намекнул сам Хайрем, он собирался продемонстрировать нечто новое, нечто такое, из-за чего способно измениться все на свете.

Бобби Паттерсон, в отличие от своего отца, вырос в упаковке его могущества.

Он учился в Гарварде, занимал различные посты в отцовских компаниях, вел роскошную жизнь международного плейбоя и считался самым желанным холостяком в мире. Насколько знала Кейт, Бобби ни разу не продемонстрировал ни единой искорки собственной инициативы, ни капли желания вырваться из объятий отца – а уж тем более превзойти его.

Кейт рассматривала его красивое лицо. «Вот птичка, которая счастлива в своей золоченой клетке, – думала она. – Избалованное богатенькое чадо».

И все же его взгляд заставил ее покраснеть, и она прокляла собственную биологию.

Она молчала уже несколько секунд, а Бобби все еще ждал от нее ответа на приглашение на ужин.

– Я подумаю, Бобби.

Вид у него стал озадаченный – словно он никогда прежде не слышал таких неуверенных ответов.

– Есть проблемы? Если хотите, я...

– Дамы и господа...

Все повернули головы. Кейт обрадовалась.

Хайрем поднялся на подиум, смонтированный у стены банкетного зала. За его спиной на гигантском софт-скрине появилось увеличенное изображение его головы и плеч. Он улыбался всем с высоты, словно милостивый бог, а над его головой витали дроны с кадрами со множества телеканалов «Нашего мира».

– Позвольте мне прежде всего поблагодарить всех вас за то, что вы пришли сюда, чтобы стать свидетелями исторического момента, а также – за ваше терпение. А теперь – шоу начинается.

Денди-виртуал в светло-зеленом мундире материализовался на сцене рядом с Хайремом. Его стариковские очки сверкали, отражая многочисленные огни. К нему присоединились еще трое – в розовом, голубом и алом мундирах, и каждый со своим музыкальным инструментом – трубой,

гобоем, флейтой-пикколо⁵. Послышались отрывочные аплодисменты. Четверо музыкантов слегка поклонились и плавно отступили к площадке в дальней части сцены, где их ожидали ударная установка и три электрогитары. Хайрем с легкостью проговорил:

– Это изображение транслируется к нам в Сиэтл с телевизионной станции, расположенной неподалеку от Брисбена, в Австралии. В передаче сигнала помогают несколько спутников, и задержка составляет несколько секунд. С удовольствием сообщу вам о том, что эти ребята за последние пару-тройку лет заработали кучу денег. Их новая песенка «Позволь мне любить тебя» после Рождества была «номером один» в мире на протяжении четырех недель, и вся прибыль от продаж пошла на цели благотворительности.

– *Новая песня*, – насмешливо повторила Кейт.

Бобби наклонился к ней.

– Вам не нравятся «Ви-Фэб»?

– Да будет вам, – отозвалась Кейт. – Оригинал был в моде шестьдесят пять лет назад. Двое из этой четверки умерли до того, как я родилась. Их гитары и ударные настолько неуклюжи и старомодны в сравнении с новейшими группами, у которых музыка возникает из танца исполнителей... да и в любом случае все эти так называемые *новые* песенки – всего-навсего умело экстраполированный древний мусор.

– И все это часть – как это вы называете в ваших полеми-

⁵ Это, соответственно, Ринго Старр, Пол Маккартни и Джордж Харрисон.

ческих статейках – упадка нашей культуры, – негромко произнес Бобби.

– Да, черт побери, – буркнула она, но почувствовала себя немного неловко со своей резкостью рядом с его изысканной легкостью.

Хайрем продолжал речь:

– ... Не просто фокус. Я родился в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом – году Лета Любви. Правда, некоторые говорят, что шестидесятые были культурной революцией, которая никуда не привела. Возможно, это и так – в прямом смысле слова. Но эта революция и ее музыка любви и надежды сыграли огромную роль в том, что я и другие люди моего поколения стали такими, какие мы есть.

Бобби встретился взглядом с Кейт и изобразил жестом, что его тошнит, а ей пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос.

– ... И на пике этого лета, двадцать пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, было устроено всемирное телевизионное шоу, призванное продемонстрировать возможности будущих коммуникационных сетей. – За спиной у Хайрема барабанщик «Ви-Фэб» начал отстукивать ритм, и группа заиграла похоронную пародию на «Марсельезу», за которой последовала хорошо разложенная на голоса трехчастная гармония⁶. – Таков был вклад Британии, – на фоне музыки продолжал Хайрем. – Песня о любви, пропе-

⁶ Речь идет о песне «Beatles» «All You Need Is Love».

тая двум сотням миллионов людей во всем мире. Это шоу называлось «Наш мир». Да, верно. Отсюда я и взял название. Понимаю, немного претенциозно. Но как только я увидел запись этого шоу – мне тогда было десять лет, – я сразу понял, что я хочу сделать со своей жизнью.

«Претенциозно, – подумала Кейт, – но, без сомнения, эффективно».

Толпа гостей, как зачарованная, не сводила глаз с громадного изображения Хайрема, а по залу растекались волны музыки лета семидесятилетней давности.

– А теперь, – произнес Хайрем с щедростью шоумена, – я считаю, что достиг цели всей моей жизни. Я предлагаю всем за что-нибудь взяться – хотя бы за руку соседа.

Пол стал прозрачным.

Неожиданно повиснув над пустотой, Кейт покачнулась. Глаза обманывали ее, хотя под ногами у нее по-прежнему находился прочный пол. Шквалом пронесся по залу нервный смех, несколько вскриков, нежный звон разбитого стекла.

С удивлением для себя Кейт обнаружила, что ухватилась за руку Бобби. Она чувствовала под пальцами крепкие мышцы. Бобби накрыл ее руку своей – скорее всего, безотчетно.

Она не стала отдергивать руку. Пока.

Она словно бы парила над звездным небом. Казалось, зал перенесся в космос. Но эти «звезды», разбросанные на фоне черного неба, были собраны и замкнуты в кубическую решетку, образованную едва заметными лучами многоцветно-

го света. Глядя внутрь этой решетки, на исчезающие вдаль образы, Кейт чувствовала себя так, будто заглядывала в бесконечно длинный туннель.

По-прежнему окутанный музыкой, которой искусно были приданы легкие отличия от оригинальной записи, Хайрем проговорил:

– Вы смотрите не на небо, не в космос. Вы смотрите *вниз*, в самую глубь структуры материи. Это кристалл алмаза. Белые точки – атомы углерода. Линии соединения – силы валентности, которые их соединяют между собой. Я хочу подчеркнуть: все, что вы увидите в сильно увеличенном виде, не является имитацией. За счет современных технологий – например, с помощью сканирующего электронного микроскопа – мы можем получать изображения материи даже на таком, самом фундаментальном уровне. *Все, что вы видите, реально.* А теперь – продолжим.

Зал заполнили голографические образы. Казалось, будто он со всеми гостями погрузился внутрь решетки и немного уменьшился. Атомы углерода висели над головой Кейт, похожие на серые надувные шары. Внутри их были заметны мучительные намеки на наличие структуры. И повсюду вокруг Кейт пространство искрилось. Вспыхивали светящиеся точки – и тут же гасли. В этом была необычная красота. Казалось, будто плывешь через облако светлячков.

– Вы смотрите на космическое пространство, – сказал Хайрем. – На «пустое» пространство. Это то, что наполня-

ет Вселенную. Но сейчас мы видим космос с гораздо более высоким разрешением, чем то, на которое способен глаз человека. Это уровень, на котором видны отдельные электроны, и на этом уровне приобретают важность квантовые эффекты. «Пустое» пространство на самом деле *наполнено*. Оно наполнено флуктуирующими энергетическими полями. А эти поля проявляют себя как частицы: фотоны, электронно-позитронные пары, кварки... Они вспыхивают на краткие мгновения, зажженные накопившейся масс-энергией, а потом исчезают, когда о себе заявляет закон сохранения энергии. Мы, люди, видим пространство, энергию и материю с огромной высоты, как астронавт, летящий над океаном. Мы слишком высоко для того, чтобы разглядеть волны и пену на их гребнях. Но они существуют. И пока мы еще не добрались до конечной цели нашего путешествия. Советую всем крепче держать бокалы, ребята.

И снова изображение резко увеличилось. Кейт попала в недра одного из атомов углерода и словно бы стала парить внутри стеклянной линзы. В самом центре линзы находился плотный блестящий ком – сгусток сплюснутых шаров. Ядро? А эти шары – протоны и нейтроны?

Ядро полетело прямо на Кейт. Со всех сторон послышались вскрики. Не выпуская руку Бобби, Кейт постаралась не вздрогнуть, когда о нее ударился один из нуклонов.

А потом...

Тут не было форм. Ни форм, ни какого-то определенного

света, никаких цветов, кроме кроваво-багряного. И все же было движение – медленные, едва заметные бесконечные извивания, подчеркнутые всплывающими и лопающимися пузырьками. Казалось, будто кипит какая-то противная густая жижа.

Послышался голос Хайрема:

– Мы добрались до того, что физики называют пределом Планка⁷. Сейчас параметры увеличения в двадцать раз выше, чем раньше, когда мы находились на уровне виртуальных частиц. На данном уровне у нас даже не может быть уверенности в самой структуре пространства: топология и геометрия перестают существовать, пространство и время теряют связь между собой. На этом, самом низшем из всех уровней, во времени не было последовательности, а в пространстве – порядка. Единство пространства-времени было разорвано силами квантовой гравитации, и пространство превратилось в бурлящий вероятностный бульон, испещренный «червоточинами». Вот именно, «червоточинами», – подчеркнул Хайрем. – То, что мы видим перед собой – это устья «червоточин», спонтанно формирующихся, пронизанных электрическими полями. Пространство – это нечто такое, что мешает всему находиться на одном и том же месте. Верно? Но на этом уровне пространство обладает высокой зернистостью, и

⁷ Планк Макс (1858-1947) – немецкий физик, один из основоположников квантовой теории. Ввел понятие кванта действия (постоянная Планка) и, исходя из идеи квантов, вывел закон излучения, названный его именем. Нобелевская премия (1918).

мы уже не можем доверять ему такую работу. Поэтому «червоточина» может соединить любую точку в этой маленькой области пространства-времени с любой другой точкой – *где угодно*: в центре Сиэтла, в австралийском Брисбене, на звезде Альфа Центавра. Все выглядит так, словно спонтанно возникают и исчезают мостики пространства-времени.

Его гигантское лицо подбадривающе улыбалось толпе гостей.

«Я понимаю в этом не больше вас, – словно бы говорило изображение с экрана. – Вы уж поверьте».

– Мои сотрудники потом смогут рассказать вам об этом подробнее – настолько профессионально, насколько вы в состоянии будете впитать эту информацию, – продолжал он. – Гораздо важнее то, что мы намереваемся со всем этим делать. Говоря просто, мы собираемся проникнуть в эту квантовую пену и выудить оттуда нужную нам «червоточину», а именно – «червоточину», связывающую нашу лабораторию в Сиэтле с таким же учреждением в Австралии, в городе Брисбене. И как только мы ее стабилизируем, эта «червоточина» образует линию связи, по которой мы будем передавать сигналы – *пульсирующий свет*. И это, дамы и господа, – основа новой революции в области коммуникаций. Никаких дорогостоящих спутников, атакуемых микрометеоритами и постепенно сходящих со своих орбит, никаких удручающих задержек во времени, никаких жутких перегрузок – мир, наш мир, наконец будет по-настоящему связан.

Виртуальная рок-группа продолжала играть, но публика загомонила. Некоторые начали выкрикивать:

– Невозможно!

– «Червоточины» неустойчивы! Это всем известно!

– Под воздействием накладывающегося излучения «червоточины» мгновенно закроются!

– Не может быть, чтобы вы всерьез...

Громадное лицо Хайрема с высоты взирало на бурлящую квантовую пену. Он щелкнул пальцами. Квантовая пена исчезла, ее сменил единственный объект, повисший в темноте под ногами у гостей.

По залу пронесся тихий вздох.

Кейт увидела, как скапливаются ярко светящиеся точки – атомы? Огоньки составили замкнутую геодезическую сферу, она начала медленно вращаться. А внутри Кейт разглядела другую сферу, вращающуюся в противоположном направлении, а внутри той – еще одну, и так до тех пор, пока видел глаз. Это было похоже на часовой механизм, на планетарий, составленный атомами. Но вся структура пульсировала бледно-голубым светом, и Кейт чувствовала, как в ней накапливается громадная энергия.

Она должна была признать, что картина действительно изумительно красивая.

Хайрем объяснил:

– Это называется двигателем Казимира⁸. Пожалуй, это

⁸ Генрих Казимир, нидерландский физик, в 1948 году предсказал возможность

наиболее тонкая из машин, когда-либо построенных человеком. Над ее созданием мы трудились несколько лет, и при этом ее ширина – менее несколько сотен диаметров атома. Вы видите, что оболочки составлены из атомов. Это атомы углерода, а структура оболочек соответствует природным устойчивым структурам углерода-60, называемым «дробинками». Оболочки изготавливаются путем обстреливания графита лучами лазера. Мы зарядили двигатель электричеством с помощью клеток, называемых «ловушками Пеннинга», – электромагнитных полей. Конструкция сохраняет целостность благодаря мощным магнитным полям. Отдельные оболочки отделены друг от друга расстоянием, не превышающим нескольких диаметров электрона. А в этих крошечных просветах происходит чудо...

Кей, уставшая от хвастливых разглагольствований Хайрема, быстро навела справки в «Поисковике». Она узнала о том, что эффект Казимира связан с теми виртуальными частицами, которые вспыхивали и гасли у нее на глазах. В мельчайших просветах между атомарными оболочками из-

притяжения между двумя идеально плоскими зеркалами в вакууме. Это явление получило название эффекта Казимира, а сила, возникающая между зеркалами, стала называться силой Казимира. Позднее, в 1997 году, Стивом Ламоро было в экспериментах доказано девяностопятипроцентное совпадение с теорией. Эффект Казимира и в наши дни продолжают изучать в отношении различных поверхностей – например, ленты Мебиуса и торообразных предметов. Остается животрепещущим вопрос о силе Казимира в одиночной поллой сфере. Над этой проблемой сам Казимир размышлял в 1953 году, когда искал стабильную модель электрона.

за эффектов резонанса могли существовать только определенные типы частиц. Поэтому эти просветы были более пустыми, чем «пустое» космическое пространство, и вследствие этого менее энергетичными.

Этот отрицательно-энергетический эффект, помимо всего прочего, мог вызывать антигравитацию.

Различные уровни конструкции начали вращаться быстрее.

Вокруг изображения двигателя появились маленькие циферблаты, начался обратный отсчет начиная от девяти. Восемь, семь... Ощущение накопления энергии стало осязаемым.

– Концентрация энергии в просветах двигателя Казимира нарастает, – прокомментировал происходящее Хайрем. – Мы внесем отрицательную энергию эффекта Казимира в «червоточины» квантовой пены. Эффект антигравитации стабилизирует и расширит «червоточины». По нашим расчетам, вероятность обнаружения «червоточины», соединяющей Сиэтл с Брисбеном с приемлемой точностью, составляет один шанс из десяти миллионов. Поэтому нам потребуется десять миллионов попыток, чтобы обнаружить нужную «червоточину». Но мы имеем дело с атомной техникой, а она работает чертовски быстро; даже сотня миллионов попыток займет меньше секунды... А прелесть в том, что на квантовом уровне линия связи с любым нужным местом *уже существует* – нужно только отыскать ее.

Виртуальные музыканты приближались к хоровой коде. Кейт не сводила глаз с машины Франкенштейна, которая бесшумно вертелась у нее под ногами, светясь и излучая энергию.

На циферблатах закончился отсчет.

Сверкнула ослепительная вспышка. Некоторые гости истерично вскрикнули.

Когда Кейт снова обрела зрение, атомарная машина, все еще продолжавшая вращаться, уже была не одинока. Рядом с ней в пространстве парила серебристая бусина совершенной сферической формы. Устье «червоточины»?

А музыка изменилась. Группа «Ви-ФЭб» приступила к финальному хоровому распеву. Но неожиданно на пение наложилось гораздо более жесткое исполнение, предшествовавшее хору на несколько секунд.

Зал безмолвствовал.

Хайрем ахнул – словно бы и вправду до этого момента затаил дыхание.

– Вот оно, – сказал он. – Новый сигнал, который вы слышите – это то же самое выступление, но теперь оно передается сюда через «червоточину» – *практически без задержки во времени*. Мы сделали это. Сегодня вечером впервые в истории человечества сигнал отправлен по стабильной «червоточине»...

Бобби наклонился к Кейт и ехидно добавил:

– Впервые в истории, не считая все пробные запуски.

– Правда?

– Конечно. Не думаете же вы, что он стал бы полагаться на случайность? Мой отец – шоумен. Но не стоит осуждать человека, стоящего на вершине собственной славы.

Хайрем на гигантском экране широко улыбнулся.

– Дамы и господа, никогда не забывайте о том, что вы видели сегодня вечером. Это начало подлинной революции в области связи.

Мало-помалу публика начала аплодировать, и очень скоро рукоплескания переросли в громовую овацию.

Кейт не смогла удержаться и присоединилась к всеобщему ликованию. «Интересно, куда это приведет», – думала она. Безусловно, возможности этой новой технологии – основанной, в конце концов, на манипуляции не чем-нибудь, а пространством и временем – не сведутся только к передаче данных. Кейт предчувствовала, что теперь все изменится.

Что-то ярко сверкнуло в вышине. Кейт увидела дрона с красующимся на нем изображением космической ракеты, которую она уже заметила раньше. Ракета совершенно бесшумно рассекала лоскуток серо-голубого среднеазиатского неба. Она выглядела до странности старомодно, как будто этот образ выплыл из прошлого, а не из будущего.

Больше никто не смотрел на это изображение, да и для Кейт оно интереса не представляло. Она отвернулась.

Зелено-красное пламя рванулось в извилистые каналы из стали и бетона. Свет пронесся по степи к Виталию. Ослепи-

тельно яркий свет затмил тусклые прожектора, все еще горевшие около пусковой установки, затмил даже яркое степное солнце. И еще до того, как корабль оторвался от земли, Виталий услышал рев, грохот, от которого содрогнулась его грудь.

Не обращая внимания на усиливающуюся боль в плече, на то, что онемели руки и ноги, Виталий стоял, разжав потрескавшиеся губы, и кричал, пытаясь добавить свой голос к этому божественному грохоту. В такие моменты он всегда становился сентиментальным старым дураком.

А вокруг него царило сильное возбуждение. Люди – и плохо обученные инженеры, и жирные взяточники-управленцы – отворачивались от места старта. Они собирались кучками около радиоприемников и мини-телевизоров, около похожих на бриллианты софт-скринов, показывающих потрясающие кадры из Америки. Виталий не знал подробностей и знать не хотел, но ему стало ясно, что Хайрем Паттерсон выполнил свое обещание – или свою угрозу.

Уже отрываясь от земли, его прекрасная птица, его последняя «Молния» успела устареть.

Виталий стоял прямо, не горбясь. Он решил смотреть столько, сколько выдержит, пока эта светящаяся точка на конце величественного дымного хвоста не растворится в пространстве.

... Но боль в плече и груди стала нестерпимой. Словно бы костистая рука сжала сердце. Он охнул. Он все же по-

пробовал удержаться на ногах. Но теперь появился новый свет, этот свет занимался вокруг него, и он был еще ярче, чем тот, который вылетел из дюз ракеты и заполнил собой казахстанскую степь. И Виталий не удержался на ногах.

ОКО РАЗУМА

Когда Кейт въехала на территорию поместья, она удивилась тому, что местность выглядит настолько типично по-сиэтлски: зеленые холмы, тянущиеся до самого океана под серым низким осенним небом.

Но особняк Хайрема – гигантский идеальный купол, сплошные окна – выглядел так, будто он только что приземлился на склон холма, и был одним из самых уродливых и выпендренных зданий, которые когда-либо попадались на глаза Кейт.

Подъехав к дому, Кейт отдала свое пальто дрону. Ее личность была удостоверена не только посредством сканирования имплантатов, но и за счет идентификации лица и даже с помощью неинтрузивного исследования ДНК – и все это было сделано за считанные секунды. Затем роботы-слуги Хайрема провели ее в дом.

Хайрем был занят работой. Это не удивило Кейт. Шесть месяцев после внедрения технологии применения «червоточин», которую окрестили «инфопроводом», стали для него самыми напряженными, а для «Нашего мира» – самыми успешными. Так утверждали аналитики. «Но к ужину он выйдет», – так сообщил дрон.

В итоге ее проводили к Бобби.

Комната была просторная, температура в комнате – нейтральная, стены – ровные и пустые, как яичная скорлупа. Приглушенный свет, звук без эха, мертвенный. Из мебели тут было только несколько обитых черной кожей кушеток. Рядом с каждой кушеткой стоял маленький столик с водопроводным краном и капельницей.

А вот и Бобби Паттерсон – один из богатейших и могущественнейших молодых людей на планете. Он лежал один-одинешенек на кушетке в полумраке. Его глаза были открыты, но взгляд блуждал, руки вяло повисли. Его лоб сжимал металлический обруч.

Кейт села на кушетку рядом с Бобби и стала его разглядывать.

Она заметила, что он медленно дышит. Из прозрачного пластикового пакета, укрепленного на капельнице, в иглу, вколотую в вену Бобби, стекало лекарство.

На нем была просторная черная рубашка и шорты. В тех местах, где легкая ткань прилегала к телу, проступали могучие мышцы. Но это не служило показателем его образа жизни: такой фигуры можно было запросто добиться с помощью приема гормонов и электростимуляции мышц.

«Он может заниматься этим, полеживая здесь, – подумала Кейт, – похожий на коматозника, лежащего на больничной койке».

В уголке разжатых губ блестела слюна. Кейт стерла ее ука-

зательным пальцем и бережно сомкнула губы Бобби.

– Спасибо.

Она вздрогнула и обернулась. Бобби – еще один Бобби, одетый в точности так же, как первый, стоял рядом с ней и усмехался. Кейт раздраженно стукнула его кулаком в живот. Ее кулак, естественно, прошел его насквозь. А он и глазом не моргнул.

– Значит, вы меня видите, – сказал он.

– Я вас вижу.

– У вас есть имплантаты в сетчатке и улитке уха? Да? Эта комната устроена так, что здесь возникают виртуальные копии, совместимые с последними поколениями ЦНС-имплантатов. А для меня вы, конечно, в данный момент восседаете верхом на свирепом фитозавре.

– На ком, на ком я восседаю?

– На триасовом крокодиле. Который начинает замечать ваше присутствие. Добро пожаловать, мисс Манцони.

– Кейт.

– Хорошо. Я рад, что вы приняли мое приглашение на ужин. Правда, я никак не ожидал, что вы ответите на это приглашение только через шесть месяцев.

Она пожала плечами.

– *«Хайрем становится еще богаче»* – не такая уж сенсационная статья.

– Гм-м-м... Это значит, что теперь вы пронюхали что-то новенькое.

Он был прав, но Кейт промолчала.

– Или, – продолжал он, – вас наконец покорила моя очаровательная улыбка.

– Может быть, она бы меня и покорила, если бы у вас изо рта не текла слюна.

Бобби сверху вниз глянул на свое неподвижное тело.

– Тщеславие? Неужто мы должны пещься о том, как вы выглядим, даже тогда, когда странствуем по виртуальному миру? – Он нахмурился. – Конечно, если вы правы, то моим личным маркетологам есть о чем подумать.

– *Вашим личным* маркетологам?

– Естественно. – Он «взял» металлический обруч с ближайшей кушетки – виртуальную копию предмета, отделенную от настоящего обруча, оставшегося на кушетке. – Это «Око разума». Новейшая разработка «Нашего мира» в области технологии виртуальной реальности. Хотите попробовать?

– Не очень.

Он испытующе уставился на нее.

– Вряд ли вы девственны в плане виртуальной реальности, Кейт. Ваши сенсорные имплантаты...

– ... Не более чем минимум, необходимый для того, чтобы жить в современном мире. А вы ни разу не пробовали пройтись по Международному аэропорту Сиэтла без виртуальных примочек?

Он рассмеялся.

– Обычно меня сопровождает эскорт. А вы, наверное, думаете, что это часть гигантского корпоративного заговора.

– Само собой. Вмешательство техники в наши дома, автомобили, на рабочие места давно достигло точки насыщения. Теперь понадобилось тело.

– Какая вы сердитая. – Он поднял обруч выше.

«Странный перевертыш, – подумала Кейт. – Виртуальная копия Бобби держит виртуальную копию генератора виртуальной реальности».

– Но это другое. Попробуйте. Отправьтесь в странствие вместе со мной.

Кейт растерялась, но, поняв, что ведет себя слишком уж упрямо, решила согласиться. Ведь, в конце концов, она была в гостях. Но от предложения подсоединиться к капельнице она отказалась наотрез.

– Просто немножко погуляем и возвратимся еще до того, как наши тела разделятся. Договорились?

– Договорились, – ответил он. – Выбирайте кушетку. А обруч наденьте на голову – вот так.

Он осторожно поднес устройство к голове Кейт. Его сосредоточенное лицо было, без сомнения, очень красивым.

«Как Христос в терновом венце», – подумала она.

Она легла на кушетку и приготовилась надеть обруч «Ока разума». Обруч был теплым и эластичным, и стоило ей только приложить его к волосам, как обруч словно бы сам прижался ко лбу.

– Ой. – Кожу под обручем защипало.

Бобби сидел на своей кушетке.

– Это инфузия. Не бойтесь. Большой частью вход осуществляется посредством чрезчерепной магнитной стимуляции. Как только мы загрузимся, вы не будете ничего чувствовать...

Он устроился на кушетке, и для Кейт тела оригинала и виртуального клона на несколько мгновений совместились.

В комнате потемнело. Одна секунда, две... Кейт ничего не видела и не слышала. Ощущение собственного тела исчезло – будто у нее из черепа вынули мозг.

Едва заметный толчок – и она вернулась в свое тело. Но теперь она не лежала, а стояла.

В какой-то грязи.

Ее окружали свет и жара. Синий цвет, зеленый, коричневый. Она стояла на берегу реки, по лодыжки в черной жиже.

Небо было безоблачным и ярко-синим. Зеленел лес – роскошные, густые заросли папоротников, сосен и гигантских елей, чья плотная темная хвоя почти не пропускала вниз солнечный свет. Жара и влажность доводили до одури; Кейт чувствовала, как под блузкой и брюками по коже текут струйки пота, как липнет ко лбу челка. Река была широкая, медлительная, коричневая от ила.

Кейт прошла чуть глубже в лес в поисках более прочной почвы под ногами. Листья и побеги хлестали ее по щекам и

рукам. Повсюду роились и летали насекомые, в том числе и громадные синие стрекозы. В джунглях царили всевозможные шумы – стрекотание, рев, мычание.

Ощущение реальности просто пугало, такой подлинности Кейт не чувствовала ни в одном виртуальном путешествии.

– Впечатляет, правда?

Рядом с ней стоял Бобби, одетый в шорты, рубашку цвета хаки и широкополую шляпу в стиле сафари; через плечо он перебрал старомодного вида винтовку.

– Где мы? В смысле...

– Когда мы? Это Аризона; поздний триас, около двух миллионов лет назад. Больше на Африку похоже, верно? Этот период подарил нам окаменелости Раскрашенной пустыни⁹. Гигантские хвощи, папоротники, плауны... Но в некотором роде этот мир очень скучен. Эволюция цветов – в далеком будущем. Заставляет задуматься, да?

Кейт наступила на бревно и попыталась руками счистить с ноги грязь. Жара изматывала, жажда мучила нестерпимо. Оголенное предплечье Кейт покрывали мириады капелек пота, сверкавших вполне убедительно. Они были такими горячими, что казалось, вот-вот вскипят.

Бобби указал вверх.

– Поглядите.

⁹ Раскрашенная пустыня – местность в штате Аризона, в США. Национальный парк. Здесь находится так называемый Окаменевший лес – оказавшиеся на поверхности окаменевшие триасовые отложения.

Это была птица, неуклюже хлопавшая крыльями посреди листьев дерева... Нет, для птицы это существо было слишком большим и несуразным. Кроме того, у него не было перьев. Наверное, это была какая-то летающая рептилия. Зашуршали ее лиловые кожистые крылья, и Кейт поежилась.

– Признайтесь, – проговорил Бобби, – это впечатляюще.

Кейт пошевелила руками и ногами, наклонилась вправо, влево.

– Телесные ощущения очень сильные. Я чувствую руки и ноги, возникает ощущение верха и низа при наклонах. Но я полагаю, что по-прежнему лежу на кушетке и пускаю слюни на ваш манер.

– Да. Проприоцепция «Ока разума» у вас просто потрясающая. Вы даже не потеете. Хотя нет, все-таки есть немного испарины кое-где. Это техника виртуальной реальности четвертого поколения, если считать от примитивных «очков и перчаток». За ними последовали сенсорные органные имплантаты, как у вас, а за ними – имплантаты, вживляемые непосредственно в кору головного мозга. Они позволяли обеспечивать прямой интерфейс между внешними системами и центральной нервной системой человека.

– Варварство, – фыркнула Кейт.

– Возможно, – негромко отозвался Бобби. – И вот теперь – «Око разума». Обруч производит магнитные поля, способные стимулировать определенные участки головного мозга. И физическое вмешательство не нужно. Но радует не толь-

ко отсутствие необходимости в имплантатах, – продолжал он бегло. – Радуют точность и масштабы стимуляции, которые могут быть достигнуты. К примеру, прямо сейчас на зрительной области коры вашего головного мозга рисуется широкоугольная карта места действия. Мы стимулируем миндалину и островок височной доли, чтобы обеспечить вас обонянием. Это важно для ощущения подлинности происходящего. Запахи напрямую поступают в лимбическую систему мозга – средоточие эмоций. Вот почему запахи столь многое в нас пробуждают, знаете? Мы даже способны вызывать легкую боль, стимулируя пояснок передней доли мозга – центр если не самих болевых ощущений, то осознания боли как таковой. И конечно, мы проводим большую работу с лимбической системой, дабы все, что вы видите, вызывало у вас эмоции. Кроме того, существует проприорецепция – телесные ощущения. Они очень сложны. Сюда относятся сенсорные сигналы от кожи, мышц и сухожилий, зрительная и двигательная информация от головного мозга, сведения о равновесии от вестибулярного аппарата. Для того чтобы все получилось, пришлось немало трудиться над картированием головного мозга. Но теперь мы способны добиться того, чтобы вы падали, летали, кувыркались, не покидая кушетки... а еще мы можем сделать так, чтобы вы видели чудеса, как сейчас.

– А вы неплохо освоились со всей этой белибердой. Вы этим гордитесь, да?

– Конечно. Ведь это моя разработка.

Бобби моргнул, и Кейт вдруг осознала, что он впервые смотрит прямо на нее уже несколько минут. Даже здесь, в фальшивых триасовых джунглях, под его взглядом Кейт чувствовала себя немного неловко – хотя ее в какой-то мере, несомненно, к нему тянуло.

– Бобби, в каком смысле эта разработка *ваша*? Ее провели по вашей инициативе? Вы ее спонсировали?

– Я – сын своего отца. Я работаю в его корпорации. Я осуществляю надзор за исследованиями, посвященными «Оку разума». И еще я провожу полевые испытания готовой продукции.

– Полевые испытания? В смысле, ложитесь вот тут на кушетку и играете в охоту на динозавров?

– Я бы не стал называть это игрой, – мягко возразил Бобби. – Позвольте, я вам покажу кое-что.

Он резко встал и, раздвинув перед собой ветки, шагнул глубже в джунгли.

Кейт попыталась последовать за ним. У нее не было мачете, и вскоре ее тонкая одежда начала рваться, задевая о сучья и шипы. Острые колючки вонзались в кожу. Было больно, но *не очень* – естественно. Все было не по-настоящему, а как в какой-то треклятой приключенческой игре. Кейт пробиралась по джунглям следом за Бобби, ругая про себя на чем свет стоит упаднические технологии и лишние деньги.

Она добрались до опушки, где лежали поваленные обуг-

лившиеся деревья, из стволов которых пытались пробиться маленькие зеленые побеги. Возможно, поляна образовалась после удара молнии.

Бобби поднял руку в знак того, чтобы дальше Кейт не шла.
– Смотрите.

Посреди обугленных обломков деревьев какое-то животное раскапывало землю носом и лапами. Оно было метра два длиной, с головой, похожей на волчью, с длинными клыками. Несмотря на волкоподобную наружность, зверь похрюкивал, как свинья.

– Цинодонт, – прошептал Бобби. – Протомлекопитающее.

– Наш предок?

– Нет. Ветвь истинных млекопитающих уже сформировалась. Цинодонты – эволюционный тупик... Черт.

Из подлеска на дальней стороне поляны послышался громкий треск. Это был динозавр из «Парка юрского периода», ростом не меньше двух метров. Он вышел из леса на массивных задних лапах, раззявив зубастую пасть и сверкая чешуей.

Цинодонт замер на месте, он не сводил глаз с хищника.

Ящер вспрыгнул на спину цинодонта, и тот распластался на земле под весом ящера. Они стали кататься по поляне, ломая молодые деревца. Цинодонт пронзительно визжал.

Кейт, схватив Бобби за руку, попятилась назад. Она чувствовала, как сотрясается земля.

«Да, да, впечатляюще», – согласилась она.

Хищный ящер одержал победу. Придавив жертву к земле своим весом, он наклонился к шее протомлекопитающего и, только раз щелкнув зубами, прокусил ее. Цинодонт еще дергался, но на его шее обнажились белые кости и хлынула кровь. А когда динозавр распорол брюхо своей жертвы, по поляне разнеслась мерзкая вонь гнилого мяса, и Кейт чуть не стошнило...

Чуть не – но все же не стошнило. Конечно нет. А если лучше приглядеться, то можно было заметить, что уж слишком неестественно блестящей была хлещущая кровь протомлекопитающего, слишком ярко сверкали чешуи у динозавра. Всякая виртуальная реальность грешила этим – все было ярко, но имелись свои ограничения, даже в вони и шуме, смоделированных для удобства пользователя. Все так же безвредно, а потому так же бессмысленно, как прогулка по тематическому парку.

– Думаю, это дилофозавр, – пробормотал Бобби, – фантастика. Вот за что я так люблю этот период. Тут словно бы перекресток жизни. Одно накладывается на другое, старое встречается с новым, наши предки и первые динозавры...

– Да, – подтвердила Кейт, придя в себя. – Но это *не настоящее*.

Бобби постучал себя пальцем по макушке.

– Как всякий вымысел. Нужно избавляться от своего неверия.

– Но ведь на самом деле просто-напросто какое-то маг-

нитное поле воздействует на мой головной мозг. Это даже не настоящий триас, черт возьми, – это всего лишь слабенькая догадка академиков, к которой ради виртуального туриста добавлено немного красочек.

Бобби улыбнулся ей.

– Вы всегда такая сердитая. Вы хотите сказать, что...

Она посмотрела в его пустые голубые глаза. До сих пор парадом командовал он.

«Если хочешь еще чего-то добиться, – сказала она себе, – если хочешь подобраться хоть на шагок ближе к тому, ради чего пришла сюда, нужно противоречить ему».

– Бобби, в данный момент вы лежите на кушетке в затемненной комнате. Все это не считается.

– Звучит так, словно вам меня жаль.

Судя по всему, ему стало любопытно.

– Похоже, у вас вся жизнь такая. Сколько бы вы ни разглагольствовали о VR-проектах и корпоративной ответственности, на самом деле никаким *настоящим* контролем вы ни над чем не обладаете, так ведь? Мир, в котором вы живете, так же нереален, как любая виртуальная симуляция. Подумайте об этом: пока я не пришла, вы пребывали в гордом одиночестве.

Бобби немного подумал.

– Возможно. Но вы таки пришли. – Он поправил винтовку на плече. – Пойдемте. Пора поужинать с отцом. – Он вздернул бровь. – Может быть, вы задержитесь и после того, как

вытряхнете из нас то, что вам от нас нужно.

– Бобби...

Но он уже поднес руки к металлическому обручу.

Ужин получился трудным.

Они втроем сидели под куполообразной крышей особняка Хайрема. В просветах между плывущими по небу тучами показывались то звезды, то тоненький серп луны. Более красивый вид неба трудно было себе представить, но Кейт была потрясена мыслью о том, что благодаря инфопроводам Хайрема небо очень скоро станет гораздо более скучным – когда в атмосфере сгорят последние спутники связи.

Еда, как и ожидала Кейт, была отлично приготовлена, а прислуживали за столом молчаливые дроны-роботы. Вот только подавали всего-навсего блюда из морепродуктов, какими можно было бы угоститься в любом из ресторанов Сиэтла, а вино оказалось бесхитростным калифорнийским шардоне. Никаких тебе намеков на непростое происхождение Хайрема, никакой оригинальности самовыражения.

Хайрем между тем постоянно держал Кейт в фокусе внимания.

Он засыпал ее вопросами, а стоило ей ответить, спрашивал еще и еще – о ее прошлом, о семье, о карьере; и всякий раз Кейт ловила себя на том, что сказала больше, чем хотела сказать.

Во враждебности Хайрема она не сомневалась, хотя тот и

старался прятать ее под маской вежливости.

«Он знает, зачем я здесь», – решила Кейт.

Бобби вел себя тихо, ел мало. Невзирая на неприятную привычку избегать подолгу смотреть в глаза, он все-таки теперь словно бы больше замечал Кейт. Она чувствовала, что его влечет к ней, понять это было нетрудно – но к влечению явно примешивалось удивление. Быть может, ей удалось каким-то образом проколоть его неподатливую и скользкую шкуру, как она и надеялась.

«Или – что более вероятно, – подумала Кейт, – Бобби попросту озадачен тем, как на меня реагирует».

А возможно, все это были ее собственные фантазии и ей не стоило копаться в голове у других людей. Такую привычку у других она терпеть не могла.

– Не могу понять, – произнес Хайрем, – почему Полынь не могли обнаружить до две тысячи тридцать третьего года – объект диаметром четыреста километров? Да-да, я знаю, она находится за Ураном, но все же...

– Она необычайно темная и очень медленно движется, – объяснила Кейт. – По всей вероятности, это комета, но она намного крупнее любой из известных комет. Мы не знаем, откуда она взялась; возможно, существует целое облако таких объектов – где-то дальше Нептуна. Да в ту сторону никто особенно пристально и не смотрел. Даже система космического дозора сосредоточивает свое внимание на околоземном пространстве, на тех объектах, которые могут ударить

по Земле в ближайшем будущем. Полюнь была обнаружена компанией астрономов-любителей.

– Гм-м-м, – промычал Хайрем. – И вот теперь она направляется сюда.

– Да. Это случится через пятьсот лет.

– Но это еще так далеко. – Бобби махнул крепкой ухоженной рукой. – Наверняка есть какие-то планы на случай подобных непредвиденных обстоятельств.

– *Какие* планы? Бобби, Полюнь – гигант. Мы не знаем ни единого способа, как можно было бы оттолкнуть эту тварь, – даже в теории. А когда этот камешек рухнет на Землю, прятаться будет негде.

– *Мы* не знаем ни единого способа? – сухо переспросил Бобби.

– Я имела в виду астрономов...

– А по вашему тону я уже почти представил себе, что вы ее и открыли.

Она была ему нужна. Так он отвечал на ее предыдущие уколы.

– Как легко спутать собственное достижение с тем, на которое надеются люди, верно? – Хайрем хихикнул. – А вы неплохо ладите, ребятки. Если уж между вами возникают споры... А вы, мисс Манцони, конечно, полагаете, что люди имеют право знать о том, что через пятьсот лет наступит конец света?

– А вы так не полагаете?

Бобби сказал:

– И вам безразличны последствия – самоубийства, подскок числа абортотв, отказ от выполнения целого ряда проектов по защите окружающей среды?

– Я принесла плохую вестъ, – натянуто проговорила Кейт, – но не я принесла Польшу. Послушайте, если мы не будем информированы, мы не сможем действовать ни хорошо ни плохо; мы не сможем позаботиться о себе – за то время, какое у нас осталось. Правда, нельзя сказать, что перспективы у нас радужные. Возможно, самое лучшее из того, что мы могли бы предпринять, это отправить горстку людей в какое-нибудь более безопасное место – на Луну, на Марс, на какой-то астероид. Но даже это не станет гарантией сохранения вида, если только мы не обеспечим наличие размножающейся популяции. Спасутся, – тяжелым голосом произнесла она, – вне всякого сомнения, те, кто сейчас нами правит, и их отпрыски. Если только мы не очнемся от электронного наркоза.

Хайрем оттолкнулся от стола и загоготал.

– Электронный наркоз! Как это верно сказано! То есть – откуда средства для наркоза продаю я. – Он посмотрел на Кейт в упор. – Вы мне нравитесь, мисс Манцони.

«Лжец», – подумала она и сказала:

– Благодарю вас...

– Зачем вы здесь?

Последовала долгая пауза.

– Вы меня пригласили.

– Шесть месяцев и семь дней назад. Почему же только сейчас? Вы работаете на моих конкурентов?

– Нет, – вспыхнула Кейт. – Я – свободный художник.

Он кивнул.

– Тем не менее что-то вам здесь нужно. Сюжет, естественно. Полынь уже становится достоянием прошлого, и вам нужны свежее испеченные триумфы, новые масштабы. Этим живут такие люди, как вы. Разве нет, мисс Манцони? Но что бы это могло быть такое? Наверняка – ничего личного. В моей жизни слишком мало того, что не освещено в средствах массовой информации.

Кейт осторожно проговорила:

– Осмелюсь заметить, несколько моментов существует. – Она вдохнула поглубже. – Я слышала, что у вас имеется новый проект. Новая область применения «червоточин», далекая от простых инфопроводов, которые...

– Вы явились сюда, чтобы разнюхать факты, – заключил Хайрем.

– Будет вам, Хайрем. Весь мир опутан вашими «червоточинами». Если бы я могла охватить остальное...

– Но вам ничего не известно.

«Я тебе покажу, что мне известно». Кейт возмутилась.

– Вы родились под именем Хирдамани Пейтел. Но еще до того, как вы родились, семья вашего отца была вынуждена бежать из Уганды. Этнические чистки, так ведь?

Хайрем был готов испепелить ее взглядом.

– Это все знают. В Уганде мой отец был банковским менеджером. В Норфолке он водил автобусы, поскольку никто не пожелал признать его квалификацию.

– Короче говоря, в Англии у вас особых радостей в жизни не было, – напирала Кейт. – Вы не смогли преодолеть расовые и классовые барьеры. И тогда вы уехали в Америку. Вы отrekliсь от имени, полученного при рождении, и приняли его англоязычную версию. Вы приобрели известность как типичная модель поведения азиатов в Америке. И все же вы отрезали себя от своих этнических корней. Обе ваши жены были американками англосаксонского происхождения.

Бобби широко раскрыл глаза.

– Обе... жены?! Отец...

– Семья – это для вас все, – холодно продолжала Кейт, старательно удерживая внимание отца и сына. – И похоже, с помощью Бобби вы пытаетесь здесь создать династию. Возможно, это связано с тем, что вы ушли из семьи, бросили своего отца в Англии.

– Ах! – Хайрем театрально всплеснул ладонями, вымученно улыбнулся. – А я-то все гадал, когда же наконец к нашему застолью присоединится папаша Зигмунд! Так вот какой у вас сюжет. Хайрем Паттерсон создает «Наш мир», поскольку чувствует вину перед отцом!

Бобби нахмурился.

– Кейт, о каком это новом проекте вы говорите? «Неужели

Бобби на самом деле не знал?»

Не сводя глаз с Хайрема и наслаждаясь неожиданной властью над ним, Кейт проговорила:

– Проект настолько значительный, что ваш отец вызвал вашего брата из Франции.

– *Брата...*

– настолько значительный, что он пригласил в качестве партнера-инвестора Билли-боба Микса. Микса, основателя «Мира Откровения». Вы слышали об этом, Бобби? Об этой новейшей замороченной и высасывающей денежки извращенческой религии, которая увлекла жалких легковверных граждан Америки...

– Это не имеет никакого отношения к делу, – отрезал Хайрем. – Да, я сотрудничаю с Миксом. Я буду сотрудничать с кем угодно. Если люди желают покупать мое оборудование для виртуальной реальности, чтобы увидеть Иисуса и Его апостолов, отплясывающих чечетку, я продам им мое оборудование. Кто я такой, чтобы кого-то судить? Не все такие ханжи, как вы, мисс Манцони. Не всем дана такая роскошь.

Но Бобби в упор смотрел на Хайрема.

– *Мой брат?*

Кейт изумилась и снова мысленно прокрутила в голове весь разговор.

– Бобби... Вы ничего об этом не знали, совсем ничего? Не только о проекте, но и о другой жене Хайрема, о его другом ребенке... – Она в изумлении уставилась на Хайрема. – Но

как можно такое хранить в секрете?

Хайрем поджал губы. По взгляду было видно, как ненавистна ему Кейт.

– Сводный брат, Бобби. Всего лишь *сводный*.

Кейт тоном диктора добавила:

– Его зовут Давид. – Она произнесла это имя на французский манер. – Его мать была француженка. Ему тридцать два года – он на семь лет старше вас, Бобби. Он физик. Дела у него идут хорошо, его называют новым Хокингом¹⁰. О, и еще он – католик. Истинно верующий, судя по всему.

Бобби, похоже, не разозлился. Он был еще более озадачен.

– Почему ты мне не говорил? – спросил он у Хайрема.

Тот ответил:

– Тебе не надо было знать.

– А этот новый проект – каким бы он ни был? Почему ты мне о нем ничего не рассказывал?

Хайрем встал.

– С вами было на редкость приятно пообщаться, мисс Манцони. Дроны проводят вас.

Кейт поднялась.

– Вы не помешаете мне напечатать то, что мне известно.

– Печатайте что хотите. Ничего серьезного у вас нет.

«Он прав». Кейт понимала это.

¹⁰ Хокинг Стивен Уильям (р. 1942) – английский астрофизик. Автор теории образования черных дыр.

Она направилась к выходу. Эйфория быстро таяла.

«Я все испортила, – думала она. – Я хотела сблизиться с Хайремом. А мне пришлось порезвиться и превратить его в своего врага».

Она обернулась. Бобби все еще сидел за столом. Он смотрел ей вслед, широко раскрыв странные глаза, похожие на витражи.

«Мы еще увидимся, – подумала Кейт. – Может быть, еще не все кончено».

Створки дверей начали закрываться. Последнее, что увидела Кейт, было то, как Хайрем заботливо накрыл руку сына своей рукой.

ЧЕРВЯТНИК

Хайрем ждал Давида Керзона в зале прибытия Международного аэропорта Сиэтла. Он сразу пошел в атаку – немедленно обнял Давида за плечи и притянул к себе. Давид почувствовал запах крепкого одеколона, синтетического табака, каких-то специй. Хайрему скоро должно было исполниться семьдесят лет, но по тому, как он выглядел, трудно было сказать, что это так, – без сомнения, благодаря омолаживающей терапии и умелым пластическим операциям. Он был высок и темноволос, а Давид, который пошел в мать, был более приземист, светловолос и склонен к полноте.

Этот голос, которого Давид не слышал с тех пор, как ему было пять лет, это лицо – голубые глаза, крупный нос, – нависшее над ним, будто гигантская луна...

– Мой мальчик. Как же мы давно не виделись... Пойдем, нам нужно многое наверстать.

Большую часть времени, пока Давид летел в Сиэтл из Англии, он мысленно готовился к этой встрече.

«Тебе тридцать два года, – твердил он себе. – У тебя прочное положение в Оксфорде. Твои работы, твою популярную книгу по экзотической математике в области квантовой физики очень хорошо приняли. Пусть этот человек – твой отец. Но он бросил тебя и не имеет над тобой никакой власти. Ты

уже взрослый. У тебя есть вера. Тебе нечего бояться».

Но Хайрем, как наверняка и намеревался, за первые же пять секунд после встречи разрушил все рубежи обороны Давида. Давид, совершенно обескураженный, позволил себя увести.

Хайрем повез сына прямо в научно-исследовательский центр, который он окрестил «Червятником», – на север от Сиэтла. Поездка в «роллс-ройсе», оборудованном «умным» двигателем, получилась быстрой и немного страшноватой. Управляемые позиционными спутниками и бортовым искусственным интеллектом автомобили неслись по автострадам со скоростью выше ста пятидесяти километров в час, и при этом расстояние между задним бампером одной машины и передним – другой было не больше нескольких сантиметров; такого экстремального дорожного движения Давид в Европе не видел.

А вот город – то небольшое в нем, что удалось заметить по пути, – показался Давиду вполне европейским: красивые, заботливо ухоженные дома с прекрасными видами на горы и море.

Современные детали архитектуры разумно и изящно сочетались с общим ощущением пространства. В центре города царило оживление: начался сезон рождественских распродаж.

С детства у Давида о Сиэтле сохранились отрывочные вос-

поминания: он помнил небольшую лодку, которую отец, бывало, выводил из Саунда¹¹, прогулки по снегу зимой. Конечно, он и прежде не раз возвращался в Америку – теоретическая физика была международной наукой. Но он никогда не бывал с тех пор в Сиэтле – с того самого дня, когда его мать незабываемо бурно собрала вещи и вместе с сыном покинула дом Хайрема.

Хайрем говорил беспрестанно, засыпая сына вопросами.

– Ну, так ты окончательно обосновался в Англии?

– Ты же знаешь, какой там климат. Но даже в заледеневшем Оксфорде жить замечательно. Особенно с тех пор, как за кольцевую дорогу запретили въезжать на личном транспорте, и...

– А эти выпендренчики британцы не дразнят тебя за твой французский акцент?

– Отец, я француз. Это моя сущность.

– Но не твое гражданство. – Хайрем хлопнул сына по колену. – Ты американец. Не забывай об этом. – Он чуть опасно посмотрел на Давида. – Ты все еще подвизаешься?

Давид улыбнулся.

– Ты имеешь в виду, католик ли я все еще? Да, отец.

Хайрем проворчал:

– Все твоя треклятая мамочка. Самая моя большая ошибка – это то, что я с ней связался, не приняв в расчет ее рели-

¹¹ Имеется в виду Пьюджет-Саунд – залив Тихого океана, на берегу которого стоит Сиэтл.

гию. А она взяла и заразила тебя вирусом святошества.

Давид вспыхнул.

– Это звучит оскорбительно.

– Да. Прости. Так что же, в Англии сегодня католикам живется хорошо?

– С тех пор как католическая церковь восстановлена в правах, Англия стала обладательницей одной из самых здоровых католических общин в мире.

Хайрем буркнул:

– Не так часто услышишь слова «здоровый» и «католический» в одном предложении... Мы приехали.

Они поравнялись с просторной автостоянкой. Машина подъехала к свободному парковочному месту и остановилась. Давид вышел и последовал за отцом. Океан был совсем рядом, и Давида сразу окутал прохладный, пропитанный морской солью воздух.

Автостоянка примыкала к большой, грубовато сработанной постройке из бетона и гофрированного металла, похожей на авиационный ангар. Гигантские ворота в торце здания были приоткрыты. Около «ангара» было сложено много картонных коробок. Автокары-роботы перевозили их внутрь здания.

Хайрем подвел сына к небольшой, в рост человека, двери, вырезанной в боковой стене. В сравнении с размерами постройки дверь казалась предназначенной для карликов.

– Добро пожаловать в центр вселенной! – пригласил Хай-

рем Давида и вдруг устыдился. – Послушай, я сразу потащил тебя сюда, не подумал. Ты ведь только что прилетел. Тебе нужно отдохнуть, принять душ...

Хайрем, похоже, искренне заботился о его благе, и Давид не смог удержаться от улыбки.

– Может быть, кофе я бы выпил чуть попозже. Ну, показывай свою новую игрушку.

Внутри было холодно, как в пещере. Звук шагов по пыльному бетонному полу эхом отлетал от стен. Повсюду под рифленным потолком висели яркие лампы. Помещение было залито холодным, всюду проникающим дневным светом. Царило ощущение спокойствия, безмолвия. Обстановка больше напомнила Давиду храм, чем техническое учреждение.

В центре помещения возвышалась гора оборудования, вокруг которой работала небольшая группа инженеров. Давид был теоретиком, а не экспериментатором, но он узнал детали экспериментального оборудования для получения высоких энергий. Тут находились детекторы субатомных частиц – высокие и широкие ряды кристаллических блоков, а также блоки аппаратуры электронного контроля, сложенные как белые кирпичи и казавшиеся малюсенькими рядом с рядами детекторов. Правда, при этом каждый блок оборудования был размером с передвижной домик.

Однако техники не походили на тех, которые обычно работают в отделах физики высоких энергий. В среднем они были пожилыми людьми – лет около шестидесяти. Но теперь

стало так трудно судить о возрасте.

Давид задал вопрос Хайрему.

– Да. «Наш мир» так или иначе проводит политику найма работников среднего возраста. Они более сознательны, а умственные способности у них такие же, как были в молодости, – благодаря современным препаратам для поддержания функций головного мозга. Эти люди благодарны нам за то, что у них есть работа. А в данном случае большинство работников – жертвы аннулирования проекта «ССК».

– ССК – сверхпроводящий суперколлайдер? Этот ускоритель элементарных частиц стоимостью во много миллиардов долларов был бы построен в Техасе, под кукурузными полями – если бы проект не заморозил Конгресс в девяностые годы.

Хайрем сказал:

– Целое поколение американских ученых, специалистов по физике элементарных частиц, получило удар из-за этого решения. Они выжили; они нашли себе работу в промышленности, на Уолл-стрит и так далее. Но большинство из них так и не смогли избавиться от разочарования...

– Но строительство ССК стало бы ошибкой. Технология создания линейных ускорителей, появившаяся несколько лет спустя, оказалась гораздо более эффективной и дешевой. Кроме того, большая часть результатов фундаментальных работ в области физики элементарных частиц начиная где-то с две тысячи десятого года основывалась на исследо-

ваниях высокоэнергетических космологических явлений.

– Это не имеет значения. Для этих людей – не имеет. Пусть ССК был ошибкой. Но он стал бы *их* ошибкой. Когда я разыскал этих людей и предложил им шанс снова потрудиться на переднем крае физики высоких энергий, они сразу ухватились за такую возможность. – Он пытливо взглянул на сына. – Знаешь, а ты умный мальчик, Давид.

– Я не мальчик.

– Ты получил такое образование, о котором я никогда не мог даже мечтать. Но даже при этом я мог бы тебя кое-чему научить. К примеру, тому, как вести себя с людьми. – Он указал на инженеров. – Посмотри на этих ребят. Они работают ради надежды, ради мечты своей юности, ради самосовершенствования. Они вдохновлены идеей. Если ты сумеешь каким-то образом уяснить это, ты сможешь сделать так, что люди у тебя будут работать как цирковые пони, и при этом – за гроши.

Давид нахмурился и пошел дальше следом за отцом.

Они подошли к ограждению, и седой сотрудник, несколько подобострастно не то кивнув, не то поклонившись Хайрему, подал им защитные каски, и свою Давид быстро надел.

Он подошел к поручню и посмотрел вниз. Он чувствовал запахи машинного масла, смазки, растворителей. Отсюда было видно, что детекторный блок на самом деле стоит немного ниже уровня земли. В центре углубления плотным конгломератом расположилась какая-то темная, незнакомая

на вид аппарата. Из середины этого конгломерата поднимались облачка легкого пара: вероятно, это было криогенное оборудование. Откуда-то сверху доносилось жужжание. Давид поднял голову и увидел работающий подъемный кран. Длинная стальная стрела протянулась над детекторным блоком, на конце стрелы висел мощный захват.

Хайрем негромко проговорил:

– В основном тут всевозможные детекторы, так что мы можем понять, что происходит, – особенно когда происходит что-то не то. – Он указал на плотно составленное оборудование в самой середине углубления. – Вот где происходит самое главное. Это несколько сверхпроводящих магнитов.

– Так вот зачем понадобилась криогеника.

– Да. Там мы создаем мощные электромагнитные поля – поля, с помощью которых формируются крошечные двигатели Казимира. – Его голос был наполнен гордостью. «Он имеет на это право», – подумал Давид. – Именно здесь весной мы раскрыли первую «червоточину» – Я заказал специальную табличку – ну, знаешь, такой памятный знак. Можешь называть меня выпендренником. А теперь мы используем это место, чтобы развивать технику дальше – как можно дальше и настолько быстро, насколько можем.

Давид повернул голову к Хайрему:

– Зачем ты меня сюда привел?

– Вот и я хотел задать тот же самый вопрос.

Совершенно неожиданно прозвучавший голос явно испу-

гал Хайрема.

Из тени у подножия горы детекторных блоков вышел человек и остановился рядом с Хайремом. На мгновение сердце у Давида замерло, потому что перед ним словно бы возник двойник его отца – или преждевременный призрак. Но, присмотревшись внимательнее, Давид заметил отличия: этот человек был значительно моложе, не так грузен и, пожалуй, немного выше ростом, а волосы у него были густые и угольно-черные.

Но эти льдисто-голубые глаза, такие необычные при наличии азиатской крови, несомненно, достались молодому человеку по наследству от Хайрема.

– Я вас знаю, – сказал Давид.

– По скандальным телепрограммам?

– Вы – Бобби. – Давид натянуто улыбнулся.

– А вы, видимо, Давид, мой сводный брат, о котором я не ведал, пока мне не пришлось узнать об этом от журналистки.

Бобби явно злился, но держал себя в руках и говорил холодно.

Давид догадался, что угодил в эпицентр запутанного семейного скандала, – и что самое противное, это была его семья.

Хайрем переводил взгляд то на одного, то на другого сына.

Наконец он вздохнул и изрек:

– Давид, может быть, пора мне попросить, чтобы тебе принесли кофе.

Кофе оказался из самых худших, какие только доводилось пробовать Давиду. Но рабочий, который подал им кофе, не отошел от столика до тех пор, пока Давид не сделал первый глоток.

«А ведь это Сиэтл, – напомнил себе Давид. – Здесь хороший кофе – уже лет сто просто-таки фетиш для представителей тех классов общества, которые владеют компаниями вроде этой»¹².

Он натянуто улыбнулся.

– Превосходно, – выдавил он. Рабочий просиял и ретировался.

Столовая разместилась в уголке «вычислительного зала» – компьютерного центра, где анализировались данные результатов различных экспериментов. Сам зал – Хайрем экономил на всем – был невелик. Он представлял собой всего-навсего временный офисный модуль с полом из пластиковых плиток, флуоресцентными осветительными панелями на потолке и перегородками «под дерево» между рабочими местами сотрудников. Здесь теснились компьютерные терминалы, софт-скрины, осциллографы и прочее электронное оборудование.

Повсюду змеились провода и оптоволоконные кабели,

¹² Сиэтл считается кофейной столицей США. Кофе здесь выпивается столько, что гущу используют как удобрение. Говорят, даже цветы в Сиэтле припахивают кофе.

пучки которых крепились к стенам, полу и потолку. В воздухе сгустилась смесь запахов озона, подгоревшего кофе и пота.

Столовая выглядела довольно уныло – пластиковые столики и автоматы для выдачи готовых блюд. Всем управлял потрепанного вида дрон-робот. Хайрем и двое его сыновей сидели за столиком, сложив перед собой руки и избегая смотреть друг другу в глаза.

Хайрем сунул руку в карман и вынул софт-скрин размером с носовой платок, расправил его и сказал:

– Я проясню ситуацию. Включить. Проиграть запись. Каир.

Давид устремил взгляд на экран. Короткие сцены следовали одна за другой. Посреди залитого солнцем Каира кому-то оказывали неотложную медицинскую помощь: люди с носилками, оттаскивающие раненых от зданий, больницы, переполненные трупами, толпы отчаявшихся родственников, измученные медики, кричащие матери, прижимающие к груди неподвижных младенцев.

– Боже...

– Бог, видимо, смотрел в другую сторону, – мрачно буркнул Хайрем. – Это случилось сегодня утром. Новая война за воду. В какой-то из стран, лежащих на берегу Нила, сбросили в воду отравляющие вещества. По предварительной оценке – две тысячи погибших, десять тысяч заболевших, и ожидается, что еще многие умрут. – Он постучал

кончиком пальца по небольшому экрану. – Теперь обратите внимание на качество изображения. Некоторые сцены сняты ручными камерами, другие – дронами. Все съемки произведены в течение *десяти минут* после первого сообщения о массовом отравлении, поступившего от местного новостного агентства. А проблема вот в чем. – Хайрем прикоснулся кончиком ногтя к уголку экрана. Там значился логотип: ENO – «Earth News Online»¹³. Эта компания была одним из самых злейших конкурентов Хайрема на ниве сбора новостей. Он проворчал: – Мы пытались договориться с местным агентством, но ENO нас переиграла. – Он посмотрел на сыновей. – Это происходит все время. На самом деле, чем больше я получаю прибыли, тем больше кусают меня за пятки маленькие зубастики вроде ENO. У меня съемочные группы и стрингеры по всему миру, и это стоит мне немалых денег. На меня работают местные агенты, расставленные на каждом углу по всей планете. Но мы не можем находиться везде и всюду. А если нас нет там, где что-то происходит, уйдет несколько часов и даже дней, чтобы группа попала на место. В круглосуточном новостном бизнесе, вы уж мне поверьте, опоздание даже всего на одну минуту фатально.

Давид сдвинул брови:

– Не понимаю. Ты говоришь об успехе в конкуренции? Там умирают люди, прямо у тебя на глазах.

– Люди умирают то и дело, – резко огрызнулся Хайрем. –

¹³ «Новости планеты (Земли) в прямом эфире» (англ.).

Люди погибают в войнах за ресурсы, как вот здесь, в Каире, или когда сражаются из-за малюсеньких религиозных или этнических различий, или вследствие какого-нибудь кошмарного тайфуна, или наводнения, или засухи – или вообще просто умирают. Я тут ничего изменить не могу. Если этого не покажу я, покажет кто-то еще. Я здесь не для того, чтобы спорить о морали и нравственности. Меня волнует будущее моего бизнеса. И прямо сейчас я проигрываю гонку. Вот почему мне нужны вы. Вы оба.

Бобби упрямо заявил:

– Сначала расскажи нам о наших матерях.

Давид затаил дыхание.

Хайрем залпом выпил кофе и медленно проговорил:

– Хорошо. Но рассказывать особо нечего. Ева – мать Давида – была моей первой женой.

– И твоим первым капиталом, – сухо добавил Давид.

Хайрем пожал плечами.

– Мы использовали наследство Евы в качестве начального капитала. Важно, чтобы ты понял, Давид: я твою мать не грабил. В самом начале мы являлись партнерами. У нас было что-то вроде долгосрочного бизнес-плана. Помню, как мы писали этот план на обороте меню во время свадебного торжества... Мы сделали все, что хотели, и даже больше. Мы увеличили состояние твоей матери в десять раз. И еще у нас появился ты.

– Но у тебя случился роман, и твой брак распался, – под-

сказал Давид.

Хайрем задержал взгляд на Давиде.

– Как легко ты судишь людей. Совсем как твоя мать.

– Просто расскажи, папа, – поторопил Хайрема Бобби.

Хайрем кивнул.

– Да, у меня завязался роман. С твоей матерью, Бобби.

Ее звали Хетер. Я не думал, что так выйдет... Давид, мои отношения с Евой со временем становились все хуже и хуже. Все из-за ее треклятой религии.

– И ты ее прогнал.

– Это она пыталась прогнать меня. Я хотел с ней договориться, чтобы все было цивилизованно. В конце концов она убежала – и забрала тебя с собой.

Давид наклонился к столику.

– Но ты перестал выплачивать ей проценты от бизнеса. От бизнеса, который был построен на ее деньги.

Хайрем пожал плечами.

– Я же тебе сказал: я хотел с ней договориться. А она хотела все. Мы не смогли прийти к соглашению. – Его взгляд стал тяжелым. – Я не собирался отдавать все, что создал. Не собирался – из-за каприза какой-то безумной религиозной фанатички. Даже при том, что она была моей женой и твоей матерью. Когда она проиграла в своем сражении под лозунгом «все или ничего», она отправилась с тобой во Францию и исчезла с лица земли. Или пыталась это сделать. – Он улыбнулся. – Не так уж трудно было вас разыскать. – Хай-

рем потянулся к руке Давида, но тот отстранился. – Давид, ты ничего не знал об этом, но я все время был с тобой. Я находил способы... помогать тебе так, чтобы твоя мать об этом не знала. Не стану хвастаться и утверждать, что ты всем обязан мне, но...

Давид ощутил прилив гнева.

– С чего ты взял, что я хотел твой помощи?

Бобби спросил:

– А где теперь твоя мать?

Давид постарался успокоиться.

– Она умерла. Рак. Ее страдания можно было облегчить.

Но мы не могли себе позволить...

– Она бы не разрешила мне помочь, – прервал его Хайрем. – Даже в самом конце она меня оттолкнула.

Давид фыркнул:

– А чего ты ожидал? Ты отобрал у нее все, чем она владела.

Хайрем покачал головой.

– Она отобрала у меня нечто более важное. *Тебя*.

– И в результате, – холодно проговорил Бобби, – ты сосредоточил свои амбиции на мне.

– Что я могу сказать? – Хайрем снова пожал плечами. – Бобби, я дал тебе все – все, что отдал бы вам обоим. Я готовил вас так, как только мог...

– *Готовил?* – удивленно рассмеялся Давид. – Это что еще за словечко?

Хайрем стукнул кулаком по столу.

– Если Джон Кеннеди на это способен, почему не Хайрем Паттерсон? Разве вы не понимаете, мальчики? Если мы будем работать вместе, у наших достижений не будет границ...

– Ты говоришь о политике? – Давид глянул на осунувшееся, озадаченное лицо Бобби. – Это и есть то, что ты предназначил для Бобби? Возможно, даже президентское кресло? – Он расхохотался. – Ты в точности такой, каким я тебя представлял, отец.

– А именно?

– Наглый. Любящий манипулировать людьми.

Хайрем начал закипать.

– А ты в точности такой, каким я тебя представлял. Напыщенный святоша, как твоя мамочка.

Бобби не сводил с отца изумленного взгляда.

Давид встал.

– Пожалуй, мы достаточно сказали друг другу.

Злость Хайрема мгновенно улетучилась.

– Нет. Подожди. Прости меня. Ты прав. Я не для того заставил тебя проделать такой долгий путь, чтобы с тобой ссориться. Сядь и выслушай меня. Пожалуйста.

Давид не шевельнулся.

– Что тебе нужно от меня?

Хайрем откинулся на спинку стула и испытующе посмотрел на сына.

– Я хочу, чтобы ты создал для меня «червоточину» боль-

шего размера.

– Насколько большего?

Хайрем вдохнул и выдохнул.

– Настолько большую, чтобы в нее можно было заглянуть.

Последовала долгая пауза. Давид сел и помотал головой.

– Это не...

– Невозможно? Знаю. Но позволь я все-таки кое-что тебе скажу. – Он встал и стал расхаживать по тесной столовой, оживленно жестикулируя. – Предположим, что я могу мгновенно создать «червоточину» между моей новостной студией в Сиэтле и местом событий в Каире, – и предположим, что эта «червоточина» достаточно велика для того, чтобы через нее можно было транслировать с места событий изображение. Я смог бы передавать изображение откуда угодно на свете прямо в телевизионную сеть, практически без задержки по времени. Так? Задумайтесь об этом. Я смог бы уволить своих стрингеров и выездные съемочные группы, мне удалось бы снизить затраты на порядок. Я смог бы даже основать нечто типа автоматизированной поисковой системы, которая постоянно вела бы наблюдение через посредство краткосрочных «червоточин» в ожидании очередного события, где и когда бы оно ни произошло. Нет предела. Просто – нет предела.

Бобби вяло улыбнулся:

– Папа, им тебя больше никогда не обогнать.

– Чертовски правильно. – Хайрем устремил взгляд на Да-

вида. – *Вот такая* у меня мечта. А теперь скажи мне, почему это невозможно.

– Не знаю, с чего начать. – Давид нахмурился. – В данный момент у тебя есть возможность создавать сверхустойчивые инфопроводы между двумя фиксированными точками. Это уже само по себе значительное достижение. Но для этого тебе требуется огромная куча аппаратуры на том и на другом конце, чтобы «держат на якоря» устья «червоточины». Так? А теперь ты желаешь раскрыть устье устойчивой «червоточины» на дальнем конце – на месте событий, но без какого бы то ни было «якоря».

– Верно.

– Вот это и есть первое из невозможного, и я уверен, что твои спецы тебе так и говорили.

– Да, говорили. Что еще?

– Ты хочешь использовать эти «червоточины» для трансмиссии фотонов света видимой части спектра. Тебе уже удалось расширить «червоточины» в двадцать раз и сделать их достаточно большими для того, чтобы они пропускали фотоны гамма-лучей. Очень высокая частота, очень маленькая длина волны.

– Точно. Мы используем гамма-лучи для переноса оцифрованных потоков информации, которые...

– Но длина волны твоих гамма-лучей почти в *миллион* раз меньше, чем у света видимой части спектра. Устья твоих «червоточин» второго поколения должны иметь диаметр как

минимум около одного микрона. – Давид в упор посмотрел на отца. – Насколько я понимаю, ты нацелил своих инженеров именно на это. И у них не получается.

Хайрем вздохнул:

– Нам действительно удалось накачать достаточно энергии Казимира для того, чтобы раскрыть «червоточины» такого диаметра. Но имеет место обратный эффект, из-за которого эти треклятые дырки закрываются.

Давид кивнул:

– Это явление называют неустойчивостью Уилера. Состояние устойчивости не свойственно «червоточинам» от природы. Гравитация устья «червоточины» втягивает внутрь нее фотоны, разгоняет их до высоких энергетических показателей, и это сверхэнергетичное излучение бомбардирует канал и приводит к его коллапсу. Это явление следует учитывать, когда имеешь дело с отрицательной энергией эффекта Казимира – даже тогда, когда пытаешься раскрыть самые крошечные «червоточины».

Хайрем подошел к окну столовой. За окном Давиду была видна громада детекторного комплекса в центре зала.

– У меня там собраны неплохие умы. Но эти люди – экспериментаторы. Они умеют только хвататься за голову и производить замеры, когда что-то идет не так, как надо. А нам нужно родить теорию, подняться выше нынешнего положения дел в науке. Вот тут и появляешься ты. – Он обернулся. – Давид, я хочу, чтобы ты уволился из Оксфорда и на-

чал работать у меня по этой проблеме. – Он обхватил плечи Давида. Его руки были сильными и теплыми, от них некуда было деться. – Подумай, что из этого может выйти. Может, ты отхватишь Нобелевскую премию по физике, и тогда мы сразу заткнем рот ЕНО и всем прочим мерзким псам, хватающим меня за пятки. Отец и сын вместе. *Сыновья*. Что ты об этом думаешь?

Давид видел, что Бобби не сводит с него глаз.

– Наверное...

Хайрем хлопнул в ладоши.

– Я знал, что ты согласишься!

– Я еще не согласился.

– Ладно, ладно. Но согласишься. Я чувствую. Знаешь, это просто потрясающе – когда сбываются давние планы.

Давида словно холодным душем облили.

– Какие это давние планы?

Хайрем взволнованно затараторил:

– Если уж ты собрался заниматься физикой, я решил, что тебе будет лучше задержаться в Европе. Я исследовал ситуацию. Ты сначала преуспел в математике – так? Потом защитил докторскую на кафедре прикладной математики и теоретической физики.

– В Кембридже, верно. На кафедре Хокинга.

– Типично европейский путь. В итоге ты неплохо подкован в современной математике. В этом состоит различие культур. Американцы лидируют в мире по практической фи-

зике, но пользуются математическими выкладками времен Второй мировой. Так что, если хочешь совершить *теоретический* прорыв, не зови на помощь никого из тех, кто учился в Америке.

– И вот он я, – ледяным тоном произнес Давид. – Со своим подходящим европейским образованием.

Бобби медленно проговорил:

– Папа, ты хочешь нам сказать, что все *подстроил* так, чтобы Давид получил европейское образование по физике – так, на всякий случай, а вдруг он тебе пригодится? И так, что он ничего не знал об этом?

Хайрем расправил плечи.

– Не просто мне пригодится. Он принесет больше пользы самому себе. Больше пользы миру. Сможет добиться большего успеха. – Он посмотрел на одного своего сына, перевел взгляд на другого и возложил руки на их головы, словно бы благословляя. – Все, что я делал, было для вашего блага. Разве вы этого еще не поняли?

Давид посмотрел Бобби в глаза. Бобби отвел взгляд. По его лицу ничего нельзя было понять.

ПОЛЫНЬ

Отрывок из книги «Полынь: когда горы плавают».

Автор – Кэтрин Манцони, изд-во «Шива пресс», Нью-Йорк, 2033; также можно ознакомиться в Интернете.

«... Нам как виду предстоит столкнуться с большими проблемами и разрешить их, если хотим выжить на протяжении следующих нескольких столетий.

Сейчас уже ясно, что воздействие изменений климата будет гораздо существеннее, чем об этом думали несколько десятков лет назад: на самом деле прогнозы, сделанные относительно подобного воздействия, скажем, в тысяча девятьсот восьмидесятом году, сейчас выглядят до глупости оптимистично.

Теперь мы знаем, что быстрое потепление, имевшее место в течение последних двух веков, привело к тому, что ряд метастабильных природных систем по всей планете перешел в новое состояние. Вследствие таяния вечной мерзлоты в Сибири уже выделились миллиарды тонн метана и других парниковых газов. Потеплевшие воды океанов дестабилизируют еще более мощные резервуары метана вокруг континентальных шельфов.

Северная Европа вступает в период особо сильных морозов из-за исчезновения Гольфстрима. Новые атмосферные

явления – постоянные бури, судя по всему, зарождаются над океанами и крупными массивами суши. Гибель тропических лесов способствует выделению громадного объема углекислого газа в атмосферу. Медленное таяние ледяного щита Западной Антарктики приводит к снижению давления ледяных масс на архипелаг затонувших островов, и весьма вероятно пробуждение вулканической активности, что, в свою очередь, приведет к катастрофическому дополнительному таянию ледникового щита. Теперь прогнозируется более серьезное повышение уровня моря, чем несколько десятков лет назад.

И так далее.

Все эти изменения взаимосвязаны. Вероятно, чары устойчивости климата, которой Земля наслаждалась тысячи лет, – устойчивости, которая, собственно, прежде всего позволила зародиться человеческой цивилизации, – постепенно рассеиваются из-за наших собственных действий. Самое худшее состоит в том, что мы движемся к тому или иному необратимому климатическому кризису – например, к неуправляемому парниковому эффекту, который всех нас погубит.

Но все эти проблемы меркнут в сравнении с тем, что обрушится на нас, если с Землей столкнется небесное тело, которое в настоящее время известно под названием Полюнь. Сердце стынет от такого совпадения: одно из русских названий растения полюнь звучит как *Чернобыль*.

Многие рассуждения о Полюни и вероятных последстви-

ях ее падения на Землю удручающе страдали отсутствием достоверности и даже благодушием. Позвольте мне повторить здесь ряд основных фактов.

Факт: Полынь не астероид.

Астрономы полагают, что Полынь раньше могла быть спутником Нептуна или Урана, а возможно, она находилась в устойчивой точке на орбите Нептуна, а потом что-то ее "сбило с курса". Однако это произошло, и теперь она держит курс к Земле, с которой столкнется через пятьсот лет.

Факт: удар, который нанесет Земле Полынь, не идет ни в какое сравнение с тем ударом, который нанес Чиксулуб¹⁵, после чего вымерли динозавры.

Того удара хватило для того, чтобы вызвать массовую гибель животных и изменить – резко и навсегда – путь эволюции жизни на Земле. Между тем все это натворило небесное тело, имевшее поперечник около десяти километров. Диаметр Полыни в сорок раз больше, а ее масса, соответственно, выше в шестьдесят раз.

Факт: Полынь не просто вызовет массовую гибель всего живого, как Чиксулуб.

Все будет гораздо хуже.

Тепловая волна стерилизует почву на глубину до пятидесяти метров. Жизнь может уцелеть, но только в глубоких пе-

¹⁵ Чиксулуб – метеоритный кратер в Мексике, на полуострове Юкатан, вблизи деревушки Пуэрто-Чиксулуб. Диаметр кратера – 180-200 км. Высказываются гипотезы о том, что именно падение этого метеорита стало причиной гибели динозавров.

щерах. Нам не известен способ, даже в теории, с помощью которого человеческое сообщество могло бы предотвратить столкновение.

Вероятно, развивающиеся популяции можно было бы основать на других планетах: на Марсе, на Луне, на околоземной орбите. Но даже за пять веков эвакуировать с Земли можно лишь самую малую толику населения.

Следовательно, о полной эвакуации человечества с Земли речи быть не может. Когда Польша ударит по нашей планете, почти все на ней погибнут.

Факт: Польша нельзя сбить с курса с помощью техники обозримого будущего.

Возможно, мы смогли бы отклонить с пути небольшие небесные тела – диаметром в несколько километров, как в околоземном поясе астероидов, – с помощью таких средств, как направленные ядерные взрывы или термоядерные ракеты. Задача отклонения Польшы сложнее во много раз. Были предложены теории подвижки подобных небесных тел с помощью, например, серии гравитационных модуляций (но в данном случае это неприменимо) либо за счет революционных технологий типа наноустройств фон Ноймана, которые могли бы постепенно снять с небесного тела слой за слоем и рассеять вещество в пространстве. Но подобные технологии пока далеко за пределами наших возможностей.

Миновало два года с тех пор, как я раскрыла "заговор молчания", которым была окутана проблема Польшы. Сведения

об этом небесном теле скрывались от широкой общественности. В настоящее время интерес к этой проблеме нарастает, но нам предстоит начать настоящую работу над грандиозным проектом нашего выживания.

На самом деле Польша сама по себе уже оказывает на нас воздействие "авансом". Жестокая ирония состоит в том, что впервые в истории мы начинаем работать над нашим будущим ответственно и совместно, но перспектива наступления Дня Польши словно бы делает все эти старания бессмысленными. Мы уже были свидетелями отказа от различных добровольных программ контроля над сбросом отходов производства, от закрытия национальных резерватов, от особого внимания к исследованиям, посвященным источникам необновляемого топлива, от работ по восстановлению видов, которым грозит уничтожение. Люди словно бы рассуждают так: "Если дом завтра рухнет, почему бы сегодня не спалить мебель?"

Для нас нет неразрешимых проблем – даже проблема Польши не является неразрешимой. Но совершенно ясно: для того чтобы выжить, нам, людям, придется действовать умно и самоотверженно – то есть именно с теми качествами, которые были пока нам не свойственны на протяжении нашей долгой и запутанной истории.

И все же моя надежда сосредоточена на человечности и изобретательности. Очень важно – я так думаю, – что Польша была обнаружена не профессионалами (они в ту сто-

рону и не смотрели), а объединением астрономов-любителей, которые установили у себя на задних дворах робототелескопы и постоянно посменно просматривали изображения, заснятые оптическими детекторами, и искали на них изменения свечения, и отказывались от покрова секретности, который пыталось на них набросить наше правительство. Вот на такие группы – где трудятся люди честные, серьезные, умные, готовые к сотрудничеству, упорные, не желающие поддаваться порывам, ведущим к самоубийству, самолюбованию, эгоизму, где идет поиск новых решений, способных бросить вызов благодушию профессионалов, – мы можем возлагать самые радужные надежды на будущее, на наше выживание...»

ВИРТУАЛЬНЫЙ РАЙ

К «Миру Откровения» Бобби подъехал с опозданием.

Кейт еще ждала его на автостоянке, а в это время толпы пожилых адептов уже начали ломиться в ворота гигантского собора Биллибоба Микса, выстроенного из бетона и стекла.

Этот «собор» когда-то был футбольным стадионом.

Кейт и Бобби пришлось сесть в дальнем ряду на одной из трибун, и поле зрения им заслоняли колонны. Толпу обрабатывали продавцы хот-догов, орешков, прохладительных напитков и расслабляющих наркотиков. Из мощных динамиков неслась музыка. «Иерусалим» – узнала мелодию Кейт. Эта песня была положена на текст прекрасного стихотворения Блейка о легендарном визите Иисуса Христа в Британию¹⁶ и теперь стала гимном нового, постъюнионистского английского королевства.

Все поле стадиона было зеркальным и из-за этого уподобилось синему небу, приправленному пышными декабрьскими облаками.

В центре возвышался гигантский трон, украшенный сверкающими зелеными и синими камнями. «Наверное, кварц с

¹⁶ Имеются в виду такие строки этого стихотворения: «Святой и светлый Агнец Бог / Явился ль Англии цветущей?» (Перевод К. С. Фарай.)

какими-то примесями», – подумала Кейт. Откуда-то взлетали водяные брызги, и в свете дуговых прожекторов возникала весьма зрелищная радуга. Прожектора висели и в воздухе над тронном, их поддерживали дроны-роботы, а на тронах поменьше восседали старики и старухи в белом, с золотыми коронами, нацепленными на бритые макушки.

А по полю разгуливали зверюги размером с самосвал. Выглядели они довольно необычно, поскольку все части тела у них были испещрены беспрестанно мигающими глазами. Одно из странных созданий раскрыло гигантские крылья и пролетело несколько метров¹⁷.

Звери зарычали на людскую толпу, и их рык в усиленном варианте вылетел из динамиков. Народ вскочил на ноги, все вскричали и зааплодировали, словно только что был забит гол.

Бобби явно нервничал. Он был одет в обтягивающий ярко-алый трикотажный костюм, на шее у него был повязан подобранный в тон платок. «Модник-денди двадцать первого века», – думала о нем Кейт. Он был настолько же неуместен здесь, посреди серой, тусклой толпы пожилых людей, как бриллиант в детской коллекции морских камешков.

Она прикоснулась к его руке.

– С тобой все в порядке?

¹⁷ «И пред престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади» (Откр. , 4, 6). Здесь и далее текст Откровения святого Иоанна цитируется по Синодальному изданию.

– Я не думал, что они все *такие* старые.

Конечно, он был прав. Собравшаяся на поле община была прекрасной иллюстрацией к тому, как «посеребрена» Америка. У многих зрителей под кожей на затылке отчетливо проступала выпуклость – вживленный усилитель мозговой активности, предназначенный для профилактики таких возрастных хворей, как болезнь Альцгеймера, за счет стимуляции выработки нейротранс-миттеров и клеточно-адгезирующих молекул.

– Зайди в любую церковь в стране – и ты увидишь то же самое, Бобби. Это грустно, но людей начинает тянуть к религии, когда они приближаются к смерти. А теперь стариков вообще больше; и из-за того, что к Земле летит Полюнь, на нас всех словно бы ложится ее мрачная тень. Так что Билли-боб просто-напросто оседлал гребень демографической волны. Как бы то ни было, это люди не кусаются.

– Может быть. Но они *пахнут*. Ты не чувствуешь?

Кейт рассмеялась.

– «Не стоит отправляться на битву за свободу и истину в лучших брюках».

– Как?

– Это сказал Генрик Ибсен.

На большой центральный трон поднялся мужчина. Невысокий, толстый, с блестящим от пота лицом. Его голос хлынул из всех динамиков:

– Добро пожаловать в Мир Откровения! Знаете, почему

вы здесь? – Он наставил на толпу зрителей указательный палец. – А вы? А вы? Так слушайте же! «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: "То, что видишь, напиши в книгу... "». ¹⁸

И он поднял вверх сверкающий свиток. Кейт наклонилась к Бобби.

– Биллибоб Микс, прошу любить и жаловать. Впечатляет, правда? Ты хлопай, хлопай. Защитная окраска.

– Что происходит, Кейт?

– Ты, видимо, никогда не читал «Откровения». Жуткий коронный удар Библии. – Она указала на поле. – Семь светильников. Двадцать четыре престола вокруг главного престола. «Откровение» наполнено магическими числами – три, семь, двенадцать. А описание конца света там изложено очень буквально. Биллибоб хотя бы использует традиционные версии, а не нынешние издания «Откровения», которые переписаны так, будто бы дата падения Польшы на Землю изначально имелась в тексте... – Кейт вздохнула. – Астрономы, открывшие Польшу, никому не желали угодить, так назвав это небесное тело. Глава восьмая, стих десятый: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источ-

¹⁸ Откр. , 1, 10-11. В английском варианте текста вместо слов «напиши в книгу» стоят слова «напиши на свитке».

ники вод. Имя сей звезде Полюнь...»¹⁹

– Не понимаю, зачем ты меня сюда сегодня пригласила. Даже не знаю, как тебе удалось передать мне сообщение. После того, как мой отец тебя вышвырнул...

– Хайрем пока не всемогущ и не всевластен, Бобби, – возразила Кейт. – Даже над *тобой* он не всевластен. А насчет того зачем, – так ты смотри.

У них над головами пролетел дрон, на боку у которого красовалось короткое простое слово «ЗЕРНА». В ответ на призыв кого-то из членов общины дрон устремился в ту сторону.

– «Зерна»? – проговорил Бобби. – Стимулятор сознания?
– Ага. Это специальность Биллибоба. Блейка читал?

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка²⁰.

Фокус в том, что, когда ты принимаешь «Зерна», твоё восприятие времени ускоряется. Субъективно у тебя появится больше мыслей, больше опыта – но «снаружи» при этом пройдет гораздо меньше времени. Ты проживешь более долгую жизнь – благодаря исключительно Биллибобу Миксу.

¹⁹ Откр. , 8, 10-11.

²⁰ Перевод С. Маршака.

Бобби кивнул.

– Но что в этом плохого?

– Бобби, посмотри по сторонам. Старики боятся смерти.

Из-за этого они становятся восприимчивы к такому надувательству.

– К какому надувательству? Разве это не правда, что «Зерна» на самом деле действуют?

– До известной степени. У пожилых людей внутренние часы головного мозга обычно идут медленнее. Вот на этом механизме и играет Биллибоб.

– И проблема заключается в...

– В побочных эффектах. «Зерна» стимулируют выработку допамина – главного химического «вестника» мозга. Это попытка заставить мозг старика работать так же быстро, как работает мозг ребенка.

– А это плохо, – неуверенно проговорил Бобби. – Да?

Кейт нахмурилась, обескураженная вопросом. Уже не в первый раз у нее возникло такое чувство, что она чего-то недопонимает в Бобби.

– Конечно, это плохо. Это злонамеренное «промывание мозгов». Бобби, допамин участвует во множестве фундаментальных функций головного мозга. Если уровень допамина слишком низкий, у человека может развиваться тремор, неспособность производить желаемые движения – к примеру, такое бывает при болезни Паркинсона. Слишком много допамина – и ты будешь страдать от повышенного возбужде-

ния, навязчиво-эйфорических расстройств, бессвязной речи и неконтрольных движений, привязанности к наркотикам и алкоголю. Община Биллибоба – вернее было бы сказать, его жертвы в свой последний час не обретут Вечности. Биллибоб цинично выжигает их мозги. Некоторые врачи догадываются, откуда ветер дует. Но никто пока не смог ничего доказать. Что мне нужно на самом деле – так это данные из его собственных лабораторий о том, что Биллибоб точно знает, что делает. А еще мне нужны доказательства по целому ряду других его афер.

– Таких, как...

– Таких, как присвоение миллионов долларов, выколотых из страховых компаний, которым он продает фальшивые списки членов своей церкви. Таких, как прикармливание кругленьких спонсорских сумм от Противоклеветнической лиги. Он все еще суетится, хотя прошел большой путь со времен «крещений банкнот». – Она посмотрела на Бобби. – Никогда не слышал о таком? Во время крещения ты держишь в руке банкноту. Так благословение Божье ложится скорее на деньги, чем на дитя. Затем ты пускаешь деньги в оборот, и, по идее, они должны вернуться к тебе с прибылью... ну а для того, чтобы уж совсем-совсем увериться в том, что все так и получится, деньги ты отдаешь своему проповеднику. Ходят слухи о том, что Биллибоб подцепил эту заразительную привычку в Колумбии, где трудился на ниве наркодилерства.

Бобби эта информация явно шокировала.

– Но у тебя нет никаких доказательств.

– Пока нет, – буркнула Кейт. – Но я их раздобуду.

– Каким образом?

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить.

Вид у него стал немного ошарашенный.

– Прости. Я тебя вроде как отчитываю, да?

– Немножко.

– Со мной так бывает, когда я сержусь.

– Кейт, ты часто сердишься...

– Мной движет чувство ответственности. Я уже несколько месяцев на хвосте у этого типа.

Над ними повис дрон, предлагающий виртуальные очки и перчатки.

– Эти очки и перчатки были разработаны закрытым акционерным обществом «Мир Откровения» в сотрудничестве с корпорацией «Наш мир» для того, чтобы вы могли познать Мир Откровения полнее. За каждую минуту в режиме «online» с вашей кредитной карточки или личного счета будут сниматься средства. Эти очки и перчатки...

Кейт подняла руку и взяла два комплекта.

– Представление начинается.

Бобби покачал головой.

– У меня есть имплантаты. Мне не нужно..

– У Биллибоба собственный способ применения технологий конкурентов. – Она поднесла к глазам очки. – Готов?

– Наверное...

Кейт почувствовала влажное прикосновение очков к коже вокруг глаз – это сработала липкая мембрана, обеспечивавшая надежную светонепроницаемость. А ощущение было такое, будто к глазам присосались прохладные влажные губы.

Кейт сразу погрузилась в темноту и безмолвие.

И почти мгновенно рядом с ней материализовался Бобби. Он плыл в пространстве и держал ее за руку. Его очки и перчатки, конечно же, были невидимы.

Вскоре Кейт стала видеть лучше. Повсюду вокруг парили люди – насколько хватало глаз. Они походили на тучу пылинок. Все были одеты в белые балахоны и держали большие вычурные пальмовые листья. Такие листья были в руках даже у Кейт с Бобом. И все вокруг светились в лучах сияния, исходящего от объекта, висящего в пространстве перед ними.

Это был куб: громадный, совершенный, сияющий, словно солнце.

В сравнении с ним толпа народа казалась сборищем липутов.

– Откровение, глава двадцать первая, – пробормотала Кейт. – Добро пожаловать в Новый Иерусалим²¹. – Она по-

²¹ Героиня иронизирует. На самом деле город, показанный святому Иоанну в двадцать первой главе Откровения, называется просто Иерусалим. Кстати, в этой главе нет ни слова о пальмовых листьях. Они фигурируют в другом эпизоде св. Евангелия – описании входа Иисуса Христа в Иерусалим (Иоан. 12, 13).

пыталась выбросить свой пальмовый лист, но в ее руке тут же появился другой. – Главное, помни, – предостерегла она Бобби, – настоящее здесь только одно: непрерывный поток денежек, перетекающих из твоих карманов в карманы Биллибоба.

Они вместе полетели к свету.

В представшей перед Кейт стене было много окон и ряд из трех арочных дверных проемов. Она видела за окнами и дверями свет – еще ярче того, что исходил от фасада здания. Стены в сравнении с размерами постройки выглядели тонкими, как папиросная бумага.

А их все влекло и влекло к кубу, пока он не навис над ними – громадный, будто гигантский океанский лайнер.

Бобби спросил:

– Насколько велико это здание?

Кейт негромко отозвалась:

– Святой Иоанн говорит о том, что это куб со стороной в двенадцать тысяч стадий.

– А двенадцать тысяч стадий – это...

– Около двух тысяч километров. Бобби, этот город Бога – величиной с небольшую луну. Пока мы войдем в него, пройдет еще много времени. А сдерут с нас за каждую секунду, само собой.

– Если так, то жаль, что я не съел хот-дог. Кстати, знаешь, мой отец часто о тебе вспоминает.

– Он на меня злится.

– Хайрем вспыльчив и отходчив. Думаю, в каком-то смысле ты его задела.

– Наверное, я должна быть польщена.

– Ему понравилось твое высказывание. *Электронный наркоз*. Вынужден признаться, я не совсем понял смысл этой фразы.

Кейт посмотрела на него, сдвинув брови. Они вместеплыли к белесо-серому свету.

– А ты и вправду жил жизнью затворника, да, Бобби?

– На самом деле, конечно, многое из того, что ты называешь промыванием мозгов, приносит положительный эффект. Например, штифты Алыдгеймера. – Он задержал на Кейт взгляд. – Может быть, я понимаю в этом чуть больше, чем тебе кажется. Пару лет назад я открыл в одной больнице отделение, спонсируемое «Нашим миром». Там оказывали помощь больным, страдающим навязчивыми состояниями, путем пересечения петли деструктивной обратной связи между двумя участками головного мозга...

– Между хвостатым ядром и миндалиной, – закончила за него Кейт и улыбнулась. – Просто поразительно – как это мы все стали специалистами в анатомии головного мозга. А я и не говорю, что все вредно. Но все зависит от того, о каком болезненном состоянии идет речь. Алкогольная и наркотическая зависимости ликвидируются за счет изменений в обратной связи головного мозга. Людей, склонных к ярости, умиротворяют с помощью выжигания частей миндали-

ны, связанных с проявлениями эмоций. Трудоголиков, игроманов и даже людей, постоянно влезających в долги, «диагностируют» и «лечат». Даже агрессивность связали с какими-то расстройствами в коре головного мозга.

– И что же во всем этом такого ужасного?

– Эти мошенники, эти доктора, практикующие перепрограммирование, ничего не понимают в той машине, с которой возятся. Это примерно то же самое, что попытка выяснить, какую функцию выполняет часть программы сжиганием компьютерных микросхем, благодаря которым эта программа работает. *Всегда* есть побочные эффекты. Как ты думаешь, почему Биллибобу было так легко найти и приобрести футбольный стадион? Потому, что организованные спортивно-зрелищные мероприятия с две тысячи пятнадцатого года в упадке. Игроки перестали играть в полную силу.

Бобби улыбнулся.

– Это как-то не слишком серьезно.

– Тогда поразмышляй вот о чем. Качество и количество оригинальных научных исследований в последние два десятка лет резко идет на убыль. За счет лечения пограничного аутизма врачи лишили самых ярких наших ученых способности соблюдать строгую дисциплину. А область головного мозга, связанная с депрессией – субггенуальная кора, – также связана и с творческими способностями, с осознанием значения. Большинство критиков согласны с тем, что в искусстве наметился откат назад. Как ты думаешь, почему так по-

пулярны виртуальные рок-группы твоего отца – сейчас, через семьдесят лет после того, как на пике славы побывали подлинники?

– Но какова альтернатива? Если бы не перепрограммирование, мир стал бы жестоким и диким.

Кейт сжала его руку.

– Наверное, ты этого не замечаешь, сидя в своей золоченой клетке, но мир снаружи и в самом деле жесток и дик. Нам нужна такая машина, которая позволила бы увидеть точку зрения другого человека. Если мы этого не достигнем, тогда все перепрограммирование на свете – насмарку.

Бобби чуть опасливо проговорил:

– А ты действительно очень сердитый человек, да?

– Сердитый? Сержусь ли я на шарлатанов вроде Билли-боба? На новомодных френологов²² и лоботомистов, на врачей-нацистов, которые копаются у нас в головах и, возможно, даже угрожают будущему нашего вида – и это при том, что мир вокруг нас разваливается на куски? Конечно, я сержусь. А ты – нет?

Бобби ответил ей озадаченным взглядом.

– Пожалуй, мне стоит об этом подумать. Эй! Мы полетели быстрее.

Священный город вставал перед Кейт. Стена напоминала громадную, поставленную вертикально равнину, а окна по-

²² Френолог – представитель френологии, ложной теории о связи между формой черепа и умственными способностями и моральными качествами человека.

ходили на прямоугольные кратеры.

Толпы народа стремились разделяющимися потоками к громадным арочным воротам. Их словно бы затягивало в водоворот. Бобби и Кейт несло к центральным воротам. Когда прямо перед Кейт предстала широкая арка ворот, она испытала волнующее ощущение, поскольку ее несло в проем головой вперед, но настоящего чувства движения тут не было. Если она задумывалась, она до сих пор могла ощущать собственное тело – то, как она спокойно сидит на стадионном жестком сиденье.

И все же движение присутствовало.

Секунда... и они пролетели через арочный проем – туннель, наполненный серо-белым сиянием, – и их ноги заскользили по сверкающему золоту.

Кейт огляделась по сторонам, пытаясь отыскать стены, но теперь ее от них отделяли сотни километров. Но здесь присутствовала необычная перспектива. Воздух был туманным – даже облака в вышине были видны, и они были подсвечены золотистым сиянием, исходившим от пола. И вокруг открывался обзор на несколько километров во все стороны.

... А потом она запрокинула голову и увидела сверкающие стены города, встающие из слоя воздуха, примыкающего к полу. Плоскости и прямые линии сливались в далекий квадрат, необычайно ясный, висящий высоко в воздухе.

Это был потолок над атмосферой.

– Вот это да, – вырвалось у Кейт.

Бобби держал ее за руку. Его пальцы были мягкими и теплыми.

– Признайся. Ты потрясена.

– Все равно Биллибоб – мошенник.

– Но искусный мошенник.

Заработала сила притяжения. Люди вокруг опускались вниз, будто снежинки, и Кейт опускалась вместе со всеми. Она увидела реку, ярко-синюю реку, которая текла внизу по золотой равнине. Ее берега поросли густым зеленым лесом. *Повсюду* были люди – по берегам реки, дальше, рядом с домами. И еще тысячи падали с неба со всех сторон. Наверняка людей здесь было меньше, чем на стадионе; без сомнения, многие являлись всего лишь виртуальными проекциями.

По мере того как Кейт опускалась вниз, вырисовывались детали: деревья, цветы, даже блики света на поверхности реки.

Еще немного – и она легко коснулась ступнями земли. А когда посмотрела на небо, то увидела человеческую метель – множество людей в белом легко планировали к земле и словно бы ничего не боялись.

И повсюду было золото: под ногами, на стенах ближайших домов. Кейт стала вглядываться в лица окружавших ее людей. Казалось, они взволнованы, счастливы, чего-то ожидают. Но золото наполняло воздух желтоватым свечением, и из-за этого люди выглядели так, словно они страдают печеночным расстройством. Кроме того, счастливые-пресчаст-

ливые выражения лиц явно были фальшивыми, виртуальными.

Бобби подошел к дереву. Кейт заметила, что его босые ступни на пару сантиметров утонули в траве.

– На одном и том же дереве растут разные плоды. Посмотри. Яблоки, апельсины, лаймы... «И по ту, и по другую сторону реки древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов...»²³

– Меня впечатляет твое внимание к мелочам.

– Не стоит так уж впечатляться. – Кейт наклонилась и потрогала землю. Она не почувствовала ни стеблей травы, ни росы, ни почвы – только гладкую, чуть скользкую пластиковую поверхность. – Биллибоб – шоумен, – заключила она. – Но он дешевый шоумен. – Она выпрямилась. – Ведь это даже не настоящая религия. На Биллибоба работают не монахи, а маркетологи и аналитики. Он проповедует евангелие процветания, по его учению, хорошо быть алчным, быть хапугой. Поговори об этом со своим братом. Это натуральный фетишизм, напрямую следующий из аферы с крещением банкнот.

– Послушать тебя – так тебе есть дело до религии.

– Вовсе нет, уж ты поверь мне, – пылко возразила Кейт. – Человечество превосходно обошлось бы и без нее. Претензии у меня к Биллибобу и ему подобным. Я привела тебя сю-

²³ Откр. , 22, 2.

да для того, чтобы показать, насколько он могуч, Бобби. Мы должны остановить его.

– И как я могу помочь?

Она шагнула ближе к нему.

– Я знаю, чего пытается добиться твой отец. Дальнейшего развития технологии инфопроводов. Ему нужен *отдаленный фокус*.

Бобби промолчал.

– Я не жду, что ты станешь подтверждать или отрицать это. И я не собираюсь тебе рассказывать, откуда мне об этом известно. Я хочу, чтобы ты подумал о том, чего мы можем достичь с помощью этой технологии.

Он сдвинул брови.

– Мгновенный доступ к сюжетам новостей, где бы ни происходили события...

Кейт отмахнулась:

– *Намного* больше этого. Подумай. Если будет возможность открыть «червоточину» *в любом месте*, то больше не будет никаких препон. Никаких стен. Можно будет увидеть кого угодно и когда угодно. И шарлатанам вроде Биллибоба негде будет спрятаться.

Бобби нахмурился сильнее.

– Ты о шпионаже говоришь?

Кейт рассмеялась.

– Да будет тебе, Бобби, – и за мной, и за тобой так или иначе постоянно наблюдают. Ты уже в двадцать один год стал

знаменитостью, так что должен знать, каково это, когда на тебя *смотрят*.

– Это не одно и то же.

Кейт взяла его под руку.

– Если Биллибобу нечего скрывать, то ему и бояться нечего, – объяснила она. – Попробуй на это так посмотреть.

– Иногда ты говоришь как мой отец, – без особых эмоций отозвался Бобби.

Кейт неловко замолчала.

Они пошли вперед вместе с толпой народа. Они приближались к громадному трону, над которым парили семь пляшущих светильников и вокруг которого стояло двадцать четыре трона поменьше, – это была увеличенная версия декорации, воздвигнутой Биллибобом в реальном мире, на поле стадиона.

А перед главным престолом стоял Биллибоб Микс.

Но это был не тот потный толстяк, которого они видели на стадионе. Этот Биллибоб был выше ростом, моложе, стройнее и намного красивее. Он походил на молодого Чарльтона Хестона²⁴. Хотя от толпы его отделяло расстояние не меньше километра, он возвышался над толпой народа и словно бы вырастал на глазах.

Он склонил голову, подбоченился, и его голос зазвучал

²⁴ Хестон Чарльтон (настоящие имя и фамилия Чарльз Картер) (р. 1921) – американский актер, режиссер. Фильмы – «Десять заповедей», «Бен Гур», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра».

подобно раскату грома:

– «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец...»²⁵

Биллибоб все вырастал и вырастал, и его руки стали похожими на древесные стволы, а его лицо превратилось в диск, поднявшийся выше облаков. Кейт видела, как от его гигантских ступней люди разбегаются, будто муравьи.

Биллибоб вдруг наставил свой гигантский указательный палец прямо на Кейт, его огромные серые глаза полыхнули, а суровые морщины на его лбу стали похожими на марсианские каналы.

– «И не войдет в него ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни»²⁶. *Есть* твое имя в этой книге? *Есть?* *Ты* достойна?

Кейт вскрикнула, ей вдруг стало страшно. Кто-то схватил ее за невидимую руку и поднял в сверкающий воздух.

Глаза и уши Кейт словно бы набухли. Свет, шум, удушливый запах хот-догов навалились на нее. Бобби стоял перед ней на коленях.

– Он до тебя докопался, да?

– Биллибоб умеет доносить свои послания до тех, кому они предназначены, – выдохнула Кейт. Она все еще плохо

²⁵ Откр. , 21, 23.

²⁶ Откр. , 21, 27.

ориентировалась в пространстве.

Люди, сидевшие рядами на стареньких обшарпанных деревянных креслах, раскачивались и стонали, из-под черных присосок очков текли слезы. В одном месте медики работали с людьми, потерявшими сознание.

«Наверное, у кого-то обморок, у кого-то – припадок эпилепсии, а у кого-то, возможно, и инфаркт», – подумала Кейт. Когда она покупала билеты, ей пришлось заполнить несколько анкет, содержащих предупреждения, – дескать, «ознакомлена, согласна».

Да она и не думала, что здоровье и безопасность прихожан имеют такое уж значение для Биллибоба Микса.

Она с любопытством смотрела на Бобби. Тот, похоже, чувствовал себя нормально.

– А ты как? – поинтересовалась Кейт.

Бобби пожал плечами.

– Мне случалось играть и в более интересные приключенческие игры. – Он запрокинул голову и посмотрел на грязное декабрьское небо. – Кейт... я понимаю, что ты просто используешь меня как способ подобраться к моему отцу. Но ты мне все равно нравишься. И может быть, для моей души будет полезно утереть Хайрему нос. Как думаешь?

Кейт затаила дыхание, немного помолчала и сказала:

– Знаешь, пока я от тебя ничего более человеческого не слышала.

– Тогда давай сделаем это.

Кейт вымученно улыбнулась. Она добилась того, чего хотела.

Но мир вокруг все еще казался ей нереальным – в сравнении с яркостью последних мгновений, проведенных внутри сознания Биллибоба.

Кейт не сомневалась в том, что уничтожит Биллибоба Микса – если слухи насчет мощности будущего детища Хайрема были верны. Это будет великий подвиг, личная победа.

Но она знала, что какая-то ее частичка, как бы глубоко она ее ни прятала, будет всегда сожалеть об этом. Какая-то ее частичка будет всегда мечтать, чтобы ей позволили вернуться в сверкающий золотой город, стены которого поднимаются к луне и где ее ждут сияющие и улыбающиеся люди.

Биллибоб пробился. Его шоковая тактика сработала даже с ней. И конечно, это и было самое главное. Но Биллибоба следовало остановить.

– Да, – ответила Кейт. – Давай сделаем это.

ЖЕМЧУЖИНА ЗА МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

Давид вместе с Хайремом и Бобби сидел перед огромным софт-скрином, висевшим на стене компьютерного зала «Червячника». Изображение на экране, передаваемое с камеры по волоконно-оптическому кабелю из сердцевины сверхпроводящего магнитного модуля «Червячника», представляло собой сплошную черноту, изредка прерываемую случайным «бродячим» пикселем, точкой света и цвета.

Цифровое табло в углу экрана вело обратный отсчет времени.

Хайрем нетерпеливо расхаживал по тесному, заставленному компьютерным оборудованием залу. Ассистенты Давида шарахались от него, избегали встречаться с ним взглядом. Хайрем еле слышно буркнул:

– Откуда ты знаешь, открыта ли она вообще, эта треклятая «червоточина»?

Давид с трудом сдержал улыбку.

– Шепотом говорить не обязательно. – Он указал на дисплей в углу экрана. Рядом с табло обратного отсчета располагалась цифровая строчка. В ней то и дело повторялась последовательность простых чисел – от двух до тридцати одно-

го. – Это тест-сигнал, который посылает по «червоточине» команда из Брисбена на длине волны обычных гамма-лучей. Так мы имеем уверенность в том, что нам удалось найти и удержать устье «червоточины» – без какого бы то ни было якоря на дальнем конце, и что австралийцы смогли обнаружить это устье.

За три месяца работы в Сиэтле Давид быстро придумал способ применения модуляций импульсов экзотической материи для борьбы с врожденной неустойчивостью «червоточин». Конечно, поставить этот способ на практические инженерные рельсы, чтобы обрести возможность раз за разом повторять эксперимент, было невероятно сложно – но в конце концов Давид добился успеха.

– Наше размещение дальнего устья пока не такое уж точное. Боюсь, нашим австралийским коллегам придется искать устья наших «червоточин», сдувая с них, образно выражаясь, пылинки. «Ловим пузырьки посреди гейзера» – так они описывают свою работу... И все-таки теперь мы можем открыть «червоточину», ведущую *куда угодно*. Но чего мы пока не знаем, так это того, удастся ли нам расширить «червоточины» до таких размеров, что по ним можно будет пропускать свет видимой части спектра.

Бобби сидел у стола, небрежно облокотившись на столешницу и положив ногу на ногу. Вид у него был бодрый и расслабленный одновременно – будто он только что вернулся с теннисного корта. «А может быть, он и вправду только что

оттуда», – рассеянно подумал Давид.

– Мне кажется, Давид просто молодчина, папа, – изрек Бобби. – Он ведь уже успел решить проблему наполовину.

– Угу, – буркнул Хайрем. – Но пока я не вижу ничего, кроме гамма-лучей, которые нам подбрасывают какие-то задавалистые австралийские типчики. Если только мы не найдем способа, как расширить эти гадские хреновины, можно считать, что мои денежки летят на ветер. А я не могу оплачивать все это ожидание! Почему только один тест в день?

– Потому, – спокойно ответил Давид, – что нам придется анализировать результаты каждого теста, «раздевать» двигатели Казимира, перенастраивать контрольное оборудование и детекторы. Мы должны понять причину каждой неудачи, прежде чем двигаться вперед, к успеху.

«То есть, – добавил он про себя, – до того, как я смогу вырваться из этого запутанного семейного клубка и вернуться к сравнительно спокойной жизни в Оксфорде – к сражениям за финансирование программ, к яростному научному соперничеству и так далее...»

Бобби спросил:

– А что именно мы ищем? Как должно выглядеть устье «червоточины»?

– На этот вопрос и я могу ответить, – буркнул Хайрем, продолжая расхаживать по залу. – В детстве я успел насмотреться всяких поганых научно-популярных телепрограмм. «Червоточина» – это прокол в четвертом измерении. Нуж-

но вырезать кусок из трехмерного пространства и соединить его с другим таким же вырезанным куском в Брисбене.

Бобби вздернул бровь и вопросительно посмотрел на Давида.

Давид высказался осторожно:

– Все немного сложнее. Но отец больше прав, чем не прав. Устье «червоточины» представляет собой сферу, свободно парящую в пространстве. Трехмерная выборка. Если нам удастся добиться расширения, мы впервые получим возможность *увидеть* устье нашей «червоточины» – хотя бы с помощью обычной лупы...

На табло обратного отсчета появились однозначные цифры.

Давид сказал:

– Всем смотреть в оба. Поехали.

Все разговоры в зале сразу стихли, все устремили взгляды на табло обратного отсчета.

Три... два... ноль.

И ничего не произошло.

Нет, кое-что, конечно же, происходило. Счетчик элементарных частиц показал немалый урожай, продемонстрировал прохождение тяжелых и сильно заряженных частиц через детекторные блоки, а также он зафиксировал «обломки» взорвавшейся «червоточины». Пиксельные элементы детекторного блока, реагирующие по отдельности, как только через них проходила частица, можно было затем использо-

вать для отслеживания следов фрагментов обломков в трех измерениях – следов, которые затем можно было реконструировать и проанализировать.

Уйма данных, гора отличной науки. Но громадный настенный софт-скрин молчал. Ни единого сигнала.

Давид сдержал вздох. Он раскрыл рабочий журнал и аккуратным почерком записал в него подробности теста. Инженеры приступили к диагностике оборудования.

Хайрем взгляделся в лицо Давида, устремил взгляд на пустой экран, на инженеров.

– Ну что? Получилось?

Бобби положил руку на плечо отца.

– Даже я могу сказать, что не получилось, папа. – Он указал на кодовую последовательность простых чисел. Она замерла на тринадцати. – Тринадцать – несчастливое число.

– Он прав? Давид, ты опять напортачил?

– Но это *не была* неудача. Всего лишь очередной тест. Ты ничего не понимаешь в науке, отец. Теперь, когда мы проведем анализ и узнаем, что...

– Господи Иисусе! Надо было не трогать тебя, пусть бы ты гнил в своем треклятом Оксфорде. Позвони мне, когда будет что рассказать.

Хайрем, недовольно мотая головой, выскочил из зала.

Как только он вышел, в зале сразу стало осязаемым ощущение всеобщего облегчения. Инженеры – все поголовно сребровласые физики, многие старше Хайрема, а некоторые

имели в научных кругах неплохую известность – начали компилировать данные в файлы.

Когда они закончили работу и ушли, Давид сел перед софт-скрином и начал собственную работу по отслеживанию.

У него на этот счет имелось свое, рабочее сравнение. Это было похоже на окно тесного, заставленного мебелью и оборудования кабинета, где на полу и на полках стояли и лежали кипы книг и папок с документами, а с потолка свисали сложные модели распада элементарных частиц, похожие на игрушечные мобили. Когда он обводил этот «кабинет» взглядом, точка, являвшаяся центром его внимания, расширялась, приоткрывала больше деталей, а все остальное в «кабинете» расплывалось, превращалось в фон. Он мог прикасаться кончиком пальца к листкам бумаги и моделям и перебирать все это, пока не находил то, что ему было нужно, именно в том месте, где оставил в прошлый раз.

Прежде всего ему нужно было проверить сбои в пикселях детекторной системы. Он начал вводить параметры самых четких детекторных следов в шину аналоговых сигналов и вытащил на экран увеличенное обзорное изображение различных детекторных пластов. Пиксели постоянно отказывали то тут, то там, когда какая-то особенно мощная частица ударяла по детекторному элементу. Но хотя некоторые детекторы подверглись настолько значительному радиационному воздействию, что нуждались в замене, пока ниче-

го сверхсерьезного не случилось.

Мурлыча какой-то мотивчик, Давид погрузился в работу и уже был готов двигаться дальше...

– А твой пользовательский интерфейс – сущий бардак.

Давид вздрогнул и обернулся. Бобби не ушел: он так и сидел, облокотившись о стол.

– Извини, – сказал Давид. – Я не хотел поворачиваться к тебе спиной.

Странно, что он вообще не заметил брата, который находился тут постоянно. Бобби продолжил:

– Большинство людей пользуются «Поисковиком».

– Эта система жутко медлительна, с ней вечно возникает какое-то недопонимание, и вообще за этой маской кроются иерархические системы хранения данных викторианской эпохи. Шкафы с папками. Бобби, для «Поисковика» я слишком тупой. Я – всего лишь неэволюционировавшая обезьяна, которая любит искать предметы руками и глазами. Может быть, это выглядит как бардак, но я-то точно знаю, где что лежит.

– И все же ты мог бы изучать эту свою ерунду с элементарными частицами намного лучше в виртуальном виде. Позволь мне испытать на тебе прототип последней модели «Ока разума». Мы сможем добраться до большего числа участков мозга, более быстро переключаться...

– И без трепанации.

Бобби улыбнулся.

– Хорошо, – кивнул Давид. – Я не против.

Бобби своим обычным рассеянным и равнодушным взглядом обвел зал.

– Это правда? То, что ты сказал отцу – что это не провал, а всего лишь еще один шаг?

– Я могу понять нетерпение Хайрема. В конце концов, он ведь платит за все это.

– И работает под коммерческим давлением, – добавил Бобби. – Некоторые из его конкурентов уже заявляют о том, что располагают инфопроводами, по качеству сравнимыми с инфопроводами Хайрема. Не придется долго ждать того момента, когда кто-то из них выскажет идею «отдаленного фокуса» – независимо. Если пока еще никто не проболтался.

– Но коммерческое давление тут ни при чем, – обиженно возразил Давид. – Подобные исследования должны идти своим ходом. Бобби, я не знаю, какие у тебя познания в физике.

– Предположим, никаких. Допустим, у тебя имеется «червоточина». Что трудного в том, чтобы ее расширить?

– Это выглядит не так, как в автомобилестроении, когда мы строим и строим одну машину больше и лучше другой. Мы пытаемся втиснуть пространство-время в форму, которую оно естественным образом не принимает. Понимаешь, «червоточины» внутренне неустойчивы. Чтобы вообще держать их в открытом состоянии, нам приходится «прошивать» их экзотической материей.

– Антигравитация.

– Да. Но напряжение в туннеле «червоточины» гигантское. Мы постоянно уравниваем одно огромное давление относительно другого. – Давид сжал кулаки и крепко стиснул их. – Покуда они уравновешены, все хорошо. Но малейшее отклонение – и ты теряешь все. – Один кулак скользнул по другому, и распалось созданное им равновесие. – И эта фундаментальная неустойчивость нарастает с увеличением размеров «червоточины». А мы пытаемся поддерживать определенные условия внутри «червоточины» и компенсировать флуктуации посредством подкачки экзотической материи-энергии. – Он снова свел вместе кулаки; на этот раз водя левым вдоль правого, он компенсировал эти движения, шевеля правым кулаком, и поэтому костяшки пальцев оставались прижатыми друг к другу.

– Понимаю, – кивнул Бобби. – Получается, что «червоточина» словно бы прошита программным обеспечением.

– Или в ней живет жутко умный червяк, – улыбнулся Давид. – Верно. Имеет место *очень* высокая процессорная интенсивность. И пока неустойчивость наступает слишком быстро и носит катастрофический характер. Справиться с ней нам не удастся. Посмотри-ка.

Он протянул руку к дисплею, прикоснулся к нему кончиком пальца, и на дисплее возникло новое изображение каскада элементарных частиц. Ствол был окрашен в ярко-лиловый цвет (этот цвет показывал сильную ионизацию), а от него отходили красные «хвосты», широкие и узкие, прямые

и изогнутые. Давид нажал на клавишу, и «каскад» начал вращаться в трехмерном пространстве. Специальная программа убрала фоновые элементы, и стали видны подробности внутренней структуры каскада. Центральный пучок был окружен цифрами, показывающими уровень энергии, движущей силы и заряда.

– Мы видим перед собой сложное, высокоэнергетичное явление, Бобби. Весь этот экзотический мусор выплескивается перед тем, как «червоточина» окончательно исчезает. – Давид вздохнул. – Это примерно то же самое, как если бы кто-то пытался понять, как починить автомобиль, взорвав его, а потом копаясь в обломках. Бобби, я сказал отцу правду. Каждый тест – это изучение еще одного уголка того, что мы именуем пространством параметров. Мы испробуем различные способы создавать более широкие и стабильные видоискатели для наших «червоточин». Нет провальных тестов; всякий раз мы узнаем что-то новое. На самом деле многие из моих тестов дают отрицательный результат – если на то пошло, я их так разрабатываю, чтобы они не удались. Один-единственный тест, доказывающий, что какой-то момент в теории неверен, более ценен, чем сотня тестов, показывающих, что теория, *может быть*, верна. Со временем мы добьемся своего... либо докажем, что мечту Хайрема нельзя осуществить современными техническими средствами.

– Наука требует терпения.

Давид улыбнулся.

– Точно. Всегда. Но некоторым трудно сохранять терпение при том, что ко всем нам летит гигантский черный метеор.

– Полюнь? Но до этого еще несколько столетий.

– Но не только ученых волнует факт существования Полюны. Это импульс, заставляющий спешить, собрать как можно больше данных, сформулировать как можно больше новых теорий, узнать как можно больше за оставшееся время – потому что мы уже не уверены, что кто-то станет использовать наши наработки на практике, как всегда бывало в прошлом. Словом, люди стараются «проехать более коротким путем», идет процесс пересмотра ценностей...

На стене компьютерного зала замигала красная лампа тревожной сигнализации, в помещение начали возвращаться сотрудники.

Бобби удивленно посмотрел на Давида.

– Еще один тест? Ты же сказал отцу, что у вас всего один прогон в день.

Давид подмигнул брату.

– Маленькая ложь во спасение. Полезно иметь уловку, с помощью которой от отца можно избавиться.

Бобби рассмеялся.

Оказалось, что до начала нового теста можно было попить кофе.

Они вместе отправились в столовую.

«Бобби тянется ко мне, – думал Давид. – Похоже, хочет во всем участвовать».

Он чувствовал, что младшим братом движет какая-то потребность, но какая – не понимал. Может быть, зависть?

Эта мысль была злорадно приятной.

«Возможно, Бобби Паттерсон, сказочно богатый современный денди, завидует *мне*, своему серьезному, дроноподобному брату. А может быть, это всего лишь братское соперничество с моей стороны».

На обратном пути он попытался завязать разговор.

– Да... Так ты закончил университет, Бобби?

– Конечно. ГШБ.

– ГШБ? А! Это значит – Гарвардская...

– Школа бизнеса. Верно.

– Перед защитой диплома мне пришлось немного изучать бизнес, – признался Давид и скривился. – Курс был предназначен для того, «чтобы экипировать нас перед выходом в современный мир». Все эти азбучные матрицы, обрывки одной теории, другой, труды того гуру менеджмента, этого...

– Что ж, бизнес-аналитика – это вам не ракетостроение, – так мы, бывало, шутили, – примирительно проговорил Бобби. – Но в Гарварде дураков не держат. Я туда поступил самостоятельно. А конкуренция была свирепая.

– Не сомневаюсь. – Давида удивил тон, которым говорил Бобби – полное отсутствие пыла. Он предпринял осторожную попытку. – У меня такое впечатление, будто ты ощуща-

ешь себя недооцененным.

– Может быть. – Бобби пожал плечами. – Отдел виртуальной реальности «Нашего мира» – самостоятельный бизнес с прибылью в несколько миллиардов долларов. Если я провалюсь, отец непременно даст мне понять, что он не собирается меня вытаскивать. Но даже Кейт считает, что я в некотором роде протираю здесь штаны. – Бобби усмехнулся. – Я пробую ее разубедить, и мне это занятие очень нравится.

Давид нахмурился.

«Кейт? А, это та самая девушка журналистка, которую Хайрем пытался исключить из жизни сына. Видимо, безуспешно. Интересно».

– Ты хочешь, чтобы я помалкивал?

– О чем?

– О Кейт. Об этой репортерше.

– Собственно, помалкивать особо не о чем.

– Может быть. Но отцу она не нравится. Ты ему говорил, что продолжаешь с ней встречаться?

– Нет.

«И может быть, это единственное в твоей жизни, – подумал Давид, – о чем *не знает* Хайрем. Ладно, пусть все так и остается».

Давиду понравилось то, что между ними протянулась хотя бы тоненькая ниточка.

На табло обратного отсчета цифры близились к нулю. Настенный софт-скрин демонстрировал чернильную темноту,

нарушаемую редкими пиксельными вспышками, а строчка простых чисел в уголке тупо повторяла одну и ту же последовательность. Давид удивленно посмотрел на Бобби, губы которого безмолвно произносили: «Три. Два. Один».

А потом Бобби застыл на месте с открытым ртом, а на его лице заплясал мерцающий свет.

Давид перевел взгляд на софт-скрин.

На этот раз там появилось изображение – светящийся диск, а внутри его – странная, немыслимая конструкция из коробок, прожекторов и кабелей, искаженных до неузнаваемости, будто бы все эти предметы были показаны через широкоугольную линзу типа «рыбий глаз».

Давид поймал себя на том, что затаил дыхание. Изображение продержалось две секунды, три, и только тогда он заставил себя сделать вдох.

Бобби спросил:

– Что мы видим?

– Устье «червоточины». Или, вернее, тот свет, который она втягивает из своего окружения *здесь*, в «Червятнике». Посмотри, вон там – штабель разной электроники. Но сильная гравитация устья притягивает свет из трехмерного пространства вокруг него. Изображение искажено.

– Как это бывает, когда имеешь дело с гравитационной линзой.

Давид изумленно глянул на Бобби.

– Именно так. – Он обвел взглядом монитору. – Мы уже

превосходим наши предыдущие наилучшие...

Но тут искажение изображения стало сильнее. Контуры оборудования и световодов расплылись и превратились в кружки около центральной точки. Некоторые цвета подверглись сдвигу Доплера. Зеленый начал постепенно заменяться голубым, флуоресцентное свечение приобретало фиолетовый оттенок.

– Мы уходим глубже в «червоточину», – прошептал Давид. – Ну, не подведи. Только не подведи...

Изображение стало еще более фрагментированным, его элементы рассыпались и беспрестанно умножались вокруг центральной оси. «Трехмерный калейдоскоп, – подумал Давид, – образованный размноженными изображениями освещения лаборатории». Он посмотрел на показатели счетчика, и эти показатели сообщили ему о том, что значительная часть энергии света, падающего внутрь «червоточины», сдвинулась в сторону ультрафиолета и дальше и что энергетизированное излучение ударяет по изогнутым стенкам пространственно-временного туннеля.

Но «червоточина» держалась.

Они уже давно миновали точку, на которой обрывались все предыдущие эксперименты.

Круговое изображение нажало сжиматься. Свет, падающий из трехмерного пространства в устье «червоточины», сжимался ее «глоткой». Разбитое и сужающееся пятнышко света приближалось к максимальному искажению.

А потом качество света изменилось. Структура размноженного изображения стала проще, оно расширилось, словно бы собрало себя воедино, и Давид начал различать в нем элементы нового поля зрения: голубой мазок – вероятно, небо; бледно-белый квадратик – возможно, какой-то прибор.

Он сказал:

– Позвони Хайрему.

Бобби спросил:

– Что мы видим?

– Просто позвони отцу, Бобби.

Хайрем явился в зал час спустя.

– Лучше было бы, чтобы оно того стоило. Я прервал встречу с инвесторами...

Давид без слов подал ему хрустальный блок размером с колоду игральных карт. Хайрем повертел блок в руках, прищелкнул к нему.

В верхнюю грань блока было вмонтировано увеличительное стекло, и когда Хайрем посмотрел сквозь него, он увидел миниатюрную электронику: фотоусиливающие световые детекторы, предназначенные для получения сигналов, светодиод, способный испускать вспышки для тестирования, небольшой источник питания, крошечные электромагниты. А в геометрическом центре блока размещался малюсенький шарик, который можно было едва-едва различить невооруженным глазом. Серебристый, блестящий, словно жемчу-

жинка, но свет, отраженный от него, все же несколько отличался от жестко-серого флуоресцентного освещения в компьютерном зале.

Хайрем обернулся и посмотрел на Давида.

– Что я вижу перед собой? – осведомился он.

Давид кивком указал на широкий настенный экран.

На нем красовался большой цветовой сине-коричневый круг.

В круге появилось лицо – лицо мужчины лет сорока. Изображение было сильно искажено. Человек словно бы всунул свое лицо в линзу «рыбий глаз», и все же Давид мог рассмотреть курчавую черную шевелюру, обветренную загорелую кожу, белые зубы, обнаженные в улыбке.

– Это же Уолтер, – изумленно проговорил Хайрем. – Руководитель нашей станции в Брисбене. – Он подошел ближе к настенному софт-скрину. – Он что-то говорит. У него губы шевелятся. – Он замер у стены и начал повторять движения губ австралийца. – *Я... видку... вас...* «Я вижу вас». Боже...

Теперь позади Уолтера стали видны другие австралийские инженеры – сильно искаженные силуэты. Все они безмолвно аплодировали.

Давид усмехнулся и отдал себя на растерзание отцу. Хайрем по-медвежьи обнял сына, но при этом он не спускал глаз с хрустального брусочка, хранившего внутри себя устье «червоточины» – жемчужинку стоимостью в миллиард долларов.

ЧЕРВОКАМЕРА

Три часа ночи. В самом сердце опустевшего «Червятника», в шаре света, исходящего от софт-скрина, сидели рядышком Кейт и Бобби. Бобби отработывал на софт-скрине простую установочную сессию, состоящую из вопросов и ответов. Им предстояла долгая ночь; позади них были горой свалены наспех собранные вещи – термосы с кофе, одеяла и коврики из пенополиуретана.

... Послышался треск. Кейт вздрогнула и схватила Бобби за руку.

Бобби продолжал работать с программой.

– Спокойно. Маленький тепловой перепад. Я же тебе сказал: я сделал так, чтобы все системы сигнализации здесь сейчас видели слепое пятно.

– А я и не сомневаюсь. Просто я не привыкла делать что-то вот так – тайком, в темноте.

– А я думал, что ты крутая репортерша.

– Да. Но, как правило, я все делаю легально.

– *Как правило?*

– Хочешь – верь, хочешь – нет.

– Но *это*, – Бобби взмахом руки указал на громоздящееся в темноте таинственное оборудование, – даже не аппаратура для наблюдения. Это просто устройства для экспериментов

в области физики высоких энергий. Таких больше в мире не существует, так откуда возьмутся законы, защищающие их использование?

– Это притянута за уши, Бобби. Ни один судья на планете не купится на такой аргумент.

– Притянута или не притянута, я говорю тебе: успокойся. Я пытаюсь сосредоточиться. Система контроля задачи здесь не так уж приветлива к пользователям. Давид даже голосовой активацией не пользуется. Может быть, все физики так консервативны – как и все католики.

Он продолжал упорно трудиться над программой, а Кейт внимательно на него смотрела. Таким оживленным она его никогда раньше не видела, а тем более – настолько сосредоточенным на чем-то. При этом его, похоже, совершенно не мучили никакие угрызения совести. Он и вправду был непростым человеком.

«Вернее сказать – неполноценным», – с грустью подумала Кейт.

Палец Бобби повис над клавишей включения.

– Готово. Ну, начнем?

– А запись включена?

Он постучал кончиком пальца по софт-скрину.

– Все, что проскочит через «червоточину», попадет сюда.

– ... Ну ладно.

– Три, два, один.

Он нажал на клавишу.

Экран потемнел.

Из темноты, подступавшей со всех сторон, донесся негромкий басовый гул – это включилась гигантская аппаратура «Червятника», и колоссальные силы собрались для того, чтобы пробить дырочку в пространстве-времени. Кейт показалось, что она ощущает запах озона и чувствует покалывание разрядов электрического тока. Но возможно, это было игрой воображения.

Операция у них прошла как по маслу. Пока Бобби обзаводился нелегальным доступом к оборудованию «Червятника», Кейт обрабатывала особняк Биллибоба – вычурное псевдобарочное строение, стоящее в лесу вблизи границы национального парка «Маунт Рейнир». Она сделала достаточное количество фотографий для того, чтобы составить приблизительную карту дома снаружи и его окрестностей, и в нескольких точках для уточнения она использовала показания прибора GPS²⁷. Этого – а также сведений, которые Биллибоб щедро сыпал репортерам из модных журналов в разговорах о том, как у него все роскошно в доме продумано и расставлено, – хватило Кейт для того, чтобы нарисовать и подробный план дома изнутри, и здесь тоже не обошлось без данных GPS.

И вот теперь, если все пойдет как надо, этих данных должно будет хватить, чтобы установить связь через «червоточи-

²⁷ Global Positioning System – глобальная навигационная спутниковая система, система определения местонахождения.

ну» между «святилищем» Биллибоба и этим доморощенным наблюдательным постом.

... Софт-скрин засветился. Кейт наклонилась к нему.

Изображение было сильно искажено. Она видела перед собой освещенный оранжево-коричнево-желтый кружок и смотрела на него словно бы через серебристый туннель. Появилось ощущение движения, по изображению проползали пятна света, но деталей Кейт различить не могла.

– Ни черта не вижу, – сердито объявила она.

Бобби прикоснулся пальцем к экрану.

– Спокойствие. Сейчас подключу программу борьбы с искажениями.

– Это как?

– Устье «червоточины» – это не объектив камеры, не забывай. Это крошечная сфера, на которую со всех сторон в трех измерениях падает свет. И это шаровидное изображение вдобавок сильно искажается при его передаче через самую «червоточину». Но мы все можем исправить с помощью несложной программы. Это довольно забавно. Она основана на тех программах, которыми астрономы пользуются для исключения атмосферных искажений, мерцания, дымки и рефракции, когда изучают звезды...

Изображение неожиданно прояснилось, и Кейт ахнула.

Они увидели массивный письменный стол, над которым висел шарообразный светильник. На крышке стола в беспорядке валялись бумаги и софт-скрины. Позади стола стоял

небрежно отодвинутый стул. На стенах висели программы представлений и диаграммы рейтинга.

Здесь царила роскошь. Обои, судя по всему, были английские, ручной работы – наверное, самые дорогие в мире. На полу лежали две носорожьих шкуры с разъявленными пастями, выпученными стеклянными глазами и гордо торчащими даже после гибели рогами.

А еще на стене висел простенький анимационный дисплей, на котором красовалось непрерывно возрастающее число, под которым значилось: «ОБРАЩЕННЫЕ». Человеческие души тут подсчитывались, будто проданные суши-бургеры в каком-нибудь ресторане быстрого питания.

Изображение было далеко от совершенства. Темное, зернистое, местами неустойчивое – то замирающее, то вдруг рассыпающееся облачками пикселей. И все-таки...

– Не могу поверить, – выдохнула Кейт. – Получается! Словно бы все стены на свете превратились в стекло. Добро пожаловать в аквариум с золотыми рыбками...

Бобби еще поработал с софт-скрином и сделал так, что реконструированное изображение повернулось на экране.

– А я думал, носороги вымерли.

– Теперь – да. Биллибоб участвовал в консорциуме, который приобрел последнюю пару у частного зоопарка во Франции. Генетики пытались спасти носорогов как вид для будущего: хотели сохранить генетический материал – яйцеклетки, сперму и, может быть, даже зиготы. Но Биллибоб опере-

дил их. Поэтому он теперь является владельцем последних носорожьих шкур на Земле. Неплохой бизнес, если посмотреть с одной стороны. Теперь эти шкуры стоят баснословных денежек.

– Но ведь это противозаконно.

– Вот именно. Но ни у кого не хватит пороха затеять судебный процесс против такой важной персоны, как Билли-боб. В конце концов – грянет «День Полыни» и все носороги так или иначе исчезнут, так какая разница? А ты можешь как-то повертеть эту штуковину?

– В каком-то смысле. Могу увеличить изображение, могу сделать четче какие-то детали.

– А можно взглянуть на эти бумаги на столе?

Краешком ногтя Бобби прикоснулся к нужным местам на экране, и фокус постепенно переместился к груде бумаг на письменном столе. Устье «червоточины» словно бы разместилось в метре над полом и метрах в двух от стола. Кейт гадала, не оно ли это – крошечная блестящая бусинка, повисшая в воздухе. В итоге листки бумаги стали за счет перспективы казаться более короткими. Кроме того, никто не думал раскладывать листки так, чтобы кому-то было удобно их читать; многие листки лежали текстом вниз, а некоторые были закрыты другими листками. И все же Бобби удалось кое-какие бумаги выделить, развернуть, убрать искажения, «почистить» изображение с помощью особой программы, и в результате Кейт смогла получить впечатление о том, что собой

представляла большая часть бумаг, разложенных на столе.

В основном это была обычная корпоративная писанина – леденящие сердце свидетельства промышленного масштаба добычи душ легковверных американцев. Но – ничего противозаконного. По просьбе Кейт Бобби поспешно показал ей все разбросанные по столу листки.

И вот наконец она увидела то, что ей было нужно.

– Стоп, – сказала она. – Увеличь... Прибавь резкость...

Отлично, отлично.

Это был отчет – технический, убористо напечатанный, полный цифр и посвященный побочному воздействию допаминотропной стимуляции на пожилых людей.

– Вот оно, – выдохнула Кейт. – Можно сказать – с пылу с жару. – Она встала и начала ходить по залу, не в силах сдерживать возмущение. – Каков мерзавец! Нет уж, горбатого могила исправит! Кто был наркодельцом, наркодельцом и померет. Вот бы раздобыть снимочек, как Биллибоб сам это читает, а еще лучше – подписывает... Бобби, нужно разыскать его.

Бобби вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Об этом надо просить Давида. Я могу вертеть и увеличивать изображение, но пока понятия не имею о том, как заставить эту червокамеру панорамировать.

– «Червокамеру»? – переспросила Кейт и усмехнулась.

– С маркетологами отец обходится еще жестче, чем с инженерами. Послушай, Кейт, сейчас половина четвертого

утра. Давай наберемся терпения. У меня тут в плане безопасности все схвачено до завтрашнего полудня. Наверняка до этого времени мы сможем заловить Биллибоба в кабинете. А если нет, попробуем сделать это в другой день.

– Ладно. – Кейт скованно кивнула. – Ты прав. Просто я привыкла работать быстро.

Он улыбнулся.

– Пока кто-то еще из крутых журналюг не отобрал у тебя «горяченькое»?

– Случается и такое.

– Эй. – Бобби потянулся к ней и прикоснулся кончиками пальцев к ее подбородку. Его смуглое лицо было почти невидимо в темноте, царившей в «Червятнике», но его руки были теплыми, сухими, уверенными. – Тебе не надо бояться. Подумай. Сейчас никто на планете – *никто* не имеет доступа к технологии червокамеры. Биллибоб никак не сможет заметить, что мы за ним следим, и никто не сумеет тебя опередить на пути к цели. А что такое какие-то несколько часов?

Она часто дышала, ее сердце сильно билось; она словно бы чувствовала его рядом с собой в темноте – чувствовала сильнее, чем на уровне зрения, обоняния и даже осязания. Что-то в самой глубине ее сущности откликалось на тепло его тела.

Кейт потянулась к нему, прикоснулась к его руке и поцеловала ее.

– Ты прав. Надо подождать. Но я вся горю. Надо употре-

бить эту энергию на что-нибудь полезное.

Бобби словно бы растерялся – наверное, пытался разгадать, что она имеет в виду.

«Вот что, – мысленно сказала себе Кейт, – ты не такая, как другие девушки, которых он встречал в своей позолоченной жизни. Может быть, нужно ему немного помочь».

Она обвила свободной рукой его шею, притянула его к себе и почувствовала прикосновение его губ к своим. Кончик ее горячего и пытливого языка пробежался по его ровным зубам. Его губы с готовностью ответили на поцелуй.

Сначала он был нежен, и в этой нежности была даже, пожалуй, любовь. Но страсть все сильнее овладевала им, и она почувствовала, как меняется его поведение. Она отвечала на его безмолвные приказы и осознавала, что позволяет ему вести игру, но даже тогда, когда он с опытной легкостью привел ее к оргазму, Кейт чувствовала, что рассеяна, потеряна в загадках его странного израненного сознания, занятого только физическим актом, а не ею.

«Он знает, как заниматься любовью, – думала она. – Может быть, он умеет это делать лучше кого бы то ни было из тех, кого я знаю. Но он не знает, как любить. Какое же это было клише. Но это было правдиво. И ужасно печально».

И в то мгновение, когда его тело прижалось к ней, опустилось на нее всей тяжестью, ее пальцы зарылись в волосы у него на затылке и нащупали что-то круглое и жесткое размером с пятицентовую монетку, металлическое и холодное.

Это был мозговой штифт.

В тишине «Червятника» весенним утром Давид сидел, озаренный светом софт-скрина.

Он смотрел на макушку собственной головы с высоты в два-три метра. Зрелище было не самое приятное: он располнел, а на макушке наметилась проплешина, которую он раньше не замечал, – маленький розовый кружочек посреди нечесаной шевелюры.

Давид поднял руку, чтобы пощупать проплешину.

Изображение на софт-скрине тоже подняло руку – будто марионетка, повторяющая его действия. Давид по-детски махнул рукой и посмотрел вверх. Но конечно, смотреть было не на что. Никаких признаков хотя бы крошечной ряби на поверхности пространства-времени, передававшего это изображение.

Он постучал пальцем по софт-скрину, и изображение повернулось лицом вперед. Еще одно неуверенное прикосновение – и изображение задвигалось вперед, по темным залам «Червятника»: сначала – рывками, потом – более плавно. Громадные машины, пугающие своими размерами, проплывали мимо, будто пухлые облака.

«Когда-нибудь, – думал Давид, – появится коммерческая модель этой червокамеры, снабженная более удобным управлением – возможно, пультом с рычажками и кнопками, позволяющими изменять ракурс и фокусное расстояние».

Но сейчас простая конфигурация контактных значков на софт-скрине позволяла ему сосредоточиться на самом изображении.

И конечно, частичка его сознания напоминала ему о том, что на самом деле фокус не менялся вовсе: скорее, двигатели Казимира создавали и рушили последовательность «червоточин» с различными планковскими длинами волны, и эти «червоточины» вытягивались в линию в том направлении, куда хотел двигаться Давид. Изображение возвращалось от «червоточин» последовательно, а расположены они были достаточно близко одна от другой, и это создавало иллюзию движения.

«Но все это сейчас не имеет значения», – строго напомнил себе Давид.

Сейчас ему просто хотелось поиграть.

Решительно щелкнув по экрану, он изменил фокус и словно бы полетел прямо к гофрированной металлической стене «Червятника». Когда эта преграда надвинулась на него, он не удержался и вздрогнул.

Потом на миг стало темно.

А потом он оказался по другую сторону и неожиданно окунулся в ослепительный солнечный свет.

Он замедлил продвижение фокуса и опустил его до уровня глаз.

Он видел окрестности «Червятника» – траву, речушки, маленькие аккуратные мостики. Солнце стояло низко над го-

ризонтом и отбрасывало длинные четкие тени. На траве еще не успела высохнуть роса.

Давид переместил фокус вперед – сначала он двигался как бы пешком, потом прибавил скорость. Внизу проносились трава, потом промчались экзотические деревья в саду Хайрема.

От ощущения скорости кружилась голова. Он еще не до конца освоился с управлением, и время от времени точка фокуса неуклюже прорубалась через ствол дерева или скалу, и тогда на несколько мгновений Давид погружался в темно-коричневый или серый сумрак. Но он постепенно осваивался, и чувство скорости, свободы и ясности было просто поразительным. Он словно бы снова стал десятилетним мальчишкой, он ощущал мир свежо и резко, и тело так наполнилось энергией, что он чувствовал себя легким как перышко.

Он поравнялся с подъездной дорожкой, обсаженной деревьями, поднял фокус на два-три метра, пронесся над дорожкой и оказался над шоссе. Он поднялся еще и понесся высоко над автострадой, глядя на потоки блестящих машин, сверху выглядевших похожими на жуков. Поток транспорта, еще не достигший своего пика, был плотным и двигался очень быстро. Давид видел в этом потоке закономерности, образование скоплений и их рассасывание – невидимая сеть программного управления оптимизировала движение машин, оборудованных системой смарт-драйва.

Вдруг Давиду надоело это зрелище, и он поднялся еще выше – настолько высоко, что скоростное шоссе внизу превратилось в серую ленту, змеящуюся по земле, а лобовые стекла автомобилей – в поблескивающее на солнце бриллиантовое ожерелье.

Город предстал перед ним как на ладони. Окраины аккуратной прямоугольной решеткой лежали поверх холмов, затянутые серой дымкой. Высокие здания в центре города устремлялись вверх и походили на плотно сжатый кулак из бетона, стекла и стали.

Давид увеличил высоту обзора, пронзил тонкий слой облаков, оказался под яркими лучами солнца, поменял ракурс и увидел сверкание океана. Вдали от берега вода была темной – там начинался шторм. Стала видна кривизна линии горизонта. Суша и океан словно бы сжались, и Земля стала планетой.

Давид сдержал желание завопить от счастья. Он всегда мечтал летать, как Супермен. «Эту штуку, – подумал он, – будут раскупать, как горячие пирожки!»

В синем небе висел тоненький полумесяц. Давид менял ракурс до тех пор, пока в центре поля зрения не оказался этот серебристый серп.

Позади вдруг послышался шум, громкие голоса, топот ног. Наверное, где-то в «Червятнике» сработала сигнализация. Но это не взволновало Давида.

Он решительно переместил фокус вперед. Утренняя си-

нева сменилась темно-фиолетовым цветом. Давид уже видел первые звезды.

Они немножко поспали.

Когда Кейт пошевелилась, ей стало холодно. Она подняла руку, и на запястье засветилась татуировка. Шесть утра. Во сне Бобби отодвинулся и стащил с нее одеяло. Кейт потянула одеяло к себе, укрыла обнаженную грудь.

В «Червятнике» – громадном ангаре без окон – было темно, как в пещере, – в точности так же, как в то время, когда они с Бобби сюда пришли. Изображение кабинета Биллибаба так и красовалось на софт-скрине – письменный стол, носорожья шкуры, бумаги. Все было записано с того момента, как включилась червокамера. У Кейт мелькнула волнующая мысль: возможно, у нее уже хватит материалов для того, чтобы прижать Микса к ногтю...

– Ты проснулась.

Кейт повернула голову и увидела лицо Бобби. Под головой у него лежало сложенное в несколько раз одеяло, его глаза были широко раскрыты.

Он провел по ее щеке указательным пальцем.

– Кажется, ты плакала, – сказал он.

Это испугало ее. Она еле сдержалась, чтобы не оттолкнуть его руку, не спрятать лицо. Он вздохнул.

– Ты нашла имплантат. И накрутила картинку по полной программе. Такие у тебя предрассудки? Ты терпеть не мо-

жешь имплантаты. Может быть, ты думаешь, что только преступникам и умственно неполноценным следует подвергаться модификации функции головного мозга...

– Кто его поставил?

– Мой отец. В смысле, это была его инициатива. Я тогда был маленький.

– Но ты это помнишь?

– Мне тогда было три или четыре года. Да, помню. И помню, что понимал, зачем он это делает. Не с технической стороны, конечно. Я понимал так: он меня любит и желает мне только самого лучшего. – Он улыбнулся и проговорил, словно бы упрекая себя: – Я не такой совершенный, каким кажусь. В детстве я был излишне подвижным и плоховато разговаривал. Имплантат все это исправил.

Кейт протянула руку и пощупала поверхность имплантата Бобби. Стараясь, чтобы он этого не заметил, она прикоснулась к имплантату запястьем, где у нее была татуировка. С натянутой улыбкой она проговорила:

– Тебе следовало бы провести апгрейд своего «железа».

Бобби пожал плечами.

– Оно неплохо работает.

– Если бы ты мне позволил провести кое-какие анализы с помощью микроэлектроники, я бы могла его проверить.

– А зачем?

Кейт сделала вдох.

– Чтобы мы узнали, для чего этот имплантат.

– Я же тебе сказал, для чего.

– Ты мне сказал только то, что тебе сказал Хайрем.

Бобби приподнялся на локтях и уставился на Кейт.

– К чему ты клонишь?

«Вот-вот, Кейт, к чему ты, милая, клонишь? Просто психуешь из-за того, что он вроде как в тебя не влюблен, – а ты-то сама чем дальше, тем сильнее влюбляешься в этого закомплексованного и неполноценного малого, да?»

– У тебя как бы... пустоты в душе. Например, разве ты никогда не думал о своей матери?

– Нет, – честно признался Бобби. – А должен был?

– Вопрос так не стоит, Бобби, – «должен», «не должен». Просто большинство людей о своих матерях думают – и никто их к этому не подталкивает.

– И ты считаешь, что это как-то связано с моим имплантатом? Послушай, я доверяю отцу. Я знаю: что бы он ни сделал, он делает это только для моего блага.

– Ладно. – Она наклонилась и поцеловала его. – Это не мое дело. Мы больше не будем об этом говорить.

«По крайней мере, – виновато подумала она, – до тех пор, пока я не проанализирую данные, которые уже успела выудить из "пробки" в твоей голове – без твоего ведома и разрешения».

Она прижалась к нему теснее и положила руку ему на грудь, словно бы желая защитить его.

«Может быть, это у тебя самой пустоты в душе?» – при-

шла ей в голову новая мысль.

И в это самое мгновение их озарил свет прожекторов.

Кейт поспешно натянула одеяло по шею, она почувствовала себя до глупости незащищенной и уязвимой. Свет прожекторов слепил глаза и не позволял разглядеть людей. Двое... трое. В темных форменных комбинезонах.

И силуэт Хайрема – ни с кем не спутаешь: руки уперты в бедра.

– От меня не спрячетесь, – с легкостью объявил Хайрем и, махнув рукой, указал на изображение на софт-экране. – Убрать эту хренотень.

Изображение превратилось в сгусток цветов – связь с кабинетом Биллибоба через «червоточину» прервалась.

– Мисс Манцони, одним только тем, что вы проникли сюда, вы нарушили вагон и маленькую тележку законов. Не говоря уже о покушении на частную жизнь Биллибоба Микса. Полиция уже едет сюда. Сомневаюсь в том, что мне удастся засадить вас за решетку – хотя изо всех сил постараюсь это сделать, – но смею вас заверить: на своем поприще вы больше трудиться не будете.

Кейт не спускала с Хайрема возмущенного и непокорного взгляда. Но ее решимость мало-помалу рушилась. Она осознавала: Хайрем на такое способен.

Бобби спокойно лежал на спине.

Кейт толкнула его локтем в бок.

– Я тебя не понимаю, Бобби. Он за тобой шпионит. Это

тебя не беспокоит, что ли?

Хайрем шагнул к ней ближе.

– С какой стати это должно его беспокоить? – Кейт, немного привыкшая к слепящему свету, видела, как блестят бисеринки пота на его лысине – только этим и проявлялся его гнев. – Я его отец. А вот меня беспокоите вы, мисс Манцони. У меня нет никаких сомнений в том, что вы отравляете разум моего сына. Совсем как... – Он запнулся.

Кейт смотрела на него в упор.

– Как кто, Хайрем? Как его мать?

Но Бобби сжал ее локоть.

– Перестань, папа. Кейт, рано или поздно он должен был это обнаружить. Послушайте: давайте найдем решение, которое устроит вас обоих. Разве ты всегда не этому меня учил, папа? – Он порывисто проговорил: – Не прогоняй Кейт. Дай ей работу. Здесь, в «Нашем мире».

Хайрем и Кейт отозвались одновременно:

– Ты с ума сошел?

– Бобби, это полная ерунда. Если ты думаешь, что я стану работать на этого урода.

Бобби поднял руки вверх.

– Папа, подумай об этом. Для рекламы и внедрения новой технологии тебе понадобятся самые лучшие журналисты, специализирующиеся в области научных исследований, верно? Даже для раскрутки червокамеры без этого не обойтись.

Хайрем фыркнул:

– Хочешь сказать, что она самая лучшая?

Бобби вздернул брови.

– Она здесь, папа. Она уже знает о «червокамере». Она уже начала ею пользоваться. А ты, Кейт...

– Бобби, да скорее ад заледенеет...

– *Ты знаешь про червокамеру.* Просто так Хайрем тебя с этим знанием не отпустит. Поэтому – не уходи. Оставайся здесь работать. Ты обойдешь всех остальных треклятых репортеров на свете.

Он задержал взгляд на Кейт, перевел на отца.

Хайрем и Кейт свирепо пялились друг на дружку.

Кейт процедила сквозь зубы:

– Я буду настаивать на продолжении моего расследования по делу Биллибоба Микса. Мне не важно, что вас с ним связывает, Хайрем. Этот человек – мошенник, потенциальный убийца и наркоделец. И еще...

– Вы ставите мне *условия?!* – Хайрем расхохотался.

Бобби вмешался:

– Папа, пожалуйста. Подумай об этом. Ради меня.

Хайрем наклонился к Кейт и вперил в нее злобный взгляд.

– Видимо, придется согласиться. Но вы не уведете от меня сына. Надеюсь, это вам понятно.

Он выпрямился, а Кейт вдруг почувствовала, что вся дрожит.

– Кстати, – сказал Хайрем Бобби, – ты был прав.

– Насчет чего?

– Насчет того, что я тебя люблю. Насчет того, что ты должен мне доверять. И насчет того, что все, что я для тебя делал, я делал только для твоего блага.

Кейт ахнула:

– Вы слышали, как он об этом говорил? Конечно слышал. Скорее всего, Хайрем слышал все. А Хайрем неотрывно смотрел на Бобби.

– Ты ведь веришь мне, да? Да?

СЕНСАЦИИ

Из Часа международных новостей «Нашего мира», 21 июня 2036 г.

Кейт Манцони (в эфир):

... Реальная возможность, о которой вы узнаете эксклюзивно от нас, вооруженного конфликта между Шотландией и Англией – а следовательно, с вовлечением Соединенных Штатов целиком, – это значительное событие в главном сюжете нового века: в битве за воду.

Цифры шокирующие. Менее одного процента мирового запаса воды пригодно и доступно для нужд человека. По мере того как разрастаются города и остается все меньше земли для ведения сельского хозяйства, потребность в воде резко увеличивается. В некоторых областях Азии, Ближнего Востока и Африки поверхностные запасы воды уже полностью израсходованы, а уровень подземных вод на протяжении нескольких десятилетий непрерывно снижается.

На рубеже двадцать первого столетия питьевой воды не хватало десяти процентам населения планеты. Теперь эта цифра утроилась, и ожидается, что к две тысячи пятидесятому году она достигнет ужасающего показателя, равного пятидесяти процентам.

Мы привычно наблюдаем за кровавыми столкновениями

из-за воды – например, в Китае, а также за воды Нила, Евфрата, Ганга и Амазонки. Это происходит в таких областях, где оскудевающими запасами надо делиться, или там, где одного из соседей обвиняют – справедливо или нет – в том, что у него больше воды, чем ему нужно. В нашей стране раздавались призывы в Конгрессе к администрации, дабы она оказала более серьезное давление на правительства Канады и Квебека, чтобы эти страны поставляли в США больше воды – в особенности на Средний Запад, постепенно превращающийся в пустыню.

Тем не менее мысль о том, что подобные конфликты смогут разразиться в развитом западном мире – повторю: вооруженное вторжение в Шотландию для захвата водных ресурсов всерьез рассматривается правительством штата Англия, – эта мысль шокирует...

Эйнджел Макки (видеооператор):

Сейчас ночь, все неподвижно.

Этот маленький островок, похожий на драгоценный камешек в Филиппинском море, имеет площадь всего один квадратный километр. И все же до вчерашнего дня здесь жили больше тысячи человек, они ютились в лачугах, стоявших на равнине до самой линии прилива. Еще вчера дети играли вот на этом пляже. Теперь здесь не осталось ничего. Даже тел этих детишек.

Ураган «Энтони» – самый последний из отделившихся от,

по-видимому, непрекращающегося тайфуна «Эль Ниньо», продолжающего бесчинствовать по побережьям Тихого океана, – прикоснулся к этому островку на несколько мгновений, но и этого хватило, чтобы разрушить все то, что построили несколько поколений местных жителей.

Еще не взошло солнце, оно еще не осветило картину разрушений. Сюда еще даже не прибыли команды спасателей. Эти кадры вы видите эксклюзивно благодаря выездному корреспондентскому пункту «Нашего мира». Мы снова на месте событий раньше всех остальных.

Мы продолжим репортаж, как только придут первые вертолеты, а они должны вот-вот вылететь с материка. Пока мы можем показать вам подводную съемку здешних коралловых рифов. Это последние остатки гигантского сообщества коралловых рифов, некогда пересекавших Танонский пролив и тянувшихся к югу, до острова Негрос. Большая часть рифов уничтожена из-за браконьерского рыболовства с применением динамита. И вот теперь последнее, что осталось от гигантского рифа, что на протяжении столетия бережно охраняли преданные своему делу эксперты, уничтожено...

Уиллоуби Котт (видеооператор):

... И вот теперь мы еще раз увидим этот гол, словно бы сидя на плече у Стэдлера. Вы смотрите эксклюзивную передачу «Нашего мира» «Как это видит спортсмен».

Вы видите линию защитников. Они рвутся *навстречу* Стэдлеру, ожидая, что он сделает передачу так, что Крамер останется в офсайде. Но Стэдлер вместо этого уходит к середине поля, обходит одного защитника, другого... вратарь уже не понимает, чьей атаки ему ожидать – Стэдлера или Крамера, – и *вот, вот* вы видите брешь в обороне, ее заметил Стэдлер, он появляется около штанги, набирает скорость и... *удар!*

А теперь благодаря эксклюзивной съемочной технике «Нашего мира» мы летим вместе с мячом в верхний угол ворот. Толпа на стадионе Бейджинга²⁸ неистовствует...

Саймон Элкэла (видеооператор):

... Мы снова в эфире и показываем еще более эксклюзивные съемки скрытой камерой. Русская царица Ирина посещает самый дорогой бутик в Йоганнесбурге. Что именно сделала со своим носом дочка Мадонны в эксклюзивной лос-анджелесской клинике пластической хирургии?

Папарацци «Нашего мира»: мы вводим вас в жизнь знаменитостей – нравится это им или нет!

Но сначала хотелось бы еще немного полюбопытствовать насчет Генеральной Ассамблеи ООН! Вчера ближе к полудню генеральный секретарь ООН Холливелл ушла с заседания ЮНЕСКО, организованного фондом «Международная гидрологическая инициатива» на Кубе. Она полагала, что

²⁸ Бейджинг – город в Китае.

этот садик на крыше ниоткуда не просматривается. И она была права. Вернее, почти права. На крыше лежит зеркальное покрытие, пропускающее внутрь только приятные лучи солнышка, но отталкивающее любопытные взгляды. Все – кроме наших!

Так давайте же проникнем сквозь крышу – да-да, *сквозь* крышу, вы не ослышались – и вот она! Какое зрелище – ведь она наслаждается отфильтрованным карибским ультрафиолетом *au naturel*²⁹! Несмотря на зеркальную крышу, Холливелл проявляет известную осторожность – вы видите, как она прикрывается, когда над домом пролетает маленький самолет, – но от «Нашего мира» она не спрячется! Как видите, годы милостивы к нашей генеральной секретарше: Холливелл столь же сногсшибательна, как целых сорок лет назад, когда она выплясывала на сценах по всему миру³⁰. Но вопрос остается вопросом: та ли это Холливелл, что была, или ей все-таки немножко помогли, а?

²⁹ Естественно, в естественном виде (*фр.*)

³⁰ Генеральным секретарем ООН автор сделал Джерри Холливелл – бывшую участницу группы «Spice Girls», которая «в наше время» прославилась участием во всевозможных благотворительных и экологических проектах.

АГЕНТ

Когда «на хвост» Хайрему село ФБР, у Кейт словно гора упала с плеч.

Она с большим удовольствием засыпала мир сенсациями, но она так или иначе всю жизнь этим занималась – с червокамерами и без оных. И ей все меньше нравилась мысль о том, что такая могучая технология сосредоточена исключительно в руках такого противного капиталиста, страдающего выраженной манией величия, каковым она числила Хайрема Паттерсона.

Так уж вышло, что в тот день, когда, образно выражаясь, нарыв созрел, Кейт находилась в кабинете босса. Но все получилось не так, как она ожидала.

Кейт расхаживала по кабинету. Она, по своему обыкновению, пререкалась с Хайремом.

– Ради бога, Хайрем. До какой степени банальности вы хотите опуститься?

Хайрем откинулся на спинку кресла, обтянутого кожзаменителем, и, обдумывая ответ, уставился в окно, на панораму центра Сиэтла.

Кейт знала: когда-то нынешний кабинет Хайрема был президентским номером одного из лучших отелей в городе. Большое витражное окно сохранилось, но ничего из роскош-

ных деталей этой комнаты Хайрем себе не оставил; следовало признать: несмотря на все свои недостатки, большими претензиями он не отличался. Теперь комната представляла собой обычный рабочий кабинет, и из мебели тут стоял только большой конференц-стол, вокруг него – стулья с прямыми спинками, а еще – кофейный автомат и мойка с водопроводным краном. Ходили слухи, будто бы Хайрем держал тут кровать – в стенном шкафчике.

«И все же здесь не хватает человечности, – так думала Кейт. – Ни единой семейной фотографии – к примеру, снимков сыновей. Но может быть, ему и не нужны их изображения, – мелькнула у Кейт невеселая мысль. – Наверное, сыновья сами по себе для него – достойные трофеи».

– Итак, – медленно проговорил Хайрем, – теперь вы назначили себя моей треклятой совестью, мисс Манцони.

– Ох, перестаньте, Хайрем. Дело совсем не в совести. Послушайте: вы обладаете технической монополией, которая служит предметом зависти всех прочих новостных компаний в мире. И вы не видите, как вы этой монополией распоряжаетесь? Сплетни про русских царственных особ, съемки скрытой камерой, сверхживой показ футбольных матчей... Я не для того этим занялась, чтобы фотографировать сиськи генерального секретаря ООН!

– Эти сиськи, как вы изволили выразиться, – сухо заметил Хайрем, – привлекли внимание миллиарда зрителей. Моя главная забота – победить в конкуренции. И я это делаю.

– Но вы превращаетесь в стопроцентного папарацци! Этим и ограничивается поле вашего зрения? Вы обладаете таким *могуществом* – могли бы творить добро!

Хайрем улыбнулся.

– Добро? А при чем тут, спрашивается, добро? Я должен давать людям то, чего они хотят, Манцони. Если я не стану этого делать, сделает какой-нибудь другой ублюдок. Я вообще не понимаю, на что вы жалуетесь. Я пропустил ваш сюжет насчет того, что Англия собирается устроить вторжение в Шотландию. Всем новостям новость.

– Но вы эту новость опохабили, пустив ее в обертке из пошлых «желтых» сообщений! И всему, что касается битвы за воду, вы придаете самый банальный вид. Представить только – конференцию ЮНЕСКО по проблемам гидрологии превратили в шуточку!

– Хватит читать мне нотации по злободневным вопросам, Манцони. Вы, знаете ли, такая вся возвышенная. Но очень мало кое в чем смыслите. Не понятно? Люди не желают ничего знать о вопросах, о *проблемах*. Из-за вас, из-за вашей Полыни, чтоб ей пусто было, люди стали понимать, что все *проблемы* яйца выеденного не стоят. Не имеет никакого значения то, как мы качаем из планеты воду, и все прочее – полная ерунда, потому что жажнет Полынь – и вообще ничегошеньки не останется. И люди хотят только развлечений. И отвлечений.

– И дальше этого ваши амбиции не простираются?

Он пожал плечами.

– А чем еще заниматься?

Кейт с отвращением фыркнула.

– Знаете, ваша монополия не будет длиться вечно. В промышленных и медийных кругах ходит множество разговоров о том, каким путем вы раздобываете свои «бомбы». Не пройдет много времени – и кто-нибудь вас раскусит и повторит ваши исследования.

– У меня есть патенты...

– О да, конечно, *это* вас защитит. Если проиграете – вам будет нечего оставить Бобби.

Хайрем прищурился.

– Не смейте разговаривать о моем сыне. Знайте: каждый день я жалею о том, что позволил вам остаться, Манцони. Да, вы сделали несколько неплохих сюжетов. Но у вас нет чувства равновесия, совсем нет.

– Равновесия? Вы это так называете? Применять червокамеру только для того, чтобы снимать знаменитостей голышом?

Прозвучал мелодичный звон. Хайрем запрокинул голову.

– Я сказал: меня не беспокоить.

Из воздуха послышался бесстрастный синтезированный голос «Поисковика»:

– Боюсь, обстоятельства чрезвычайные, мистер Паттерсон.

– Какие еще чрезвычайные?

– Вас желает видеть Майкл Мейвенс. И вас тоже, мисс Манцони.

– Мейвенс? Не знаю никакого...

– Он из ФБР, мистер Паттерсон. Из Федерального бюро...

– Знаю я, что такое ФБР. – Хайрем в сердцах шарахнул кулачищем по столу. – Не понос, так золотуха.

«Наконец-то», – злорадно подумала Кейт. Хайрем сердито зыркнул на нее.

– Смотрите не ляпните чего-нибудь лишнего этому козлу. Кейт сдвинула брови.

– Этому козлу, назначенному правительством? Козлу – представителю правоохранительной системы? Да? Даже вы отвечаете перед законом, Хайрем. И я буду говорить то, что пожелаю.

Он стиснул кулак и был готов что-то добавить, но только покачал головой. Встав, он подошел к витражному окну, и синий цвет неба, пропущенный через подкрашенное стекло, упал на его лысину, и она заблестела.

– Черт, – процедил сквозь зубы Хайрем. – Черт, черт, черт!

Майкл Мейвенс, специальный агент ФБР, был одет в стандартный темно-серый костюм и рубашку без воротника с галстуком-шнурком. Светловолосый и стройный, как тростинка, он выглядел так, словно провел уйму времени за игрой в сквош – и конечно же, в сквош он резался не иначе как

в какой-нибудь жутко престижной академии ФБР.

Кейт он показался совсем молоденьким – от двадцати пяти до тридцати. И еще он нервничал. Скованно уселся на предложенный Хайремом стул, потом неуклюже открыл кейс и вытащил из него софт-скрин.

Кейт глянула на Хайрема. На смуглом широком лице ее босса застыло выражение расчетливости. Хайрем тоже заметил странную неловкость агента.

Предъявив Кейт и Хайрему значок, Мейвенс сказал:

– Рад застать здесь вас обоих, мистер Паттерсон и мисс Манцони. Я расследую очевидное нарушение секретности...

Хайрем пошел в атаку.

– Санкция у вас есть?

Мейвенс растерялся.

– Мистер Паттерсон, надеюсь, нам удастся найти более конструктивное решение.

– «Конструктивное»? – рявкнул Хайрем. – Что это за ответ? Вы действуете без санкции?

Он потянулся к значку телефона на крышке стола. Мейвенс негромко произнес.

– Мне известна ваша тайна.

Рука Хайрема повисела над светящимся значком и отодвинулась.

Мейвенс улыбнулся.

– «Поисковик». Секретное прикрытие ФБР, уровень тридцать четыре, санкции от М. К. Мейвенса. Подтвержде-

ние, пожалуйста.

Через несколько секунд «Поисковик» отозвался:

– Прикрытие действует, агент Мейвенс.

Мейвенс кивнул.

– Мы можем говорить открыто.

Кейт села напротив Мейвенса. Она была заинтригована, озадачена, взволнована.

Мейвенс положил на стол софт-скрин. На дисплее появилось изображение большого военного вертолета с белым верхом. Мейвенс спросил:

– Узнаете?

Хайрем наклонился ближе.

– По-моему, это модель Сикорского.

– А точнее – VН-3D³¹.

– Это «Морская пехота-один», – сказала Кейт. – Вертолет президента.

Мейвенс взглянул на нее.

– Правильно. Уверен, вам обоим известно о том, что президент и ее супруг последние пару дней провели на Кубе, на конференции ЮНЕСКО по гидрологии. Там они пользовались этим вертолетом. Вчера во время короткого перелета состоялась краткая беседа сугубо личного характера меж-

³¹ Сикорский Игорь Иванович (1889-1972), авиаконструктор и промышленник. С 1908 г. строил самолеты, в т. ч. первые в мире четырехмоторные – «Русский витязь» и «Илья Муромец». В 1919-м эмигрировал в США и в 1923 г. основал там фирму, где под его руководством были созданы пассажирские и военные самолеты и вертолеты.

ду президентом Хуарес и премьер-министром Англии Хакстеблем. – Он прикоснулся пальцем к экрану, и там возник схематический план салона вертолета. – «Сикорский» – машина не маленькая, хоть и древняя, но она битком напичкана средствами связи. В салоне только десять сидений. Пять из них отведены для агентов секретной службы, врача и помощников президента по военным и личным вопросам.

Хайрем словно бы заинтересовался.

– Кажется, один из этих советников, как говорится, держит мяч?

Мейвенс слегка побледнел.

– Не будем об этом, мистер Паттерсон. В данном случае в салоне вертолета помимо президента Хуарес находились мистер Хуарес, премьер-министр Хакстебль и английский агент службы безопасности. Все эти люди – а также пилоты – обладают самым высоким уровнем доступа к секретной информации, и агенты и весь прочий персонал каждый день проходят проверку. Мистер Хакстебль, конечно, невзирая на свой старорежимный титул, официально приравнен к губернатору штата. В вертолете «Морская пехота-один» несколько раз в день производится уборка. Несмотря на ваши виртуальные мелодрамы о шпионах и двойных агентах, мистер Паттерсон, современные меры защиты секретности имеют очень высокий уровень «защиты от дурака». Кроме того, президент и мистер Хакстебль даже внутри салона вертолета были изолированы звуконепропускающим занавесом. Нам неизвест-

но, каким образом можно нарушить все эти разнообразные уровни секретности. – Он повернул голову и посмотрел на Кейт светло-кариими глазами. – И тем не менее сомнений нет – они нарушены. Ваше сообщение было точным, мисс Манцони. Хуарес и Хакстебль действительно беседовали о возможности военного решения конфликта Англии с Шотландией из-за водных ресурсов. Однако у нас имеется свидетельство от мистера Хакстебля о том, что его размышления относительно вторжения в Шотландию носят исключительно приватный, личный характер. Он заявляет, что не передавал такие сведения прессе или электронным средствам массовой информации и ни с кем их не обсуждал – ни с кабинетом министров, ни даже со своей супругой. В беседе с президентом Хуарес он на самом деле впервые озвучил эту мысль, дабы заручиться поддержкой президента на тот случай, если это предложение будет сформулировано официально. И в то время, когда вы опубликовали этот сюжет, ни премьер-министр, ни президент больше ни с кем эту тему не обсуждали. – Мейвенс вперила гневный взор в Кейт. – Мисс Манцони, ситуация вам понятна. *Единственным источником информации для вас мог стать только вышеупомянутый разговор между Хуарес и Хакстеблем.*

Хайрем встал рядом с Кейт.

– Она не станет раскрывать свои источники информации болвану вроде вас.

Мейвенс потер пальцами щеку и откинулся на спинку сту-

ла.

– Вынужден напомнить вам, сэр, что прослушивание разговоров президента обойдется вам в длиннющий список нарушений федерального свода законов. Это дело расследуется межведомственным агентством. Кроме того, президент ужасно зла. «Наш мир» могут закрыть. А вам, мисс Манцони, сильно повезет, если вы избежите тюрьмы.

– Для начала вам придется это доказать, – рявкнул Хайрем. – Я могу подтвердить, что никого из операторов «Нашего мира» и близко не было рядом с «Морской пехотой-один», поэтому никто там не мог поставить «жучка» или еще что-нибудь такое вытворить. И это самое межведомственное агентство, которым вы командуете...

Мейвенс кашлянул.

– Я им не командую. Я в нем работаю. На самом деле сам директор Бюро...

Хайрем раскрыл рот.

– А он знает, что вы здесь? Нет? Если нет, то что вы пытаетесь тут проверить, Мейвенс? А? Или это шантаж? Да?

Мейвенсу явно стало очень не по себе, но он не шевельнулся.

Кейт прикоснулась к руке Хайрема.

– Думаю, было бы лучше его выслушать, Хайрем.

Хайрем отшвырнул ее руку, отвернулся к окну, сцепил руки за спиной, сердито дернул плечами.

Кейт наклонилась к Мейвенсу.

– Вы сказали, что вам известно о тайне Хайрема. Что вы имели в виду?

И тут Майкл Мейвенс заговорил о «червоточинах».

Он вытащил из кейса и разложил на столе карту, нарисованную от руки на обычной бумаге.

«Ясно, – сообразила Кейт, – он додумался до такого, чем не желает делиться со своими коллегами из ФБР, и даже сомнительной секретности софт-скрина не доверяет».

Мейвенс сказал:

– Это карта вчерашнего полета «Морской пехоты-один» над окраинами Гаваны. Крестиками я отметил время. Вы видите, в каком промежутке произошел ключевой разговор между Хуарес и Хакстеблем и что он продолжался всего пару минут. В это время вертолет находился *вот здесь*.

Хайрем нахмурился и постучал кончиком пальца по изображению коробки с закрытой крышкой, нарисованной прямо под «Сикорским» в самом начале разговора.

– А это что еще такое?

Мейвенс усмехнулся.

– А это ваша вещичка, мистер Паттерсон. Это терминал инфопровода «Нашего мира». Устье «червоточины», соединенное с вашим главным офисом здесь, в Сиэтле. Полагаю, терминал инфопровода под «Морской пехотой-один» и есть тот самый механизм, с помощью которого вы раздобыли материал для сюжета.

Хайрем сощурился.

Кейт слушала их разговор все более рассеянно, а Мейвенс начал несколько возбужденно разглагольствовать насчет направленных микрофонов и усиливающих эффектов гравитационных полей устьев «червоточин». Согласно его предположению, Хайрем, видимо, использовал фиксированные «якоря» инфопровода для того, чтобы осуществить данную прослушку.

Мейвенс явно нащупал обрывки истины, но он не знал всего.

– Чушь собачья, – спокойно объявил Хайрем. – В вашей теории полным-полно дыр, в которые можно влететь на «бординге семьсот сорок семь».

– Например, – негромко добавила Кейт, – насчет способности «Нашего мира» размещать камеры в тех местах, где *не существует* терминалов инфопроводов. Так же как в случае с ураганом на Филиппинских островах. Или с прелестями генеральной секретарши Холливелл.

Хайрем метнул в Кейт предупредительный взгляд.

«Заткнись!» – словно бы говорил этот взгляд.

Мейвенс немного смутился, но не отступил.

– Мистер Паттерсон, я не физик. Я пока не разобрался в подробностях. Но я убежден в том, что точно так же, как вы обошли конкурентов в сборе новостей за счет применения «червоточин», точно так же вы и теперь идете впереди.

– Да ладно вам, Хайрем, – вырвалось у Кейт. – Он почти все знает.

Хайрем прорычал:

– Проклятье, Манцони. Я же вам говорил: надо все помногу отрицать.

Майвенс вопросительно смотрел на Кейт. Она сказала:

– Он имеет в виду: «Надо молчать о существовании червокамер».

Мейвенс улыбнулся.

– Червокамеры. Догадываюсь, что это значит. Я так и знал.

Кейт продолжала:

– Но отрицать не всегда возможно. Не в этом случае. И вы знали это, Хайрем, – знали до того, как одобрили сюжет. Просто жалко было пропустить такую конфетку... Думаю, вам лучше все рассказать агенту.

Хайрем был готов испепелить ее взглядом.

– С какой, я хотел бы знать, стати?

– С такой, – тихо проговорил Мейвенс, – что я, наверное, могу вам помочь.

Мейвенс, вытаращив глаза, смотрел на самое первое устье «червоточины» Давида, успевшее стать музейным экземпляром. Жемчужинка пространства-времени по-прежнему покоилась внутри хрустального кирпичика.

– И вам не нужны «якоря». Вы можете разместить объектив червокамеры *где угодно*, смотреть *на что угодно*... И звук вы тоже улавливаете?

– Пока нет, – ответил Хайрем. – Но «Поисковик» неплохо

читает по губам. Кроме того, технологию поддерживают эксперты. Ладно, специальный агент. Скажите, чем вы можете мне помочь.

Мейвенс неохотно положил хрустальный кирпичик на стол.

– Как верно поняла мисс Манцони, остальные члены моей команды отстают от меня всего на пару шагов. По всей вероятности, завтра ваше заведение будет взято штурмом.

Кейт нахмурила брови.

– Если так, то вам не следовало бы здесь находиться и вызывать нас.

– Да, не следовало бы, – вполне серьезно ответил Мейвенс. – Послушайте, мистер Паттерсон и мисс Манцони. Буду с вами откровенен. Наберусь наглости и скажу: я искренне верю в то, что в этом вопросе я разбираюсь чуть лучше, чем мое начальство, поэтому я и переступил черту. Ваша технология применения червокамер – даже в тех чертах, о которых я догадался сам, – фантастически могущественна. И с ее помощью можно сделать очень много добрых дел: привлекать преступников к суду, осуществлять разведку и контрразведку...

– Если это средство будет находиться в правильных руках, – с тяжестью в голосе закончил его мысль Хайрем. Затем повторил: – Если оно будет находиться в правильных руках.

– Стало быть – в ваших. В руках Бюро.

– Не только в наших. Но это должно стать достоянием об-

щества. Я не могу одобрить то, что вы обнародовали беседу Хуарес с Хакстеблем. Но вот то, что вы раскрыли научное шарлатанство за проектом опреснительных установок в Галвестоне³², – мастерская работа журналиста. Открыв людям глаза на этот обман, вы сберегли общественной казне несколько миллиардов долларов. Мне бы хотелось, чтобы ответственный сбор новостей такого рода продолжался. Но я – слуга народа. А народу – *нам* – тоже нужна такая технология, мистер Паттерсон.

– Для того, чтобы посягать на частную жизнь граждан? – осведомилась Кейт.

Мейвенс покачал головой.

– Любую технику можно извратить, используя не по назначению. Нужно наладить контроль за ее применением. Но – вы можете в это не верить, мисс Манцони, – но в целом мы, слуги общества, довольно-таки честны и чисты. И нам нужно всячески помогать. Близятся очень тяжелые времена – уж вам это должно быть известно, мисс Манцони.

– Полынь.

– Да. – Он озабоченно нахмурился. – Люди теперь с неохотой отвечают за себя, не говоря уже о других, об обществе. Повышение уровня преступности совпадает с повышением равнодушия к ней. Скорее всего, в будущем эта тенденция только ухудшится – по мере того, как к нам будет приближаться Полынь.

³² Город-порт в США, на побережье Мексиканского залива.

Хайрем, похоже, заинтересовался.

– Но какая разница, если Полынь так или иначе по нам шарахнет и превратит всех в мокрое место? В Англии, когда я был маленький, мы думали: вот начнется атомная война, и жить нам останется четыре минуты. Мы про это болтали. А ты что станешь делать, когда у тебя останется четыре минуты? А ты? Я говорил, что напьюсь в стельку и...

– У нас в запасе века, – заметил Мейвенс, – а не минуты. Наш долг в том, чтобы максимально сохранить жизнедеятельность общества на возможно более долгий срок. А что еще мы можем делать? А пока – и это происходит уже несколько десятков лет – у нашей страны больше врагов, чем у какой бы то ни было еще в мире. Национальная безопасность приобретает приоритет в сравнении с правами отдельных людей.

– Скажите, что вы предлагаете, – попросила Кейт. Мейвенс сделал глубокий вдох.

– Я хочу попытаться договориться. Мистер Паттерсон, это ваш метод. Вы имеете право получать прибыль от его применения. Я предлагаю, чтобы вы сохранили патенты и промышленную монополию. Но вы продадите правительству лицензию на использование вашего метода, дабы он применялся в интересах общества, в рамках соответствующим образом составленных законов.

Хайрем фыркнул:

– Вы не имеете права предлагать такую сделку. Кишка

тонка.

Мейвенс пожал плечами.

– Не имею права, верно. Но это вполне очевидный компромисс, решение, которое устроит все заинтересованные стороны – включая население нашей страны. Думаю, я смогу продать эту идею моему начальству, и тогда...

Кейт улыбнулась.

– А ведь вы действительно всем рискнули ради этого, да? Это так важно?

– Да, мэм. Я верю, что это очень важно.

Хайрем озадаченно покачал головой.

– Треклятые детишки со своим треклятым идеализмом.

Мейвенс не спускал с него глаз.

– Что скажете, мистер Паттерсон? Хотите помочь мне продать властям эту идею? Или желаете дожидаться завтрашнего штурма?

Кейт сказала:

– Они будут благодарны, Хайрем. По крайней мере, внешне. Может быть, «Морская пехота-один» прилетит и заберет вас с вашей лужайки, а потом президентша повесит вам на грудь медаль. Получится на шаг ближе к вершине власти.

– Для меня и моих сыновей, – добавил Хайрем.

– Точно.

– И за мной сохранится коммерческая монополия?

– Да, сэр.

Хайрем неожиданно осклабился. Настроение у него сразу

резко изменилось. Он смирился с поражением и принялся пересматривать собственные планы.

– Давайте так и сделаем, специальный агент.

Он наклонился через стол и пожал руку Мейвенса.

Вот так пришел конец секретности. Могущество, которое сулила червокамера Хайрему, перевесило. Кейт ощутила несказанное облегчение.

Но тут Хайрем повернул голову к Кейт и одарил ее свирепым взглядом.

– В этой пакости виноваты вы, Манцони. Вы меня предали. И я этого не забуду.

И Кейт – испуганная и взбудораженная – поняла, что он говорит то, что думает.

ХРАНИТЕЛИ

Отрывки из еженедельного отчета Национальной разведки – издания Центрального разведывательного управления, предназначенного для сотрудников с доступом к сверхсекретной информации, 12 декабря 2036 г.:

«... Уже доказано, что червокамера способна проникать в такие среды, куда непрактично или невозможно посылать наблюдателями людей и даже роботизированные телекамеры.

Например, фокусировка червокамеры дала ученым возможность абсолютно безопасно обследовать недра хранилища отходов радиоактивного могильника в Хэнфорде, где на протяжении нескольких десятилетий плутоний просачивался в почву, попадал в воздух и реку. С помощью червокамер (под строжайшим надзором федеральных оперативных работников) также были обследованы подземные хранилища радиоактивных отходов на побережье Шотландии и стержни захороненных реакторов эры Чернобыля, которых, несмотря на то что они давным-давно не используются, еще очень много на постсоветской территории. Все эти обследования дали ряд тревожных результатов (см. приложения F-H).

Ученые с нетерпением ждут разрешения на применение червокамеры для неагрессивного исследования нового ги-

гантского замерзшего пресноводного озера, обнаруженного подо льдами Антарктиды. В таких замерзших озерах может в течение миллионов лет находиться совокупность хрупких древних организмов. В полной темноте, в слое талой воды, образовавшемся вследствие давления гигантских ледяных масс толщиной в несколько сотен метров, находящиеся там виды живых существ идут своей эволюционной дорогой, совершенно отличной от дороги существ, живущих на поверхности земли.

Доводы ученых представляются вескими; вероятно, это исследование окажется действительно неагрессивным и не приведет к немедленной гибели всего живого при вторжении в среду их обитания, как это, к несчастью, происходило в самом начале века, когда сверххрюные ученые убедили международные комиссии в необходимости вскрытия озера Восток – первого из подобных подледных миров. Комиссия при советнике президента по науке рассматривает вопрос о проведении данного исследования – с тем чтобы его результаты стали доступны определенным научным кругам, но чтобы за пределы этих кругов информация о существовании червокамер не распространилась.

Недавнее спасение короля Австралии Гарри и его семейства после крушения их яхты во время шторма в заливе Карпентария продемонстрировало многообещающие возможности червокамеры в повышении эффективности работы служб спасения. Для проведения поисково-спасательных

операций на море, например, больше не потребуются флотилии вертолетов, для экипажей которых полеты над штормовым морем далеко не безопасны; сотрудники поисково-спасательных служб смогут работать в безопасных наземных центрах мониторинга и при этом получать возможность обнаруживать жертв кораблекрушений в считанные минуты и сразу же оказывать помощь терпящим бедствие – при необходимости прибегая к риску.

– Фундаменталистская христианская секта намеревалась "отметить" двухтысячную годовщину (по их собственным расчетам) изгнания Христом купцов и менял из храма – посредством отправки ракеты с электромагнитной боеголовкой в каждый из центров главных финансовых регионов планеты, включая Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт и Токио. Аналитики ЦРУ сходятся с журналистами во мнении о том, что в случае успеха эта атака стала бы электронным Пирл-Харбором. Финансовый хаос, который последовал бы за этим ударом и охватил бы сети банковских трансфертов, биржи, рынки ценных бумаг, торговые и кредитные системы, линии передачи данных, привел бы к тому, что все вышеперечисленные системы были бы либо сильно повреждены, либо целиком разрушены. А это, в свою очередь, как утверждают аналитики, могло бы вызвать довольно сильный шок в международных глобальных финансовых системах, и это привело бы к всемирному кризису. Большей частью благодаря разведке с помощью червокамер эту катастрофу удалось

предотвратить. Успех одной только этой операции по применению червокамеры в интересах общества позволил сэкономить несколько триллионов долларов и спасти бесчисленное число людей от нищеты и даже голода...»

Отрывок из доклада «Черворазведка: червокамера Паттерсона как инструмент прецизионной персональной разведки и другие сферы применения червокамеры». Автор – Майкл Мейвенс, ФБР; опубликовано в «Трудах группы управления применением передовых методов обработки и анализа информации». Тайсонз Корнер, Вирджиния, 12-14 декабря 2036 г.:

«Червокамеры изначально были применены на экспериментальной основе в федеральных агентствах под прикрытием межведомственной группы руководства и оценки, где я работал. Руководящая группа включала представителей Управления по контролю за продуктами и лекарствами, ФБР, ЦРУ, Федеральной комиссии связи, Службы внутренних доходов и национальных институтов здравоохранения. Мощность данной технологии, однако, быстро стала очевидной, и через шесть месяцев, еще до завершения официального предварительного апробирования, возможности червокамер уже начали использоваться во всех главных учреждениях – то есть в Федеральном бюро расследований, Центральном разведывательном управлении, Агентстве оборон-

ной разведки, Агентстве национальной безопасности и Национальном разведывательном офисе. Что значит для нас червокамера? Червокамера – метод наблюдения, который не поддается обнаружению и отключению, – представляет собой прорыв в гонке вооружений в области средств наблюдения и прослушивания, которая тайно велась начиная с сороковых годов. Фактически червокамера связывает наблюдателя через пространство с субъектом наблюдения и способна обеспечивать наблюдателя снимками бесспорной подлинности, и затем эти снимки можно, например, предъявлять в зале суда. Фотографические снимки в качестве улики фигурируют в судах США с две тысячи десятого года, но даже самые качественные фотоснимки можно подделать.

В нашей стране червокамеры были применены на таможнях и в иммиграционных службах, для проверки качества продуктов питания и медицинских препаратов, для утверждения лиц, претендующих на важные государственные посты, и для целого ряда других целей. Что касается уголовного правосудия, несмотря на то что создание юридической базы для использования червокамер в соответствии с правами человека еще не завершено, ФБР и полицейские бригады уже смогли добиться нескольких ярких побед – например, были раскрыты преступные планы анархиста-одиночки Ф. Субиру (который, кстати, объявил себя клоном второго поколения музыканта двадцатого века Майкла Джексона), собиравшегося взорвать памятник Джорджу Вашингтону.

Позвольте мне напомнить хотя бы о том, что в две тысячи тридцать пятом году была зарегистрирована только третья часть от всех совершенных преступлений – и из этой трети только пятая часть закончилась арестом и предъявлением обвинений. Пятая часть от одной трети – это около семи процентов. Чаша весов в уравнении устрашения склонилась в сторону неэффективности. А теперь, хотя точная статистика по периоду апробирования еще неизвестна, мы уже можем сказать, что уровень задержаний повысится на несколько порядков. Дамы и господа, вероятно, мы приближаемся к эпохе, когда впервые в истории человечества можно будет с твердой уверенностью сказать о том, что преступность невыгодна...

Теперь относительно международных событий: в две тысячи тридцать пятом году на сбор и анализ данных международной разведки было истрачено семьдесят пять миллиардов долларов.

Но большая часть этих разведывательных данных не представляла особой ценности: работала электронная система сбора данных, в которую вместе с зернами попадало немало плевел. А в наше время мы сталкиваемся с угрозами, исходящими из разбойничьих государств и от ячеек террористов, и эти угрозы имеют четко направленный характер. Следовательно, и наша разведка должна быть четко направленной. Нанесение на карту военной техники и диспозиции врага ничего не говорит нам о его стратегии и еще меньше – о его

намерениях.

Но многие из наших противников имеют столь же сложную технику, как и мы, и оказалось сложно и порой невозможно с помощью обычных средств электроники проникнуть в самую суть проводимых ими операций. Решения для этого вопроса искали за счет возвращения к так называемой "челоразведке", то есть к разведке с помощью людей-шпионов. Но шпионов трудно внедрить, и давно известно, как ненадежна и уязвима такая разведка.

Но теперь у нас есть червокамера. Червокамера позволяет нам разместить точку наблюдения (говоря техническим языком – фокус) *где угодно*, без необходимости физического присутствия. Разведка с помощью червокамер (черворазведка, как ее уже успели окрестить в узких кругах) дает настолько ценные результаты, что с помощью камер уже ведется постоянное наблюдение за большинством политических лидеров – как дружественных, так и наоборот, за руководителями различных религиозных объединений и групп, за многими крупными промышленными корпорациями и так далее.

Методика использования червокамеры носит скрытый, личный характер. Мы можем, если понадобится, наблюдать за противником в самые интимные моменты. Потенциал применения этой технологии для выявления противозаконной деятельности очевиден. Если понадобится, можно прибегнуть и к шантажу. Червокамера снабжает нас сведениями о контактах противника – например, о поставщиках оружия,

и мы имеем возможность производить оценку таких факторов, как чьи-то религиозные воззрения, культура, уровень образования и подготовки, источники информации, используемые медийные средства.

Дамы и господа, в прошлом главной точкой действий разведки была география зоны боевых действий. Теперь, при наличии червокамеры, перед нами предстанет география сознания противника...

Прежде чем я перейду к перечислению конкретных удач, достигнутых на раннем этапе применения червокамер, мне хотелось бы коснуться будущего.

Нынешний технологический уровень предлагает нам червокамеру, способную передавать изображение высокого разрешения в видимом диапазоне спектра. Наши ученые сотрудничают со специалистами из "Нашего" мира в плане совершенствования данного метода, чтобы обрести возможность улавливать и данные вне видимой области спектра – в частности, инфракрасное излучение во время работы ночью. Также идет работа в направлении улавливания звуков – ученые стараются придать фокусу "червоточины" чувствительность к физическим побочным продуктам звуковых волн. Это позволит избавиться от необходимости чтения по губам. Кроме того, мы намерены сделать дальние фокусные точки полностью мобильными, дабы была возможность наблюдать за объектом в движении.

В принципе фокусы червокамер поддаются обнаружению,

поэтому объединенные группы сотрудников ФБР и экспертов из "Нашего мира" занимаются гипотетическими "антикамерами" – то есть способами, с помощью которых противник мог бы обнаружить и, вероятно, "ослепить" червокамеру. Скорее всего, этого возможно добиться путем введения в фокус высоко-энергетичных частиц, в результате чего "червоточина" закроется. Но мы не считаем, что это может стать серьезным препятствием. Не забывайте: размещение червокамеры – это не одноразовая акция, которую можно из-за обнаружения считать проигранной. Нет.

Мы можем разместить сколько угодно червокамер в том или ином месте – независимо от того, обнаруживаются они противником или нет.

Кроме того, в настоящее время агентства США обладают монополией на данную технологию. Нашим противникам известно, что мы добились значительного прогресса в возможностях сбора разведывательных данных, но они понятия не имеют о том, каким образом мы это делаем. Не стоит пока даже говорить об изысканиях, посвященных "заглушке" червокамер, – наши враги не знают, что искать.

Но безусловно, наше лидерство в технологии использования червокамер не может длиться вечно, и сохранять эту технологию в тайне мы тоже не сможем без конца. Нам следует приступить к составлению планов на будущее – на такое будущее, в котором информация о червокамере станет достоянием общественности, и наши центры власти и управ-

ления станут точно так же открыты для наших оппонентов, как их центры – для нас...»

Из Часа международных новостей «Нашего мира», 28 января 2037 г.

Кейт Манцони (в эфир):

«Мы словно бы присутствуем при возрождении Уотергейтского скандала шестидесятилетней давности: сотрудники Белого дома из ближайшего окружения президента Марии Хуарес публично обвинены в ограблении избирательного штаба представителя Республиканской партии, считающегося главным соперником Хуарес на предстоящих президентских выборах в две тысячи сороковом году.

Республиканцы утверждают, что заявления, сделанные окружением Хуарес, – относительно возможного нарушения правил ведения избирательной кампании в свете сомнительности спонсирования GOP³³ различными олигархами, – могли появиться исключительно на основании сведений, полученных нелегальным путем, а именно – за счет подслушивания телефонных переговоров или воровства данных.

Белый дом в ответ призвал республиканцев привести неопровержимые доказательства подобного вторжения. Пока GOP не смогла этого сделать...»

³³ «Grand Old Party» – «Великая старая партия» – неофициальное название Республиканской партии США.

МОЗГОВАЯ ПРОБКА

Кейт наблюдала за Джоном Коллинзом. Он прилетел в московский аэропорт.

В аэропорту Коллинза встретил молодой человек. «Поисковик» быстро распознал в нем Андрея Попова. Попов, русский националист, имел связи с вооруженными повстанческими группами, действовавшими во всех пяти государствах, граничащих с Аральским морем, – в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане и Киргизстане.

Кейт передвинула фокус ближе.

С нарастающим волнением она вела фокусную точку червокамеры рядом с Коллинзом и Поповым, передвигавшимися по Москве – на автобусе, в метро, в автомобилях, пешком, – несмотря на метель. Кейт смотрела на Кремль и старое уродливое здание КГБ, словно совершала виртуальную экскурсию по городу.

Кейт была потрясена царившей в городе нищетой. Несмотря на свою профессию, Коллинз был самым типичным американцем за границей; Кейт видела, как нарастает его раздражение из-за плохой работы мобильного телефона, как он удивляется тому, что женщины, торгующие билетами для входа в метро, подсчитывают сдачу на счетах, какое отвращение у него вызывает грязь в общественных туалетах,

как трудно ему поверить в отсутствие ответа от «Поискови-ка» после долгого ожидания.

Кейт испытала недюжинное облегчение, когда Коллинз добрался до небольшого аэродрома на окраине Москвы и сел в легкий самолет, а потом ему удалось заставить заработать что-то вроде автопилота.

Здесь, в полумраке «Червятника», сидя перед софт-скрином, Кейт управляла фокусом с помощью джойстика и хитрой поддерживающей программы. Но как ни гениальна была система, все же слежка за передвижением человека в чужом городе была напряженной, изматывающей работой; стоило бы только на миг отвлечься – и несколько часов труда насмарку.

Однако уровень работы червокамеры уже был поднят настолько, что Кейт могла бы «прицепить» отдаленный фокус к разным электронным «рописям» – к примеру, к самолету Коллинза. И вот теперь ее червокамера невидимо повисла в кабине самолета, над плечом у Коллинза, а самолет взмыл в сумеречное российское небо. Коллинз понятия не имел о том, что за ним ведется неотступная слежка.

Работа должна была стать легче. Инженеры «Червятника» разрабатывали способы, с помощью которых фокус червокамеры мог бы наблюдать за отдельным субъектом без необходимости участия человека-наблюдателя... Но все это – в будущем.

Кейт отодвинула от стола стул, встала и потянулась. Она

устала сильнее, чем думала; попробовала, но так и не смогла вспомнить, когда у нее был перерыв.

Она рассеянно смотрела на изображение, непрерывно поступающее от червокамеры. Над Центральной Азией сгущалась ночь, но за маленькими иллюминаторами самолета еще можно было разглядеть землю, словно бы покрытую рубцами, полосы бурых пустошей, все еще необитаемых и теперь, через сорок лет после распада Советского Союза, которому всегда было плевать и на свою землю, и на своих людей...

На плечо Кейт легла рука, сильные пальцы начали массировать затекшие мышцы. Кейт вздрогнула, но прикосновение было знакомым, и она не смогла не расслабиться.

Бобби поцеловал ее пышные волосы.

– Так и думал, что найду тебя здесь. Ты хоть знаешь, который час?

Кейт взглянула на табло на софт-скрине.

– Поздний вечер?

Бобби рассмеялся.

– Ну да – по московскому времени. Но это Сиэтл, штат Вашингтон, Западное полушарие, и на этой стороне планеты – чуть больше десяти утра. Ты проработала всю ночь. Опять. У меня такое чувство, что ты меня избегаешь.

Кейт вспыльчиво отозвалась:

– Бобби, ты просто не понимаешь. Я слежу за этим парнем. Это круглосуточная работа. Коллинз – оперативник ЦРУ, который, похоже, налаживает связи между нашим пра-

вительством и целым рядом лидеров повстанческих группировок в регионе Аральского моря. Там происходит нечто такое, о чем правительство не желает нас оповещать.

– Но, – с театральной торжественностью произнес Бобби, – червокамера видит все!

Он был одет в горнолыжный комбинезон – яркий, разноцветный, снабженный системой терморегуляции и жутко дорогой. Здесь, в теплом уголке «Червятника», Кейт видела, как раскрываются искусственные поры, как под ними проглядывает смуглая загорелая кожа. Бобби наклонился к софт-скрину, взглянул на изображение, на заметки Кейт.

– А сколько Коллинзу лететь? – спросил он.

– Трудно сказать. Несколько часов.

Бобби выпрямился.

– Если так, сделай перерыв. Твой объект наблюдения никуда не денется из самолета, пока тот не приземлится – или не рухнет на землю, а за это время червокамера с превеликой радостью и сама за ним понаблюдает. Кроме того, он спит.

– Но он там с Поповым. Если он проснется...

– Тогда записывающая система регистрирует все, что он скажет или сделает. Пойдем. Дай себе отдохнуть. И мне тоже.

«Но я не хочу быть с тобой, Бобби, – с тоской подумала Кейт. – Потому что есть вещи, говорить о которых мне совсем не хочется. И все таки...»

И все-таки ее по-прежнему влекло к нему – влекло, невзирая на то, что она о нем знала.

«Ты становишься слишком закомплексованной, Кейт, – сказала она себе. – Слишком зацикленной на себе. И тебе совсем не повредит хоть на время удрать из этого холодного и безжизненного сарая».

С трудом заставив себя улыбнуться, Кейт взяла Бобби за руку.

Выдался погожий безветренный день – приятный промежуток между штормами, которые теперь то и дело осаждали тихоокеанское побережье.

Со стаканами кофе со сливками они шли по парку, разбитому вокруг «Червятника». Невысокие земляные валы, мостики через ручьи, невероятно огромные старые деревья. «И все это заказано и устроено по эскизу Хайрема, – думала Кейт. – За бешеные деньги и без особого вкуса». Но небо было ясное, ярко-голубое, зимнее солнце уже немного согревало лицо, а позади Кейт и Бобби на траве, густо пропитанной серебристой росой, оставались темные следы.

Они нашли скамейку с механизмом терморегуляции. Скамейка нагрелась настолько, что роса на ней высохла. Кейт и Бобби сели на скамейку и какое-то время молчали и пили кофе.

– Мне все-таки кажется, что ты от меня прячешься, – негромко произнес Бобби. Кейт заметила, как имплантаты на сетчатке его глаз поляризовались на солнце, и глаза стали серебристыми, какие бывают у насекомых. – Дело в черво-

камере, да? Во всех этих этических моментах, которые так тебя смущали?

С готовностью, от которой ей стало стыдно, Кейт ухватилась за эту мысль.

– Еще бы не смущаться! Технология такой силы...

– Но ведь ты присутствовала при заключении соглашения с ФБР. Того соглашения, в результате которого червокамера попала в руки людей.

– Ох, Бобби... *Люди*... даже не знают о том, что эта проклятая штука существует, – не говоря уже о том, что правительственные агентства используют ее против них. Ты только вспомни, сколько сразу отловили неплательщиков налогов и родителей, не по назначению использующих детские пособия, сколько лиц, незаконно купивших оружие, были осуждены по закону Брейди, сколько арестовано серийных сексуальных маньяков.

– Но это же хорошо! Разве не так? Ты о чем говоришь? О том, что не доверяешь правительству? Сейчас не двадцатый век.

Кейт ворчливо отозвалась:

– А ты вспомни, как говорил Джефферсон: «Любое правительство приходит в упадок, когда власть целиком передоверяется правителям. Поэтому только сами люди являются единственными надежными хранителями». И что ты скажешь о вторжении в штаб республиканцев? О каком благе для людей тут можно говорить? О каких интересах граждан?

– Ты не можешь судить наверняка, использовал ли Белый дом для этого червокамеру.

– А как же иначе? – Кейт сокрушенно покачала головой. – Я хотела, чтобы Хайрем разрешил мне в этом покопаться. Но он немедленно отстранил меня от этого дела. Мы заключили Фаустову сделку, Бобби. Я не хочу сказать, что все ребята в администрации президента и в правительственных агентствах обязательно жулики, но они – всего-навсего люди. А им в руки попало такое мощное и тайное оружие... Бобби, я бы самой себе не доверяла, окажись у меня в руках такая силища. Случай с шпионажем в штабе республиканцев – это только начало кошмара в духе Оруэлла³⁴, который нам предстоит пережить. Что касается Хайрема – ты хоть имеешь представление о том, как Хайрем относится к своим работникам здесь, в «Нашем мире»? Желающие поступить сюда на работу проходят проверку вплоть до исследования ДНК. За всеми сотрудниками ведется слежка через базы данных кредитных компаний, полиции и даже федеральных органов. У него и так уже имелось достаточно способов оценивать производительность труда и поведение сотрудников, а теперь у него есть червокамера, и Хайрем, если нужно, может следить за людьми двадцать четыре часа в сутки. И никто из нас с этим ничего поделать не может. Уже состоялось

³⁴ Оруэлл Джордж (1903-1950) – английский писатель и публицист. Героиня намекает на знаменитый роман-антиутопию Оруэлла «1984», в котором изображено будущее мировое общество, пронизанное всеобщим страхом и ненавистью.

несколько судебных процессов, в результате которых стало ясно, что работники конституционно не защищены от противоправного надзора со стороны работодателей.

– Но все это ему нужно для того, чтобы люди хорошо работали, – сухо возразил Бобби. – С тех пор как ты всем поведала о Поляни, людьми овладело равнодушие, они стали употреблять алкоголь и наркотики в рабочее время, и...

– И все это не имеет никакого отношения к «Червятнику», – решительно прервала его Кейт. – Речь идет о нарушении основных прав человека. Бобби, как ты не понимаешь? *«Наш мир»* – это картинка из будущего для всех нас – если такие чудовища, как Хайрем, останутся обладателями червокамеры. И вот почему так важно, чтобы технология распространилась как можно более широко и быстро. Возникнет равенство: по крайней мере, мы сможем видеть, как они наблюдают за нами...

Она посмотрела в его насекомоподобные серебристые глаза.

Он бесстрастно произнес:

– Благодарю за лекцию. Так ты поэтому избегаешь меня? Кейт отвела взгляд.

– Это не имеет никакого отношения к червокамере, верно? – Он наклонился и испытующе посмотрел на нее. – Есть что-то такое, о чем ты не желаешь мне сказать. Ты так себя ведешь уже несколько дней. Даже несколько недель. В чем дело, Кейт? Не бойся сделать мне больно. Ты не сможешь

сделать мне больно.

«Наверное, не смогу, – подумала она. – И в этом вся беда, мой милый и бедный Бобби». Она повернула голову к нему.

– Бобби, дело в пробке. В том имплантате, который Хайрем вживил тебе в голову, когда ты был маленьким...

– И что же?

– Я узнала, для чего он нужен. Для чего он нужен *на самом деле*.

Пауза затянулась. Кейт почувствовала, как солнце пощипывает лицо. Весна еще не наступила, а солнечные лучи уже были полны ультрафиолета.

– Расскажи мне, – негромко попросил Бобби.

Экспертная страничка «Поисковика» все ей доходчиво объяснила. Речь шла о классическом методе нейро-биологического воздействия на сознание, применявшемся в начале двадцать первого века.

И никакого отношения это не имело к тому, что ребенок плохо говорил или был сверхвозбудимым, как утверждал Хайрем.

Первым делом Хайрем подавил нервную стимуляцию тех участков височной доли головного мозга Бобби, с которыми были связаны духовный поиск и интерес к мистике. А еще врачи «похимичили» в каудальной области, дабы Бобби не страдал от симптомов маниакально-депрессивного характера, которые у некоторых людей приводят к необходимо-

сти поиска избыточной безопасности, порядка, предсказуемости, ритуальности. Таковая необходимость в определенных обстоятельствах удовлетворяется членством в религиозных общинах.

Хайрем явно имел все намерения напрочь лишить Бобби религиозных порывов, которым оказался так подвержен его брат. Мир Бобби должен был стать мирским, земным, лишенным всего потустороннего и необъяснимого. А он бы даже не узнал, чего ему недостает.

«Это можно назвать, – печально думала Кейт, – богоэктомией³⁵».

Имплантат, вживленный по приказу Хайрема в мозг Бобби, кроме того, влиял на сложное взаимодействие гормонов, нейротрансмиттеров и участков мозга, получавших стимуляцию в то время, когда Бобби совершал половой акт. К примеру, имплантат угнетал выработку опиатоподобного гормона окситоцина, продукта гипоталамуса. Именно этот гормон «наводняет» головной мозг во время оргазма и рождает теплое чувство близости.

Благодаря ряду старательно продуманных романов – Хайрем их «продюсировал», поощрял и даже распространял о них сплетни – Бобби стал кем-то вроде секс-гиганта, и сам акт доставлял ему большое физическое удовольствие. Но отец сделал Бобби неспособным любить – а еще Хайрем, по

³⁵ Греческое слово «эктомия» означает «удаление». Например, удаление аппендикса профессионально именуется «апендэктомией».

всей вероятности, планировал добиться того, чтобы Бобби хранил верность только ему.

Было и еще кое-что. Например, подсоединение имплантата к глубинной структуре мозга Бобби, называемой миндалиной, могло быть попыткой контролировать склонность к вспышкам гнева. А загадочная манипуляция с орбитофронтальной корой головного мозга вполне могла быть направлена на подавление его свободной воли. И так далее.

Свое разочарование в Давиде Хайрем решил компенсировать превращением Бобби в идеального сына – то есть в сына, целиком и полностью соответствующего целям Хайрема. Но, добиваясь этого, Хайрем лишил Бобби очень многого из того, что делает человека человеком.

Так было до тех пор, пока Кейт Манцони не нашла «пробку» у него в голове.

Она привезла Бобби в небольшую квартирку, которую снимала в центре Сиэтла. Там они впервые за несколько недель предались любви.

А потом Бобби лежал в ее объятиях, и его кожа была горячей и влажной на ощупь. Он был так близко, как только мог быть, и все же далеко. С таким же успехом можно было заниматься любовью с незнакомцем.

Но теперь Кейт, по крайней мере, понимала, почему все так.

Она протянула руку и прикоснулась к его затылку, к жесткому краю имплантата под кожей.

– Ты действительно хочешь это сделать?

Он растерялся.

– Меня пугает только то, что я не знаю, как буду себя потом чувствовать... Я останусь самим собой?

Кейт прошептала ему на ухо:

– Ты почувствуешь себя живым. Ты почувствуешь себя человеком.

Он затаил дыхание, а потом проговорил так тихо, что она едва расслышала:

– Сделай это.

Кейт повернула голову.

– «Поисковик».

– Да, Кейт.

– Отключи.

... И для Бобби, еще не успевшего остыть после вспышки оргазма, женщина в его объятиях вдруг словно бы стала объемной, трехмерной, осязаемой и цельной. Она ожила. Все, что он видел и чувствовал – теплый запах ее волос, особенная линия ее щеки, на которую ложился приглушенный свет ночника, гладкая кожа живота, – все было в точности так, как раньше. Но он словно бы проник через поверхность к теплу самой Кейт. Он видел ее глаза – внимательные, полные тревоги, тревоги за него.

«Она за меня переживает», – понял он и был несказанно тронут.

Он больше не был одинок. А до сих пор даже не понимал, что был одинок.

Ему хотелось с головой погрузиться в океан ее тепла.

Она прикоснулась к его щеке. Он увидел, что ее пальцы намокли.

А потом рыдания сотрясли его тело. Любовь и боль овладели им – жаркие, небывалые, невыносимые.

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ

Хаос, царивший внутри, не рассеивался.

Он пытался отвлечься. Он вернулся к заброшенным делам. Но даже самое удивительное виртуальное приключение казалось ему теперь плоским, откровенно искусственным, предсказуемым, неинтересным.

Вроде бы ему стали нужны люди, хотя самых близких он сторонился.

«Я как мотылек, боящийся пламени свечи, – думал он. – Не могу перенести яркости нахлынувших чувств».

Вот он и принимал приглашения, над которыми в противном случае обязательно хорошо подумал бы, и вступал в разговоры с людьми, в которых прежде вовсе не нуждался.

Помогала работа, постоянно и занудно требовавшая его внимания, безупречная логичность совещаний, планов и перемещения ресурсов.

А время настало хлопотное. Новые модели обруча «Ока разума» поступали из апробационных лабораторий и были близки к стадии запуска в производство. А группы инженеров совершенно неожиданно обнаружили у устройства еще одно техническое качество: при пользовании обручем у людей возникала синестезия – синхронизация сенсорной информации, вызванная перекрестными «переговорами» меж-

ду центрами головного мозга. Это стало причиной для бурного празднования. Все знали, что компания IBM возобновила исследования Уотсона по этой самой проблеме, так что тому, кто первым расщелкал бы проблему синестезии, светил выход на мировой рынок и можно было еще долго не опасаться конкуренции. И вот теперь получилось так, что «Наш мир» выиграл в этой гонке.

В общем, работа отнимала много сил. Но Бобби не мог трудиться двадцать четыре часа в сутки, не мог и спать все оставшееся время. А когда он не спал, его разум, впервые за всю жизнь спущенный с поводка, выходил из повиновения.

Машина, снабженная «сма́рт-драйвом», везла его к «Червятнику», и он весь съеживался, страшась скоростной езды. Такое, казалось бы, далекое от его жизни сообщение по радио о жестоких убийствах и изнасилованиях в разыгравшейся войне за воду в районе Аральского моря тронуло его так, что он залился слезами. Закат над Пьюджет-Саунд, багрянец, пробившийся через прореху в плотных черных тучах, наполняли его благоговейным чувством благодарности за то, что он жив.

Когда он встречался с отцом, его сердце разрывали страх, отвращение, любовь и восхищение, и все это накладывалось на глубокую, неразрывную связь.

Но с Хайремом он хотя бы мог встречаться. С Кейт все было иначе. Он ощущал страстную потребность ласкать ее,

обладать ею, словно бы поглощать ее, и эта потребность была выше его сил. Наедине с ней он становился молчалив и не владел своим телом точно так же, как и разумом.

Она почему-то понимала, как он себя чувствует, и тактично, незаметно старалась держаться от него подальше. Она знала, что окажется рядом в тот день, когда он будет готов встретиться с ней, и их отношения возобновятся.

Но с отцом и Кейт Бобби хотя бы понимал, *почему* чувствует себя так, а не иначе, мог отследить причину того или иного отношения, приклеить робкие ярлычки к бурным чувствам, охватывавшим его. А страшнее всего были колебания настроения, от которых он страдал без всяких видимых причин.

Он мог проснуться в слезах – неведомо почему. А посреди мирного, спокойного дня его вдруг охватывала неопишуемая радость, и ему казалось, будто все наконец обрело смысл.

Прежняя жизнь казалась далекой, бесплотной, похожей на набросок простым карандашом. А теперь он погрузился в новый мир цвета, плоти, света и чувств, где самые простые вещи – завиток первого весеннего листка, солнечные блики на воде, плавная линия скулы Кейт – наполнялись красотой, о существовании которой он раньше даже не подозревал.

Бобби – хрупкому «эго», скользящему по поверхности мрачного внутреннего океана, – нужно было научиться жить воедино с новым, сложным, противоречивым человеком, которым он неожиданно стал.

Вот почему он искал встреч с братом.

Бобби становилось лучше рядом со спокойным, уравновешенным Давидом, похожим на медведя, с густыми, торчащими во все стороны светлыми волосами, склонившимся над софт-скрином, погруженным с головой в работу, радующимся логике и внутреннему порядку, удивительно аккуратно ведущим записи. Характер Давида был таким же массивным и прочным, как его тело; рядом с ним Бобби словно бы растворялся, превращался в струйку дыма, но при всем том немного успокаивался.

Как-то раз, не по сезону холодным вечером они сидели и, прихлебывая кофе, ожидали результатов очередного экспериментального прогона. Новая «червоточина», выуженная из квантовой пены, должна была расшириться намного сильнее, чем прежде.

– Я могу понять теоретика, желающего изучить пределы технологии применения «червоточин», – признался Бобби. – Раздувать оболочку как можно сильнее. Но мы и так уже достигли огромного прорыва. Наверняка теперь главное – внедрить полученные достижения в практику.

– Безусловно, – негромко отозвался Давид. – На самом деле внедрение важнее всего. У Хайрема цель – создать новое поколение «червоточин», оторвать его от аппаратуры, основанной на физике высоких энергий и доступной только правительствам и крупным корпорациям, и превратить в нечто

легкое в производстве и миниатюрное.

– Как компьютеры, – сказал Бобби.

– Именно. Только после миниатюризации и появления персональных компьютеров эта техника смогла завоевать мир. Обнаружились новые сферы ее применения, образовались новые рынки сбыта, и изменилась вся наша жизнь. Хайрем знает, что мы не сможем вечно удерживать нашу монополию. Раньше или позже кто-то еще разработает независимый проект червокамеры. Может быть, этот проект будет лучше нашего. А уж за этим непременно последуют миниатюризация и снижение стоимости.

– И будущее «Нашего мира», – добавил Бобби, – несомненно, в том, чтобы стать лидером рынка со всеми этими маленькими генераторами «червоточин».

– Такова стратегия Хайрема, – сказал Давид. – Червокамера ему видится как устройство, заменяющее все прочие, предназначенные для сбора информации: фотокамеры, микрофоны, научные датчики и даже медицинские зонды. Правда, не скажу, что мне просто-таки не терпится пройти эндоскопию с помощью червокамеры... Но я ведь говорил тебе, что немного изучал бизнес, Бобби. Массовое производство червокамер создаст большие удобства, и нам хватит прибыли от продаж. Но я верю, что с нашей технической помощью Хайрем сумеет открыть для себя намного более широкие возможности за счет дифференциации, предложив такие области применения червокамеры, какие не предложит

больше никто на рынке. Вот эту область мне и интересно изучить. – Давид усмехнулся. – По крайней мере, я объясню Хайрему, что именно на это тратятся его денюжки.

Бобби смотрел на него и старался думать о нем, о Хайреме, о червокамере. Он пытался понять.

– Тебе важны просто *знания*, да? Это для тебя главное.

Давид кивнул.

– Наверное, так. Наука – это в основном тяжкий и занудный труд. Бесконечные повторы, непрерывные проверки и перепроверки. А в связи с тем, что нужно отбраковывать ложные гипотезы, большая часть работы носит разрушительный, а не созидательный характер. Но иногда – возможно, всего-то несколько раз в жизни – наступают возвышенные мгновения.

– Возвышенные?

– Не каждый назовет это так. Но я это так ощущаю.

– И тебе безразлично, что может так случиться, что твои работы некому будет прочитать через пятьсот лет?

– Не хотелось бы, чтобы это было так. Возможно, этого не произойдет. Но откровение важнее всего, Бобби.

На софт-скрине у него за спиной фейерверком рассыпались пиксели, и послышался звук, похожий на негромкий звон колокола.

Давид вздохнул и повернулся к экрану.

– Но, похоже, сегодня так не будет.

Бобби через плечо брата заглянул на экран, по которому

бежали строчки цифр.

– Опять неустойчивость? Совсем как в первые дни, когда ты только начинал работать с «червоточинами».

Давид нажал несколько клавиш и задал параметры очередного теста.

– Видишь ли, мы становимся немного излишне амбициозны. Наши червокамеры уже способны добираться до любого места на Земле, преодолевать расстояния в тысячи километров. А теперь я намереваюсь выделить и стабилизировать «червоточины», занимающие значительные промежутки в пространстве-времени Минковского – а конкретно, десятки световых минут. Бобби поднял руки вверх.

– Ты меня уже запутал. Световая минута – это расстояние, которое свет преодолевает за одну минуту... так?

– Да. Например, до планеты Сатурн – миллиард с половиной километров. Это составляет около восьмидесяти световых минут.

– А мы хотим увидеть Сатурн?

– Конечно хотим. Разве не здорово было бы иметь червокамеру, с помощью которой можно исследовать глубины космоса? Никаких тебе космических зондов, никаких полетов продолжительностью в несколько лет... Но трудность состоит в том, что «червоточины», простирающиеся на такие значительные промежутки, в вероятностном бульоне квантовой пены попадают крайне редко. А их стабилизация ставит перед нами задачи во много порядков более сложные, неже-

ли раньше. И все-таки это нельзя считать невозможным.

– А почему ты говоришь «промежутки», а не «расстояния»?

– Жаргон физиков. Прости. Промежуток похож на расстояние, но в *пространстве-времени*. Это значит пространство плюс время. На самом деле – всего-навсего теорема Пифагора. – Давид взял простой желтый блокнот и начал писать на страничке. – Предположим, ты отправляешься в центр города и проходишь несколько кварталов на восток, а затем – несколько кварталов на север. А потом ты можешь рассчитать пройденное расстояние таким образом. – Он показал Бобби страничку:

(Расстояние) в квадрате = = (на восток) в квадрате + (на север) в квадрате.

– Ты обошел прямоугольный треугольник. Квадрат гипотенузы равен сумме...

– Уж это я знаю.

– Но мы, физики, думаем о пространстве *и* времени как о единой величине и представляем себе время в качестве четвертой координаты, в добавление к трем пространственным.

И он записал в блокноте:

(промежуток) в квадрате = (отстояние во времени) в квадрате – (отстояние в пространстве) в квадрате.

– Это называется системой мер для пространства-време-

ни Минковского. И... Но как ты можешь говорить об отстоянии во времени в том же смысле, как об отстоянии в пространстве? Время измеряется минутами, а пространство – километрами.

Давид одобритительно кивнул.

– Хороший вопрос. Приходится пользоваться единицами, уравнивающими пространство со временем. – Он смотрел на Бобби, пытаясь понять, доходит ли до того смысл его слов. – Скажем так: если время ты измеряешь минутами, а расстояние – световыми минутами, то все получается совсем неплохо.

– Но тут кроется что-то еще. Почему здесь стоит минус, когда по идее должен стоять плюс?

Давид потер мясистый нос.

– Карта пространства-времени выглядит не совсем так, как карта центра Сиэтла. Система мер разработана таким образом, что путь фотона – частицы, передвигающейся со скоростью света, – это нулевой промежуток. Промежуток равен нулю, потому что пространство и время вычитаются.

– Это относительность. Что-то такое, связанное с расширением времени и сужением масштабов, и...

– Верно. – Давид похлопал Бобби по плечу. – Именно так. Эта система мер инвариантна при трансформации уравнения Лоренца... Ладно, это ни к чему. Главное, Бобби, в том, что это то самое уравнение, которым мне приходится пользоваться, когда я имею дело с релятивистской вселенной и,

само собой, когда я пытаюсь выстроить «червоточину», простирающуюся до Сатурна и далее.

Бобби в задумчивости смотрел на простое уравнение, написанное от руки. Его чувства продолжали вихрем виться вокруг него, но он чувствовал, как его пронзает холодная логика, как возникают цифры, уравнения, образы. Он словно бы подхватил что-то вроде интеллектуальной синестезии. Бобби медленно выговорил:

– Давид, ты хочешь мне сказать, что расстояния в пространстве и во времени в каком-то смысле эквивалентны, так? Твои «червоточины» покрывают не просто расстояния, а промежутки в пространстве-времени. А *это* означает, что если тебе удастся стабилизировать «червоточину», достаточно большую для того, чтобы она доставала до Сатурна, то есть преодолевала расстояние в восемьдесят световых минут...

– Ну?

– То она сможет преодолеть и восемьдесят минут. В смысле, во времени. – Бобби уставился на Давида. – Я, наверное, совсем тупой?

Давид несколько секунд безмолвствовал.

– Боже милосердный, – проговорил он наконец. – Я об этом даже не задумывался. Я занимался конфигурацией «червоточины», способной покрыть промежуток пространства-времени, а об этом даже не думал. – Он яростно забарабанил по клавишам. – Я прямо отсюда начну преобразова-

ния... Если я ограничу пространственно-подобный промежуток на пару метров, то остальная протяженность «червоточины» вынужденно станет времяподобной...

– И что это будет значить? Давид?

Прозвучал звонок – до боли громко, и послышался голос «Поисковика»:

– Хайрем желает поговорить с вами, Бобби.

Бобби устремил на Давида полный беспомощности взгляд.

Давид резко кивнул. Его уже захватило новое направление работы.

– Я тебе попозже позвоню, Бобби. Это может быть важно.

Очень важно.

Причин задерживаться не было. Бобби встал и углубился в темноту «Червятника».

Хайрем расхаживал по городскому кабинету, сжав кулаки. Он явно был не на шутку зол. За большим столом для совещаний сидела Кейт и выглядела маленькой и напуганной.

На пороге Бобби помедлил. Несколько секунд он не мог заставить себя войти в кабинет – настолько сильные там бушевали эмоции. Но Кейт смотрела на него. Ей даже удалось вымученно улыбнуться.

Он вошел, на ватных ногах дошагал до стула, стоявшего напротив Кейт, и сел.

Он не в силах был выдать из себя ни слова.

Хайрем впери́л в него гневный взгляд.

– Ты предал меня, гадкий мальчишка.

Кейт вспыхнула:

– Ради бога, Хайрем...

– Помолчите.

Харем стукнул кулаком по столу, и вмонтированный в пластиковую крышку софт-скрин зажегся перед Бобби. На экране пошли фрагменты из выпуска новостей: фотографии Бобби, Хайрема в молодости, девушки – хорошенькой, скромной на вид, одетой во что-то бесцветное, мешковатое, немодное. А потом – снимок той же женщины двадцать лет спустя – умной, усталой, красивой. И на каждом снимке красовался логотип ENO.

– Они нашли ее, Бобби, – рявкнул Хайрем. – Из-за тебя. Из-за того, что ты не смог держать на замке свой треклятый рот, ясно?

– Нашли кого?

– Твою мать.

Кейт начала работать с софт-скрином, она быстро просматривала информацию.

– Хетер Мейз. Так ее зовут? Она еще раз вышла замуж. У нее есть дочь – у тебя есть сводная сестра, Бобби.

Хайрем процедил сквозь зубы:

– Держись от этого подальше, хитрая сучка. Если бы не ты, ничего этого бы не случилось.

Бобби, пытаясь овладеть собой, поинтересовался:

– Не случилось бы чего?

– Твой имплантат продолжал бы делать то, что делал раньше. Ты был бы уравновешен и счастлив. Господи, да если бы мне кто-то вложил в голову такую штуку, когда я был в твоём возрасте! От чего бы только это меня не спасло! А уж ты бы точно не стал разевать рот перед Дэном Ширрой.

– Ширра? Он из ENO?

– Вот только сам он себя так не назвал, когда встретился с тобой на прошлой неделе. Что он с тобой сделал? Напоил в стельку, одурманил, после чего ты наболтал с три короба про твоего злобного отца и давно потерянную мамочку?

– Я вспомнил, – объявил Бобби. – Он назвал себя Мервином. Мервин Коста. Я с ним давно знаком.

– Естественно. Он же пасет тебя по заданию ENO, чтобы подкопаться под *меня*. Ты понятия не имел о том, кто он такой, но ты держал язык за зубами – *раньше*, покуда имплантат управлял твоими мозгами. А теперь – полный вперед. Открыт сезон охоты на Хайрема Паттерсона. И все это из-за тебя, Манцони, черт бы тебя побрал.

Кейт продолжала просматривать новостную страничку и гиперссылки.

– Это не я использовала и вышвырнула эту женщину двадцать лет назад, – огрызнулась она, прикоснулась к своему софт-скрину, и часть крышки стола перед Хайремом засветилась.

– У Ширры неопровержимые доказательства. Смотрите.

Бобби встал и заглянул через плечо отца.

На экране был виден Хайрем, сидящий за столом.

«Да ведь это тот самый стол, – в ужасе осознал Бобби. – Та самая комната».

Хайрем работал над стопкой бумаг. Просматривал их и подписывал. Изображение было зернистым, дерганым, но все же достаточно четким. Хайрем дошел до определенного документа, недовольно, словно бы с отвращением, помотал головой, торопливо поставил подпись и положил листок лицевой стороной вверх на стопку бумаг справа.

Затем запись была проиграна в замедленном ритме, и фокус сосредоточился на документе. После настройки резкости и увеличения стало возможно прочесть часть текста.

– Видите? – сказала Кейт. – Хайрем, вас поймали во время того, как вы подписывали отступное соглашение, заключенное с Хетер больше двадцати лет назад.

Хайрем чуть ли не умоляюще воззрился на Бобби.

– Это было так давно. Мы с ней договорились. Я помог ей сделать карьеру. Она снимает документальные фильмы. У нее большие успехи.

– Она стала для него племенной кобылой, Бобби, – холодно произнесла Кейт. – А он платил ей, чтобы она помалкивала. И чтобы ей не вздумалось близко к тебе подойти.

Хайрем вскочил и заходил по кабинету. Он то бил кулаком по стене, то вздевал глаза к потолку.

– У меня тут подметают три раза в день. Как они ухитри-

лись получить эти кадры? Опять эти дегенераты из службы безопасности здания обгадились!

– Перестаньте, Хайрем, – спокойно и с явным удовольствием проговорила Кейт. – Вы подумайте как следует. Не может ЕНО вам «жучка» поставить. Как и вы – им.

– Больно мне надо ставить им «жучков», – огрызнулся Хайрем. – У меня же есть червока... О...

– Молодчина, – усмехнулась Кейт. – Догадались-таки. *Видимо, у ЕНО тоже червокамера имеется.* Только так они могли раздобыть этот сенсационный материалчик. Вы утратили свою монополию, Хайрем. И самое первое, что они сделали, как только обзавелись червокамерой, – нацелили ее на вас.

Она запрокинула голову и громко рассмеялась.

– Господи, – вырвалось у Бобби. – Какая катастрофа.

– Ерунда, – бросила Кейт. – Хватит, Бобби. Очень скоро весь мир будет знать о том, что червокамера существует; просто уже нельзя будет прятать ее. И очень хорошо будет, и слава богу, что наконец-то червокамеру вырвут из рук этих грязных монополистов – федерального правительства и Хайрема Паттерсона.

Хайрем холодно произнес:

– Если ЕНО обзавелись технологией червокамеры, совершенно ясно, кто им ее передал.

Кейт озадаченно глянула на него.

– Намекаете, что это я?..

– А кто же еще.

– Я журналистка, – вспыхнула Кейт. – А не шпионка. Пошли вы к черту, Хайрем. Не может быть никаких сомнений в том, что произошло. ЕНО просто-напросто догадались, что вы явно нашли способ адаптации «червоточин» к отдаленным фокусам. На основании этой догадки они продублировали ваши научные изыскания. И никаких особых сложностей с этим возникнуть не должно было; большая часть информации является достоянием широких масс. Хайрем, ваша монополия на червокамеру всегда была очень зыбкой. Надо было только, чтобы хотя бы один человек додумался до такой же идеи независимо.

Но Хайрем ее словно бы не слышал.

– Я тебя простил. Я взял тебя на работу. Ты получала от меня деньги. Ты обманула мое доверие. Ты повредила разум моего сына и натравила Бобби на меня.

Кейт встала и посмотрела на Хайрема в упор.

– Если вы действительно так думаете, то вы еще больший псих, чем каким я вас считала.

Послышался негромкий голос «Поисковика»:

– Прошу прощения, Хайрем. Пришел Майкл Мейвенс, он хочет вас видеть. Специальный агент Мейвенс из...

– Пусть подождет.

– Боюсь, не получится, Хайрем. Кроме того, звонит Давид. Говорит, дело срочное.

Бобби переводил глаза с отца на Кейт и обратно. Он был

напуган и озадачен. Ему казалось, что вокруг него мир рушится на куски.

Мейвенс сел и открыл кейс. Хайрем презрительно бросил:

– Что вам нужно, Мейвенс? Вот не думал встретиться с вами еще раз. Я считал, что мы обо всем договорились.

– Я тоже так думал, мистер Паттерсон. – Вид у Мейвенса был откровенно расстроенный. – Но проблема в том, что вы не выполнили соглашение. И «Наш мир» в целом – как корпорация. И в особенности один конкретный сотрудник. Вот поэтому я здесь. Как только я услышал об этом деле, я сразу задал себе вопрос: не могу ли я быть полезен. Полагаю, у меня здесь особый интерес.

Хайрем с тяжестью в голосе осведомился:

– О каком деле речь?

Мейвенс вытащил из портфеля лист бумаги, похожий на обвинительный протокол.

– Вот тут внизу написано, что IBM предъявляет «Нашему миру» обвинения в нарушении правил фирменных секретов, изложенных в акте тысяча девятьсот девяносто шестого года «О промышленном шпионаже».

Иск подписан директором научно-исследовательской лаборатории Томасом Дж. Уотсоном. Мистер Паттерсон, мы имеем основания полагать, что червокамера была использована для нелегального доступа к результатам фирменных исследований IBM. Речь идет об изобретении под названием

«Программное обеспечение подавления синестезии, вызванной применением техники виртуальной реальности». – Он оторвал взгляд от документа. – Это понятно?

Хайрем впери́л взгляд в Бобби.

Бобби сидел замерший, охваченный противоречивыми чувствами. Он не понимал, как ему следует реагировать, что говорить.

Кейт спросила:

– У вас есть подозреваемый, да, специальный агент?

Представитель ФБР задержал на ней взгляд и печально произнес:

– Полагаю, вам уже известен ответ на этот вопрос, мисс Манцони.

Взгляд Кейт выразил непонимание.

У Бобби вырвалось:

– Вы имеете в виду Кейт? Это глупо.

Хайрем стукнул кулаком по ладони другой руки.

– Я так и знал. Я знал, что от нее только и жди беды. Но я никак не представлял себе, что она зайдет так далеко.

Мейвенс вздохнул.

– Боюсь, что к вам ведет слишком явный след, мисс Манцони.

Кейт полыхнула румянцем.

– Если это так, то это подстроено.

Мейвенс отозвался:

– Вы будете арестованы. Надеюсь, обойдется без лишних

хлопот. Если вы посидите тихонько, «Поисковик» зачитает вам ваши права.

Кейт широко раскрыла глаза. Голос, не слышный для других, зазвучал у нее в ушах.

Хайрем сел рядом с Бобби.

– Не отчаивайся, сынок. Вместе мы это переживем. И чего ты только пыталась добиться, Манцони? Сделать под Бобби еще один подкоп? Не для того ли все это было затеяно?

На лицо Хайрема легла угрюмая маска, оно лишилось чувств, на нем не осталось ни следа от гнева, жалости, облегчения – и даже радости победы.

И в это мгновение распахнулась дверь. На пороге стоял Давид.

Он улыбался от уха до уха, его внушительная фигура заполняла весь дверной проем, а в руке он держал скатанный в трубочку софт-скрин.

– Я сделал это, – сказал он. – Господь свидетель, я это сделал... Что тут происходит?

Мейвенс начал:

– Доктор Керзон, было бы лучше, если бы...

– Не имеет значения. Чем бы вы тут ни занимались, это не имеет никакого значения. По сравнению с *этим*. – Он положил софт-скрин на стол и расправил. – Как только все получилось, я сразу помчался сюда. Вы только взгляните!

На экране софт-скрина красовалось нечто внешне похожее на радугу, только в этой радуге присутствовали исклю-

чительно черный, белый и серый цвета. Неровные полосы света изгибались дугами и искривлялись на черном фоне.

– Немного рябит, – объяснил Давид, – но все-таки это изображение эквивалентно по качеству снимкам, полученным первыми зондами NASA еще в семидесятые годы.

– Это Сатурн, – зачарованно произнес Мейвенс. – Планета Сатурн.

– Да. Мы видим перед собой кольца. – Давид ухмыльнулся. – Я выставил фокус червокамеры в миллиарде с половиной километров от Земли. Здорово, правда? Если приглядеться повнимательнее, можно рассмотреть даже парочку спутников – вот здесь, в плоскости колец.

Хайрем радостно расхохотался и крепко обнял Давида.

– Бог мой, какая классная чертовщина!

– Да. Да, так и есть. Но это не важно. Больше не важно.

– *Не важно?* Ты шутишь?

Давид принялся яростно нажимать на клавиши софт-скрина.

Изображение колец Сатурна исчезло.

– Я начну преобразования отсюда. Все очень просто. Это Бобби подсказал мне. Я просто не мыслил в таком направлении. Если я сокращаю пространственноподобный интервал на пару метров, тогда остальная часть «червоточины» уподобляется времени...

Бобби наклонился к экрану. Теперь на софт-скрине появилось настолько же зернистое изображение гораздо более

приземленной сцены. Бобби сразу узнал это место: это был рабочий кабинет-выгородка Давида в «Червятнике». Давид сидел там спиной к объективу, а рядом с ним стоял Бобби и заглядывал через его плечо.

– Вот так – легко и просто, – тихо и зачарованно проговорил Давид. – Правда, придется погонять, провести несколько экспериментов, тщательно все рассчитать...

Хайрем не понял.

– Но ведь это всего-навсего «Червятник». Что такого?

– Ты не понимаешь. Эта новая «червоточина» имеет точно такую же, скажем так, *длину*, как предыдущая.

– Как та, с помощью которой мы добрались до Сатурна.

– Точно. Но вместо того чтобы расширять ее и доводить ее размеры до восьмидесяти световых минут...

Мейвенс закончил фразу за него.

– Я понял. «Червоточина» преодолевает восемьдесят минут.

– Вот-вот, – кивнул Давид. – *Уходит на восемьдесят минут в прошлое*. Послушай, отец. Ты смотришь на меня и Бобби, и это происходит за мгновение до того, как ты вызвал его сюда.

Хайрем широко раскрыл рот от изумления.

Бобби показалось, будто все вокруг него поплыло, странно и неведомо преобразилось, как будто в голове у него включился новый чип. Он посмотрел на Кейт, а та словно бы съежилась – испуганная, шокированная.

А Хайрем, напрочь забыв обо всех своих бедах, сразу понял все, что вытекало из случившегося. Он уставился в пространство:

– Интересно бы узнать, сколько народа сейчас за нами подглядывает?

Мейвенс оторопело проговорил:

– Какого еще народа?

– Из будущего, – отозвался Хайрем. – Не уловили? Если он прав, то это поворотный момент в истории. Этот момент, здесь и сейчас, – изобретение этого... этого *объектива прошлого*. Может быть, воздух вокруг нас просто-таки кишит фокусами червокамер, в окуляры которых смотрят историки будущего. Биографы. Агиографы. – Он запрокинул голову и ослабил. – Что, глазете на меня? Да? Помните, как меня зовут? Я – Хайрем Паттерсон! Ха! Смотрите, что я вытворил, тупицы вы эдакие!

И бесчисленные наблюдатели в коридорах будущего встретились с его вызывающим взглядом.

/Часть вторая/ ГЛАЗА БОГА

*История... на самом деле не более чем летопись
преступлений, ошибок и неудач человечества.
Эдуард Гиббон (1737-1794)*

СТЕКЛЯННЫЕ СТЕНЫ

Кейт находилась под арестом в ожидании суда. Суд должен был состояться не так скоро, поскольку случай был непростой, а юристы Хайрема по договоренности с представителями ФБР вдобавок выговорили разрешение отложить суд до того времени, когда будут закончены эксперименты с новыми возможностями червокамеры, позволяющими заглядывать в прошлое.

В действительности вокруг дела Кейт была поднята такая шумиха, что было решено принять будущее постановление как прецедент.

Еще до окончательного выяснения способности червокамеры смотреть в прошлое было совершенно ясно, что эта технология окажет непосредственное воздействие почти на все принятые в последнее время к рассмотрению иски и уголовные дела. Многие крупные процессы были отложены или приостановлены в ожидании новых улик, а в судах продолжалось ведение только второстепенных дел, не связанных с исками одной стороны против другой.

Каким бы ни был исход процесса, Кейт еще долго предстояло сидеть на месте. Она никуда не могла деться.

Поэтому Бобби решил разыскать мать.

Хетер Мейз жила в местечке под названием Томас-сити, неподалеку от границы между штатами Аризона и Юта. Бобби долетел самолетом до Сидар-сити, а оттуда поехал на машине. Добравшись до Томаса, он оставил автомобиль в нескольких кварталах от дома Хетер и пошел пешком.

Рядом медленно ехала полицейская машина, и полисмен-здоровяк поглядывал из окошка на Бобби. Физиономия полисмена была похожа на широченную недобрую луну, испещренную множеством кратеров базально-клеточных карцином³⁶. Но стоило ему узнать Бобби, и его лицо сразу подействовало. Бобби прочитал по губам: «Здравствуйте, мистер Паттерсон».

Полицейский ехал рядом, а Бобби зазнобило от угрызений совести. Червокамера превратила Хайрема в самого известного человека на планете, и для всевидящего ока народа Бобби стоял рядом с ним.

На самом деле он отлично понимал, что уже сейчас, когда он приближается к дому своей матери, у него над головой вьются сотни червокамер, заглядывают ему в лицо в эти, такие трудные для него мгновения, – невидимые эмоциональные вампиры.

Он пытался не думать об этом – только это и было единственно возможной защитой от червокамер. Он шел по центру маленького городка.

Поздний апрельский снег падал на деревья в садах и кры-

³⁶ Разновидность рака кожи.

ши дощатых домиков, стоявших тут уже, наверное, лет сто. Бобби прошел мимо небольшого пруда, по льду которого на коньках катались дети, описывали круг за кругом и громко смеялись. И хотя солнце светило бледно, как зимой, дети были в темных очках и их лица были смазаны серебристым кремом, отталкивавшим солнечные лучи.

Томас был мирным, спокойным, безликим городком.

«Наверное, таких сотни здесь, в огромном пустом сердце Америки», – думал Бобби.

Еще три месяца назад покажи кто-то ему этот городок – и он счел бы его невыносимо скучным, а если бы его сюда каким-то ветром занесло, он бы, конечно, постарался поскорее смыться в Лас-Вегас. А вот теперь гадал, каково бы это было – вырасти здесь.

Полицейская машина все ехала вдоль по улице, и Бобби обратил внимание на то, что при появлении полицейских люди вдруг начинают по-мелкому хулиганить. Мужчина, вышедший из магазинчика, где продавались суши-бургеры, скомкал бумагу, в которую была завернута еда, и бросил ее на тротуар прямо под носом у колов. На перекрестке пожилая женщина нагло нарушила правила перехода и пошла на красный свет, задиристо поглядывая на ветровое стекло полицейского авто. И так далее. Копы терпеливо на все это взирали. А как только машина проезжала мимо них, люди возвращались к мирной, законопослушной жизни.

На самом деле это явление распространилось довольно

широко. Возникло что-то вроде приглушенного бунта против нового режима невидимых надзирателей, вооруженных червокамерами. С мыслью о том, что у власти появилось такое мощное оружие подглядывания, не желали мириться, похоже, многие американцы, и по всей стране прокатилась волна мелких хулиганств. В остальном законопослушных людей вдруг охватило желание совершать не слишком серьезные противоправные действия – мусорить на улице, нарушать правила перехода улиц. И все словно бы только ради того, чтобы доказать: они свободны, невзирая на кажущуюся всесильность властей. И местным полицейским приходилось учиться все это терпеть.

Это был всего лишь символ защиты собственных прав. И Бобби казалось, что это вполне здоровое поведение.

Он добрался до главной улицы. Бегущие строчки на автоматах для просмотра новейших бульварных новостей умоляли его облегчить их закрома – всего-то за десять долларов за сюжет. Бобби пробежал глазами соблазнительные заголовки. Попадались и серьезные новости – местные, внутренние и международные. В городке была зарегистрирована вспышка холеры, вызванная недостатком водоснабжения. Томас-сити, похоже, с трудом приспособивался к своей квоте, связанной с подъемом уровня моря в районе острова Галвестон. И все же серьезные проблемы отступали под наплывом скандальных новостей.

Местная конгрессменша была вынуждена подать в отстав-

ку из-за того, что червокамера уличила ее в сексуальных подвигах. Ее засняли в тот момент, когда она пыталась склонить старшеклассника, посланного в Вашингтон в награду за крупные достижения в футболе, к совсем иному виду физкультуры... Правда, парень был вполне взрослый, и, насколько понимал Бобби, главное преступление члена палаты представителей сейчас, на заре применения червокамеры, состояло исключительно в собственной глупости.

Что ж, она не одна была такая. Сообщалось о том, что двадцать процентов членов Конгресса и почти треть сенаторов объявили, что не станут переизбираться на следующий срок или до окончания нынешнего уйдут в отставку. Некоторые уже подали прошения. По оценке ряда комментаторов, практически половина избранных официальных лиц Америки вынуждены были покинуть свои посты до того, как национальное и индивидуальное сознание вместило бы такое понятие, как червокамера.

Некоторые говорили, что это хорошо – что от страха люди будут вести себя прилично. Другие отмечали, что у большинства людей бывают в жизни моменты, которыми они предпочли бы не делиться с прочим человечеством. Очень могло быть так, что через пару избирательных кампаний на службе могли выжить только те чиновники, либо пожелать занять таковые посты могли только такие соискатели, которые отличались патологической скучностью и не имели ровным счетом никакой личной жизни.

А истина, как обычно, лежала где-то посередине между этими крайностями.

Все еще были слышны отголоски крупного скандала прошлой недели – попытки сотрудников Белого дома дискредитировать потенциального противника президента Хуарес на следующих выборах. Этого несчастного засняли с помощью червокамеры сидящим на унитазе со спущенными трусами, ковырявшим в носу и вынимающим грязь из пупка.

Но все это было приписано извращенцам-эротоманам, а губернатору Бошану несколько не повредило. В конце концов, туалетом пользуются все, и, пожалуй, теперь почти все, невзирая на стеснительность, делали это, уже не задумываясь о том, пялится ли на них червокамера сверху вниз (или, того хуже, снизу вверх).

А у Бобби вошло в привычку пользоваться туалетом в темноте.

Это было не так просто даже при наличии нового, на редкость легкого в обращении сантехнического оборудования, которым быстренько обзавелись почти все. И еще Бобби порой гадал, остался ли кто-нибудь в развитом мире, кто еще занимался сексом при включенном свете.

Он сомневался, что даже автоматы, торгующие бульварными записями, не обанкротятся, когда ударная волна схлынет. Поговаривали, будто бы эти записи, еще несколько месяцев назад выглядевшие просто шокирующими, теперь играли всеми красками с рекламных щитов на главных улицах

мормонских общин и никто на них даже внимания не обращал – ни молодые, ни старые, ни дети, ни верующие.

У Бобби складывалось такое впечатление, что червокамера вынудила человечество отказаться от некоторых табу и как бы немного повзрослеть.

Он пошел дальше.

Дом Мейзов найти оказалось просто. Перед этим в остальном ничем не приметным домом, на ничем не приметной жилой улочке, посреди классического маленького американского городка Бобби обнаружил типичный побочный эффект славы, проверенный временем: примерно дюжина съемочных бригад околачивалась перед белым заборчиком вокруг сада. Червокамера червокамерой, но должно было пройти еще много времени, прежде чем аудитория, привыкшая смотреть новости, отвыкнет от наличия репортера, который что-то такое разобъяснит перед показом шокирующего сюжета.

Прибытие Бобби, конечно, само по себе было сенсацией. И вот теперь журналисты бросились к нему. Камеры-дроны подпрыгивали над их головами, будто кубические серебристые надувные шары. Вопросы сыпались градом:

– Бобби, посмотрите сюда, пожалуйста...

– Бобби...

– Бобби, правда ли, что вы впервые увидите с матерью с тех пор, как вам было всего три года?

– Правда ли, что ваш отец не хотел, чтобы вы ехали сюда?

Или сцена, разыгравшаяся в кабинете главного офиса «Нашего мира», была подстроена для червокамер?

– Бобби...

– Бобби...

Бобби улыбался – настолько спокойно, насколько мог. Репортеры не попытались прорваться следом за ним, когда он открыл маленькую калитку и прошел за забор. Собственно, прорываться было незачем. Без сомнения, вокруг него теперь роилось не меньше тысячи червокамер.

Он понимал, что невозможно просить об уважении к частной жизни. Выбора, похоже, не было и оставалось только терпеть. Но он ощущал этот невидимый взгляд, почти осязаемо упершийся ему в затылок.

А самым жутким было то, что посреди этой плотной толпы невидимок могли быть и наблюдатели из невообразимого будущего, вглядывающиеся в туннели времени и видящие все, вплоть до теперешнего момента. Да не он ли сам – будущий Бобби – был среди них?

Но он должен был прожить свою жизнь до конца, невзирая на то, что за ним постоянно подглядывали.

Он постучал в дверь и стал ждать, с каждым мигмом волнуясь все сильнее. «Уж конечно, червокамера не может видеть, как бьется мое сердце», – успокаивал он себя. Но зато не спускающие с него глаз миллионы людей могли видеть, как стиснуты его зубы, как покрылось лицо капельками испарины, несмотря на холод. Дверь отворилась.

Бобби пришлось уговорить Хайрема, чтобы тот благословил его на эту встречу.

Хайрем сидел в одиночестве за большим письменным столом под красное дерево. Перед ним было разложено множество бумаг и несколько софт-скринов. Он сторбился, словно бы приготовившись отбивать атаку. У него появилась привычка оглядываться по сторонам. Его взгляд блуждал по воздуху, искал там невидимые устья «червоточин» со страхом мыши перед хищником.

– Я хочу ее видеть, – сказал Бобби. – Хетер Мейз. Мою мать. Я хочу поехать и встретиться с ней.

Таким измученным и неуверенным Бобби отца еще никогда в жизни не видел.

– Это будет ошибкой. Что хорошего это тебе даст?

Бобби растерялся.

– Не знаю. Я не знаю, каково это – иметь мать.

– Она тебе не мать. По-настоящему – нет. Она тебя не знает, ты не знаешь ее.

– А мне кажется, что знаю. Я ее вижу в каждом бульварном шоу...

– Если так, то тебе известно, что у нее другая семья. Новая жизнь, не имеющая с тобой ничего общего. – Хайрем уставился на него в упор. – И про самоубийство ты знаешь.

Бобби нахмурился.

– Ее муж.

– Он покончил с собой из-за вмешательства средств массовой информации в их жизнь. А все потому, что твоя подруга выдала секрет червокамеры самым скользким журналистским змеюкам на свете. Это она в ответе...

– Папа!

– Да, да, я знаю. Мы уже спорили об этом. – Хайрем встал со стула, подошел к окну, принялся растирать затылок. – Господи, как я устал. Послушай, Бобби, когда у тебя появится желание вернуться к работе, имей в виду: мне жутко нужна помощь.

– Вряд ли я прямо сейчас готов...

– Все пошло к чертям, с тех пор как червокамера вырвалась на волю. От всей охраны и дополнительных мер безопасности один лишний геморрой.

Бобби знал, что это так и есть. Реакция на существование червокамеры (почти без исключения – враждебная) поступала от целого спектра протестующих группировок, начиная с заявлений почтенных защитников гражданских прав и заканчивая попытками нападения на главный офис «Нашего мира», «Червятник» и даже на дом Хайрема. Огромное количество людей, стоящих по обе стороны закона, считали, что их задевает безжалостное обнажение истины червокамерой. Многим из них, похоже, было просто необходимо кого-то обвинить в своих несчастьях – а кто лучше подходил для этой роли, как не Хайрем?

– Мы теряем много хорошего народа, Бобби. У многих

пороху не хватило остаться со мной теперь, когда меня обзывают врагом общества номер один, человеком, уничтожившим понятие частной жизни. Не могу сказать, что я их обвиняю. Это ведь не их борьба. И даже те, кто остался, не могут удержаться и не попользоваться червокамерой. Просто невероятно, до чего докатилось ее незаконное использование. Сам можешь догадаться. Шпионят за соседями, за женами, за коллегами по работе. Скандал за скандалом, драки, даже одна попытка затеять стрельбу – и все из-за того, что люди обнаруживают, что о них на самом деле думают их приятели, чем они занимаются у них за спиной... И вот теперь, когда появилась возможность заглянуть в прошлое, спрятаться стало совсем уж невозможно. Жутко заразительно. И догадываюсь, что это еще цветочки по сравнению с тем, чего мы дождемся, когда червокамеру сможет приобрести каждый простой смертный. Отгружать придется миллионами, не сомневайся. Но пока что – всего лишь, как я уже сказал, лишняя геморрой. Мне пришлось строго-настрого запретить незаконное использование и отключить терминалы... – Он посмотрел на сына. – Послушай, у нас полно работы. А мир не станет ждать, пока ты соизволишь лечить свою драгоценную душу.

– Я думал, что дела идут хорошо – хотя мы и потеряли монополию на червокамеру.

– Да, мы по-прежнему на шаг впереди остальных. – Голос Хайрема зазвучал увереннее, и Бобби это сразу заметил.

Его отец даже теперь говорил так, будто обращался к невидимой толпе публики. – Теперь, когда о существовании червокамеры можно говорить открыто, можно думать о большом спектре областей ее применения. К примеру, видеофоны: червоточная пара для прямой связи между отправителем и получателем. Экспериментальный рынок может заработать немедленно, затем последует выпуск моделей для рынка массового. Естественно, это окажет воздействие на бизнес в области инфопроводов, но все равно сохранится потребность в технологии слежения и идентификации... но мои проблемы не в этом. Бобби, на следующей неделе у нас общее собрание акционеров. Мне придется встретиться лицом к лицу с моими пайщиками.

– Ну, этих ты можешь не опасаться. Для них главное – прибыль.

– Дело не в этом. – Хайрем обвел кабинет опасливым взглядом. – Как я им объясню? До появления червокамеры в бизнесе я играл «в закрытую». Никто не видел моих карт, даже инвесторы и пайщики, если я так хотел. И это давало мне массу возможностей лавировать – блефовать самому, блефовать в ответ...

– *Врать?*

– Ни в коем случае, – решительно возразил Хайрем. Бобби другого и не ждал. – Это вопрос позиции. Я мог сводить к минимуму собственные слабости, мог бравировать силой, мог подстегнуть конкуренцию новой стратегией – да

что угодно я мог. А теперь правила изменились. Теперь игра больше напоминает шахматы – а я, скрипя зубами, режусь в покер. Теперь любой пайщик, или конкурент, или представитель регулирующей компании, если на то пошло, может сунуть нос в любую деталь моих операций. Они могут увидеть все мои карты еще до того, как я их открою. А это очень неудобное чувство.

– Ты можешь поступать со своими конкурентами точно так же, – заметил Бобби. – Я прочитал множество статей, где говорится о том, что новый менеджмент под девизом «открытая книга» будет совсем неплох. Если ты открыт для инспекции даже со стороны твоих работников, ты подотчетен. Значит, обоснованная критика скорее доберется до тебя и ты будешь делать меньше ошибок... Экономисты утверждали, что открытость приносит бизнесу много преимуществ. Если какая-то одна сторона лишится монополии на информацию, гораздо легче будет ликвидировать ту или иную сделку. При том, что сведения об истинной стоимости станут доступными для всех, прибыли будут только разумными. Наведение порядка в потоках информации вело к более честной конкуренции; монополии, картели и прочие манипуляторы рынка обнаруживали, что лишены возможности продолжать свою нечестную игру. При открытом и подотчетном курсировании денежных потоков преступники и террористы лишались возможности припрятать неучтенные средства. И так далее, и тому подобное...

– Господи... – проворчал Хайрем. – Когда я слышу подобную дребедень, я очень жалею, что не стал торговать учебниками по менеджменту. То-то бы я сейчас озолотился! – Он махнул рукой и указал на дома за окном. – Вот только там днем с огнем не сыщешь комиссии, которая обсуждает, по каким учебникам будут учиться студенты. Это очень похоже на то, что стало с авторскими правами, когда появился Интернет. Помнишь, как это было? А, нет, ты еще был маленький. Глобальная информационная инфраструктура – штука, которая должна была заменить Бернскую конвенцию по авторским правам, – осталась с носом. Неожиданно Интернет оказался завален неизданным мусором. Каждое треклятое издательство оказалось не у дел, все авторы превратились в компьютерных программистов – а все из-за того, что кто-то выкладывал в сеть задаром то, чем они себе на хлебушек зарабатывали. И вот теперь мы опять проходим через то же самое. Ты имеешь мощную технологию, с помощью которой можно совершить информационную революцию, новый прорыв. Но эта технология вступает в противоречие с интересами людей, являющихся производителями информации, либо теми, кто придает информации определенную ценность. Я могу получать прибыль только от того, что производит «Наш мир», а это в большой степени связано с интеллектуальной собственностью, обладанием идеями. Но законы по интеллектуальной собственности очень скоро станут неприменимы.

– Папа, это справедливо в равной мере для всех.

Хайрем фыркнул.

– Может быть, и так. Но не каждый строит для себя планы процветания. В этом городе революции и борьба за власть идут в каждом офисе. Я точно знаю – я наблюдал за большинством из них. Как *и они* наблюдали за мной. Я пытаюсь сказать тебе о том, что я нахожусь в совершенно новом мире. И мне нужно, чтобы ты был со мной.

– Папа, мне нужно кое-что для себя прояснить.

– Забудь о Хетер. Я пытаюсь уберечь тебя от огорчений.

Бобби покачал головой.

– Окажись ты на моем месте, разве ты не захотел бы повидать ее? Разве тебе не было бы любопытно?

– Нет, – сказал Хайрем как отрезал. – Я ни разу не ездил в Уганду, чтобы повидаться с родней отца. И никогда об этом не пожалел. Ни разу. Что хорошего это бы мне дало? Мне нужно было строить собственную жизнь. Прошлое есть прошлое; и нет никакого толку в том, чтобы его рассматривать вблизи. – Он вызывающе обозрел пространство. – А вы, пьявки треклятые, которым не терпится попить еще кровушки Хайрема Паттерсона, это можете тоже записать.

Бобби встал.

– Знаешь, если мне будет слишком больно, я ведь попросту могу снова щелкнуть выключателем, который ты засунул мне в голову, верно?

Хайрем скорбно произнес:

– Главное – не забывай, где твоя истинная семья, сынок.

На пороге стояла девочка. Тоненькая, ростом до плеча Бобби, в ядовито-синей длинной футболке с аппликацией в виде ярко-розового «линкольна». Она хмуро посмотрела на Бобби.

– Я знаю, кто ты, – проговорил он. – Тебя зовут Мэри.

Дочь Хетер от второго брака. Сначала Давид, теперь – она, сводная сестра. Она выглядела младше своих пятнадцати лет. Волосы у Мэри были острижены совсем коротко, по-мальчишески, на щеке красовалась временная татуировка. Она была прехорошенькая – высокие скулы, теплые глаза, но брови хмурила так, словно это у нее было в привычке.

Бобби натянуто улыбнулся.

– Твоя мама...

– Ждет тебя. Знаю. – Девочка выглянула из-за Бобби, посмотрела на толпу репортеров. – Тебе лучше войти.

Он гадал, не надо ли сказать что-то о ее отце, как-то выразить сочувствие. Но он не мог найти нужных слов, а взгляд у Мэри был тяжелый, бесстрастный, и момент, когда еще можно было что-то сказать, он упустил.

Девочка впустила его в дом. Он оказался в узкой прихожей, заполненной зимними сапогами и куртками. Отсюда была видна уютная кухня и комната, где на стенах висели большие софт-скрины. Скорее всего, это было нечто вроде кабинета.

Мэри потянула Бобби за руку.

– Смотри сюда.

Она шагнула к двери, встала лицом к репортерам и быстро стащила с себя футболку. Трусики на ней были надеты, а бюстгальтер – нет, так что она продемонстрировала представителям масс-медиа свои маленькие обнаженные груди. Потом она снова натянула на себя футболку и сердито захлопнула дверь. Ее щеки покрылись пятнами лихорадочного румянца. Злость? Смущение?

– Зачем ты это сделала?

– Все равно они на меня все время пялятся.

Она развернулась на каблуках и побежала вверх по лестнице, громко стуча туфельками по деревянным ступенькам. Бобби оторопело остановился в прихожей.

– ... Прошу простить ее. Она плоховато справляется.

Это наконец появилась Хетер. Она медленно шла навстречу Бобби по холлу.

Она оказалась меньше ростом, чем он ожидал. Стройная, даже худощавая, только плечи немного округлились. Наверное, когда-то в ней было, как в Мэри, что-то эльфийское, но теперь скулы слишком сильно выпирали под состаренной солнцем кожей, а ее карие глаза, глубоко утонувшие в морщинистых ямках, смотрели устало. Волосы, тронутые седью, были стянуты на затылке в тугий узел.

Она вопросительно посмотрела на Бобби.

– С тобой все в порядке?

Бобби не сразу обрел дар речи.

– Я просто... просто не соображу, как мне вас называть.

Она улыбнулась:

– Как насчет Хетер? А то все и без того так запуталось.

И она вдруг порывисто шагнула к нему и обняла его.

Он пытался подготовиться к этому моменту, пытался представить, как справится с бурей эмоций. Но момент настал, а он не ощутил ничего, кроме...

Пустоты.

И все время чувствовал, до боли чувствовал, как на него смотрят миллионы глаз, как они следят за каждым его жестом и высказыванием.

Хетер отстранилась.

– Последний раз видела тебя, когда тебе было пять лет, и все должно выглядеть именно так. Что ж, я так думаю, для показухи вполне достаточно.

Она провела Бобби в ту комнату, которую он про себя окрестил кабинетом. На рабочем столе был разложен софтбокс с высоким разрешением, какими пользуются художники и дизайнеры-графики. На стенах висели какие-то списки, снимки людей, пейзажей, обрывки желтой бумаги, исписанные неразборчивым почерком. Повсюду, где только можно, в том числе и на полу, лежали рукописи и раскрытые книги – в основном справочная литература. Хетер торопливо сняла кипу бумаг с вертящегося кресла и положила их на пол. Бобби понял это как не высказанное словами предло-

жение сесть.

Хетер улыбнулась ему.

– Когда ты был маленький, ты любил чай.

– Правда?

– Ты просто не желал пить ничего, кроме чая. Даже от газировки отказывался. Что же – выпьешь чаю?

Он был готов отказаться.

«Но ведь она, наверное, специально купила чай, – спохватился он. – И это твоя мать, осел ты эдакий».

– Конечно, – сказал он. – Спасибо.

Она ушла в кухню и вернулась с дымящейся чашкой жасминового чая. Низко наклонившись, она подала Бобби чашку и прошептала:

– Меня не проведешь. Но спасибо за поддержку.

Неловкая пауза. Бобби сделал глоток чая.

Он указал на большой софт-скрин, на гору бумаг.

– Вы – кинорежиссер, да?

Хетер вздохнула.

– Была когда-то. Занималась кинодокументалистикой. Я себя считаю специалистом по журналистским расследованиям. – Она улыбнулась. – Я получала награды. Можешь мной гордиться. Правда, мало кому теперь есть дело до этой стороны моей жизни. Теперь главное, что я когда-то спала с великим Хайремом Паттерсоном.

Бобби спросил:

– Вы еще работаете? Несмотря на то что...

– Несмотря на то что моя жизнь превратилась в полное дерьмо? Пытаюсь. А чем мне еще заниматься? Я не желаю, чтобы моя жизнь зависела от Хайрема. Правда, это нелегко. Все так быстро переменилось.

– Из-за червокамеры?

– А из-за чего же еще? Никому теперь не нужны продуманные сюжеты. О сценариях вообще речи нет. Мы все зачарованы новой игрой – возможностью следить друг за другом. Так что нет никакой другой работы, кроме документального «мыла»: наблюдения за реальными людьми в их реальной жизни – с их согласия и одобрения, безусловно. Ирония судьбы, если учесть мое собственное положение, правда? Вот посмотри. – Она вывела на софт-скрин изображение молодой улыбающейся женщины в военной форме.

– Анна Петерсен. Выпускница военно-морского колледжа в Аннаполисе.

Бобби улыбнулся.

– Анна из Аннаполиса?

– Ну вот, ты понимаешь, почему выбрали именно ее. Съёмочные бригады посменно наблюдают за Анной двадцать четыре часа в сутки. Мы будем следить за ее карьерой на первых порах, за ее победами и поражениями, за романами и потерями. Говорят, что ее должны отправить в составе точки в районе Аральского моря, где идет война за воду, так что мы ожидаем поступления неплохих материалов. Командование флота, конечно, в курсе того, что мы наблюдаем за Анной. –

Хетер уставилась в пространство. – Правда, ребята? Так что, может быть, нет ничего удивительного в том, что она получила такое назначение, очень скоро мы все будем глазеть на такую семейную, мыльную войнушку.

– А вы циничны.

– Надеюсь, нет. Но это нелегко. Червокамера очень портит мне карьеру. О, пока еще нужна интерпретация – требуются аналитики, редакторы, комментаторы. Но и эти профессии исчезнут, когда все кто попало обзаведутся собственными червокамерами и будут их нацеливать, на кого захотят.

– Вы думаете, это произойдет?

Хетер фыркнула.

– Тут и думать нечего. Мы это уже проходили с персональными компьютерами. Вопрос только в том, как быстро это случится. Под воздействием конкуренции и социальных сил червокамеры обязательно станут более дешевыми, более мощными и доступными, и в конце концов у каждого будет своя.

«Очень может быть, – подумал Бобби с тяжелым сердцем, вспомнив об экспериментах Давида с хроно-фокусом, – они станут еще мощнее, чем вы думаете».

– Расскажите мне о вас и Хайреме.

Хетер устало улыбнулась.

– Ты действительно этого хочешь? Здесь, на планете, которую уже можно переименовать в Скрытую камеру?

– Пожалуйста.

– А что тебе Хайрем обо мне рассказывал?

Медленно, периодически спотыкаясь, он передал ей рассказ Хайрема.

Хетер кивнула.

– Так вот что случилось. – Она надолго задержала взгляд на сыне. – Послушай меня. Я не просто придаток Хайрема, не просто некое дополнение к твоей жизни. И Мэри тоже. Мы люди, Бобби. Ты знаешь о том, что я потеряла ребенка, а Мэри – младшего брата?

– Нет. Хайрем мне ничего не говорил.

– Конечно, не говорил. Потому что это не имело к нему никакого отношения. Слава богу, хоть *за этим* еще никто не наблюдает.

«Пока», – мрачно уточнил Бобби про себя.

– Я хочу, чтобы ты понял это, Бобби. – Она уставилась в одну точку. – Я хочу, чтобы это поняли все. Мою жизнь разрушают по кусочку – тем, что за мной *следят*. Потеряв малыша, я спряталась. Я заперла двери, закрыла шторы, я даже под кровать залезала. По крайней мере, были моменты, когда я чувствовала, что я одна. Теперь – нет. Теперь все стало так, будто каждая из стен в моем доме превращена в одно-стороннее зеркало. Можешь себе представить, каково это?

– Пожалуй, да, – тихо ответил Бобби.

– Через несколько дней фокус всеобщего внимания передвинется на кого-то другого, и этот человек попадет под огонь. Но все равно я ни за что не смогу быть уверенной в

том, что где-то в мире не сидит какой-нибудь маньяк и не заглядывает ко мне в спальню, потому что ему и теперь, по прошествии стольких лет, любопытно. И даже если червокамера завтра возьмет и исчезнет, Десмонда этим не вернуть. Послушай, мне было очень погано. Но я-то, по крайней мере, знаю, что все это происходило из-за того, что давным-давно сделала я. Мой муж и моя дочь не имели к этому никакого отношения. И все же они стали мишенями для чьих-то безжалостных взглядов. И Десмонд...

– Мне очень жаль.

Хетер опустила взгляд. Фарфоровая чашка в ее руке дрожала и тонко позванивала о блюдецце.

– Мне тоже жаль. Я не соглашалась видеться с тобой, чтобы не делать тебе плохо.

– Не переживайте. Мне и так было плохо. Но я притащил с собой толпу зрителей. Это эгоистично.

Хетер натянуто улыбнулась.

– Они уже были здесь. – Она очертила рукой круг над головой. – Мне порой кажется, что я могла бы разогнать следящих за мной, как мошек. Но вряд ли от этого будет толк. Я рада, что ты заехал, как бы то ни было... Еще чаю?

... У нее карие глаза.

Только на долгом пути до Сидар-сити Бобби пришла в голову эта простая мысль и поразила его. Он проговорил:

– «Поисковик». Основы генетики. Доминантные и рецес-

сивные гены. Например, голубые глаза – рецессивный ген, а карие – доминантный. Значит, если у отца голубые глаза, а у матери – карие, у детей должны быть...

– Карие? Все не так просто, Бобби. Если хромосомы матери содержат ген голубых глаз, то у кого-то из детей могут быть и голубые глаза.

– «Голубые-голубые» от отца; «голубые-карие» от матери. Четыре комбинации...

– Да. И один из четверых детей будет голубоглазым.

– Гм-м-м...

«У меня голубые глаза, – думал Бобби. – А у Хетер – карие».

«Поисковик» догадался, как ответить на тот вопрос, который по-настоящему мучил Бобби:

– У меня нет сведений о генетическом прошлом Хетер, Бобби. Если хочешь, я могу выяснить...

– Не надо. Спасибо.

Он откинулся на спинку сиденья. Глупый вопрос, что и говорить.

Наверняка в семействе Хетер у кого-то были голубые глаза.

Наверняка.

Машина мчалась, углубляясь в недра огромной сгущающейся ночи.

СВЕТОВЫЕ ГОДЫ

Хайрем расхаживал по маленькой комнате Давида. Его силуэт то и дело возникал на фоне ночного неба в витражном окне. Он наугад взял со стола лист бумаги с выцветшей фотокопией и прочитал заглавие:

– "Червоточины" Лоренца³⁷ из гравитационно-сжатого вакуума». Новая замороженная теория?

Давид сидел на диване, недовольный и раздраженный неожиданным визитом отца. Он понимал, что Хайрему нужно с кем-то пообщаться, чтобы сбросить накопившийся адреналин, чтобы выбраться из аквариума, в который превратилась его жизнь, из аквариума, находившегося под пристальными взглядами множества людей. Все это Давид понимал. Ему просто не хотелось, чтобы Хайрем вторгнулся в его личное пространство.

– Хайрем, хочешь чего-нибудь? Кофе или...

– Неплохо бы бокал вина. Только не французского.

Давид направился к холодильнику.

– Есть у меня бутылочка «шардоне». Несколько виноград-

³⁷ Лоренц Хендрик Антон (1853-1928) – нидерландский физик, создатель классической электронной теории, разработчик электродинамики движущихся сред. Вывел пространственно-временные преобразования, названные его именем. Нобелевская премия (1902 г.).

ников в Калифорнии вполне приличные.

Он наполнил бокалы и принес их к дивану.

– Так значит, – проворчал Хайрем, – «червоточины» Лоренца?

Давид откинулся на спинку дивана и почесал макушку.

– Правду сказать, мы близки к тупику. У метода Казимира, судя по всему, существуют врожденные ограничения. Равновесие двух сверхпроводящих пластин конденсатора, баланс между силами Казимира и электрическим сопротивлением нестабилен и легко теряется. А электрические разряды, которые приходится передавать, настолько высоки, что зачастую происходят сильнейшие выбросы электричества в окружающую среду. Хайрем, уже три человека погибли со времени начала внедрения технологии червокамеры. Собственно, это должно быть тебе известно от страховых компаний. Для червокамер следующего поколения потребуется что-то попроще. А будь у нас *это*, мы бы сразу смогли приступить к производству гораздо более дешевых моделей червокамер и дальнейшей разработке технологии.

– И что, есть такой способ?

– Вероятно. Инжекторы Казимира – довольно-таки громоздкий способ производства отрицательной энергии, он просто-таки из позапрошлого века. Но оказывается, подобные области могут существовать естественно. Если пространство достаточно сильно искажено, квантовый вакуум и другие флуктуации можно увеличивать до тех пор... Ладно.

Существует небольшой квантовый эффект. Он называется *сжатым вакуумом*. Беда в том, что самая лучшая теория, которой мы пока располагаем, говорит о том, что для получения достаточно сильного гравитационного поля необходима квантовая черная дыра. Поэтому...

– Поэтому ты ищешь теорию получше. – Хайрем порылся в бумагах, задержал взгляд на рукописных заметках Давида – уравнениях, связанных между собой фигурными скобками. Затем он обвел комнату сердитым взглядом. – И ни единого софт-скрина. Ты вообще-то им пользуешься? Хоть когда-нибудь? А когда ты с помощью смарт-драйва едешь домой с работы и на работу из дома, ты что же, свои пыльные бумажки перебираешь, да? С того самого момента, как ты сюда попал, ты засунул свою франко-американскую голову в свою здоровенную задницу, и с тех пор она так там и торчит.

Давид вспыхнул.

– Тебя это разве касается, Хайрем?

– Ты знаешь, насколько я завишу от твоей работы. Но никак не могу отделаться от впечатления, что ты упускаешь из виду самое важное.

– Самое важное? Самое важное насчет чего?

– Насчет червокамеры. А самое главное в ней то, что она делает вон там.

И он указал на окно.

– В Сиэтле?

Хайрем рассмеялся.

– Везде. И между прочим, это происходит еще до того, как на полную мощность заработает временной аспект червокамеры. – Он словно бы принял решение. Поставив бокал на столик, он сказал: – Послушай. Прокатись-ка со мной завтра.

– Куда?

– На завод, где делают «боинги». – Он протянул Давиду карточку со штрих-кодом смарт-драйва. – В десять утра?

– Хорошо. Но...

Хайрем встал.

– Я чувствую себя ответственным за завершение твоего образования, сынок. Я тебе покажу, на что способна червокамера.

Бобби привел Мэри, свою сводную сестренку, в опустевший кабинет Кейт в «Червятнике».

Мэри обошла вокруг письменного стола, прикоснулась к выключенному софт-скрину, потрогала акустические колонки. Все здесь было стерильно-аккуратно и безлико.

– Все так и было?

– Все ее личные вещи убрали. Полицейские унесли кое-что, связанное с работой. Все остальное мы отправили посылками ее родственникам. А с тех пор сюда то и дело навещали криминалисты.

– Похоже на череп, который выкопали и вылизали дочиста.

Бобби усмехнулся.

– Хороший образ.

– Правда, да?

– Да, но...

«Но все равно, – подумал он, – что-то тут от Кейт все равно осталось – и в этом безликом письменном столе, и в этом стуле, словно за месяцы, проведенные здесь, ей удалось каким-то образом запечатлеть себя в этом скучном куске пространства-времени. Интересно, скоро ли это ощущение выветрится?»

Мэри пристально смотрела на него.

– Тебя это огорчает, да?

– Ты догадлива. И на редкость откровенна.

Мэри ухмыльнулась. Сверкнули бриллиантики (скорее всего, фальшивые), вставленные в ее передние зубы.

– Мне пятнадцать лет. Это моя работа. А правда, что червокамеры могут заглядывать в прошлое?

– Где ты об этом слышала?

– Ну, правда?

– Да.

– Покажи мне ее.

– Кого?

– Кейт Манцони. Я ее никогда не видела. Покажи мне ее.

У вас же тут есть червокамеры?

– Конечно. Это «Червятник».

– Все знают, что можно смотреть в прошлое с помощью червокамеры. А ты знаешь, как с ней обращаться. Или ты

боишься? Как боялся прийти сюда...

– Засунула бы ты свой язычок сама знаешь куда. Пошли.

Злясь на девочку, он повел ее к клетке лифта, с помощью которого можно было добраться до рабочего места Давида двумя этажами ниже.

Сегодня Давида на работе не было. Дежурный инженер поздоровался с Бобби и предложил свою помощь. Убедившись в том, что энергетическая аппаратура работает, от другой помощи Бобби отказался. Он сел на вертящееся кресло перед столом Давида и начал процесс загрузки. Его пальцы не слишком ловко управлялись с ручной клавиатурой, горячей на софт-скрине.

Мэри подвинула стул и села рядом.

– Какой отвратительный интерфейс. Этот Давид, наверное, жутко отсталый урод.

– Могла бы проявить больше уважения. Он мой сводный брат.

Мэри фыркнула.

– За что мне его уважать? Только за то, что старикашка Хайрем с какой-то теткой поделился своими сперматозоидами? И вообще: чем Давид тут весь день занимается?

– Давид работает над новым поколением червокамер. Что-то такое под названием «технология сжатого вакуума». Вот. – Он взял со стола пару исписанных листков бумаги и показал Мэри. Она быстро пробежала глазами выписанные мелким почерком уравнения. – Если все получится, скоро

мы сможем открывать «червоточины» так, что нам не понадобится громадный цех, набитый сверхпроводящими магнитами. Все будет гораздо дешевле и меньше...

– Но все равно червокамеры останутся в лапах правительства и крупных корпораций. Так?

Большой софт-скрин, соединенный с тем маленьким терминалом, который лежал перед ними на столе, озарился вспышкой пикселей. Бобби расслышал гул генераторов, обеспечивавших энергией здоровенные, громоздкие инжекторы Казимира, установленные в углублении внизу, почувствовал резкий запах озона, исходивший от мощных электрических полей; оборудование вырабатывало высокую энергию, и Бобби, как обычно в эти моменты, овладел прилив волнения и ожидания.

А Мэри, к превеликому облегчению Бобби, утихла – хотя бы на время.

Пурга статики на софт-экране улеглась, и появилось изображение – немного угловатое, но вполне узнаваемое.

Они смотрели на кабинет-выгородку Кейт, расположенный в «Червятнике» на пару этажей выше кабинета Давида.

Но теперь они видели перед собой не выпотрошенную скорлупку. Кабинет был полон жизни. На рабочем столе под углом к крышке лежал включенный софт-скрин, по дисплею бежали строчки, а в углу в рамке шло что-то вроде выпуска новостей. Говорящая голова, микроскопические титры. Имелись и другие признаки ведущейся работы: банка от га-

зировки с отпиленным верхом, приспособленная в качестве стаканчика для карандашей и ручек, карандаши и ручки, разбросанные по всему столу, стопки желтой бумаги для заметок, пара сложенных и прикрепленных к подставкам газет.

Но еще больше волновали всякие мелочи – личные вещи и даже мусор, обозначающие, что это пространство принадлежит Кейт, и никому больше: дымящийся кофе в чашке с терморегулятором, смятая оберточная бумага, настольный календарь, старые часы с круглым циферблатом выпуска девяностых годов, фотография в сувенирной рамке – Бобби и Кейт на фоне экзотики «Мира Откровения», – пришпиленная ради смеха к одному из софт-скринов.

Стул был отодвинут от стола и все еще медленно вращался.

«Мы упустили ее, опоздали на несколько секунд», – подумал Бобби.

Мэри не спускала глаз с изображения. Она сидела с открытым ртом, зачарованно глядя в это окошко в прошлое. В первый раз с таким выражением на подобное зрелище смотрел бы любой.

– Мы ведь только что там были. Все совсем по-другому. Невероятно.

... И тут Кейт вошла в кабинет, как и ожидал Бобби. На ней было простое рабочее платье. Светлая прядь упала ей на глаза. Она нахмурилась, задумалась и еще сесть не успела, а ее пальцы уже забегали по клавиатуре.

– Знаю, – выдавил Бобби.

Цех завода компании «Боинг», где производилось оборудование для виртуальной реальности, оказался помещением с множеством рядов открытых стальных клеток. По подсчетам Давида, их было около сотни. За стеклянными стенами инженеры в белых халатах двигались вдоль ярко освещенных панелей компьютерного оборудования.

Клетки были установлены так, что могли двигаться в трех измерениях, и внутри каждой из них находилась конструкция из резины и стали, оборудованная датчиками и манипуляторами и повторяющая контуры человеческого тела. Давида крепко-накрепко пристегнули к одной такой конструкции, и, как только его ноги и руки потеряли способность двигаться, у него возникло острейшее чувство клаустрофобии. От устройства, накрывавшего гениталии, – до смешного большущего, похожего на вакуумный баллон, – Давид наотрез отказался.

– Не думаю, что это мне понадобится в путешествии...

Женщина-инженер поднесла к его голове шлем – напичканную электроникой оболочку. Прежде чем шлем опустился на голову Давида, он поискал глазами Хайрема. Отец находился внутри клетки в другом конце ряда.

– Ты далековато от меня.

Хайрем поднял руку в перчатке, пошевелил пальцами.

– Когда погрузимся, это уже не будет иметь значения. –

Его голос эхом отлетал от стен, как в пещере. – Что скажешь о цехе? Впечатляет, а?

Он подмигнул сыну.

Давид вспомнил об «Оке разума», простом устройстве системы Бобби – металлическом обруче весом всего в несколько сот граммов. Это устройство, напрямую взаимодействуя с нервной системой, могло заменить всю эту замысловатую боинговскую конструкцию. Похоже, Хайрем снова вышел победителем.

Инженер надела Давиду на голову шлем, и он погрузился в темноту...

И темнота начала медленно, вяло рассасываться. Он увидел перед собой лицо отца, озаренное неярким красным светом.

– Первые впечатления, – отрывисто произнес Хайрем, сделал шаг в сторону, и перед Давидом предстал пейзаж.

Давид огляделся по сторонам. Водное пространство, холмистая каменистая равнина, красное небо. Если он двигал головой слишком резко, изображение дергалось и рассыпалось на пиксели, и тогда он ощущал тяжесть шлема.

Линия горизонта круто изгибалась, будто он смотрел на местность с большой высоты. На горизонте виднелись низкие, изборозжденные оврагами горы, и их склоны отражались в воде.

Воздух показался Давиду разреженным, ему стало холодно.

– Первые впечатления? – переспросил он. – Побережье на закате... Но я такого солнца никогда не видел.

Солнце представляло собой шар, излучавший алое сияние, ближе к центру становившееся оранжевым. Шар висел над резкой, без всякого тумана или дымки линией горизонта и, видимо, из-за рефракции выглядел немного сплюснутым. Но он был огромен, намного больше земного солнца. Грандиозный купол охватывал, вероятно, десятую часть неба.

«Наверное, это красный гигант, – подумал Давид. – Раздувшаяся, стареющая звезда».

И краски на небе были ярче и глубже, чем на земном небе в час заката: в вышине небо было окрашено в яркий багрянец, садящееся солнце окружало алое гало, ниже лежала черная полоса. Но и вокруг солнца горели звезды – на самом деле Давид вскоре понял, что звезды просвечивают даже сквозь разреженную массу солнца.

Справа от солнца располагалось четкое созвездие, на вид очень знакомое. Очертания буквы W. Конечно, Кассиопея – одно из самых легко узнаваемых созвездий. Вот только слева от привычного W горела еще одна звезда, из-за этого созвездие превращалось в неровный зигзаг.

Давид сделал шаг вперед. Под ногами вполне убедительно захрустел гравий, он даже почувствовал под подошвами острые камешки, но подумал, совпадает ли давление на его стопы с той картиной расположения камешков, которую он видит глазами.

Он сделал еще несколько шагов к кромке воды. На прибрежных скалах лежал лед, небольшие льдины вдавались в воду примерно на метр. Поверхность воды была ровной, почти неподвижной, лишь изредка море лениво поднимало едва заметную волну. Давид наклонился, стал рассматривать гальку. Твердые, черные, сильно обточенные морем камешки. Базальт? Под слоем гальки проглядывал слой какого-то кристаллического вещества – возможно, это была соль. Как-то яркая звезда, светившая позади, отбрасывала на камешки бело-желтые лучи и даже создавала тень.

Давид выпрямился и бросил камешек в воду. Камешек летел долго, но медленно (малая сила притяжения?) и в конце концов даже со всплеском упал в воду. От места падения по воде разошлись широкие круги.

Хайрем подошел и встал рядом с Давидом. Он был одет в простой рабочий комбинезон с эмблемой компании «Боинг» на спине.

– Еще не догадался, где находишься?

– Это сцена из научно-фантастического романа, который я читал когда-то. Видение времен конца света.

– Нет, – покачал головой Хайрем, – никакой научной фантастики. Это не игра. Все это реально... Пейзаж, по крайней мере.

– Вид через червокамеру?

– Ага. С кучей виртуальных увеличений, усилений и наложений, чтобы была возможность интерактивного взаимо-

действия с местностью. Ну вот, к примеру, так, как было, когда ты камешек подобрал.

– Я так понимаю, что мы не в Солнечной системе. Я мог бы здесь дышать?

– Нет. Воздух – почти сплошной углекислый газ. – Он указал на округлые вершины гор. – Там еще есть кое-какая вулканическая активность.

– Но это маленькая планета. Я вижу, как искривляется линия горизонта. И сила притяжения здесь мала: как летел брошенный мной гольш... Но почему же эта маленькая планета не потеряла все свое внутреннее тепло, как Луна? А, понятно. Звезда. – Давид указал на шар, опускающийся за горизонт. – Видимо, мы находимся слишком близко к здешнему солнцу и приливные силы не дают ядру планеты остыть. Как на Ио, спутнике Юпитера. На самом деле это должно означать, что звезда представляет собой не гигант, как я думал. Она – красный карлик. И мы находимся близко от нее – достаточно близко для того, чтобы здесь сохранилась вода. Если, конечно, в этом озере или море плещется вода.

– Вода, вода. Пить, правда, не рекомендую. Верно, мы на маленькой планете, обращающейся вокруг красного карлика. Год здесь равен примерно девяти нашим суткам.

– А жизнь здесь есть?

– Ученые, исследующие эту планету, не нашли здесь никаких форм жизни, не нашли и ископаемых останков. Жаль.

Он поднял с земли еще один базальтовый камешек. Тот

отбросил две тени на его ладонь – серую и расплывчатую от пухлой красной звезды и другую, еще более бледную, но при этом более резкую от источника света позади.

Что же это за источник света?

Давид обернулся. В небе горела двойная звезда – ярче любой звезды и планеты, какую можно увидеть с Земли, но все же из-за огромного расстояния она казалась крошечной. Яркий свет слепил глаза, и Давид поднял руку, чтобы заслониться.

– Красиво, – сказал он, развернулся и посмотрел на созвездие, которое для себя назвал Кассиопеей, – созвездие с яркой дополнительной звездочкой. – Я знаю, где мы. Яркие звезды позади нас – это двойная звезда Альфа Центавра. Самые близкие из ярких звезд к нашему солнцу, до них четыре световых года...

– Четыре и три десятых, как мне сообщили.

– Следовательно, это планета системы Проксимы Центавра, самой близкой к нашему Солнцу звезды. Кто-то сумел разместить фокус червокамеры вблизи от Проксимы Центавра. На расстоянии *в четыре световых года*. Невероятно.

– Молодчага. Понял все-таки. Я же тебе говорил: ты отстал от жизни. *Вот это* – краеугольный камень метода червокамеры. *Эта способность*. Конечно, созвездия не слишком изменены на вид. Четыре световых года – слишком малая разница в межзвездном масштабе. Но вот яркая лишняя звездочка в созвездии Кассиопеи – это наше Солнце.

Давид устался на Солнце. Это была всего лишь бледно-желтая светящаяся точка, яркая, но не слишком. Но ее свет стал источником всего живого на Земле.

И вот теперь и Солнце, и Земля, и все планеты, и все места, где только когда-либо бывал человек, – все это должно было исчезнуть из-за какой-то песчинки.

– Она красивая, – объявила Мэри.

Бобби не отозвался.

– А это вправду окошко в прошлое.

– Ничего такого уж волшебного, – заметил Бобби. – Всякий раз, когда ты смотришь кино, ты заглядываешь в прошлое.

– Перестань, – прошептала Мэри. – В кино видишь только то, что тебе захотел показать какой-нибудь там оператор или монтажер. И большей частью даже в новостях те люди, на которых ты смотришь, знают, что на них направлена камера. А тут... можно смотреть на кого угодно, когда угодно, где угодно, снимать это на камеру или нет... А ты уже эту сцену видел раньше, да?

– Пришлось.

– Почему?

– Потому что считается, что именно в это время она совершила преступление.

– Сперла секреты виртуалки у IBM? Что-то мне не кажется, что она похожа на преступницу.

Бобби раздраженно выпалил:

– А что же, она должна черную маску была натянуть? Извини.

– Ладно, чего там. Понимаю, это трудно. Но зачем ей было это делать? Я знаю: она работала на Хайрема, но не очень-то его любила... Ой. Она любила *тебя*.

Бобби отвел взгляд.

– Согласно заключению ФБР, она хотела как-то выслушаться перед Хайремом. Тогда он мог бы более благосклонно смотреть на ее отношения со мной. Таковы были ее мотивы – так говорят. Ну вот. И в какой-то момент она вроде бы собиралась сообщить Хайрему о содеянном.

– А ты в это не веришь?

– Мэри, ты не знаешь Кейт. Это просто не в ее стиле. – Он улыбнулся. – Поверь мне, если я ей нужен, то она попросту возьмет меня, как бы к этому ни относился Хайрем. Но против нее есть улики. Инженеры перевернули все оборудование, которым она пользовалась. Они восстановили стертые файлы, согласно которым получается, что информация о пробных прогонах в IBM содержалась в памяти ее компьютера.

Мэри указала на софт-скрин.

– *Но мы можем заглянуть в прошлое.* Кому какое дело до каких-то там следов в компьютере? Кто-нибудь видел, как она открывает большой и толстый файл с логотипом IBM?

– Нет. Но это еще ничего не доказывает. По крайней ме-

ре, не доказывает следствию. Кейт знала о червокамере. Возможно, она даже догадывалась о том, что когда-нибудь у червокамеры откроется способность заглядывать в прошлое и впоследствии за ее действиями смогут проследить. Поэтому она заметала следы.

Мэри фыркнула.

– Ну, знаешь, для такого надо обладать просто дьявольской хитростью.

– Ты с Кейт не знакома, – сухо заметил Бобби.

– И все равно все это только косвенные улики. «Косвенные» – правильное слово?

– Правильное. Если бы не червокамера, ее бы уже давным-давно отпустили. Но пока дело даже не передано в суд. Верховный суд работает над новой главой уголовного кодекса, касающейся приемлемости к рассмотрению улик, полученных с помощью червокамеры. А до тех пор множество дел – в том числе и дело Кейт – отложены.

Он сердито ткнул в софт-скрин и отключил его.

– Тебя это тревожит? – спросила Мэри. – То, как они пользуются червокамерами?

– «Они»?

– Крупные корпорации, подглядывающие друг за дружкой. ФБР – за всеми нами. Я считаю, что Кейт невиновна. Но *кто-то* тут точно шпионил за IBM – с помощью червокамеры. – И с подростковой уверенностью Мэри заявила: – Либо червокамеры должны быть у всех, либо – ни у кого.

Бобби сказал:

– Может быть, ты права. Но так не будет.

– А вот то, что ты мне показывал – ну, следующее поколение, принцип сжатого вакуума...

– Придется тебе кого-то еще поискать, кто стал бы с тобой спорить об этом.

Какое-то время они сидели молча. Потом Мэри проговорила:

– Будь у меня хронообъектив, уж я бы с ним никогда не расставалась. Но только я бы ни за что не стала просматривать какую-то дребедень снова и снова. Я бы смотрела только на что-нибудь классное. А ты почему не посмотришь в прошлое подальше – в какой-нибудь момент, когда ты с ней был счастлив?

Бобби это в голову почему-то не приходило, и он поморщился.

– Ну почему нет? – настаивала Мэри.

– Потому что это ушло. Ушло в прошлое. Какой смысл оглядываться назад?

– Если настоящее – полное дерьмо, а будущее – и того хуже, кроме прошлого у тебя ничего нет.

Бобби нахмурился. Лицо Мэри, как у ее матери, было бледным, серьезным, честные карие глаза смотрели на него неотрывно.

– Ты тоскуешь по отцу.

– Конечно тоскую, – с ноткой злости ответила Мэри. –

Может, все зависит от того, с какой ты планеты. – Ее взгляд немного смягчился. – Я бы очень хотела на него посмотреть. Хотя бы немножко.

«Не надо было мне ее сюда приводить», – подумал Бобби. – Может быть, в другой раз, – осторожно проговорил он. – Пойдем. Погода хорошая. Пошли к заливу. Ты под парусом хоть раз ходила?

Несколько долгих минут ему пришлось уговаривать Мэри уйти.

А потом ему позвонил Давид, и Бобби узнал о том, что несколько ссылок и рукописных листков с заметками по «червоточинам», полученным с помощью сжатого вакуума, пропали с рабочего стола его старшего брата.

– На самом деле это работа студии Диснея, – как ни в чем не бывало сообщил Хайрем, стоя под лучами Проксимы Центавра. – В сотрудничестве с «Боингом» они установили гигантскую установку для червокамеры на мысе Канаверал. Когда-то там собирали ракеты и отправляли их на Луну. А теперь отправляют камеры к звездам. Неплохо, а? Конечно, большей частью они сдают свою виртуальную установку в аренду ученым; а руководство «Боинга» разрешает сотрудникам тут поиграть во время обеденного перерыва. Люди уже тарашатся на каждую треклятую планету и Луну в Солнечной системе, не выходя из своих тепленьких лабораторий с кондиционерами. А компания Диснея набирает обороты.

Луна и Марс очень скоро превратятся в тематические парки для виртуальных путешественников. Говорят, что наиболее популярны места приземлений «Аполлона» и «Викингов», хотя русские луноходы тоже пользуются вниманием.

«И можно не сомневаться, – подумал Давид, – что у "Нашего мира" имеется солидная доля в этом прибыльном бизнесе».

Хайрем улыбнулся.

– Что-то ты притих, Давид.

Давид попытался оценить собственные чувства. Удивление – пожалуй, но сплетенное с недоверием. Он подобрал с земли пригоршню гальки и разжал пальцы. Падение при невысокой силе притяжения смотрелось весьма убедительно.

– *Это реально.* Я прочел, наверное, сотню научно-фантастических книжек и тысячу гипотетических статей об экспедициях на Проксиму. И вот теперь мы здесь. Миллион лет люди мечтали оказаться здесь и увидеть это. Может быть, из-за этого сбывшегося сна в конце концов перестанут летать в космос. Жаль. Но это не более чем мечта. Мы все-таки стоим в холодном ангаре на окраине Сиэтла. Показывая нам *цель* и не требуя от нас волнующего *странствия*, червокамера превратит нас в целую планету рассеявшихся по диванам картофелин.

– А тебе не кажется, что ты немного преувеличиваешь?

– Нет, совсем не преувеличиваю. Хайрем, до появления

червокамеры мы догадывались о существовании этой планеты в системы Проксимы Центавра по микроскопическим смещениям траектории звезды. Мы производили расчеты и прикидывали, какими могут быть условия на поверхности этой планеты, мы осуществляли спектроскопический анализ ее отраженного света, чтобы потом гадать, какой у нее состав, мы старались создать новые поколения телескопов, чтобы нарисовать хотя бы приблизительную карту поверхности. Мы даже мечтали построить космические корабли, которые бы долетели сюда. А теперь у нас есть червокамера, и нам больше не нужно гадать, вычислять и наблюдать. Не нужно стараться, не нужно *думать*.

– Разве это не хорошо?

– Нет! – взорвался Давид. – Это то же самое, что бывает, когда школьник подсматривает ответ в конце учебника. Смысл-то ведь не в самих ответах, а в том «поумнении», которого мы добиваемся и которому радуемся в поисках верного ответа. Червокамера отменит целый ряд наук – планетологию, геологию, астрономию. И еще несколько поколений ученых будут заниматься только подсчетами и классификацией, как собиратели бабочек веке эдак в восемнадцатом. Наука превратится в таксономию.

Хайрем язвительно произнес:

– Ты забываешь об истории.

– Об истории?

– Это *ты* обнаружил, что червокамера, способная преодо-

леть расстояние в четыре световых года, может так же легко заглянуть и на четыре года в прошлое. Со временем наши достижения гораздо скромнее, чем с пространством, но наверняка мы и здесь добьемся успехов. И тогда – поминай как звали. Ты только подумай. Сейчас мы способны заглянуть назад на несколько дней, недель, месяцев. Мы можем пошпионить за женами, поглазеть на самих себя, сидящих верхом на унитазах, копы могут застать мерзавцев на месте преступления. Нелегко смотреть на собственное прошлое. Но это ерунда, личная дребедень. А вот когда мы сможем возвращаться назад на годы, вот тогда можно будет говорить о раскрытии истории. И в какую же банку червей она тогда превратится! Кое-кто уже готовит для этого почву. Наверное, ты слышал о проекте «Двенадцать тысяч дней»? Иезуиты придумали, по приказу Ватикана, составить подлинную историю развития Церкви и проследить ее вплоть до самого Иисуса Христа. – Хайрем скривился. – Вряд ли большая часть всего этого будет смотреться привлекательно. Но Папа умен. Уж пусть лучше первой это сделает Церковь, чем кто-то еще. Но все равно христианство развалится, как замок из песка. А за ним последуют другие религии.

– Ты так в этом уверен?

– Черт возьми, да. – Глаза Хайрема сверкнули отраженным алым светом. – Разве Бобби не назвал «Мир Откровения» обманом, выдуманым преступником?

«На самом-то деле, – мысленно уточнил Давид, – Бобби

в этом, конечно, помог, но вообще-то это был триумф Кейт Манцони».

– Хайрем, Христос – это не Биллибоб Микс.

– Ты так думаешь? И ты уверен, что способен это выяснить? И твоя Церковь это переживет?

«Может быть, и нет, – подумал Давид. – Но мы должны всей душой на это надеяться».

Хайрем правильно поступил, что вытащил его из кабинета, этой научной обезьяньей клетки, и дал увидеть все это, – так решил Давид. Он был неправ, что прятался, что погрузился в работу над червокамерой, особо не размышляя над возможными сферами ее применения. И он принял решение впредь заниматься не только теорией, но и прикладными моментами.

Хайрем взглянул на купол солнца.

– Похоже, холодает. Тут иногда снег идет. Пойдем. С этими словами он принялся расстегивать невидимые пуговицы на шлеме.

Давид вгляделся в светящуюся точку далекого солнца и представил себе, как его душа возвращается домой, как она летит с этого дальнего побережья к первородному теплу.

ПРИУКРАШИВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Комната для допросов в недрах престарелого здания суда показалась Бобби на редкость угнетающей. Тусклые стены выглядели так, будто их не перекрашивали со времен потопа, да и краска-то была казенная, светло-зеленая.

И вот в этой комнатке Кейт предстояло мириться с тем, что ее личную жизнь будут бичевать, отрывая по кусочку.

Кейт и ее адвокат – не улыбочивая толстуха – сидели на прочных пластиковых стульях за обшарпанным деревянным столом, а на столе стояло несколько разных записывающих устройств. Бобби усадили на жесткую скамью у дальней стены. По просьбе Кейт он должен был стать единственным свидетелем этого странного зрелища.

Клайв Мэннинг, психолог, назначенный судом по делу Кейт, стоял у противоположной стены и перелистывал на софт-скрине изображения – тускло-серые и сильно искаженные за счет панорамной съемки. Наконец Мэннинг нашел то, что искал. Кадр, на котором Кейт была заснята с мужчиной. Они стояли посреди тесной, неприбранной гостиной, и, судя по всему, между ними происходила жаркая ссора. Похоже, они друг на друга кричали.

Мэннинг – высокий, худой, лысый, лет под пятьдесят – снял очки в тонкой металлической оправе и постучал ими по зубам. Эта его манера сама по себе раздражала Бобби, не говоря уже о том, что очки были не более чем антикварной безделушкой.

– Что такое человеческая память? – спросил Мэннинг. Говоря, он смотрел в пространство, словно бы читал лекцию невидимой аудитории – что, собственно говоря, было, наверное, не так уж далеко от истины. – Безусловно, это не пассивный записывающий механизм вроде цифрового диска или магнитной ленты. Память больше напоминает машину-рассказчика. Сенсорная информация разбивается на осколки восприятия, а те разбиваются на еще более мелкие структуры и затем хранятся как фрагменты памяти. А ночью, когда тело отдыхает, эти фрагменты изымаются из хранения, заново подвергаются сборке и проигрываются. И каждое проигрывание загоняет их все глубже в нейронную структуру головного мозга. И всякий раз, когда воспоминание репетируется или проигрывается, оно усвершенствуется. Мы можем немножко добавить, немножко потерять, поиграть с логикой, добавить свежие фрагменты вместо потускневших, может быть – даже соединить между собой разрозненные события. В экстремальных случаях мы называем это явление приукрашиванием действительности. Мозг сотворяет и пересотворяет прошлое и в конце концов производит такую версию событий, которая может очень мало напоминать случивше-

еся на самом деле. В первом приближении, пожалуй, можно сказать так: «Все, что я помню, – ложь».

Бобби показалось, что в голосе Мэннинга появилась нотка вожделения.

– И это вас пугает, – с интересом проговорила Кейт.

– Если бы я этого не пугался, я был бы глупцом. Мы все – сложные и имеющие массу изъянов существа, Кейт, и мы спотыкаемся в темноте. Возможно, наши разумы, маленькие недолговечные пузырьки сознания, дрейфующие по этой все более враждебной вселенной, нуждаются в раздутом ощущении собственной важности, логики вселенной для того, чтобы подстегивать в нас волю к жизни. И вот теперь червокамера безжалостно не позволяет нам закрывать глаза на истину. – Он немного помолчал и улыбнулся Кейт. – Возможно, истина нас всех сведет с ума. А может быть, наконец избавившись от иллюзий, мы все станем разумны, и тогда я потеряю работу. Как вы думаете?

Кейт, одетая в мешковатый черный комбинезон, сидела, зажав руки между коленей и опустив плечи.

– Я думаю, вам стоит продолжить вашу лекцию с иллюстрациями.

Мэннинг вздохнул и надел очки. Он прижал палец к уголку софт-скрина, и на экране начал оживать фрагмент прошлой жизни Кейт.

Кейт на экране что-то швырнула в молодого человека. Тот

пригнулся; брошенный предмет ударился о стену, сплющился и потек.

– Что это было? Персик?

– Насколько мне помнится, – ответила Кейт, – это был апельсин-королек. Перезрелый.

– Неплохой выбор, – пробормотал Мэннинг. – А вот над меткостью не мешало бы поработать.

– Козел... Ты все еще встречаешься с ней, да?

– А тебе какое дело?

– Очень даже большое дело, кусок дерьма! Не знаю, почему ты думаешь, что я буду с этим мириться...

Мужчину на экране, как стало известно Бобби, звали Кингсли.

Они с Кейт были несколько лет любовниками и вместе прожили три года – до этого дня, когда Кейт наконец выгнала его.

Бобби было непросто на это смотреть. Он словно бы участвовал в подглядывании за этой молодой, совсем другой женщиной, в то время даже не знавшей о его существовании, и был свидетелем событий, о которых она ему ничего не рассказывала. Кроме того, как за большинством отрезков реальной жизни, записанных с помощью червокамеры, за записью было трудно наблюдать.

Разговор носил нелогичный, сбивчивый характер, изобиловал повторами, слова скорее выражали эмоции говорящих, нежели способствовали какому-либо развитию собы-

тий.

Более чем столетний опыт сценарного кино и телевидения никак не отражался на реальности, заснятой с помощью червокамеры. Но эта драма из реальной жизни как раз была типична для жизни – запутанная, неструктурированная, обескураживающая. Участники сцены словно бы в темноте пробирались на ощупь к пониманию того, что с ними происходит и что они при этом ощущают.

Действие перенеслось из гостиной в жутко неряшливую спальню. Кингсли запихивал вещи в кожаную сумку, а Кейт хватала его одежду и вышвыривала из комнаты. При этом они продолжали кричать друг на друга.

Наконец Кингсли выскочил из квартиры. Кейт захлопнула за ним дверь. Несколько секунд она простояла неподвижно, уставясь на закрытую дверь, а потом закрыла лицо руками.

Мэннинг протянул руку и прикоснулся к экрану. Изображение замерло на крупном плане лица Кейт, закрытого руками. Было видно, как блестят под пальцами слезы, как спутаны ее волосы. Кадр был немного растянут за счет панорамного искажения.

Мэннинг сказал:

– Полагаю, этот инцидент является ключом к вашей истории, Кейт. К истории вашей жизни, к тому, кто вы такая.

Сегодняшняя Кейт, бледная и подавленная, не отрывала немигающего взгляда от себя более молодой.

– Меня подставили, – равнодушно проговорила она. – С

этим шпионажем, кражей данных у IBM. Все было проделано тонко, даже червокамера не могла этого засечь. И тем не менее это правда. Вот на этом нам бы и надо сосредоточиться. А не на вашем дурацком психоанализе.

Мэннинг сделал шаг назад.

– Вполне возможно, что это так. Но вопросы доказательства вины не в моей компетенции. Судья попросил меня составить ваш психологический портрет на момент преступления, выявить мотивы и намерения: более глубокая истина, чем та, какую нам может предложить червокамера. И, – добавил он стальным тоном, – давайте напомним себе о том, что у нас нет иного выбора, как сотрудничество.

– Но мое мнение из-за этого не меняется, – сказала Кейт.

– Какое мнение?

– Насчет того, что вы, как и все прочие психоаналитики, каких мне довелось встречать, законченный козел.

Адвокат прикоснулась к рукаву Кейт, но Кейт оттолкнула ее руку.

Глаза Мэннинга оскорбленно сверкнули под очками, и Бобби понял, что психиатр будет наслаждаться своей властью над этой своенравной женщиной.

Мэннинг повернулся к экрану и «отмотал» запись назад.

– Давайте вспомним, что вы мне рассказывали об этом периоде вашей жизни. Вы жили с Кингсли Ромэном около трех лет, когда решили попытаться родить ребенка. У вас произошел поздний выкидыш.

– Уверена, вы с большим удовольствием за этим подглядывали, – процедила сквозь зубы Кейт.

– Прошу вас, не надо так, – уязвленно проговорил Мэннинг. – Видимо, затем вы с Кингсли решили предпринять еще одну попытку.

– Ничего мы не решали. Мы это даже не обсуждали.

Мэннинг, подслеповато моргая, заглянул в блокнот.

– Однако это имело место. Двадцать четвертое февраля две тысячи тридцать второго года – яркий пример. Могу продемонстрировать, если желаете. – Он посмотрел на Кейт поверх очков. – Не бойтесь, если окажется, что ваши воспоминания отличаются от записей, сделанных с помощью червокамеры. Это очень распространенное явление. Я бы даже позволил себе заявить, что это нормально. Приукрашивание – не забывайте. Можно продолжать?

– Несмотря на принятое решение, вы не беременеете. На самом деле вы возобновляете регулярное использование контрацептивов, так что о зачатии и говорить не приходится. Через шесть месяцев после вашего выкидыша у Кингсли начинается роман с сотрудницей по работе. С женщиной по имени Джоди Моррис. Еще несколько месяцев спустя он неосторожно дает вам об этом узнать. – Он снова устремил на Кейт изучающий взгляд. – Вы помните, что именно вы мне об этом рассказывали?

Кейт неохотно отозвалась:

– Я сказала вам правду. По-моему, Кингсли почему-то ре-

шил, что то, что случилось с нашим ребенком, – моя вина. И тогда он начал поглядывать на сторону. Кроме того, после выкидыша я стала больше времени уделять работе. «Червятник»... Наверное, Кингсли меня ревновал.

– И он стал искать нужного ему внимания у кого-то другого.

– Что-то в этом роде. А когда я об этом узнала, я его выгнала.

– Он утверждает, что сам ушел.

– Значит, он – лживый засранец.

– Но мы только что просмотрели сцену вашей ссоры, – мягко напомнил ей Мэннинг. – Я не заметил четких свидетельств ясного принятия решений или одностороннего действия как с вашей, так и с его стороны.

– Не имеет значения, что показывает червокамера. Я знаю, в чем правда.

Мэннинг кивнул.

– Я не отрицаю того, что вы говорите нам правду такой, какой вы ее видите, Кейт. – Он улыбнулся ей, наклонился к столу, по-совиному заморгал. – Вы не лжете. Проблема совсем *не в этом*. Не понимаете?

Кейт опустила взгляд на свои скованные наручниками руки.

Сделали перерыв. Бобби не разрешили побыть с Кейт. Ведение дела Кейт стало одним из многих экспериментов,

осуществлявшихся в то время, как политики, юристы, группы лоббистов и обеспокоенных граждан лихорадочно трудились, чтобы найти способ превратить головокружительную способность червокамеры заглядывать в глубь истории – о которой широкой публике по-прежнему не было известно – в нечто напоминающее ныне существующую законную процессуальную процедуру, и более того – в норму права.

На самом деле неожиданно оказалось сказочно легко устанавливать фактическую истину.

Ведению судебных дел предстояли радикальные изменения. Процессы явно должны были стать менее противоречивыми, более честными, гораздо менее зависимыми от поведения подозреваемых в суде, от уровня адвокатуры. Некоторые аналитики предсказывали, что, когда червокамера станет доступной на федеральном уровне, уровне штатов и округов, экономия составит миллиарды долларов в год: продолжительность рассмотрения дел в суде сократится, будет заключаться больше мировых соглашений.

И большинство судебных процессов в будущем, согласно прогнозам, скорее всего, должно было сосредоточиться на том, что лежало за пределами голых фактов – на мотивах и намерениях. Именно поэтому к расследованию дела Кейт был подключен психолог.

Тем временем, пока представители правоохранительных органов, вооруженные червокамерами, увлеченно расследовали нераскрытые дела, в суды передавались горы новых и

новых дел. Некоторые конгрессмены предложили для повышения уровня раскрываемости преступлений объявить всеобщую амнистию для тех, кто совершил преступления средней тяжести в течение календарного года до изобретения червокамеры, – то есть амнистию с условием сохранения применения Пятой поправки в определенных случаях. На самом деле сбор улик благодаря червокамере значительно облегчился, поэтому использование Пятой поправки стало весьма спорным. И все же большинству американцев не очень хотелось расставаться с той защитой, которую обеспечивала Пятая поправка.

Еще более спорно выглядели посягательства на свободу частной жизни. Собственно говоря, исчезло само определение права на свободу частной жизни – даже в границах США.

Свобода частной жизни в Конституции не оговаривалась. Четвертая поправка к Биллю о правах говорила о праве на защиту от вмешательства со стороны государства, но тут оставалась большая возможность для маневров представителям власти, желавшим вести наблюдение за гражданами и к тому же не предлагавшим гражданам практически никакой защиты от других организаций, таких как корпорации и пресса, и даже от других граждан. Из сумбура разрозненных законов на уровне штатов и на федеральном уровне, а также из массы казусов в общем праве, обеспечивающих юристов прецедентами, мало-помалу сложилось общепринятое поня-

тие частной жизни: к примеру, в него входило право «остаться наедине с самим собой», быть свободным от необоснованного вмешательства извне.

Но все переменялось из-за червокамеры.

Правоохранительными и разведывательными структурами, такими как ФБР и полиция, предлагались ситуации законного использования червокамеры во имя установления равновесия, вызванного потерей защиты частной жизни и прочих прав. К примеру, записи, сделанные с помощью червокамеры и предназначенные для судебных целей, следовало делать под контролем. Производить их, пожалуй, могли только специально обученные наблюдатели, и эти записи следовало нотариально заверять. А вот последнее, кстати, не должно было составить никаких проблем, так как любое наблюдение с помощью червокамеры всегда можно было повторить сколько угодно раз, наладив новую линию связи через «червоточину» с нужным эпизодом.

Высказывались даже такие предложения, что людей следует подготовить к тому, чтобы они смирились с чем-то вроде «задокументированной жизни». Это в значительной степени облегчило бы законный доступ для властей к любому событию в прошлом человека без необходимости в формальных процедурах. Кроме того, это стало бы мощной гарантией против ложных обвинений и подмены личности.

Но несмотря на протесты тех, кто выступал против посягательств на свободу частной жизни, с необходимостью ис-

пользования червокамеры для проведения расследований по уголовным делам не спорил, похоже, никто. Просто невозможно было игнорировать столь мощное средство сбора улик.

Некоторые философы утверждали, что все не так уж и плохо. В конце концов, в начале эволюции люди жили небольшими группами, где каждый знал другого, незнакомцы появлялись редко, и только сравнительно недавно (если рассуждать в рамках эволюции) люди стали вынуждены жить в крупных сообществах типа городов бок о бок как с друзьями, так и с совершенно чужими людьми. Червокамера словно бы знаменовала собой возврат к прежнему образу жизни, к необходимости думать о других людях, взаимодействовать с ними.

Но это мало утешало желавших сохранить право собственности на свою территорию – то огороженное место в своей жизни, где они могут наслаждаться одиночеством, анонимностью, безопасностью и интимной близостью с любимыми. Они понимали, что с этим желанием скоро никто не будет считаться.

А теперь, когда началась эксплуатация способности червокамеры заглядывать в прошлое, и там не осталось спасения.

Некоторым людям раскрытие истины так или иначе причиняло боль. Многие винили во всем не правду, не самих себя, а червокамеру и тех, кто принес ее в мир.

Самой явной мишенью для нападок стал Хайрем.

Бобби подозревал, что поначалу его отец почти наслаждался тем, что стал притчей во языцех. Для бизнеса всякая известность хороша. Но ураган угроз, покушений и попыток саботажа утомил Хайрема. Случались и клеветнические выступления, когда люди обвиняли Хайрема в подтасовке показанного с помощью червокамеры материала, где фигурировали эти люди, их близкие, их враги или кумиры.

Хайрем взял в обычай жить при ярком свете. Его особняк на Западном побережье купался в лучах прожекторов, питаемых мощными генераторами. Он даже спал, не выключая света. Ни одна система сигнализации не могла дать стопроцентной защиты, но Хайрем уповал хотя бы на то, что всякого, кто прокрадется к нему в дом, выследит червокамера из будущего.

Так что Хайрем жил, озаренный безжалостным светом, одинокий, всеми осуждаемый и проклинаяемый.

Неприятная процедура допроса возобновилась. Мэннинг заглянул в блокнот.

– Позвольте мне изложить несколько фактов – исторически неопровержимых, подвергнутых тщательному наблюдению и нотариально заверенных. Во-первых, интрижка Кингсли с мисс Моррис была не первой за то время, что вы жили вместе с ним. Еще у него был короткий и, по всей вероятности, неудачный роман с другой женщиной, и случилось это

через месяц после вашего знакомства. А еще шесть месяцев спустя...

– Нет.

– В целом, судя по всему, у него были более или менее длительные взаимоотношения с шестью женщинами *до того*, как вы обвинили его в связи с Джоди. – Мэннинг улыбнулся. – Если это вас сколько-нибудь утешит, сообщу, что и другим своим любовницам Кингсли изменял – и до вас, и после. Такой, знаете, серийный изменник.

– Глупости. Я бы знала.

– Но вы просто человек. Я могу продемонстрировать вам случаи, когда доказательства неверности были для вас яснее ясного, но вы предпочли закрывать на это глаза, отмахиваться от этого, даже особо не осознавая, что вы делаете. Вымысел, приукрашивание – Кейт холодно произнесла:

– Я вам говорила, как все было. Кингсли начал мне изменять, потому что из-за выкидыша у нас ухудшились отношения.

– Ах да, да, выкидыш. Великое причинно-следственное событие в вашей жизни. Но боюсь, на самом деле все было совсем не так. Черты характера Кингсли сложились задолго до встречи с вами, и вряд ли на них сильно повлиял случай с выкидышем. А вы, кроме того, говорили, что для вас выкидыш послужил импульсом к более интенсивной работе на благо собственной карьеры.

– Да. Это очевидно.

– Установить это значительно сложнее, но я опять-таки мог бы продемонстрировать вам, что взлет вашей карьеры начался за несколько месяцев до выкидыша. Вы как работали, так и продолжали работать, выкидыш тут на самом деле ничего бы не изменил. – Психолог посмотрел на нее. – Кейт, вокруг своего выкидыша вы создали определенный миф. Вам хотелось поверить, что это событие более значительно, чем оно было на самом деле. Для вас выкидыш действительно стал тяжелым испытанием. Но он мало что изменил... Я чувствую, вы мне не верите.

Она промолчала.

Мэннинг распрямил пальцы и прижал их к подбородку.

– Думаю, вы насчет себя и правы, и ошибаетесь. Думаю, перенесенный вами выкидыш изменил вашу жизнь. Но не поверхностно, как вы полагаете. Это не заставило вас более усердно трудиться, из-за этого не возникло трещин в ваших отношениях с Кингсли. Однако потеря ребенка глубоко ранила вас. И я считаю, что теперь вы движимы страхом того, что это случится вновь.

– Страхом?

– Прошу вас, поверьте мне: я вас не осуждаю. Я просто пытаюсь объяснить. Компенсаторной деятельностью для вас является работа. Вероятно, потаенный страх сподвигнул вас к более значительным достижениям и успехам. Но кроме того, вы стали одержимы одной мыслью. Только работа и отвлекала вас от того, что представлялось вам жутким мраком

внутри вас. И в итоге вы еще более себя...

– Точно. Вот *поэтому-то* я и воспользовалась «червоточинами» Хайрема, чтобы пошпионить за его конкурентами. – Кейт покачала головой. – Сколько вам платят за эту фигню, доктор?

Мэннинг медленно прошелся перед софт-скрином.

– Кейт, вы одна из первых, кому довелось это пережить – этот... гм-м-м... *шок истины*. Но вы не станете последней. Всем нам придется узнать, как обходиться без утешительных обманов, которые мы себе нашептываем во мраке сознания...

– Я умею сходиться с мужчинами, даже умею создавать долгие и прочные отношения. И как это сочетается с нарисованным вами портретом жертвы шоковой травмы?

Мэннинг нахмурился, словно вопрос его озадачил.

– Вы имеете в виду мистера Паттерсона? Но тут как раз нет никаких противоречий. – Он подошел к Бобби, пробормотал извинения, всмотрелся в его лицо. – Во многом Бобби Паттерсон – один из самых инфантильных взрослых, каких мне когда-либо доводилось встречать. Поэтому он как нельзя лучше подходит для того, чтобы заполнить собой вышеупомянутую пустоту внутри вашей личности. – Он обернулся к Кейт. – Понимаете?

Она, сильно покраснев, смотрела на него широко раскрытыми глазами.

/16/ ВОЙНА ЗА ВОДУ

Хетер сидела перед своим домашним софт-скрином. Она ввела новые параметры поиска. СТРАНА: Узбекистан. ГОРОД: Нукус.

Увидев красивую ярко-голубую рамочку с запретом доступа, она несколько не удивилась. В конце концов, Нукус был зоной боевых действий.

Но это не могло надолго остановить Хетер. В свое время она находила причины пытаться обойти цензуру в Интернете. А то, что теперь она имела доступ к собственной червокамере, было очень веской причиной.

С улыбкой она принялась за работу.

Когда – после массивированного общественного давления – первые компании-производители начали через Интернет предлагать широким слоям населения доступ к червокамерам, Хетер Мейз не стала медлить и оформила подписку.

Она имела возможность работать с червокамерой из дома. Из несложного меню она могла выбрать место, которое желала бы увидеть. Это место могло находиться где угодно в мире. Достаточно было указать географические координаты или почтовый адрес настолько точно, насколько ты сам того хотел. Умная программа преобразовывала запрос в параметры долготы и широты и затем предлагала другие опции.

Идея состояла в том, чтобы сузить масштаб наблюдения до размеров жилой комнаты где-нибудь на поверхности Земли или вблизи от поверхности, и тогда там создавалось устье «червоточины».

Если же у пользователя не имелось четких запросов, программа действовала по принципу свободного выбора – к примеру, если бы Хетер захотелось полюбоваться красивым коралловым атоллом, все равно каким. Она могла даже – за дополнительную плату – выбирать промежуточные объекты. Например, сначала выбрать улицу, а потом дом на улице, куда она пожелала бы «заглянуть».

Как только она делала выбор, открывался просвет «червоточины» между главным сервером поставщика и тем местом, которое она выбрала для наблюдения. Изображение с червокамеры затем переправлялось непосредственно на домашний терминал. Хетер даже имела возможность немного перемещать фокус.

Коммерческий интерфейс червокамеры был таков, что она воспринималась как игрушка и каждое изображение непременно навязчиво снабжалось логотипом и рекламой «Нашего мира». Но Хетер знала, что на самом деле червокамера была намного более могущественной, чем казалась внешне, в своем начальном публичном варианте.

Когда Хетер впервые запустила систему, она ужасно обрадовалась и позвала Мэри, чтобы та пришла и взглянула.

– Смотри, – сказала Хетер, кивнув на экран. Камера по-

казывала какой-то дом, залитый летним закатным солнцем; по краям изображения пестрели назойливые рекламные логотипы. – Это дом, где я родилась. Городок Бойсе, штат Айдахо. Вот в этой самой комнате.

Мэри пожала плечами.

– А мне дашь попробовать?

– Конечно. На самом деле я отчасти для тебя и приобрела эту услугу. У тебя же бывают разные домашние задания...

– Ну да, да.

– Послушай, это не игрушка.

Неожиданно на экране появилась запрещающая заставка ласкающего глаз цвета.

Мэри недовольно нахмурилась.

– Что такое? А, ясно. Особый фильтр-«нянюшка». Значит, все равно мы увидим только то, что нам пожелают показать.

По замыслу провайдеров червокамерами нельзя было пользоваться налево и направо и подглядывать с их помощью за людьми дома и в других частных местах. Нельзя было нарушать и корпоративную конфиденциальность, а также «проникать» в правительственные здания, военные учреждения, полицейские участки и прочие заведения такого рода. Программы-фильтры должны были также отслеживать порядок использования червокамер, и в случае злонамеренного или агрессивного поведения обслуживание клиента прерывалось и ему предлагалась консультация либо с

экспертной системой, либо с человеком-агентом.

Но пока для широкого пользователя была доступна только функция червокамеры, открывавшая доступ к наблюдению за отдаленными объектами. Очень многие специалисты считали, что слишком опасно наделять всех и каждого возможностью заглядывать в прошлое. На самом деле некоторые высказывались даже в том смысле, что смотреть в прошлое настолько опасно, что не стоит даже и обнародовать сведения о наличии у червокамеры таковой функции.

Однако, безусловно, вся эта ватная упаковка стоила ровно столько, сколько изобретательность людей, эту упаковку придумавших. И, подогреваемая слухами, распространяемыми через Интернет, уже начала подниматься волна требований наделять простых граждан доступом к дополнительным функциям червокамеры – то есть к хронообъективу.

Хетер догадывалась, что эту новую технологию по самой ее природе будет очень трудно удержать от распространения и использования в каких угодно целях.

Но она вовсе не собиралась делиться своими догадками с пятнадцатилетней дочерью.

Хетер отключила «червоточину» и приготовилась начать новый поиск.

– Мне надо работать. Ступай. Потом я дам тебе поиграть. Но только час, не больше.

С обиженным видом Мэри удалилась, а Хетер снова занялась Узбекистаном.

Анна Петерсен, военнослужащая военно-морского флота США, героиня круглосуточного ежедневного документального «мыла», активно участвовала в возглавляемом США вмешательстве сил ООН в сражение за воду, осуществляемом в регионе Аральского моря. Войска Объединенной коалиции вели точечную войну против главного агрессора, Узбекистана. Эта агрессия угрожала западным инвесторам, вложившим средства в месторождения нефти и серы и еще некоторых полезных ископаемых, включая и крупное месторождение меди. Умная и хорошо технически подготовленная, Анна в основном занималась командными операциями, руководством и связью.

Технология червокамеры меняла саму суть ведения боевых действий, как и многое другое. Червокамеры уже успели заменить целый комплекс разведывательной техники: спутники, воздушную разведку, наземные станции – все то, без чего уже несколько десятков лет не обходилась ни одна зона боевых действий. Если бы только эту картину можно было увидеть глазами, то перед изумленным взглядом зрителя предстала бы территория Узбекистана, где каждая важная стратегическая цель была бы отмечена вездесущими устьями «червоточин». Бомбы и стратегические ракеты с прецизионным наведением, а также снаряды размером не больше птички – все это сыпалось градом на узбекские центры ПВО, штабы командования и центры управления, на бункеры, где

находились войска и танки, на гидроэлектростанции и газопроводы, на определенные цели в черте городов, таких как Самарканд, Андижан, Наманган и, конечно, Ташкент.

Точность попаданий была беспрецедентной. Впервые за все время проведения подобных операций можно было уверенно прогнозировать успех.

Безусловно, в настоящее время войска Объединенной коалиции держали в своих руках приоритет на применение червокамеры. Однако в будущем следовало предполагать наличие у обеих воюющих сторон совершенной и суперсовременной информации о стратегии, ресурсах и стратегии противника. Но Хетер предполагала, что вряд ли даже такое коренное изменение в природе ведения войн приведет к их прекращению. Но по крайней мере, при таком положении дел у воюющих сторон появлялось время для раздумий и значительно уменьшались бессмысленные потери.

Как бы то ни было, эта война – война Анны, хладнокровная конкуренция информированности и техники – была войной, которую видела вся Америка. Отчасти – благодаря объективу червокамеры, которым управляла сама Хетер. Жители США словно бы смотрели на происходящее глазами Анны, перемещавшейся из одной стерильной, бескровной сцены в другую.

И все же ходили слухи – большей частью в тех кругах интернетчиков, что до сих пор оставались неподцензурными, – о другой, более примитивной войне, которая шла на земле,

когда войска начинали закреплять успехи, достигнутые за счет ударов с воздуха.

А потом английский новостной канал передал сообщение о концентрационном лагере в зоне боевых действий, где узбеки держали пленных из ооновских войск, включая и американцев.

Еще ходили слухи о том, что пленных женщин, включая военнослужащих из состава Объединенной коалиции, увозили в особые лагеря, где их насиловали, а также в тюрьмы-бордели, расположенные в глубине страны.

Обнародование таких сведений явно служило целям правительств тех стран, которые возглавляли антиузбекскую коалицию. Пиарщики из администрации президента Хуарес опустили до того, что уже начали развивать мысль о том, как милашка Анна из Айовы попадает в лапищи узбекских насильников.

Для Хетер это стало свидетельством грязного наземного вооруженного конфликта, бесконечно далекого от чистенькой видеоигры с участием Анны Петерсен. У Хетер волосы дыбом вставали при мысли о том, что она, Хетер Мейз, участвует в раскручивании огромной пропагандистской машины. Но когда она спросила у своих работодателей, ENO, разрешения выяснить правду о войне, ей было отказано. Отказано ей было заодно и в доступе к корпоративной червокамере.

Пока Хетер была озарена сиянием прожекторов, как быв-

шая жена Хайрема Паттерсона, она жила, опустив голову.

Но через некоторое время пылающая точка внимания общественности переместилась в сторону от семейства Мейзов, и тогда Хетер смогла позволить себе собственный доступ к червокамере. Она уволилась из ЕНО, нашла «халтурку» в виде составленной с помощью червокамеры биографии Авраама Линкольна и принялась за работу.

Пара дней ей понадобилась для того, чтобы найти то, что она искала.

Она увидела узбекских пленных, которых загнали в открытый кузов ооновского грузовика и повезли под дождем. Они проехали по городу Нукусу, находящемуся под контролем войск Объединенной коалиции, а затем пленных повезли дальше. Потом Хетер выяснила, что войска коалиции сами устроили концентрационный лагерь.

Это был заброшенный железорудный прииск. Пленников держали в металлических клетках, установленных в вагонетках, и высота этих клеток была не больше одного метра. Пленники не могли выпрямить спину, вытянуть ноги. Их содержали без соблюдения санитарных норм, плохо кормили, не давали двигаться, не позволяли обратиться за помощью в Красный Крест или в его мусульманский аналог – «Мергамет», Красный Полумесяц. Из верхних клеток в нижние стекала зловонная жижа.

По подсчетам Хетер, в лагере содержалось около тыся-

чи человек. Им давали только по миске жидкой баланды в день. Бушевала эпидемия гепатита, распространялись и другие болезни.

Каждый день несколько пленников произвольно отбирали и уводили для избиения. Трое-четверо солдат становились вокруг каждого пленного и колотили его железными прутьями, деревянными палками, резиновыми дубинками. Через какое-то время побои прекращались. Если после этого пленный мог держаться на ногах, его начинали снова колотить. Потом другие пленные относили избитых в клетки.

Так поступали со всеми. Но случались и исключения. Некоторые охранники порой обращались с пленными так, будто желали над ними поэкспериментировать. Одному пленному не давали ходить по-большому, другого заставляли есть песок, третьего – проглотить собственный кал.

На глазах у Хетер умерли шесть человек. Кто от побоев, кто от истощения, кто от болезней. Время от времени кого-то из пленных пристреливали – при попытке к бегству или тогда, когда кто-то пытался бунтовать. А одного пленника освободили – скорее всего, для того, чтобы он рассказал своим товарищам о несгибаемой решимости солдат в голубых касках.

Хетер обратила внимание на то, что охранники пользовались исключительно захваченным у узбеков оружием – словно старались не оставлять неопровержимых следов своих деяний.

«Видимо, – думала Хетер, – в сознании этих солдат пока не угнездилась мысль о могуществе червокамеры, они еще не свыклись с представлением о том, что за ними могут наблюдать в любом месте, в любое время и даже из будущего».

Просто невозможно было смотреть на эти кровавые преступления, которые еще всего несколько месяцев назад остались бы невидимыми для других.

Происходившее в Узбекистане могло стать динамитом, взорванным в заднице президентши Хуарес, которая, по мнению Хетер, и так уже успела зарекомендовать себя самой противной мокрицей, забравшейся в Белый дом с момента смены столетий. На самом деле она стала первой женщиной-президентом в истории страны, и этот факт обескураживал не меньше половины населения США.

И может быть, позволила себе понадеяться Хетер, сознание масс снова расшевелится, когда люди увидят войну такой, какая она есть на самом деле, со всей ее кровавой славой. Когда-то очень ненадолго так стало с Вьетнамом, пока командование не возобновило контроль над средствами массовой информации, – та война стала первой «телевизионной».

Хетер даже лелеяла надежду на то, что приближение Польшы к Земле изменит отношение людей друг к другу. Если все на свете оборвется через несколько столетий, то какое значение будет иметь древняя вражда? И неужели же оставшееся время, оставшиеся дни существования человечества

следовало тратить на причинение боли и страданий другим людям?

Наверняка войны не прекратятся совсем. Но больше не останется возможности геноцида при том, что всякий мог включить софт-скрин и собственными глазами увидеть представителей той нации, которая на данный момент считалась вражеской. Не могло теперь остаться и милитаристской лжи насчет ресурсов, намерений и решимости противника. А когда завеса секретности падет окончательно, ни одному правительству никогда не удастся вытворить ничего подобного нынешней войне.

А может быть, Хетер просто была законченной идеалисткой.

Она не отрывала глаз от экрана, полная решимости. Но как она ни старалась сохранять объективность, она находила эти сцены невыносимо душераздирающими: зрелище обнаженных избитых людей, бьющихся в агонии под ногами солдат в голубых касках, с чисто выбритыми, суровыми американскими лицами.

Хетер сделала перерыв. Она немного поспала, приняла ванну, потом приготовила себе поесть – устроила завтрак в три часа дня.

Она знала, что не одна так увлечена новой техникой.

По всей стране, как она слышала, формировались «отряды правдоискателей», вооруженные червокамерами и Интернетом. Некоторые из этих «отрядов» представляли собой

всего-навсего горстки приятелей, решивших пошпионить за своими соседями. Но одна организация под названием «Следим за копами» распространяла инструкции на тему о том, как следить за полицейскими, когда они заняты работой, чтобы потом иметь возможность честно засвидетельствовать эту самую работу во всей красе.

Поговаривали, что эта новая «подотчетность» уже оказывала положительный эффект на качество работы полисменов: грубиянов и взяточников, которых и так уже было не так много, просто-таки мгновенно хватали за руку.

Неожиданно набрали силу группы потребителей, и каждый день они демонстрировали широкой публике жуликов, обманщиков, производителей подделок. В большинстве штатов распространялись детальные распечатки финансовой информации компаний, порой – впервые за все время существования этих компаний. Довольно много стало известно о тайной деятельности Пентагона и его малопрозрачном бюджете. И так далее...

Хетер нравилось то, что рядовые граждане стали вести себя так активно, что они, вооружившись червокамерами и собственными подозрениями, собираются вокруг взяточников и преступников, будто лейкоциты вокруг микробов. В сознании Хетер выстраивалась несложная причинно-следственная цепочка, лежащая за основными человеческими свободами: большая открытость становилась гарантией подотчетности, а она, в свою очередь, способствовала сохране-

нию свободы. И вот теперь техническое чудо – или случайность – наделило простых смертных самым могущественным инструментом для раскрытия истины.

Наверное, такое орудие пришлось бы по нраву Джефферсону и Франклину – даже если бы это означало посягательство на их собственную частную жизнь...

Из кабинета послышался шум. Приглушенное хихиканье. Хетер босиком, на цыпочках подошла к приоткрытой двери.

Мэри и ее подруга сидели за рабочим столом Хетер. – Смотри, как дергается, – прошептала Мэри. – У него рука то и дело соскальзывает.

Хетер узнала подругку. Саша, учившаяся на класс старше Мэри, в кругах родителей считалась девочкой, оказывавшей дурное влияние. В воздухе стоял густой дым марихуаны – скорее всего, девчонки вытащили сигареты из запаса Хетер.

На экране красовалось изображение мальчика-подростка. Хетер его узнала. Мальчик из школы. Джек? Или Жак? Он сидел в своей спальне со спущенными штанами перед софтом и мастурбировал – не столько умело, сколько увлеченно.

– Поздравляю, – негромко проговорила Хетер. – Значит, ты обошла фильтр.

Мэри и Саша в испуге вздрогнули. Саша отчаянно попыталась разогнать облако марихуанного дыма. Мэри повернулась к софту спиной.

– А почему нам нельзя? Ты же это делаешь.

– Я делаю это по веской причине.

– Значит, тебе можно, а мне нельзя. Какая же ты ханжа, мамочка.

Саша вскочила.

– Я ухожу.

– Вот именно, уходишь, – бросила Хетер ей в спину. – Мэри, ты ли это? Шпионишь за своими соседями, как какая-нибудь гадкая эротоманка!

– А чем еще заняться? Мам, признайся. Ты и сама немножко возбу...

– Прочь отсюда.

Смех Мэри превратился в издевательский театральный хохот.

Заносчиво запрокинув голову, она вышла из кабинета.

Хетер в потрясении села к софт-скрину и посмотрела на мальчика. На экране, куда был устремлен его взгляд, виднелась обнаженная девушка. Она тоже мастурбировала, но при этом улыбалась и что-то говорила мальчику.

«Сколько еще человек сейчас таращатся на эту парочку? – в ужасе подумала Хетер. – Может быть, они об этом не подумали».

Отключить чужую червокамеру было нельзя, но нетрудно было запомнить, что червокамера означала доступ куда угодно для кого угодно. Поэтому кто угодно мог смотреть на эротические игры этих глупых ребяташек.

Хетер была готова поклясться, что в эти первые месяцы в девяноста пяти процентах случаев червокамерами пользовались именно для вот такого откровенного подглядывания. Возможно, это напоминало то время, когда с помощью Интернета стало возможно дома смотреть порно, а не ходить за кассетами в какой-нибудь там вонючий магазин. Согласно расхожему мнению, каждый человек так или иначе хотел бы за кем-то подглядеть, являясь от природы тайным эротоманом, и вот теперь это стало можно делать без риска быть пойманным.

По крайней мере, так *казалось*. А на самом деле кто угодно мог смотреть на смотрящих. Например – за Мэри и Сашей, двумя хитроумными девчонками, приятно возбужденными из-за наблюдаемого ими зрелища. А может быть, какая-то компания с огромным удовольствием следила за ней, сухопарой пожилой женщиной, старательно подвергающей анализу всю эту дребедень.

Быть может – так говорили некоторые комментаторы, – именно возможность предаться эротическому подглядыванию и стала главным двигателем успеха продаж домашнего доступа к червокамере на первых порах, да и не только продаж – а самого ее технического совершенствования. Точно так же как поставщики порнухи на раннем этапе подталкивали развитие Интернета. Хетер хотелось верить, что ее собратья-люди выше этого. Но возможно, она и тут проявляла излишний идеализм.

И в конце концов, не всякое подглядывание было нужно для сексуального возбуждения. Каждый день появлялись сообщения о людях, которые по той или иной причине начинали следить за своими близкими и раскрывали какие-то тайны или измены, и в итоге по стране прокатилась волна разводов, скандалов и семейных драк, самоубийств, раздоров между закадычными друзьями, супругами, братьями и сестрами, детьми и их родителями. «Из массы отношений, – думала Хетер, – надо выметать и выметать кучи мусора, пока все хоть немного повзрослеют и привыкнут к мысли о стеклянных стенах, об открытости».

Она заметила, что на стене спальни мальчика висит плакат с очень красивым изображением колец Сатурна, заснятых с помощью аппарата «Кассини». Конечно, мальчик и не думал на этот плакат смотреть. Гораздо больше его интересовало другое. Хетер вспомнила, как ее мать – господи, это было почти пятьдесят лет назад! – рассказывала ей, бывало, о будущем, каким она себе представляла его тогда, в более оптимистичные годы. «К две тысячи двадцать пятому году, – говорила мать, – между заселенными людьми планетами будут летать космические корабли с ядерными двигателями, будут перевозить воду и ценные минералы, добытые на астероидах. Может быть, запустят первый зонд к другой звезде». И так далее...

Может быть, в *таком* мире подростков сможет отвлечь от созерцания своих и чужих частей тела – хотя бы на время! –

зрелище Valles Marineris на Марсе, величественной котловины Калорис на Меркурии или перемещающихся ледников на Европе.

«Но, – думала Хетер, – в *нашем* мире мы по-прежнему привязаны к Земле, и даже будущее кажется нам закрытым черной каменной стеной, и нам хочется только одного – подглядывать друг за другом».

Она закрыла связь с «червоточиной» и добавила новые средства защиты доступа. Мэри, конечно, этим вряд ли можно было сдержатъ надолго, но хотя бы на какое-то время.

Покончив с этим, измученная и расстроенная, Хетер вернулась к своей работе.

МАШИНА РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Давид и Хетер сидели перед мерцающим софт-скрином, и их лица были залиты светом давно прошедшего дня.

... Он был рядовым, солдатом пехотного полка штата Мэриленд. Он был одним из тех, кто шел с мушкетом на изготовку в цепи, протянувшейся вдаль. Был слышен ровный, зловеший барабанный бой.

Пока они еще не узнали его имени.

Лицо у него было чумазое и потное, мундир засаленный, весь в пятнах, вымокший под дождем. Чем ближе к линии фронта, тем сильнее нервничал солдат.

Растянувшееся войско окутывал дым. Но Давид и Хетер уже слышали треск выстрелов и грохот пушек.

«Их» солдат миновал полевой госпиталь – несколько палаток, поставленных посреди расквашенного дождем поля. Около ближайшей палатки рядами лежали неподвижные, ничем не накрытые тела и – что было куда более страшно – целая куча оторванных рук и ног. На некоторых остались обрывки одежды. Двое солдат бросали руки и ноги в огонь походной печи. Из палаток доносились приглушенные, полные муки крики раненых.

Солдат сунул руку в карман мундира и вынул колоду игральных карт – помятых и перевязанных бечевкой, и картин-

ку.

Давид, работая элементами управления червокамерой, «заморозил» изображение и навел фокус на белый квадрат. Увеличив изображение настолько, что оно стало крупнозернистым, он медленно произнес:

– Это женщина. – И добавил: – А это вроде бы осел. А это... О...

Хетер улыбнулась.

– Он боится. Думает, что не доживет до конца дня. Он не хочет, чтобы эту гадость отправили домой вместе с остальными его вещами.

Давид возобновил просмотр. Солдат бросил карты и фривольную картинку в грязь и затоптал ботинком. Хетер сказала:

– Послушайте. Что он поет?

Давид увеличил громкость, отстроил частоту. Акцент у рядового был чудовищный, но все же слова можно было различить:

«В чистой больнице с белыми стенами
Мертвые спят, им спасения нет.
Кто-то кричит, вражьей саблей израненный,
Чей-то младенец родился на свет...»

Вдоль шеренги солдат проехал конный офицер. Его черная взмыленная лошадь заметно нервничала.

«Сомкнуть ряды! Подравняться! Сомкнуть ряды!»

Акцент звучал резко, непривычно для слуха Давида...

Грянул взрыв, полетели во все стороны комья земли. Тела солдат словно бы взорвались и разлетелись на здоровенные кровавые куски.

Давид отшатнулся от экрана. Это был снаряд. Вдруг, так неожиданно и быстро, началась война.

Сразу стало очень шумно: кто-то кричал «ура!», кто-то ругался, слышалась стрельба из ружей-мушкетов и пистолетов. Рядовой поднял свой мушкет, поспешно выстрелил и вынул из патронташа новый патрон. Он сжал его зубами. Стала видна пуля и порох, к его губам прилипло немного черного порошка.

Хетер пробормотала:

– Говорят, порох на вкус был похож на перец.

Еще один снаряд упал рядом с колесом артиллерийского лафета. Лошадь, стоявшую рядом с пушкой, разорвало в кровавые клочья. Мужчина, шедший рядом, упал на землю и с изумлением уставился на культю, оставшуюся от его ноги.

Вокруг рядового воцарился ад: дым, пламя, изуродованные тела, множество упавших наземь людей, корчащихся в страшных муках. Но как ни странно, солдат становился все спокойнее и продолжал идти вперед.

Давид сказал:

– Не понимаю. Он находится посреди мясорубки. Разве не разумнее отступить, спрятаться?

Хетер отозвалась:

– Вероятно, он даже не понимает, из-за чего идет война. Солдаты часто этого не понимают. В данный момент он отвечает только за себя; его судьба – в его руках. Возможно, он чувствует облегчение из-за того, что этот момент настал. У него есть определенная репутация, уважение товарищей.

– Это разновидность безумия, – заметил Давид.

– Конечно...

Они не расслышали свиста мушкетной пули.

Она влетела рядовому в глаз и вылетела из затылка, унеся с собой кусок черепа размером с ладонь. Давид увидел внутри головы солдата красно-серую массу.

Рядовой еще несколько секунд простоял, не выпуская оружие из рук, но его тело начало сотрясаться, ноги дрожали. А потом он рухнул на землю ничком.

Другой солдат выронил мушкет и опустился на колени рядом с ним. Он осторожно приподнял голову рядового и, похоже, стал пытаться затолкать мозг обратно в разбитый череп...

Давид прикоснулся к клавише. Софт-скрин погас. Он снял наушники.

Несколько секунд он просидел не шевелясь, ожидая, пока из его сознания выветрятся образы и звуки жуткого сражения времен Гражданской войны, пока их место займет сдержанная научная тишина «Червятника», где слышались толь-

ко негромкие голоса сотрудников.

В каждом из кабинетов-кубиков вокруг люди вглядывались в тусклые изображения, полученные с помощью червокамер. Они нажимали на клавиши управления, прислушивались к звукам стародавних голосов, делали записи на желтых отрывных листках. Большинство из этих людей получили разрешение поработать в «Червятнике», предварительно подав научные заявки.

Эти заявки были рассмотрены комиссией, созданной под руководством Давида, а потом участников отбирали путем лотереи. Другие оказались здесь по приглашению Хайрема, как Хетер и ее дочь. Здесь находились журналисты, ученые, академики, жаждавшие разгадать загадки истории и узнать больше о личностях, представлявших особый интерес.

Где-то кто-то тихо насвистывал детскую песенку. Мелодия странно противоречила кошмару, до сих пор звучащему в ушах у Давида. И все же он сразу понял, что это означает. Один из самых въедливых энтузиастов взялся определить, какая простенькая мелодия легла в основу «Загадочных вариаций» Эдуарда Элгара³⁸, сочиненных им в тысяча восемьсот девяносто девятом году. На эту роль претендовало сразу несколько произведений – от негритянских спиричуэлле и забытых мюзик-холльных хитов до песенки «Мерцай, мерцай, звездочка!». И вот теперь, судя по всему, искатель добрался до истины, и Дэвид без труда вспомнил слова этой

³⁸ Элгар Эдуард (1857-1934) – английский композитор и дирижер.

милой песенки: «У Мэри был барашек».

Ученых влекло сюда потому, что «Наш мир» по-прежнему намного опережал своих конкурентов в области применения червокамеры. Глубина исторического поиска постоянно увеличивалась. Некоторым исследователям уже удалось заглянуть на три столетия назад. Но пока – хорошо это было или плохо – применение мощных хронообъективов червокамер оставалось под бдительным контролем, и заниматься этим было можно только в стенах соответствующих учреждений, где пользователей подвергали проверке, снабжали определенными уровнями допуска, где за их работой наблюдали, а результаты работы старательно редактировали и интерпретировали, прежде чем они попадали на всеобщее обозрение.

Но Давид знал, что, как бы глубоко он ни заглядывал в прошлое, свидетелем каких бы событий он ни становился, какие бы сюжеты ему ни довелось анализировать и обсуждать, эти пятнадцать минут войны Севера и Юга, только что пережитые им, останутся с ним навсегда.

Хетер прикоснулась к его руке.

– У вас не слишком крепкий желудок, да? Мы ведь только сделали, можно сказать, соскоб с поверхности этой войны, мы только начали изучать прошлое.

– Но это жуткая, жестокая мясорубка.

– Верно. Разве война не всегда такая? На самом деле Гражданская война была одной из первых по-настоящему

современных войн. Больше шести тысяч погибших, почти полмиллиона раненых – и это в стране, население которой не превышало тридцати миллионов. Это все равно как если бы сегодня мы потеряли пять миллионов человек. Чисто американский триумф – чтобы в такой молодой стране вспыхнул такой серьезный конфликт.

– И все-таки эта война была справедливой, – хмыкнул Давид. Хетер работала над периодом войны Севера и Юга в рамках составляемой ею с помощью червокамеры первой правдивой биографии Авраама Линкольна. Эта работа спонсировалась ассоциацией историков. – Такой вы сделаете вывод? В конце концов, эта война привела к искоренению рабства в Соединенных Штатах.

– Но война была не из-за этого. Нам предстоит лишиться наших романтических иллюзий на этот счет и встать лицом к лицу с правдой, о которой до сих пор знали только самые храбрые их историков. Та война стала столкновением экономических интересов Севера и Юга. Рабы представляли собой экономический ресурс стоимостью в несколько миллиардов долларов. Эта кровавая бойня зародилась в классовом, неравноправном обществе. Войска из Геттисберга были посланы в Нью-Йорк, чтобы подавить вспыхнувшее там восстание противников призыва в армию. Линкольн отправил за решетку тридцать тысяч политических узников без суда и... Давид присвистнул.

– И вы думаете, репутация Линкольна не пострадает, если

мы узнаем обо всем этом?

Он приготовился к новому включению червокамеры. Хетер пожала плечами.

– Линкольн остается внушительной фигурой. Хотя геем он не был.

Давид заинтересовался.

– Нет, правда? Вы уверены?

Хетер улыбнулась.

– Даже бисексуалом не был.

Из соседнего «кубика» послышался приглушенный визг.

Хетер устало улыбнулась.

– Это Мэри. Она опять смотрит на «Битлз».

– На «Битлз»?

Хетер на несколько секунд прислушалась.

– Клуб «Топ-Тэн» в Гамбурге. Апрель тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Легендарные выступления. Считают, что лучше, чем тогда, «Битлз» не играли никогда. Эти выступления не были записаны на кинолентку, поэтому до сих пор их, естественно, никто не видел. Мэри каждый вечер смотрит эти выступления.

– Гм-м-м... А как вы между собой?

Хетер остановила взгляд на экране и заговорила шепотом:

– Я боялась, что мы совсем рассоримся. Давид, я понятия не имею о том, чем она занимается половину времени, куда ходит, с кем встречается... Мне достается только ее злость. Она и сегодня-то сюда пошла только потому, что я ее подку-

пила червокамерой. А для чего еще, кроме «Битлз», она ею пользуется, я не знаю.

Давид растерялся.

– Я немного сомневаюсь в этичности того, что я вам предлагаю. Но... вы хотите, чтобы я это выяснил?

Хетер нахмурилась и убрала с глаз прядь седеющих волос.

– А вы можете?

– Я поговорю с ней.

Изображение на софт-скрине стало устойчивым.

«Мир почти не обратит внимания и ненадолго запомнит то, что мы сегодня здесь говорим, но никогда не забудет того, что они здесь сделали...»

Аудитория Линкольна – почти без исключения мужчины в цилиндрах и черных сюртуках – выглядела, по мнению Давида, на редкость чужеродно. А сам Линкольн возвышался над ними настолько высокий и тощий, что выглядел почти карикатурно. И его голос звучал раздражающе пронзительно и гнусаво. И все же...

– И все же, – заключил Давид, – в его словах по сей день заключена движущая сила.

– Верно, – кивнула Хетер. – Я думаю, Линкольн переживет процесс составления его подлинной биографии. Он был сложным человеком, непонятым, никогда не слыл прямолинейным. Он говорил людям то, что они хотели от него услышать. Иногда это были проаболиционистские речи, иногда – нет. И конечно же, он не был легендарным Эйбом. Ста-

рина Эйб, честняга Эйб, отец Эйб... Но он жил в трудные времена. Он прошел через кошмар войны, превратив ее в крестовый поход. Если бы не Эйб, кто знает – выжила бы нация?

– И он не был геем.

– Не был.

– А как же с дневником Джошуа Спида?

– Это ловкая подделка, сфабрикованная после смерти Линкольна кружком сторонников конфедератов, стоявших за покушением на Авраама. Все было пущено в ход ради того, чтобы очернить его даже после того, как они отняли у него жизнь...

Сексуальная жизнь Авраама Линкольна стала объектом осуждения после обнаружения дневника, предположительно написанного Джошуа Спидом, торговцем из Спрингфилда, штат Иллинойс, с которым Линкольн, в ту пору юный нищий юрист, вместе на протяжении нескольких лет снимал квартиру. Несмотря на то что впоследствии и Линкольн, и Спид женились (и вдобавок имели репутацию бабников), все же ходили слухи о том, что они жили как любовники-геи.

В трудные первые годы двадцать первого века Линкольн возродился как символ политического лидера, отличавшегося терпимостью и способностью общаться с широкими массами населения. Линкольн – двойственный герой рубежа веков. В пасхальную ночь две тысячи пятнадцатого года, в день сто пятидесятой годовщины покушения на Линкольна,

около его мемориала в Вашингтоне состоялось многолюдное празднование под открытым небом. Всю ночь громадная каменная фигура Линкольна купалась в свете прожекторов.

– ... У меня имеются нотариально заверенные материалы, полученные с помощью червокамеры и доказывающие это, – сказала Хетер. – Я просмотрела и сделала записи всех сексуальных встреч Линкольна. Ни единого признака нетрадиционной ориентации.

– Но Спид...

– В те годы, в Иллинойсе, они с Авраамом спали в одной постели. Но в то время в этом не было ничего особенного. У Линкольна просто-напросто не было денег, чтобы он мог купить себе отдельную кровать!

Давид почесал макушку.

– Думаю, – пробормотал он, – все ужасно рассердятся.

– Что ж, – пожалала плечами Хетер, – придется с этим свикнуться. Ни героев, ни сказок. Успешные лидеры всегда прагматики. Всякий раз, когда они совершают выбор, им приходится выбирать из двух зол. И Линкольн, самый мудрый, всегда выбирал наименьшее зло. А большего от лидеров просить трудно.

Давид кивнул.

– Может быть. Но вам, американцам, сильно повезло в том смысле, что ваша история уже почти закончилась. А нам, европейцам, предстоит еще несколько тысяч лет раскопок.

Они умолкли, глядя на скованные фигуры Линкольна и

тех, перед кем он выступал, слушая тонкие голоса и шелест аплодисментов этих давно умерших людей.

ЗОРКОСТЬ

Прошло шесть месяцев, а дело Кейт все еще не было передано в суд.

Раз в несколько дней Бобби звонил спецагенту ФБР Майклу Мейвенсу и просил того о встрече. Мейвенс методично отказывался.

А потом вдруг, к полному изумлению Бобби, Мейвенс пригласил его приехать в Вашингтон и явиться в штаб-квартиру ФБР. Бобби поспешил взять билет на самолет.

Мейвенса он обнаружил в его кабинете, небольшом, безымянном, тесном и без окон. Мейвенс сидел за столом, водрузив ноги на стопку папок с документами, сняв пиджак и распустив галстук. Агент смотрел программу новостей на маленьком софт-скрине. Он приложил палец к губам, дав тем самым Бобби знак помалкивать.

Шел сюжет о том, какой массовый характер приобрел «поход за правдой» рядовых жителей США, пожелавших заглянуть в самые мрачные уголки истории, – теперь, когда хронообъектив червокамеры стал доступным для приватного пользования.

Помимо копания в грязном прошлом друг друга, в промежутках между любованием или стыдом от лицемерия се-

бя самих в юности, люди начали обращать безжалостное око червокамеры на богатых и сильных мира сего. Прокатилась новая волна уходов в отставку с видных государственных постов, с руководящих должностей в крупных корпорациях и организациях из-за раскрытия различных преступлений в прошлом. Всколыхнулись старые конфликты. Были раздуты угли былого скандала с табачными компаниями, знавшими о токсическом действии своей продукции и даже манипулировавшими им. Сотрудничество крупных мировых компаний с нацистской Германией (многие из них существовали до сих пор, и некоторые из них были американскими) с целью извлечения прибыли оказалось намного более широким, нежели думали раньше; оправдание отказа от обличения пособников нацизма ради того, чтобы способствовать экономическому росту после войны, выглядело при таком раскладе весьма сомнительным. Большинство производителей компьютеров, как выяснилось, и в самом деле не обеспечили потребителей адекватной защитой в то время, когда в начале века на рынок были выброшены микроволновые микрочипы, и это привело к вспышке раковых заболеваний... Бобби сказал:

– Вот вам и пугающие прогнозы насчет того, что обычные граждане еще не созрели для того, чтобы пользоваться таким могучим средством, как хронообъектив. На мой взгляд, все говорит о большой ответственности.

Мейвенс проворчал:

– Может быть. Хотя при этом мы все пользуемся червокамерой и для всяких пакостей тоже. По крайней мере, все эти граждане-крестonosцы не только нападают на правительство. Я всегда думал, что гораздо опаснее для свободы крупные корпорации, что они способны в этом смысле на гораздо большее в сравнении с нами. На самом деле мы, представители власти, их как раз сдерживали.

Бобби улыбнулся.

– Мы – «Наш мир» – оказались втянутыми в микроволновый скандал. До сих пор идет рассмотрение требований компенсации ущерба здоровью.

– Все извиняются перед всеми остальными. Что за мир... Бобби, я должен сообщить вам, что мы, похоже, практически не продвинулись вперед в деле мисс Манцони. Но если хотите, мы можем об этом поговорить.

У Мейвенса был изможденный вид – черные круги вокруг глаз. Похоже, он недосыпал.

– Если дело не продвигается, почему я здесь?

Мейвенсу явно было неловко, он словно бы отчаялся. Он совсем растерял свою юную браваду.

– Потому, что у меня вдруг появилась масса свободного времени. Нет, меня не уволили, не думайте. Назовем это академическим отпуском. Одно из моих старых дел передано на пересмотр. – Он в упор посмотрел на Бобби. – И...

– И что?

– И я хочу вам показать, что на самом деле с нами дела-

ет ваша червокамера. Один раз покажу, один-единственный пример. Помните дело Уилсона?

– Уилсона?

– В Нью-Йорке, пару лет назад. Был убит парнишка-подросток из Бангладеш – он стал сиротой во время наводнения в тридцать третьем.

– Вспомнил.

– Агентство ООН подобрало для этого сироты по имени Миан Шариф приемных родителей в Нью-Йорке. Пожилые бездетные супруги до того удочерили девочку по имени Барбара и успешно ее воспитали. Вероятно. История выглядела просто. Миана убивают дома. Избивают и до, и после смерти. Судя по всему, насилюют. Главным подозреваемым был отец. – Мейвенс скривился. – Всегда первым делом подозревают членов семьи. Я занимался этим делом. Улики были косвенные, а психологический портрет Уилсона не продемонстрировал особой склонности к насилию, как сексуальному, так и к какому бы то ни было вообще. И все же у нас хватило материала, чтобы его обвинили. Филип Джордж Уилсон был казнен путем смертельной инъекции двадцать седьмого ноября две тысячи тридцать четвертого года.

– А теперь...

– Червокамеры то и дело нужны для ведения следствия по новым и неразобраным случаям, а дела закрытые, типа дела Уилсона, до сих пор редко подвергались пересмотру. Но теперь широкая общественность получила доступ к чер-

вокамере, все смотрят, куда хотят, вот люди и начали шевелить старые дела – своих друзей, родственников, даже свои собственные.

– И дошло до дела Уилсона.

– Угу. – Мейвенс уныло усмехнулся. – Может быть, вы можете понять, как я себя чувствую. Понимаете, до появления червокамеры я никогда не был уверен насчет правды в каждом отдельном случае. Ни одно свидетельство не бывает надежным на все сто процентов. Преступники научились морочить голову криминалистам. Так что я чего-то не видел собственными глазами, я и не мог знать, так ли все было на самом деле. Уилсон был первым, кого отправили на казнь после проведенного мной следствия. Я знал, что изо всех сил постарался установить истину. Но теперь, когда прошло несколько лет, я впервые смог увидеть преступление, которое было приписано Уилсону. И я узнал правду о человеке, которого послал на иглу.

– Вы уверены, что должны показывать мне...

– Все равно очень скоро об этом узнают все.

Мейвенс развернул софт-скрин так, чтобы Бобби было видно, и включил запись.

На экране появилось изображение спальни. Широкая кровать, гардероб, шкафчик с посудой, анимационные постеры музыкальных и спортивных звезд. На кровати лежал на животе парнишка-подросток – тоненький, в футболке и джинсах. Перед ним валялись тетрадки и черно-белый софт-

скрин, а он смотрел на экран и покусывал ручку. Мальчик был смуглый, с пышными черными волосами.

Бобби спросил:

– Это Миан?

– Да. Умненький мальчишка, жил тихо, прилежно учился. Делает уроки. Шекспира читает, между прочим. Ему тринадцать, хотя, на мой взгляд, он выглядит младше. Что ж, старше ему уже не стать... Если захотите, чтобы я выключил, сразу так и скажите.

Бобби резко кивнул и твердо решил досмотреть запись до конца.

«Это проверка, – подумал он. – Проверка для всего человечества».

Открылась дверь, вошел полный пожилой мужчина.

– Входит отец. Филип Джордж Уилсон.

Уилсон держал в руке бутылку минеральной воды. Он откупорил ее и поставил на тумбочку рядом с кроватью. Мальчик оглянулся и что-то произнес.

Мейвенс сказал:

– Нам известно, что они говорили. Чем занимаешься, когда мама придет, и так далее. Ничего особенного, разговор как разговор.

Уилсон взъерошил волосы мальчика и вышел из комнаты.

Изображение замерло и слегка замерцало.

– Позвольте, я вам расскажу, что произошло потом – как мы это себе представляли в тридцать четвертом. Уилсон воз-

вращается в комнату. Замахивается на мальчика. Мальчик его отталкивает. Тогда Уилсон набрасывается на него. Может быть, мальчик отбивается, но если и так, то никакого вреда он Уилсону не причиняет. У Уилсона нож – который мы, так уж вышло, не находим. Он наносит мальчику удары ножом, рвет на нем одежду. Он перерезает мальчику горло, а потом то ли насилует труп, то ли мастурбирует – мы обнаруживаем на теле Миана следы спермы Уилсона. А потом он берет окровавленный труп мальчика на руки и вызывает по «Поисковику» службу спасения.

– Вы шутите.

Мейвенс пожал плечами.

– Люди ведут себя порой очень странно. Суть в том, что в квартиру невозможно было войти и выйти из нее тоже было нельзя – двери и окна были закрыты, и никто их не взламывал и не выбивал. Камеры наблюдения в прихожей ничего не показали. У нас не было подозреваемых, кроме Уилсона, а против него имелась масса компромата. Он и не думал ничего отрицать. Я полагаю, он в конце концов сам уверился в том, что убил мальчика, хотя он этого и не помнил. Мнения экспертов разделились. Психоаналитики утверждали, что эго Уилсона было не в состоянии вынести мысль о таком отвратительном деянии. Поэтому он и подавил в себе память о случившемся. Кроме того, были циники, которые утверждали, что Уилсон лжет, что он отлично осознавал, что делает, а когда понял, что преступление не сойдет ему с рук,

то стал разыгрывать амнезию, чтобы смягчить приговор. А еще были психоневрологи, объявившие, что Уилсон страдает какой-то формой эпилепсии.

Бобби подсказал Мейвенсу:

– Но теперь мы знаем правду.

– Да. А теперь – правда.

Мейвенс прикоснулся к софт-скрину, и изображение ожило.

В углу спальни находилась вентиляционная решетка. Она вдруг открылась. Мальчик Миан быстро вскочил с кровати и испуганно попятился в противоположный угол.

– Он не закричал, – негромко произнес Мейвенс. – Если бы закричал...

Из отверстия выбрался человек. Девушка в облегающем лыжном комбинезоне. На вид ей было лет шестнадцать, хотя на самом деле она могла быть и старше. В руке она держала нож.

Мейвенс снова остановил запись.

Бобби нахмурился.

– Это еще кто такая?

– Приемная дочь Уилсонов. Ее зовут Барбара – помните, я о ней уже упоминал. Здесь ей восемнадцать лет, и она уже пару лет не живет дома.

– Но у нее по-прежнему имеется код доступа для входа в дом.

– Точно. Она явилась замаскированной. Потом пробра-

лась по вентиляционной шахте, а они в таком старом доме широченные. Вот так она и попала в комнату. С помощью червокамеры мы проследили за ее жизнью на пару лет раньше. Оказывается, ее отношения с отцом были гораздо сложнее, чем все думали. Пока она жила дома, они хорошо ладили. Потом она уехала учиться в колледж, и там у нее были неприятности. Она хотела вернуться домой. Родители это обсудили, но уговорили ее остаться в колледже и обрести независимость. Может быть, они были неправы, поступив так, а может быть, и не ошиблись. Во всяком случае, Барбаре они желали добра. Как бы то ни было, она все-таки вернулась домой – однажды ночью, когда мать была в отъезде. Она забралась в постель к спящему отцу и вступила с ним в оральный половой акт. Инициатива исходила от нее. Но отец ее не остановил. Потом он мучился угрызениями совести. Мальчик, Миан, спал в соседней комнате.

– Значит, они поссорились...

– Нет. Уилсон переживал, стыдился, но решил поступить здраво. Барбару он отослал в колледж и уговорил забыть о случившемся. Может быть, он действительно верил, что время залечит эту рану. Что ж, он ошибался. Он не понимал ревности Барбары. Она уверила себя в том, что Миан занял ее место в сердцах родителей и что именно поэтому ее стараются держать подальше от дома.

– Понятно. Поэтому она и попыталась совратить отца, поискать тем самым способ вернуться.

– Не совсем так.

Мейвенс приложил палец к софт-скрину, и маленькая драма снова развернулась на экране.

Миан, узнав свою сводную сестру, оправился от страха и шагнул ей навстречу.

Но Барбара с потрясающей быстротой набросилась на него. Она обхватила рукой его шею, и он начал задыхаться.

– Ловко, – отметил Мейвенс. – Теперь он при всем желании не сможет закричать.

Барбара повалила мальчика на спину, раздвинула его ноги.

Закинула его руки за голову, начала рвать на нем одежду.

– Она не выглядит силачкой, – заметил Бобби.

– Сила тут ни при чем. Главное – решимость. Миан даже в эти мгновения не мог поверить, что эта девушка, его сестра, хочет сделать ему что-то плохое. А вы бы поверили?

Грудь мальчика была обнажена. Барбара замахнулась ножом.

– Хватит, – вымолвил Бобби.

Мейвенс нажал на клавишу. Софт-скрин, к величайшему облегчению Бобби, опустел. Мейвенс сказал:

– Остальное – подробности. Когда Миан был мертв, она подтащила его к двери, приставила к ней и позвала отца. Уилсон подбежал, открыл дверь, и еще теплое тело сына упало ему на руки. Вот тут он и вызвал службу спасения.

– Но как же сперма Уилсона...

– Барбара сберегла ее после той ночи, когда у них был оральный секс. Сперму она хранила в маленькой специальной криопробирке, которую украла из медицинской лаборатории. Она все продумала еще тогда. – Он пожал плечами. – И все получилось. Мечь, уничтожение отца, который ее отверг – как ей казалось. Все получилось – по крайней мере до тех пор, пока не появилась червокамера. Так что теперь ясно...

– Что обвинен в убийстве был невиновный человек.

– Невиновный был казнен.

Мейвенс прикоснулся к софт-скрину, и на нем появилось новое изображение. Женщина лет сорока, блондинка. Она сидела в каком-то обшарпанном кабинете. Ее лицо было искажено мукой.

– Это Мэй Уилсон, – сообщил Мейвенс. – Жена Филипа, мать двоих приемных детей. Она свыклась с мыслью о том, что смерть ее приемного сына была вызвана жутким преступлением мужа. Она даже примирилась с Барбарой, нашла в ней утешение. И вот теперь – в этот самый момент – ей пришлось встать лицом к лицу с еще более страшной правдой.

Бобби стало не по себе из-за этого ужаса, этой обнаженной истины. Но Мейвенс, на его счастье, остановил запись.

– Вот, – пробормотал он. – Вот тут мы и разорвали ее сердце. И виноват в этом я.

– Вы старались, как могли.

– Нет. Мог бы постараться получше. У Барбары было алиби. Но если бы я смотрел более пристально и зорко, я бы раздолбал это алиби как нечего делать. Были и другие мелочи – расхождения в показаниях о времени, в том, какова была картина пятен крови на Уилсоне. А я этого ничего не заметил, *не увидел*. – Он посмотрел на Бобби, его глаза блестели. – Я не увидел правду. Вот что такое ваша червокамера. Это машина правды.

Бобби покачал головой.

– Нет. Это машина зоркости.

– Добиваться правды нужно, – сказал Мейвенс. – Я до сих пор в это верю. Конечно верю. Но иногда правда делает очень больно, невероятно больно. Так, как это вышло с бедной Мэй Уилсон. И знаете что? Ей правда не помогла. Она не вернула ей ни Миана, ни мужа. У нее только отняли еще и дочь.

– Нам всем придется пройти через это так или иначе, – возразил Бобби. – Придется увидеть все ошибки, какие мы когда-либо совершили.

– Может быть, – тихо отозвался Мейвенс. Он улыбнулся и провел пальцем по краю крышки стола. – Вот что со мной сделала червокамера. Моя работа перестала представлять собой интеллектуальный труд, загадки Шерлока Холмса. Теперь я тут каждый день сижу и таращусь на чью-то решимость, жестокость, расчет. Мы – животные, Бобби. Звери в чистенькой одежке.

Он покачал головой, улыбаясь и продолжая водить паль-

цем по краю стола.

/19/ ВРЕМЯ

Червокамера становилась все доступнее и все мощнее. Невидимые взгляды падали на прошлое человечества, будто снежинки, проникали все глубже и глубже в историю.

Принстон, штат Нью-Джерси, США. 17 апреля 1955 года н. э.

Навещавшие его в эти последние часы были потрясены его добродушным юмором. Он разговаривал с удивительным спокойствием, отпускал шутки по адресу врачей, а на свою приближающуюся кончину смотрел как на ожидаемое естественное явление.

И конечно, он до самого конца отдавал суровые распоряжения. Он не желал превращаться в объект паломничества, и он настаивал на том, чтобы его кабинет в институте не превращали в музей, а его дом – в святилище, и так далее, и тому подобное.

Доктор Дин в последний раз зашел к нему в одиннадцать часов ночи. Он мирно спал.

Но вскоре после полуночи его медсестра, миссис Альберта Россель, заметила перемену в его дыхании. Она позвала другую сестру, и они вдвоем приподняли изголовье его кровати.

И когда самый удивительный ум со времен Ньютона начал

наконец погибать, к поверхности его сознания устремились последние мысли. Возможно, он сожалел о том, что крупнейший проект унификации физики он оставил незаконченным. Возможно, гадал, верно ли было с его стороны пойти по пути пацифизма, верно ли он поступил, сподвигнув Рузвельта вступить в ядерный век. А может быть, он просто сожалел о том, что всегда ставил науку на первое место, что она для него была даже важнее тех, кто его любил.

Но уже было слишком поздно. Его жизнь, такая яркая и сложная в юности и зрелости, теперь приближалась, как и положено всякой жизни, к моменту совершенной простоты.

Миссис Россель низко наклонилась к нему и услышала его тихий голос. Но он говорил по-немецки, на языке своей юности, и она не поняла слов.

... А еще она не видела и не могла увидеть сонм сгустков пространства-времени, сгрудившихся в эти последние мгновения над дрожащими губами Эйнштейна ради того, чтобы услышать последние слова: «... Лизерль! О Лизерль!»

Отрывок из доклада Мориса Пейтфильда, профессора Массачусетского технологического института, председателя инициативной группы «Червосемья». Доклад было представлено комиссии Конгресса по изучению электората США 23 сентября 2037 г.:

«Как только стало ясно, что червокамера может не толь-

ко смотреть сквозь стены, но и заглядывать в прошлое, началось повальное увлечение человечества собственной историей.

Сначала нас потчевали профессионально изготовленными "фактологическими" фильмами и показывали нам такие значительные события, как войны, покушения, крупные политические скандалы. "Непотопляемый" – восстановленная картина катастрофы "Титаника", например, оказалась завораживающим зрелищем, хотя это зрелище и разрушило множество мифов, распространяемых недобросовестными сочинителями. Помимо всего прочего, "Титаник" тонул в крошечном североатлантическом мраке.

Но довольно скоро нам надоели интерпретации профессионалов и захотелось на все посмотреть своими глазами.

Торопливое обследование многих пресловутых моментов недавнего прошлого дало результаты как банальные, так и удивительные. Удручающие подробности относительно Элвиса Пресли, О. Дж. Симпсона и даже насчет смерти обоих Кеннеди, безусловно, удивили всех. С другой стороны, откровения насчет убийств многих выдающихся женщин – от Мэрилин Монро до Матери Терезы и Дианы, принцессы Уэльской, вызвали волну шока даже в обществе, начавшем привыкать к избыточной правде. И мужчин и женщин одинаково сильно потрясло существование бесконечных тайных заговоров мужчин-женоненавистников, которые на протяжении нескольких десятков лет выступали против женщин,

взявших (по мнению этих мужчин) себе слишком много власти.

Однако многие истинные версии исторических событий – кубинский кризис, Уотергейт, падение Берлинской стены, отмена евро, – представляя несомненный интерес для любителей, оказались запутанными, обескураживающими и сложными. Удручающе осознавать, что даже те, кого мы обычно считаем средоточием власти, как правило, мало знают и еще меньше понимают в происходящем вокруг них.

При всем уважении к великим традициям этой Палаты, вынужден заявить, что почти все ключевые события в истории человечества, судя по всему, окружены вымыслом, точно так же как все великие романы – не более чем грубые игры и манипуляции.

И, что хуже того, правда чаще всего оказывается скучной. Отсутствие закономерности и логики в ошеломляющей, почти неузнаваемой истинной истории, которая теперь предстает перед нами, настолько тяжело и утомительно для всех, кроме самых истовых ученых, что к нам начали возвращаться приукрашенные рассказы – истории с простой повествовательной структурой, способные привлечь внимание читателя и зрителя. Нам нужен сюжет и смысл, а не голый факт...

Тулуза, Франция, 14 января 1636 года н. э.

В пыльной тишине своего кабинета он положил перед собой любимый экземпляр «Арифметики» Диофанта. С

огромным волнением он перелистал страницы, добрался до книги второй, задачи восьмой и поискал перо.

«... С другой стороны, невозможно куб записать как сумму двух кубов, или четвертую степень записать как сумму двух четвертых степеней, или, говоря в общем, любое число со степенью больше двух невозможно записать в виде суммы двух таких же степеней. Я располагаю поразительным доказательством этой теоремы, но оно слишком велико, чтобы разместить его на полях...»

Бернадетта Уинстенли, четырнадцатилетняя ученица из города Хараре в Зимбабве, заранее зарезервировала себе время для работы со школьной червокамерой и посвятила себя наблюдению за теми мгновениями, когда Ферма быстро писал на полях.

... Вот когда это началось для него и тут и должно было закончиться. В конце концов, именно восьмая задача Диофанта так заинтриговала его и отправила по дороге к математическому открытию. «Имея число, являющееся квадратом, запиши его как сумму двух других квадратов». Это было алгебраическое выражение теоремы Пифагора, и решение было известно каждому школьнику: три в квадрате плюс четыре в квадрате (то есть девять плюс шестнадцать) равняется двадцати пяти, то есть – пяти в квадрате.

Но что, если расширить данное понятие за пределы этой

геометрической тривиальности? Существовали ли числа, которые можно было выразить суммой более высоких степеней? Три в кубе плюс четыре в кубе равнялось двадцати семи плюс шестьдесят четыре, то есть девяноста одному, а это число не являлось кубом. Почему вообще *существовали* такие тройки чисел? А как насчет более высоких степеней – четвертой, пятой, шестой?..

Математики древности явно не знали о таких случаях – но не знали и доказательства того, что это невозможно.

И вот теперь он – юрист и магистрат, даже не профессиональный математик – сумел доказать, что не существует трех таких чисел при *любой* степени больше двух.

Бернадетта вывела на экран исписанные листы бумаги с доказательством, найденным Ферма (как он полагал), а потом учитель помог ей расшифровать записи.

... Сейчас его ждали дела, а когда будет время, он запишет в краткой форме свое доказательство, пока содержащееся в заметках и набросках. А далее отправит письма Десаржу, Декарту, Паскалю, Бернулли и другим – как-то они восхитятся дальновидной тонкостью его выкладок!

А затем он станет исследовать числа дальше – числа, эти капризные и упрямо сложные создания, порой настолько странные, что ему казалось, что они, должно быть, существуют независимо от человеческого разума, выдумавшего их...

Пьер де Ферма так и не записал доказательства того, что осталось в истории науки под названием его Последней тео-

ремы. Но эта короткая запись на полях, обнаруженная после смерти Ферма его сыном, будет восхищать и терзать не одно из последующих поколений математиков. Доказательство *было* найдено – но только в середине девяностых годов двадцатого века, и ему была присуща техническая изощренность – привлечение абстрактных свойств эллиптических кривых и других незнакомых математических понятий, с помощью которых, как полагали ученые, Ферма в то время свою теорему доказать не мог. Возможно, он ошибался. А возможно, решил жестоко пошутить над последующими поколениями.

А потом, в две тысячи тридцать седьмом году, ко всеобщему изумлению, вооружившись всего лишь курсом математики средней школы, четырнадцатилетняя Бернадетта Уйнстенли сумела доказать, что Ферма был прав.

И когда наконец доказательство Ферма было опубликовано, началась революция в математике.

Из доклада Пейтфилда: «Конечно, история тут же начала приобретать лакировку. Как ученый и рационалист, я считаю огромной удачей то, что червокамера стала самым грандиозным инструментом развенчания за все времена.

Поэтому теперь бесспорно, к примеру, что вблизи от Розуэлла, штат Нью-Мексико, в тысяча девятьсот сорок седьмом году не было падения НЛО. И вообще, все до одного изученные случаи похищения землян инопланетянами оказались

не более чем ложной интерпретацией какого-нибудь невинного явления – зачастую осложненного нервно-психическими заболеваниями. Точно так же не было найдено ни малейших доказательств паранормальных и сверхъестественных явлений, насколько бы известными они ни были.

Систематически происходит развенчание целых индустрии медиумов, астрологов, народных целителей, гомеопатов и прочих знахарей. Остается ждать того времени, когда червокамера сможет заглянуть в такие времена, когда происходило строительство пирамид, возведение Стоунхенджа, создание геоглифов на плоскогорье Наска и прочих источников "мудрости" или "тайны". А потом настанет очередь Атлантиды...

Быть может, занимается новый день – когда не в таком уж далеком будущем человечество наконец решит, что правда интереснее самообмана».

Флоренция, Италия, 12 апреля 1506 года н. э.

Бернис прекрасно отдавала себе отчет в том, что она всего лишь младший научный сотрудник кураторской службы Лувра. Поэтому она очень удивилась – и обрадовалась, конечно! – когда ее попросили осуществить первое исследование подлинности одной из самых знаменитых картин в музее.

Хотя результат мог оказаться не таким уж приятным.

Сначала исследование было простым: на самом деле Бер-

нис просто не пришлось покидать стены Лувра. Перед толпами экскурсантов, под бдительными взорами нескольких поколений кураторов, под защитой бронированного стекла сидела пожилая аристократка и безмолвно наблюдала за течением времени.

Годы до того, как картина попала в Лувр, оказались более сложными.

Перед Бернис предстала вереница богатых домов, целых поколений роскоши и власти, в жизнь которых вторгались войны, восстания, нищета. Большая часть этих событий подтверждалась записями, сопровождавшими картину.

А потом, в первые годы того века – более чем через сто лет после предполагаемого написания картины, – пришло первое удивление. Бернис в шоке наблюдала за тем, как худой, с виду голодный молодой художник стоит перед двумя поставленными на мольбертах рядышком копиями знаменитой картины и мазок за мазком ликвидирует (поскольку время идет в обратную сторону) ту самую копию, которая по прошествии нескольких столетий была препоручена заботам Лувра.

Бернис быстро пробежалась по времени вперед, чтобы узнать, какая судьба постигла более ранний «оригинал», с которого была списана луврская копия – всего лишь копия, повторение! Этому «оригиналу», как выяснила Бернис, суждено было прожить всего два столетия, а потом он сгорел в одном доме при пожаре во времена Французской революции.

Исследования с помощью червокамеры позволили установить, что очень многие всемирно известные произведения искусства на самом деле являются подделками или копиями – почти *семьдесят процентов* картин, написанных до начала двадцатого века, и несколько меньше скульптур (меньше, вероятно, только потому, что копировать скульптуры сложнее). История оказалась опасным, разрушительным коридором, при прохождении по которому мало какие ценности оставались на своих местах.

И все же прежде не было никаких признаков того, что *эта* картина, именно она, была подделкой. Несмотря на то что было известно как минимум десяток списков, появлявшихся в разные времена в разных местах, но в Лувре хранились непрерывные записи о владельцах картины, с тех пор как художник-автор отложил кисть. А кроме того, имелись и свидетельства изменения композиции под верхним слоем краски. Это указывало на то, что картина скорее представляет собой переработанный оригинал, нежели копию.

«Но с другой стороны, – размышляла Бернис, – технику композиции и послойной записи можно было тоже подделывать».

Сильно озадаченная, она вернулась на несколько десятков лет назад, в грязную мастерскую, к тощему нищему художнику, изготавливавшему гениальную подделку. А потом, уходя все дальше и дальше в прошлое, начала наблюдать за судьбой «оригинала», с которого тот списывал копию.

Летели десятилетия, менялись владельцы картины, все сливалось в безынтересный туман вокруг самой картины, остававшейся неизменной.

Наконец Бернис добралась до начала шестнадцатого века и вошла в *его* мастерскую во Флоренции. Уже теперь собственные ученики мастера писали копии, но все они делались с этого, потерянного «оригинала», обнаруженного ею.

Наверное, больше сюрпризов быть не могло.

Оказалось, она ошибается.

О да, да, композиция во всех случаях принадлежала *ему* – композиция, предварительные наброски, львиная доля разработки рисунка. Он гордо объявил, что это будет идеальный портрет, в котором черты лица и символические обертона изображенного субъекта будут сплавлены в совершенное единство. Широтой и плавностью стиля будут восхищаться современники, будут очарованы потомки. Идея, в конце концов, принадлежала *ему*, и триумф тоже.

Но не исполнение. Маэстро – отвлеченный массой прочих дел и помимо живописи увлекавшийся наукой и техникой – оставил *это* другим.

Бернис, в сердце которой бушевали восторг и недоверие, наблюдала за тем, как юноша из провинции по имени Рафаэль Санти старательно кладет последние штрихи на нежную и загадочную улыбку...

Из доклада Пейтфилда: «Приходится сожалеть о том, что

многие долго лелеявшиеся – и безвредные – мифы теперь предстают перед холодным светом будущего дня и на наших глазах испаряются.

Бетси Росс³⁹ – печально известный недавний пример.

Бетси Росс существовала на самом деле. Но ее никогда не навещал Джордж Вашингтон, ее никогда не просили сшить флаг новой нации, она не трудилась над его рисунком вместе с Вашингтоном, она не шила флаг в дальней комнатке своего дома. Насколько мы можем судить, все это почти столетие спустя стало измышлением ее внука.

Миф о Дэйве Крокетте⁴⁰ был сфабрикован им самим. Легенда насчет шкуры енота была совершенно цинично придумана партией вигов⁴¹, дабы добиться популярности в Конгрессе. Наблюдения с помощью червокамеры не выявили ни единого свидетельства в пользу того, что Крокетт произнес на Капитолийском холме фразу насчет «охоты на медведей».

А вот слава Пола Ревира⁴², напротив, за счет червокамеры

³⁹ Согласно легенде, Бетси Росс (1752 – 1836) в 1776 году изготовила для Джорджа Вашингтона первый американский звездно-полосатый флаг.

⁴⁰ Дэвид Крокетт (1786-1836) – американский исследователь дальнего Запада и политический деятель. Убит в войне за отделение Техаса от Мексики. Традиционно ассоциируется с образом лесного охотника в круглой шапке с хвостом енота, которая так и называется – «шапка Дэйва Крокетта». Согласно одной из легенд, Крокетт умел сманивать енотов с дерева улыбкой и своего первого медведя убил в возрасте трех лет. В 1833 году избирался в Конгресс США. Его выступления отличались смелостью и юмором.

⁴¹ Партия вигов действовала в Конгрессе с 1834-го по 1854 год.

⁴² Пол Ревир (1735-1818) – американский ювелир, участник Войны за незави-

еще более возросла.

Много лет Ревир служил конным гонцом Бостонского комитета спасения. Самая знаменитая его скачка – в Лексингтон, чтобы предупредить лидеров повстанцев о выступлении англичан, по иронии судьбы оказалась еще более опасной, а подвиг Ревира – еще более героическим, чем он описан в поэме Лонгфелло. Но тем не менее многих современных американцев возмутил сильнейший французский акцент, унаследованный Ревиром от отца.

И так далее, и тому подобное – не только в Америке, но и по всему миру. Есть даже ряд знаменитых фигур – комментаторы называют их "снеговиками", – которые, как выяснилось, вообще никогда не существовали! А еще интереснее оказалось исследовать мифы – то, как они создаются из разрозненных или малообещающих фактов, а порой в отсутствие каких бы то ни было фактов вообще, просто потому, что кому-то очень хочется. А потом возникает заговор молчания, и крайне редко кто-либо сознательно управляет дальнейшей судьбой сотворенного мифа.

Стоит задуматься, куда это может нас привести. Точно так же, как человеческая память не является пассивным записывающим устройством, а инструментом самосотворения, история никогда не являлась простой регистрацией событий

симость. В ночь на 18 апреля 1775 г., скача верхом на лошади, оповестил жителей городов в районе Бостона о выступлении англичан. Его подвиг описан в народном предании и поэме Г. Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».

прошлого, а была средством формирования сознания людей.

Но точно так же, как теперь каждому человеку в отдельности приходится учиться конструировать свою личность под безжалостным взглядом червокамеры, так и людским сообществам придется примириться с обнаженной правдой о собственном прошлом и изыскать новые пути выражения общих ценностей и истории, если эти сообщества хотят выжить и вступить в будущее.

И чем скорее мы с этим справимся, тем лучше».

Ледник Симилон, Альпы, апрель 2321 года до н. э.

Это был мир, состоящий из самых простых стихий – черные скалы, синее небо, прочный белый лед. Это был один из самых высоких перевалов в Альпах. Одинокий человек уверенно шагал по этой безжизненной местности.

Но Маркус знал, что человек, за которым он наблюдал, уже приближался к месту, где, перевалившись через валун и аккуратно уронив набор неолитических инструментов, он встретит свою смерть.

Поначалу – изучая возможности червокамеры здесь, в Инсбрукском университете, в институте исследования Альп, – Маркус Пинч опасался того, что червокамера в итоге уничтожит археологию и заменит ее чем-то более напоминающим ловлю бабочек: грубым наблюдением «истины», порой – глазами любителя. Не останется больше Шлиманов, не останется Трои, не останется кропотливого изучения про-

шлого по обломкам, осколкам и следам.

Но оказалось, что накопленные знания по археологии все-таки востребованы, будучи наилучшей интеллектуальной реконструкцией истинного прошлого. Нужно было увидеть слишком много всего, а горизонты возможностей червокамеры постоянно расширялись. Пока червокамера служила дополнением к обычным археологическим методикам. С ее помощью можно было раздобыть ключевые фрагменты свидетельств для разрешения споров, для подтверждения или опровержения гипотез. Мало-помалу возникала более точная и согласованная картина прошлого.

В данном случае для Маркуса правда, разворачивающаяся здесь и сейчас, в этом сине-черно-белом изображении, передаваемом через пространство и время на его софт-скрин, должна была дать ответы на самые животрепещущие вопросы в его профессиональной карьере.

Этот человек, этот охотник, был извлечен из льда через пятьдесят три века после гибели. Мазки крови, образцы тканей, перхоти, волос и фрагментов птичьих перьев на орудиях человека и его одежде дали возможность ученым, включая Маркуса, восстановить многое из его жизни. Современные исследователи в шутку даже наделили этого человека именем Цгци, Ледяной человек.

Особый интерес для Маркуса представляли две его стрелы. На самом деле они стали основой для его докторской диссертации. Обе стрелы были сломаны, и Маркусу удалось

продемонстрировать, что перед смертью охотник пытался из двух сломанных стрел сделать одну нормальную – нацепить на хорошее древко целый наконечник.

Именно такая кропотливая детективная работа и привлекла в свое время Маркуса к археологии. Маркус не видел пределов для подобных исследований. Возможно, в каком-то смысле *каждое* событие оставило определенный след во вселенной – след, который в один прекрасный день будет расшифрован с помощью достаточно тонкого инструмента. В некотором роде червокамера стала кристаллизацией невысказанной интуитивной догадки каждого археолога: прошлое – это особая страна, которая существует где-то и которую можно исследовать пядь за пядью.

Но новая книга истины уже открывалась. Потому что червокамера могла ответить на вопросы, оставленные без ответов традиционной археологией, какими бы точными и тонкими ни были ее методы, – даже, например, об этом мужчине, Цтци, который стал первым наиболее хорошо изученным человеческим существом, жившим в доисторические времена.

Вопрос, на который до сих пор не было найдено ответа, – почему умер Ледяной человек. Может быть, он убегал от войны. Может быть, гнался за возлюбленной. Может быть, совершил преступление и спасался от правосудия тех времен.

Интуиция подсказывала Маркусу, что все эти объяснения

слишком узки, что они взяты из современного мира в попытке наложить их на более суровое и безыскусное прошлое. Но Маркус вместе со всем остальным миром жаждал узнать правду.

А теперь весь мир забыл про Цтци с его одеждой из звериных шкур, с орудиями из кремня и меди, с загадкой его одинокой смерти. Теперь, когда можно было словно бы воскресить, оживить любую фигуру из прошлого, Цтци перестал быть новинкой, им почти прекратили интересоваться. Никому не было дела до того, как же он в конце концов умер.

Никому, кроме Маркуса. И вот теперь Маркус сидел в прохладном полумраке университетской аудитории, но одновременно словно бы вместе с Цтци шагал по альпийскому перевалу в ожидании, когда же раскроется правда.

Цтци был одним из лучших охотников в этих горах. Его медный топор и медвежья шапка служили знаками охотничьей отваги, умения и уважения других. А в этот раз, в свой последний охотничий поход, он отправился за самой трудной добычей, за единственным альпийским животным, которое уходит в эти высокогорные скалы на ночь, – за каменным козлом.

Но Цтци был стар – в свои сорок шесть он для того времени считался человеком просто-таки преклонного возраста. Он страдал от артрита, а в этот день у него расстроился кишечник, начался понос. Наверное, он ослабел, его движения стали медленнее – но он то ли не замечал этого, то ли

не хотел замечать.

Он шел за своей жертвой и забирался все дальше и дальше в холодные высокие горы. На этом перевале он устроил привал и намеревался починить стрелы и на следующий день продолжить преследование козла. Он в последний раз перекусил соленой козлятиной и сушеными сливами.

Ночь выдалась на редкость ясная, и на перевале разгулялся ледяной ветер. Этот ветер отнимал у Цтци тепло его жизни.

Это была печальная, одинокая смерть, и Маркусу, наблюдая за Цтци, показалось, что в какое-то мгновение древний охотник попытался подняться, словно бы осознав свою жуткую ошибку, словно бы поняв, что умирает. Но он не смог подняться, а Маркус не мог дотянуться до него через червокамеру, чтобы помочь.

Поэтому Цтци суждено было и дальше лежать в одиночестве, и лед стал для него гробницей на пять тысячелетий.

Маркус отключил червокамеру, и Цтци снова упокоился.

Из доклада Пейтфилда: «Многие страны – не только Америка – сталкиваются со скорбными внутренними диалогами насчет относительно новых моментов правды о прошлом. Обычная история во многих случаях об этих моментах упоминала вскользь, если упоминала вообще.

Во Франции, к примеру, случилось просто национальное психологическое бедствие из-за того, насколько много людей, как выяснилось, сотрудничали с нацистами при окку-

пации во время Второй мировой войны. Ободряющие мифы насчет значения Сопrotивления сильно пострадали – и в немалой степени из-за недавних откровений по поводу фигуры Давида Мулена, уважаемого лидера Сопrotивления. Почти никто из тех, кому знакома легенда о Мулене, не был готов узнать, что свою карьеру он начал в роли нацистского "крота", хотя потом действительно вступил в борьбу за дело нации, а потом на самом деле его пытали и казнили эсэсовцы в тысяча девятьсот сорок третьем году.

Современные бельгийцы, похоже, потрясены тем, что перед ними предстала жестокая реальность "Свободного государства Конго", сурово управлявшейся колонии, где главная цель была – выкачать с территории страны ее природные богатства (главным образом каучук). А управление велось путем побоев, убийств, местных рабочих морили голодом, они погибали от антисанитарии, болезней. В итоге исчезали целые поселения. В промежутке с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года по тысяча девятьсот шестой в Конго было убито около восьми миллионов человек.

В странах на территории бывшего Советского Союза люди сосредоточились на эре сталинистского террора. Немцам пришлось снова столкнуться с Холокостом. Японцы впервые за несколько веков вынуждены узнавать правду о своих военных преступлениях в Жечуане и в других местах. Израильтянам крайне неприятно осознавать собственные грехи перед палестинцами.

Хрупкая демократия в Сербии может рухнуть под действием появления новых подробностей о зверствах в Боснии и в других республиках бывшей Югославии.

И так далее.

О большей части этих ужасов было, конечно, хорошо известно и до появления червокамеры, и было написано немало правдивых историй. И все же совершенно потрясает бесконечная отвратительная пошлость всего этого, жестокость, боль и ненужность.

Многие из конфликтов прошлого возникли на почве застарелой этнической и религиозной вражды. Так вышло и на этот раз: нам довелось стать свидетелями раздоров между отдельными людьми, бунтов, межэтнических столкновений и даже государственных переворотов и мини-войны. И гнев в основном направлен на "Наш мир" как на гонца, который доставил такие дурные вести.

Но могло быть и хуже.

Оказывается – при том, что люди так злятся на свои древние ошибки, о которых порой раньше никто и не ведал, – большей частью каждое сообщество начинает настолько сильно осознавать свои преступления перед собственным народом и другими народами, что в конце концов это приводит к желанию покаяться. Ни один народ не безгрешен; никто, судя по всему, не готов первым бросить камень, и почти все из уцелевших крупных институтов – будь то нация, корпорация, Церковь – встают перед необходимостью извинить-

ся за преступления, совершенные от их имени в прошлом.

Но есть и более страшный шок, с которым предстоит столкнуться.

Червокамера, в конце концов, дает свои уроки истории не в форме словесного изложения или аккуратных анимационных карт. Она мало что говорит о славе и чести. Скорее она просто показывает нам людей по отдельности, и эти люди очень часто голодают, страдают или умирают от рук других людей.

Слава, известность больше не имеют значения. Теперь мы видим, что каждое умирающее человеческое существо является центром вселенной, неповторимой искрой надежды и отчаяния, любви и ненависти, уплывающей в одиночестве во вселенский мрак. Червокамера словно бы привнесла в рассмотрение истории новую демократию. Линкольн, пожалуй, сказал бы, что история, возникающая из пристального изучения с помощью червокамеры, станет новой летописью человечества: историей о людях, созданной людьми и для людей.

Теперь важнее всего становится *моя личная история* – или история моей любимой, кого-то из моих родителей, моих предков, погибших самой жестокой и бессмысленной смертью в грязных окопах под Сталинградом, Пасшенделе или Геттисбергом или рухнув замертво на поле и так завершив жизнь, полную тяжкого труда. С помощью червокамеры и таких заслуженных генеалогических центров, как Мормонз,

мы все теперь знаем все о своих предках.

Находятся такие, кто утверждает, что все это опасно и грозит дестабилизацией. В конце концов, за волной разводов и самоубийств, прокатившейся вскоре после первых подарков-откровений червокамеры, теперь последовала новая волна. Мы получили возможность пошпионить за своими партнерами не только в реальной жизни, в настоящем времени, но и в прошлом – настолько давно, насколько нам захочется. И всякий былой проступок может стать для нас объектом для издевательства, всякую старую рану можно разбередить. Но все это – процесс привыкания, который крепкие отношения должны пережить. И как бы то ни было, подобные, сравнительно тривиальные последствия применения червокамеры воистину меркнут в сравнении с великим даром глубочайшей исторической правды, которая впервые становится доступной для нас.

Поэтому я не поощряю тех, кто сыплет дурными пророчествами. Надо доверять людям. Дайте нам инструменты, и мы закончим работу.

Все больше слышится голосов с требованиями – которые, как это ни трагично, удовлетворить невозможно – найти способ, хоть какой-то способ, любой способ *изменить* прошлое: помочь давно умершим страдальцам, даже воскресить их. Но прошлое неизменимо. Изменить можно только будущее.

Нам досталось это время со всеми его трудностями и опасностями. Наверняка больше никогда не будет времени, когда

свет истины и понимания будет проникать с такой потрясающей быстротой во мрак прошлого, никогда массовое сознание человечества не подвергнется таким драматичным изменениям. Новые поколения, родившиеся под вездесущим взором червокамеры, вырастут с совершенно другим взглядом на себя самих и на прошлое.

Хорошо это или плохо».

Ближний Восток, 1250 год до н. э.

Мириам преподавала курс экспертных счетных систем и, безусловно, не была профессиональным историком. Но, как почти все ее знакомые, она стала пользоваться червокамерой, как только это стало возможно, и начала изучать прошлое в соответствии со своими интересами. Интересы Мириам на самом деле были сосредоточены на одном-единственном человеке, чья судьба волновала историка и вдохновляла ее всю жизнь.

Но чем ближе червокамера подводила Мириам к объекту наблюдения, тем ей становилось страшнее, потому что этот человек словно бы растворялся. Сам акт наблюдения его как будто уничтожал, и он как будто повиновался какой-то неприятной разновидности принципа исторической неуверенности.

Тем не менее Мириам не отступалась.

Наконец, потратив много долгих часов, посвященных поиску этого человека под жестоким, обличающим солнцем

древних пустынь, она начала справляться с выводами профессиональных историков, которые до нее побывали в этих пустошах времени. Мало-помалу она сама убедилась в том, о чем они догадывались.

Жизненный путь этого человека – очищенный от элементов сверхъестественного – был довольно грубой компиляцией идей нескольких вождей той эры – времени, когда из племен, бежавших из Палестины после падения ханаанских городов-государств, образовался израильский народ. Все прочее было выдуманно или украдено.

К примеру, история с тем, как его младенцем спрятали в плетеной корзине и опустили эту корзину в ил, чтобы спасти от гибели как еврейского первенца. Это был всего-навсего пересказ более древних месопотамских и египетских легенд – например, о боге Горе. Ни одно из этих преданий тоже не было основано на реальном факте. И он никогда не был египетским принцем. Этот фрагмент, судя по всему, был позаимствован из рассказа о сирийце по имени Бай, который служил в Египте главным казначеем, а потом стал фараоном, известным под именем Рамозекайемнетейру.

Но что такое правда?

В конце концов, если верить преданию, он был сложным человеком, умевшим вдохновлять других. У него было много недостатков: он был косноязычен и часто гневался на тех, кого возглавлял. Он даже с Богом вступал в споры. Но его победа над собой на протяжении трех тысячелетий вдохновля-

ла столь многих людей, включая и саму Мириам, названную в честь возлюбленной сестры этого человека. Той Мириам, разбитой параличом, пришлось преодолеть в жизни много препятствий.

Для потомков он был настолько же жив и реален, насколько любой персонаж из «истинной» истории, и Мириам знала, что он останется живым и в будущем. А если так, то какое имело значение то, что на самом деле Моисей не существовал?

Это была новая мания, на взгляд Бобби: миллионы исторических фигур, как знаменитых, так и совсем не известных, на краткое время снова оживали под взглядами представителей первого поколения пользователей червокамеры.

Резко возросло число прогулов и наплевательского отношения к служебным обязанностям. Люди бросали работу, отказывались от своих профессий, порой даже уходили от любимых и посвящали себя бесконечным путешествиям во времени и пространстве. Человеческая раса вдруг словно бы постарела, всем захотелось попрятаться в норки и питаться воспоминаниями.

А может быть, так оно и есть, думал Бобби. В конце концов, если Полюнь неотвратима, то не стоило и говорить о будущем. Быть может, червокамера с ее даром взгляда в прошлое стала именно тем, что сейчас было нужно человечеству, – замочной скважиной.

И каждый из пользователей постепенно понимал, что настанет день и он тоже станет не более чем созданием из света и тьмы, погруженным во время, и когда-нибудь кто-то из необозримого будущего извлечет его на свет и примется препарировать его жизнь.

Но Бобби заботило не все человечество, не великие течения истории, а разрывающееся сердце его брата.

КРИЗИС ВЕРЫ

Давид стал затворником – так казалось Бобби. В «Червятнике» он появлялся без предупреждения, проводил какие-то таинственные эксперименты и возвращался в свою квартиру, где – судя по сведениям «Нашего мира» – продолжал заниматься расширением рамок технологии червокамеры и осуществлял какие-то свои собственные загадочные проекты, о которых никому не рассказывал.

Миновало три недели, и Бобби приехал к Давиду. Давид открыл ему дверь и, похоже, был готов не позволить ему войти, но потом все же отошел в сторону и пропустил в квартиру.

В квартире царил беспорядок, повсюду были раскиданы книги и софт-скрины. Здесь жил одинокий человек, которому было плевать на мнение других людей.

– Что с тобой, черт подери, происходит?

Давид вымученно улыбнулся.

– Червокамера, Бобби. Что же еще?

– Хетер говорила, что ты помог ей с работой о Линкольне.

– Верно. Пожалуй, это меня и подтолкнуло. Но теперь я уже чересчур насмотрелся на историю... Я плохой хозяин. Хочешь выпить? Пива?

– Перестань, Давид. Поговори со мной.

Давид поскреб пальцами макушку.

– Это называется кризисом веры, Бобби. Вряд ли ты поймешь.

На самом деле обиженный Бобби это отлично понимал и был очень расстроен тем, в каком удручающем состоянии застал брата. Каждый день одержимые манией червокамеры и повернувшиеся на истории люди обивали корпоративные пороги «Нашего мира» и требовали большего, еще большего доступа к червокамере. А потом Давид ударился в отшельничество и, видимо, не догадывался о том, как близок он к остальному человечеству, каких масштабов достигло распространение этой мании.

Но как сказать ему об этом?

Бобби осторожно проговорил:

– Ты страдаешь от исторического шока. Это сейчас... модное состояние. Оно пройдет.

– Модное, да? – гневно спросил Давид.

– Мы все чувствуем себя одинаково. – Бобби поискал в памяти пример. – Я видел премьеру Девятой симфонии Бетховена. Кернтнертор-театр, Вена, тысяча восемьсот двадцать четвертый год. Ты не видел? – Исполнение симфонии было профессионально записано, а потом передано по телевидению одним из медиакон-гломератов. Рейтинги вышли слабоватые. – Просто ужас. Музыканты играли из рук вон плохо, хор безбожно врал. А Шекспир оказался еще хуже.

– Шекспир?

– Да ты совсем отдалился от жизни. Я говорю о премьерере «Гамлета» в театре «Глобус» в тысяча шестьсот первом году. Актерская игра – на любительском уровне, костюмы дурацкие, зрители – пьяный сброд, а сам театр – выгребная яма под крышей. А акцент настолько непривычный, что при показе по телевидению пришлось использовать субтитры. Чем дальше в прошлое мы смотрим, тем более странным оно выглядит. Очень многим людям тяжело воспринять эту новую историю. «Наш мир» – козел отпущения для народного гнева, поэтому я знаю, что это правда. Против Хайрема то и дело выдвигают обвинения и что только ему не инкриминируют: клевету, подстрекательство к бунтам, разжигание межнациональной розни. А выдвигают обвинения национальные и патриотические объединения, религиозные организации, семьи развенчанных героев и даже правительства. И это – помимо угроз физической расправы. И уж конечно, совсем не в его пользу то, что он вознамерился завладеть авторскими правами на историю.

Давид не выдержал и громко расхохотался.

– Шутишь.

– Ни капельки. Он утверждает, что история открывается точно так же, как геном человека. Если можно патентовать фрагменты генома, почему бы не патентовать исторические события – по крайней мере те из них, которые удалось посмотреть с помощью червокамеры? В настоящее время проверке подвергается четырнадцатый век. Если не получится,

Хайрем планирует запатентовать «снеговиков». Типа Робин Гуда.

Подобно многим полумифическим героям прошлого, под безжалостным взором червокамеры Робин попросту растаял, распался на предания и вымыслы, а от исторической правды о нем не осталось и следа. Легенда о нем на самом деле была основана на целом ряде английских баллад четырнадцатого века времен народных восстаний против баронов и недовольства крестьян, что и привело к крестьянскому бунту тысяча триста восемьдесят первого года.

Давид улыбнулся.

– Это мне нравится. Хайрем всегда любил Робин Гуда. Пожалуй что он считает себя его современным эквивалентом – хотя, конечно, это самообман. На самом деле он, конечно, куда больше тянет на короля Джона... Какая ирония – Хайрем собирается *завладеть* Робинном.

– Послушай, Давид, – многие люди чувствуют себя точно так же, как ты. История полна ужаса, забытых людей, рабов, тех, чья жизнь была украдена. Но мы не в силах изменить прошлое. Мы можем только жить дальше, твердо решив не повторять таких ошибок в будущем.

– Ты так думаешь? – с горечью покачал головой Давид. Он встал и быстро занавесил окна, оградил комнату от послеполуденного солнца. Потом сел рядом с Бобби и развернул софт-скрин. – Смотри. Поглядим, покажется ли тебе и после этого, что все так просто.

Уверенными движениями он включил сохраненную запись.

Братья сидели рядом, окутанные светом иных дней.

... Небольшой, изрядно потрепанный парусный корабль приближался к берегу. На горизонте были видны еще два корабля. Чистый песок, спокойная синяя вода, высокое просторное небо.

На берег выбежали люди – обнаженные мужчины и женщины, темнокожие, красивые. Судя по всему, они были изумлены.

Некоторые из местных жителей бросились в воду и поплыли к приближающемуся кораблю.

– Колумб, – вырвалось у Бобби.

– Точно. А это араваки. Жители Багамских островов. Они вели себя дружелюбно. Подарили европейцам попугаев, хлопковые мячики и копья, сделанные из стеблей сахарного тростника. Но еще у них было золото – в ушах сверкали золотые сережки.

Колумб немедленно захватил в плен несколько араваков, чтобы выпытать у них о золоте. С этого все и началось. У испанцев были доспехи, мушкеты и лошади. У араваков не было железа и никаких средств защиты от оружия и воинской выучки европейцев.

Араваков стали использовать в качестве рабов. На Гаити, к примеру, горы были ископаны от вершин до подножий

в поисках золота. Араваки гибли тысячами. Каждые полгода умирало около трети рабочих. Вскоре начались массовые самоубийства с применением яда кассава. Матери убивали младенцев, чтобы они не попали в руки испанцев. И так далее. На момент прибытия Колумба на Гаити там проживало, видимо, около четверти миллиона араваков. Через несколько лет половина вымерла. Кого-то убили, кого-то замучили, кто-то сам свел счеты с жизнью. А к тысяча шестьсот пятидесятому году, через несколько десятилетий жестокого рабского труда, на Гаити не осталось ни одного из прежних араваков и их потомков.

А золотых жил, как выяснилось, не было вовсе. Араваки намывали золото по песчинке в ручьях, из него и изготавливали жалкие украшения, стоившие им жизни.

Вот так, Бобби, началось наше вторжение в Америку.

– Давид...

– Смотри.

Он нажал на клавишу, и на экране развернулось другое действие.

Бобби увидел размытые городские пейзажи. Город был не слишком большой, с узкими улочками, заполненными народом. Слепящее солнце озаряло стены из белого камня.

– Иерусалим, – объяснил Давид. – Пятнадцатое июля тысяча девяносто девятого года. Полным-полно евреев и мусульман. Крестonosцы, вооруженные посланцы западных христиан, уже месяц осаждают город. В данный момент на-

чинается кульминация атаки.

Бобби видел, как неуклюжие фигурки взбираются на стены, как навстречу им бросаются воины. Но защитники отступали, а рыцари шли вперед, размахивая мечами. Бобби с трудом поверил собственным глазам, увидев, как мужчина был обезглавлен одним ударом.

Крестоносцы с боем пробивались к храму Соломона. Там оборонявшиеся турки продержались день. Наконец, по щиколотку в крови, крестоносцы ворвались в храм и быстро прикончили уцелевших защитников.

Рыцари и их спутники рассеялись по городу, они забирали себе лошадей и мулов, хватали золото и серебро, тащили светильники и подсвечники из мечети Омара. Трупы рубили на куски, потому что порой в желудке можно было найти проглоченные монеты.

Долгий день грабежей и убийств тянулся и тянулся, и Бобби видел, как христиане отрезают от убитых куски плоти, коптят человеческое мясо и едят его.

И все это представало ярко, жестоко, четко – алые взмахи окровавленных мечей, испуганное ржание лошадей, суровые взгляды угрюмых, полуголодных рыцарей, распевавших псалмы и гимны, продолжая рубить головы. Однако битва шла на редкость тихо. Тут не было ни ружей, ни пушек, люди работали только своими мышцами.

Давид пробормотал:

– Это была настоящая катастрофа для нашей цивилиза-

ции. Акт насилия, из-за которого между Востоком и Западом пролегла пропасть, и эта рана так до конца и не зажила. А все делалось во имя Христа. Бобби, благодаря червокамере я смог стать свидетелем нескольких столетий христианского терроризма, оргии жестокости и разрушения, протянувшейся от Крестовых походов до разграбления Мехико в шестнадцатом веке и продолжавшейся потом. И все под флагом папской религии – *моей* религии – и жажды денег и роскоши. А потом – капитализм, одной из выдающихся фигур которого является мой отец.

В кольчугах, с яркими крестами на накидках, крестоносцы были похожи на каких-то диковинных зверей, топавших по залитой солнцем пыли. Варварство просто потрясло.

И все-таки...

– Давид, мы знали об этом. Крестовые походы были подробно описаны. Историкам удалось выудить факты из пропаганды тех времен задолго до появления червокамеры.

– Возможно. Но мы люди, Бобби. Жестокая сила червокамеры вытряхивает историю из запыленных учебников и заставляет ее жить снова, делает ее доступной для наших чувств, для наших переживаний. И мы должны пережить ее вновь, вновь увидеть реки крови, пролитой столетия назад.

– История – это река крови, Бобби. Вот что червокамера хочет заставить нас увидеть. История уносит жизни, словно песчинки, в океан мрака, а ведь каждая из этих жизней была так же драгоценна и ярка, как твоя или моя. И ничего из это-

го, ни единой капли крови, нельзя изменить. – Он посмотрел на Бобби. – Ты готов еще посмотреть?

– Давид...

«Давид, ты не единственный, – хотелось сказать Бобби. – Нам всем страшно. Если ты будешь думать, что только ты наблюдаешь эти жуткие сцены, что тебе одному так мерзко, то ты потонешь в самобичевании».

Но он не смог этого сказать.

Давид переключил софт-скрин. Бобби хотелось уйти, отвернуться.

Но он понимал, что ему придется смотреть на все это, если он хочет помочь брату.

И снова по экрану разлились жизнь и кровь.

Посреди всего этого, в самое тяжелое время своей жизни Давид сдержал обещание, данное им Хетер, и разыскал Мэри.

Он никогда не считал себя большим специалистом в людских переживаниях. Он долго комплексовал, мучился собственными проблемами и все никак не мог решить, с какого бока подобраться к этому трудному, сердитому ребенку – дочери Хетер. А в конце концов нашел техническое решение. На самом деле ключом к Мэри стала компьютерная программа.

Он нашел Мэри у софт-скрина в «Червятнике». Было поздно, и большинство других посетителей уже ушли. Она

сидела, освещенная лампой и озаренная мерцанием стационарного софт-скрина, а вокруг сгустилась темнота, заполненная пыльной электроникой. Когда Давид подошел, Мэри поспешно убрала с экрана изображение. Но он успел увидеть солнечный день, сад и детей, бегущих рядом со взрослым мужчиной и смеющихся. В следующее мгновение на экране воцарилась чернота. Мэри недовольно посмотрела на Давида. Не ней была мешковатая длинная футболка с золотистой надписью:

САНТА-КЛАУС ПРИХОДИТ В ГОРОД

Давид признался себе в том, что смысла этой надписи не понимает, но спрашивать не собирался.

Молчание и поза девочки говорили яснее ясного: приходу Давида она не рада. Но он не собирался просто так отказываться от задуманного и сел рядом с ней.

– Я слышал неплохие отзывы о программе трекинга, над которой ты работаешь.

Мэри резко зыркнула на него.

– Кто это, интересно, вам натрепал, чем я занимаюсь? Мамочка моя, небось?

– Нет, не твоя мама.

– Кто же тогда? Да ладно, какая разница. Вы, конечно, считаете, что у меня паранойя, да? Что я слишком грубая и колкая?

Давид спокойно отозвался:

– Я пока не решил.

Мэри искренне улыбнулась.

– Хотя бы честно ответили. Ну, так откуда вам известно про мою программу?

– Ты – пользователь червокамеры, – ответил Давид. – Одно из условий пользования «Червятником» состоит в том, что любое новшество, которое ты привносишь в оборудование, становится интеллектуальной собственностью «Нашего мира». Этот пункт содержится в соглашении, которое я был вынужден подписать от имени твоей матери... и твоего имени.

– Типичный Хайрем Паттерсон.

– В смысле, налаженный бизнес? Мне кажется, это разумно. Мы все понимаем, что у этой техники большое будущее...

– Ой да ладно. От вашего интерфейса меня тошнит, Давид.

– ... и кто лучше простых пользователей сумеет усовершенствовать червокамеру сейчас – кроме тех людей, которым она уже теперь нужна более качественной?

– Так у вас, значит, шпионы есть? Люди, следящие за теми, кто смотрит в прошлое?

– У нас есть слой метапрограмм, занимающихся мониторингом деятельности пользователей, оценкой ее функциональности и качества. Если мы увидим хорошую идею, мы сможем взять ее и развить. Но лучше всего, конечно, сразу найти блестящую идею и притом – уже неплохо разработан-

ную.

Во взгляде Мэри появилась искорка интереса и даже, пожалуй, гордости.

– Как у меня?

– У твоей идеи есть потенциал. Ты умница, Мэри, тебя ждет блестящее будущее. Но – как бы это сказать? – ты почти не имеешь понятия о том, как разрабатывается качественное программное обеспечение.

– Но моя программа работает, так ведь?

– Чаще всего – да. Но я сомневаюсь, что кто-то кроме тебя мог бы усовершенствовать ее, не перестроив все снизу доверху. – Давид вздохнул. – Сейчас у нас не девяностые годы, Мэри. Теперь создание программ – ремесло.

– Да знаю я, знаю... Это мы всё в школе проходим... Но вы думаете, что моя идея все-таки работает.

– Почему бы тебе не показать мне?

Мэри протянула руку к софт-скрину. Давид понял, что она хочет сбить все предыдущие установки и заново запустить червокамеру.

Он решительно накрыл ее руку своей.

– Нет. Покажи мне то, что ты смотрела, когда я к тебе подошел.

Мэри зыркнула на него.

– Так вот оно что. Вас моя мать подслала, да? А моя программа трекинга вам до лампочки?

– Я верю в правду, Мэри.

– Ну так давайте выкладываете.

Давид отвел от экрана кончики ее пальцев.

– Твоя мама тревожится за тебя. Но прийти к тебе я решил сам, это не она придумала. И я действительно думаю, что ты должна показать мне то, что смотришь сейчас. Да, это предлог для разговора с тобой, но твоя программа интересует меня и сама по себе. Что-то еще хочешь спросить?

– А если я откажусь, вы меня вышвырнете из «Червятника»?

– Я не стану этого делать.

– Тут у вас такое оборудование, а то, что по сети предоставляют – просто блевотина...

– Я тебе уже сказал: я тебе этим не угрожаю.

Возникла пауза.

Мэри немного расслабилась и села удобнее. Давид понял, что в этом раунде он победил.

Несколько прикосновений к софт-скрину – и Мэри восстановила изображение.

Маленький сад – вернее, двор. Полосы залитой солнцем газонной травы, а между ними – усыпанные гравием дорожки и несколько не слишком ухоженных клумб. Ясный день, голубое небо, длинные тени. И повсюду игрушки – вспышки цветов. Некоторые из них ездили по дорожкам туда и обратно, выполняя свои программы.

Появились двое детей – мальчик и девочка, лет шести и восьми. Они смеялись, бросали друг дружке мяч.

За ними гонялся мужчина, он тоже смеялся. Он подхватил девочку и закружил ее, и она полетела посреди теней и света. Мэри остановила изображение.

– Клише, – проговорила она. – Верно? Детские воспоминания, летний вечер, длинный и прекрасный.

– Это твой отец и твой брат. И ты.

Мэри невесело усмехнулась.

– Прошло всего-то восемь лет, а двоих уже нет в живых.

Что скажете?

– Мэри...

– Вы хотели мою программу посмотреть.

Давид кивнул:

– Покажи.

Мэри прикоснулась к экрану. Фокус качнулся из стороны в сторону, переместился во времени вперед и назад на несколько секунд. Отец поднимал и опускал девочку, опускал и поднимал снова, ее волосы качались туда-сюда – будто видеозапись проматывали.

– Сейчас я пользуюсь стандартным интерфейсом. Фокус – словно маленькая видеокамера, парящая в воздухе. Я могу управлять ее размещением в пространстве и передвигать ее сквозь время, настраивать положение устья «червоточины». Кое для чего это нормально. Но если я хочу просматривать более длительные периоды, это дерьмово. Сами, наверное, знаете.

Она включила изображение. Отец опустил маленькую

Мэри.

Мэри навела фокус на лицо отца и, прикасаясь к виртуальным клавишам софт-скрина, начала трекинг. Изображение то двигалось, то останавливалось, пока отец бежал по лужайке за дочерью.

– Я могу следить за субъектом, – профессионально проговорила Мэри. – Но это трудно и утомительно. Вот я и стала придумывать, как автоматизировать трекинг. – Она нажала еще несколько виртуальных клавиш. – Для того чтобы фиксировать фокус на лицах, я использовала шаблоны распознавания образцов. Вот так. Фокус червокамеры качнулся вниз, словно им управлял какой-то невидимый оператор, и сосредоточился на лице отца Мэри. Лицо оставалось в фокусе при том, что отец поворачивал голову, разговаривал, смеялся, кричал; а вокруг него неуверенно покачивался фон.

– Все автоматизировано, – заключил Давид.

– Ага. У меня есть субшаблоны для мониторинга предпочтений, они помогают сделать так, что все выглядит более профессионально...

Еще несколько нажатий на клавиши, и фокус немного оттянулся назад. Углы объектива стали более привычными, устойчивыми, привязка к лицу исчезла. Отец все еще оставался центральной фигурой, но все, что его окружало, стало видно более четко.

Давид кивнул.

– Это очень ценно, Мэри. Если твою программу соеди-

нить с программой интерпретации, то это, возможно, позволит нам даже автоматизировать составление биографий исторических фигур – по крайней мере, в виде предварительных набросков. Ты достойна похвалы.

Мэри вздохнула.

– Спасибо. Но вы все равно думаете, что я чокнулась, потому что пялюсь на своего отца, а не на Джона Леннона, да?

Давид пожал плечами и осторожно произнес:

– Все остальные пялятся на Джона Леннона. Его жизнь, хорошо это или плохо, стала всеобщим достоянием. А вот твоя жизнь – этот золотой вечер – принадлежит только тебе.

– Но ведь я же свихнулась на этом. Как чудики, которые смотрят на своих предков, занимающихся любовью, тарачатся на собственное зачатие...

– Я не психоаналитик, – мягко оборвал ее Давид. – Жизнь у тебя была непростая. Этого никто не отрицает. Ты потеряла брата, потом отца. Но...

– Что – «но»?

– Но ты окружена людьми, которые не хотят, чтобы ты грустила. Ты должна в это верить.

Мэри тяжело вздохнула.

– Знаете, когда мы были маленькие – Томми и я, – моя мама, бывало, использовала для нашего воспитания других взрослых. Если я вела себя плохо, она находила что-нибудь такое в мире взрослых – автомобиль в километре от нашего дома, водитель которого нажимал на клаксон, или даже реак-

тивный самолет в небе – и говорила: «Этот дядя слышал, что ты сказала мамочке, и показывает тебе, что он об этом думает». Это было просто ужасно. Я выросла, представляя себе, что я одна-одинешенька посреди громадного леса взрослых и все они не спускают с меня глаз и все время осуждают.

Давид усмехнулся.

– Круглосуточный надзор. Значит, тебе не привыкать жить при червокамере.

– То есть вы хотите сказать, что у меня еще раньше крыша съехала? Не сказала бы, что это сильно утешает. – Она пылливо посмотрела на него. – А вы, Давид, – *вы* что смотрите, когда остаетесь один на один с червокамерой?

Он вернулся в свою квартиру. Подключил компьютер к компьютеру Мэри в «Червятнике» и просмотрел список регистрации, в общем порядке составлявшийся в «Нашем мире» для каждого из пользователей червокамеры.

Ему казалось, что он сделал вполне достаточно для того, чтобы не чувствовать себя виноватым и выполнить обещание, данное им Хетер, а именно – пошпионить за Мэри.

Довольно скоро он добрался до сути. Она действительно то и дело просматривала один и тот же эпизод.

Это был еще один солнечный день, наполненный радостями в кругу семьи, вскоре после того дня, в который они смотрели вместе с Мэри в «Червятнике». Здесь ей было восемь. Они с отцом, братом и матерью неторопливо – чтобы

не устал шестилетний малыш – шли пешком по национальному парку Рейнир. Солнце, скалы, деревья.

И тут Давид увидел это – поворотный момент в жизни Мэри. Все длилось всего несколько секунд.

Они вроде бы не рисковали, не уходили с маркированной тропы, не делали ничего необычного. Это была чистая случайность.

Томми сидел на плечах у отца, вцепившись ручонками в его густые черные волосы, а отец большими руками крепко сжимал его ножки. Мимо пробежала Мэри, ей хотелось догнать что-то вроде тени оленя. Томми потянулся за ней, едва заметно качнулся, а у отца чуть-чуть соскользнула рука. Чуть-чуть. Но этого хватило.

В падении самом по себе не было ничего примечательно-го: Томми ударился головой об острый выступ скалы, его череп с негромким треском разбился, а тело странно обмякло. Малышу просто не повезло – в том, что он так неудачно упал, никто не был виноват.

Вот и все. В одно мгновение. Не повезло, случайность, никто не виноват.

«Кроме, – с непривычной злостью подумал Давид, – Вселенского Творца, который предпочел вложить драгоценную душу шестилетнего малыша в такой хрупкий сосуд».

В первый раз, когда Мэри просматривала этот эпизод (как теперь Давид), она настроила фокус червокамеры таким образом, будто все происходило так, как это видели глаза ма-

ленькой Мэри. Объектив словно бы разместился в самой середине ее души, в том загадочном месте в ее голове, где обитала «она» в окружении хрупкой механики тела.

Мэри увидела, как падает малыш. Она среагировала на это. Протянула руки, шагнула к нему. Казалось, он падает медленно, как во сне. Но она была слишком далеко и не смогла бы дотянуться до него, она ничего не могла изменить.

... А потом, наблюдая за сеансами пользования червокамерой, предпринятыми Мэри, Давид был вынужден увидеть ту же самую сцену глазами ее отца. Все выглядело так, словно кто-то смотрел с наблюдательной вышки. Внизу была видна размытая фигурка Мэри, вокруг головы темнела тень сидевшего на плечах ребенка. Но те же самые события разворачивались с жестокой неотвратимостью: неверный шаг, скольжение руки, падение мальчика головой на каменистую землю.

Но снова и снова Мэри маниакально просматривала не гибель брата как таковую, а моменты, предшествовавшие гибели. Падающего Томми от маленькой Мэри отделяло расстояние не больше метра – но это было слишком далеко, а от отца он был всего в нескольких сантиметрах, всего в доле секунды своевременной реакции. Но если бы речь шла о километре и нескольких часах опоздания – разницы бы не было никакой.

«Вот почему, – думал Давид, – ее отец на самом деле покончил с собой».

Не из-за публичности, неожиданно свалившейся на него и его семейство, – хотя от этого вряд ли могло быть много радости. Если он в чем-то был похож на Мэри, то он почти наверняка сразу понял, что означает червокамера для него лично, – точно так же как миллионы других людей, которые теперь познавали возможности червокамеры... и мрак внутри своего сердца.

Разве несчастный отец мог удержаться и не смотреть на это?

Разве мог он не переживать вновь и вновь эти жуткие мгновения? Разве он мог отвернуться от своего ребенка, живущего внутри машины, полного жизни и все же не способного прожить ни секунды дольше или сделать что-то иное?

И как мог этот отец жить в мире, где страшная ясность случившегося была так доступна для него, что он мог в любое время проиграть и снова пережить самый ужасный эпизод в своей жизни, просмотреть его в любом ракурсе, но при этом знать, что он никогда не сможет изменить ни единой детали?

А он, Давид, – как вальяжно, как снисходительно он сидел и просматривал отдельные эпизоды из жизни Церкви, отделенные от его реальности многими веками. В конце концов, от преступлений Колумба теперь никому не было ни жарко ни холодно – кроме, пожалуй, как мрачно думал Давид, самого Колумба. Насколько же отважнее была Мэри – одинокая девочка с надтреснутой психикой, вновь и вновь наблю-

дающая мгновения, сломавшие ее жизнь.

«Вот *это*, – думал Давид, – и есть суть пользования червокамерой – не робкое подглядывание, не эротоманское шпионство, даже не лицезрение невероятно давних исторических событий, а шанс заново пережить ярчайшие события, служащие основой *моей* жизни. Но мои глаза не были созданы для таких зрелищ. Мое сердце было не создано для того, чтобы вновь и вновь переживать такие откровения. Когда-то время называли величайшим целителем; теперь целебный бальзам давности лет отнят у людей».

«Нам даны глаза Бога, – думал Давид. – Глаза, способные видеть неизменяемое кровавое прошлое так, как если бы все это творилось сегодня. Но мы не Бог, и слепящий свет истории может нас уничтожить».

Гнев охватывал его все сильнее. *Неизменность*. Почему он должен был мириться с такой несправедливостью? Или возможно все же что-то с *этим* поделать? Но сначала ему следовало придумать, что он скажет Хетер.

Когда Бобби заглянул к Давиду в следующий раз, через несколько недель, его потряс запущенный внешний вид брата.

Давид был одет в мешковатый комбинезон, который он явно не снимал уже несколько дней подряд. Волосы его спутались, выбрит он был кое-как. В квартире царил еще больший беспорядок, кругом валялись софт-скрины, раскрытые

книги и журналы, блоки желтой отрывной бумаги, ручки. На полу, вокруг переполненной корзинки для бумаг, были разбросаны засаленные бумажные тарелки, коробки от пиццы, картонные коробочки для еды, предназначенной для разогревания в микроволновке.

Но на этот раз Давид проговорил защищающимся, даже извиняющимся тоном:

– Это не то, о чем ты думаешь. Думаешь, червокамеромания, да? Может быть, и мания, Бобби, но похоже, я от этого избавился.

– Так что же тогда...

– Я работал.

На стене висела белая пластиковая доска, исписанная красным фломастером. Уравнения, обрывки фраз по-английски и по-французски, соединенные извилистыми стрелками и петлями.

Бобби осторожно проговорил:

– Хетер сказала мне, что ты отказался от участия в проекте «Двенадцать тысяч дней». Ну, насчет подлинной биографии Христа.

– Да, отказался. И ты, конечно, понимаешь почему.

– Так чем же тогда ты тут занимаешься, Давид?

Давид вздохнул.

– Я пытался прикоснуться к прошлому, Бобби. Пытался, но у меня ничего не вышло.

– Вот это да! – ахнул Бобби. – Я тебя правильно понял?

Ты попробовал воспользоваться «червоточиной» для того, чтобы изменить прошлое? Ты это мне хотел сказать? Но ведь твоя теория утверждает, что это невозможно. Так?

– Так. Но все же я попытался. Я провел несколько экспериментов в «Червятнике». Я попробовал послать сигнал назад во времени через маленькую «червоточину» – к самому себе. Всего через несколько миллисекунд, но этого было бы достаточно для доказательства принципиальной возможности.

– И?

Давид кисло усмехнулся.

– Через «червоточину» сигналы могут перемещаться по времени *вперед*. Именно так мы видим прошлое. Но когда я попытался послать сигнал во времени назад, получилась обратная связь. Представь себе, что фотон покидает мою «червоточину» несколько секунд назад. Он может лететь к будущему устью «червоточки», потом – вернуться во времени назад и появиться из прошлого устья в тот самый момент, когда начал свое путешествие. Он накладывается на самого себя...

– ... и удваивает собственную энергию.

– Более того – поскольку в силу вступает еще и эффект Доплера. Это позитивная петля обратной связи. Частица излучения может странствовать по «червоточине» вновь и вновь и накапливать энергию, потребленную из самой «червоточки». Постепенно накопленный запас энергии стано-

вится настолько велик, что разрушает «червоточину» – за долю секунды до того, как она начинает действовать как настоящая, полноценная машина времени.

– Короче говоря, твоя экспериментальная «червоточина» сгорела синим пламенем.

Давид сухо ответил:

– И более ярко, чем ожидал. Похоже, старина Хокинг был прав насчет хронологической защиты. Законы физики не позволяют создать машины времени обратного действия. Прошлое – это релятивистская блокирующая вселенная, будущее – квантовая неопределенность, и они соединены в настоящее, которое, как я полагаю, является квантовым гравитационным интерфейсом... Прости. Технические подробности не имеют значения. Понимаешь, прошлое подобно надвигающемуся леднику, наползающему на жидкое будущее. Каждое событие замерзает на месте внутри кристаллической структуры, замирает навсегда. И что главное – так это то, что я знаю лучше кого бы то ни было на планете: прошлое изменить нельзя. Оно открыто для наших наблюдений через «червоточины», но оно неподвижно, фиксировано. Понимаешь, каково это ощущать?

Бобби походил по комнате, перешагивая через горы бумаг и книг.

– Отлично. Ты страдаешь. Ты пользуешься заумной физикой в качестве самолечения. А как же семья? Ты хоть когда-то о нас вспоминаешь?

Давид зажмурился.

– Расскажи. Пожалуйста.

Бобби сделал глубокий вдох.

– Что ж... Хайрем стал еще старательнее от всех прятаться. Но планирует извлечь еще больше прибыли из прогнозов погоды – а эти прогнозы будут отличаться высочайшей точностью, поскольку они будут основаны на четких данных столетней давности – спасибо червокамере. Он считает, что, скорее всего, удастся даже разработать системы управления климатом на основе нашего нового понимания долгосрочных климатических сдвигов.

– Хайрем – это... – Давид запнулся в поисках подходящего слова. – Это явление. Есть ли предел у его капиталистического воображения? А о Кейт какие новости?

– Присяжные совещаются.

– А я считал, что улики исключительно косвенные.

– Так и есть. Но увидеть, что она действительно находилась за терминалом в то время, когда было совершено преступление, увидеть, что у нее была такая возможность... думаю, из-за этого поколебались многие присяжные.

– Что будешь делать, если ее признают виновной?

– Я еще не решил.

Так оно и было. Окончание процесса было черной дырой, жаждавшей поглотить будущее Бобби, – такой же неотвратимой и нежеланной, как смерть. Поэтому он предпочитал об этом не думать.

– Я видел Хетер, – сказал он. – Она неплохо держится, несмотря ни на что. Опубликовала подлинную биографию Линкольна.

– Отличная работа. А репортажи о войне в регионе Аральского моря просто блестящие. – Давид пытливо посмотрел на Бобби. – Ты должен гордиться ею – своей матерью.

Бобби задумался.

– Наверное, должен. Но я даже не знаю, какие чувства должен к ней испытывать. Знаешь, я видел ее с Мэри. Какие бы ни были между ними трения, между ними существует связь. А я ничего такого не чувствую. Наверное, это моя вина...

– Говоришь, видел? В прошедшем времени?

Бобби повернулся к нему.

– Похоже, ты ничего не слышал. Мэри ушла из дома.

– О... Как жаль.

– Они в последний раз переругались из-за того, как Мэри пользуется червокамерой. Хетер просто с ума сходит от тревоги.

– Но почему она не выследит, не разыщет Мэри?

– Она пыталась.

Давид фыркнул.

– Глупости. Как хоть кто-то из нас может спрятаться от червокамеры?

– Значит, наверное, есть какие-то способы... Послушай, Давид, не пора ли тебе возвратиться к людям?

Давид сцепил пальцы. Этот великан был ужасно расстро-

ен.

– Но это просто невыносимо, – проговорил он. – Именно поэтому Мэри и убежала. *Я пытался*, не забывай. Я пытался найти способ все исправить – склеить разбитое прошлое. И обнаружил, что относительно истории ни у кого из нас выбора нет. Даже у Бога. *У меня есть экспериментальное доказательство*. Понимаешь? Смотреть на всю эту кровь, насилие, убийства, грабеж... Если бы я мог отвести в сторону хоть один меч крестоносца, спасти жизнь хотя бы одного аравакского ребенка...

– Поэтому ты нашел убежище в замороженной физике.

– А ты мне что предлагаешь?

– Прошлого не исправишь. Но зато можно исправить себя. Вернись в проект «Двенадцать тысяч дней».

– Я тебе уже говорил.

– Я тебе помогу. Я буду рядом. Сделай это, Давид. Ступай, найди Иисуса. – Бобби улыбнулся. – Ты сделаешь это.

Давид долго молчал, а потом улыбнулся.

СЕ ЧЕЛОВЕК!⁴³

«12 000 дней». Введение. Автор – Давид Керзон. Отрывок. Предварительный комментарий. Редакторы – С. П. Козлов и Г. Риша. Рим, 2040 г.

«Международный научный проект, известный широкой публике под названием "Двенадцать тысяч дней", достиг завершения первой фазы. Я был одним из членов команды (вернее, все же чуть больше, чем просто членом команды), состоявшей из двенадцати тысяч наблюдателей со всего мира, которым было поручено изучить историческую жизнь и то время, в которое жил человек, известный своим современникам под именем Иешо Бен Пантера, а последующим поколениям – как Иисус Христос. Для меня большая честь написать это предисловие...

Мы всегда осознавали, что, встречаясь с Иисусом в Евангелиях, мы видим Его глазами евангелистов. К примеру, Матфей верил в то, что Мессия родится в Вифлееме, как это было предсказано в Ветхом Завете пророком Михеем⁴⁴; поэтому он и сообщает, что Иисус родился в Вифлееме (хотя

⁴³ Эти слова произнес Понтий Пилат, когда вывел Иисуса Христа в терновом венце к иудеям, требовавшим его распятия (Ин. 19, 5).

⁴⁴ «... И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, который должен быть владыкою в Израиле...» (Мих. 5, 2).

Иисус родился в Галилее).

Мы понимаем это. Мы делаем скидку на это. Но как много христиан на протяжении веков мечтали увидеть Иисуса собственными глазами через беспристрастное око видеокамеры или фотоаппарата, а еще лучше – воочию, лицом к лицу? И кто бы мог поверить, что мы станем первым поколением в истории, для кого такая встреча будет возможна?

Но именно это произошло.

Каждому из двенадцати тысяч наблюдателей был поручен один день из короткой жизни Иисуса: день, который нам предстояло наблюдать с помощью червокамеры – в реальном времени, от полуночи до полуночи. Таким образом предполагалось быстро составить первый набросок "истинной" биографии Иисуса.

Визуальная биография и приложенные к ней сообщения – не более чем черновик: это просто наблюдения, изложение событий трагически короткой жизни Иисуса. Предстоит провести еще множество дополнительных исследований. Например, нужно уточнить личности четырнадцати (а не двенадцати!) апостолов, а о судьбе Его братьев, сестер, жены и ребенка известно лишь вскользь. Затем настанет черед сравнения реальных фактов главной для человечества истории с различными упоминаниями – как каноническими, так и апокрифическими, говорящими нам об Иисусе и Его миссии.

И тогда, конечно, вспыхнут настоящие споры: споры о значении Иисуса и Его миссии, и этим спорам суждено про-

длиться столько времени, сколько будет жить человечество.

Первая встреча оказалась нелегкой. Но истинный свет из Галилеи уже успел спалить много лжи».

Давид лежал на диване и проверял системы: аппаратуру для виртуальной реальности, капельницы для введения внутривенных питательных растворов, катетеры. Все это предназначалось для заботы о его теле – чтобы он не голодал, чтобы не образовались пролежни, что-бы он при желании мог очистить организм от шлаков, будто больной-коматозник.

Рядом с ним сидел Бобби. В комнате было тихо и темно, и на лице Бобби играли разные цвета, исходящие от софт-скрина.

Посреди всей этой горы оборудования Давид чувствовал себя глупо, он казался себе астронавтом, готовящимся к полету в космос. Но день в далеком прошлом, утонувший во времени, будто мошка в янтаре, неизменный и яркий, ждал его, и он решился.

Давид взял обруч «Ока разума» и надел его на голову. Обруч сразу же туго обхватил виски.

Он боролся со страхом. Подумать только: люди всё это терпели только ради развлечения!

... И вокруг него вспыхнул свет, жестокий и яркий⁴⁵.

⁴⁵ Дальнейшее изложение авторами событий земной жизни Иисуса Христа представляет собой художественный вымысел и сильно расходится с текстом

«Он родился в Назарете, маленьком, но богатом галилейском городе посреди гор. Его появление на свет было обычным – для того времени. Его на самом деле родила Мария, и она была девственницей – девственницей при Храме.

По мнению современников, Иисус Христос был незаконнорожденным сыном римского легионера, иллирийца по прозвищу Пантера.

Принуждения не было, была любовь, хотя Мария на ту пору была обручена с Иосифом, богатым и искусным строителем, вдовцом. Но Пантеру отправили служить в другой город именно тогда, когда беременность Марии стала заметна. К чести Иосифа, он все же женился на Марии, а мальчика вырастил как собственного сына.

Тем не менее Иисус не стыдился своего происхождения и потом называл себя Иешо Бен Пантера, то есть Иисус, сын Пантеры.

Вот, вкратце, таковы исторические факты относительно рождения Иисуса. Ни одной червокамере не удалось проникнуть в более глубокие тайны.

Не было ни переписи, ни дороги в Вифлеем, ни стойла, ни ясель, ни пасущихся овец, ни пастухов, ни волхвов, ни звезды. Все это присочинено евангелистами ради того, чтобы показать, что это дитя являлось исполнением пророчеств.

Червокамера отнимает у нас множество иллюзий о нас самих и о нашем прошлом. Есть некоторые, кто утверждает,

что червокамера – это инструмент массовой психотерапии, помогающей нам как виду стать более разумными. Возможно.

Но только жестокосердый не станет скорбеть о развенчании истории христианства!..»

Он стоял на берегу. Жара окутывала его, будто тяжелое влажное одеяло, лоб щипало от выступившего пота.

По левую сторону простирались холмы, все в складках пышной зелени, справа тихо плескалось синее море⁴⁶. На горизонте сквозь дымку проступали очертания рыбацких лодок, коричнево-голубые тени лежали ровно и неподвижно, будто вырезанные из картона. На северном берегу моря, километрах в пяти, был виден город – скопление коричневых домиков под плоскими крышами. Видимо, это был Капернаум. Давид знал, что может воспользоваться «Поисковиком» и оказаться там в одно мгновение. Но ему показалось, что пойти пешком будет правильнее.

Он зажмурился. Он чувствовал, как солнце согревает лицо, слышал, как плещут о берег легкие волны, вдыхал запахи травы и чуть залежавшейся рыбы. Солнце было таким ярким, что его свет розоватым сиянием проникал даже сквозь сомкнутые веки. Но в уголке поля зрения светился маленький золотистый логотип «Нашего мира».

⁴⁶ Имеется в виду Тивериадское (Геннисаретское) озеро, иногда называемое также морем.

Давид тронулся в путь, ступая по прохладной воде.

«... У Него было несколько родных братьев и сестер и несколько сводных, от предыдущего брака Иосифа. Один из Его братьев, Иаков, отличался удивительным сходством с Ним, и ему предстояло в будущем возглавить Церковь (по крайней мере одну ее ветвь) после смерти Иисуса.

Иисус был приставлен в ученики к своему дяде Иосифу Аримафейскому⁴⁷ не как плотник, а как строитель. Он провел большую часть своей юности и первые годы зрелости в городе Сепфорис, в пяти километрах к северу от Назарета.

Сепфорис был большим городом – самым крупным в Иудее⁴⁸ после Иерусалима и столицы Галилеи. В то время в городе было много работы для строителей, каменщиков и зодчих, потому что Сепфорис был сильно разрушен во время подавления римлянами еврейского восстания в четвертом году до нашей эры⁴⁹.

Время, прожитое в Сепфорисе, сделалось значительным для Иисуса. Здесь Иисус стал космополитом.

Он соприкоснулся с эллинистической культурой – например, через греческий театр – и, что более важно, через пи-

⁴⁷ Ни о каком родстве Иосифа Аримафейского с Иисусом Христом в Евангелиях не упоминается.

⁴⁸ Правильнее было бы сказать – в Палестине. Палестина тех времен делилась на четыре провинции – Иудею, Галилею, Самарию и Иерею.

⁴⁹ Во времена земной жизни Иисуса Христа Сепфорис был столицей Галилеи, там находилась резиденция царя Ирода Антипы.

фагорейскую традицию числа и пропорции. Иисус даже какое-то время был членом еврейской пифагорейской группы, называемой ессенами⁵⁰. А ессены принадлежали к гораздо более древней европейской традиции, простиравшейся вплоть до друидов древней Британии.

Иисус стал не скромным плотником, а мастером, искусным в непростом и древнем ремесле. Помогая Иосифу, он много путешествовал по Римскому миру.

Жизнь Иисуса была полноценной. Он женился (евангельский рассказ о браке в Кане, где Иисус превратил воду в вино, видимо, отражает то, что произошло на Его собственной свадьбе). Его жена умерла при родах. Вторично Он не женился. Но дочь Иисуса выжила. Она исчезла в смутные последние дни жизни ее отца. (Поиск дочери Иисуса и любых ее потомков, живущих в настоящее время, является одной из наиболее важных областей исследований, проводимых с помощью червокамеры.)

В довольно раннем возрасте Иисус начал формировать собственное мировоззрение.

В упрощенном виде это мировоззрение можно рассматривать как своеобразный синтез закона Моисеева с пифагорейским учением. Христианство вырастет из этого столкновения восточного мистицизма с западной логикой. Себя Иисус метафорически представлял посредником между Богом и человечеством, а понятие середины – в особенности

⁵⁰ То же самое, что ессеи – иудейская секта.

золотой середины – в пифагорейской традиции обсуждалось довольно много.

Он был и должен был оставаться правоверным евреем. Но у Него появилось много идей насчет того, как улучшить свою религию.

Он стал заводить дружеские отношения с людьми, которых Его семья определенно сочла бы неподходящими для человека с Его положением, – с нищими, с преступниками. У Него были связи даже с некоторыми группами разбойников – будущих повстанцев.

Поссорившись с родней, Он ушел в Капернаум, где стал жить с друзьями.

В те годы Он начал творить чудеса».

Навстречу Давиду шли двое.

Они были меньше ростом, но крепкого телосложения, оба с длинными черными волосами, стянутыми бечевкой в «хвост», в длинных холщовых хитонах с большими карманами. Они шли по берегу, не обращая внимания на плещущие под ногами волны. На вид им было лет по сорок, но, скорее всего, они были моложе. Здоровые, довольные жизнью. «Наверное, торговцы», – подумал Давид.

Они были так увлечены беседой, что его пока не заметили.

«Да нет же, – напомнил себе Давид. – Они не могут меня видеть, потому что меня здесь нет». Его не было в том давнем солнечном дне, когда происходил этот разговор. Тут все

и предположить не могли, что какой-то человек из далекого будущего может с восторгом смотреть на них, что этот человек будет наделен способностью оживить этот обыденный момент и просматривать его сколько угодно раз.

Мужчины наткнулись на него, и он поморщился от легчайшего касания. Свет словно бы немного померк, и Давид перестал ощущать камешки под ногами.

Но вот они прошли мимо и продолжили свой путь, и их беседа не прервалась ни на миг из-за встречи с невидимым призраком. А яркая «реальность» пейзажа плавно ожила, словно кто-то отладил изображение на софт-скрине.

Давид пошел дальше, в направлении Капернаума.

«Иисус был способен „исцелять“ психосоматические и чисто соматические заболевания типа боли в спине, заикания, кожных язв, стресса, сенной лихорадки, истерического паралича и слепоты и даже ложную беременность. Некоторые из этих „исцелений“ могли производить сильное впечатление на свидетелей. Однако исцелялись только те, чья вера в Иисуса была сильнее веры в собственную болезнь. И, как все прочие „целители“ до Него и после Него, Иисус не умел лечить более серьезные органические заболевания⁵¹. (К Его чести, Он никогда не утверждал, что умеет это делать.)

Чудеса целительства, естественно, привлекли к Иисусу

⁵¹ Следовало бы упомянуть такое серьезное «органическое заболевание», как смерть, поскольку Иисус Христос воскресил правоверного Лазаря из мертвых.

много последователей. Но Иисуса от других хасидеев Его времени отличало учение, которое Он проповедовал, занимаясь целительством.

Иисус верил, что настанет время Мессии, обещанное пророками, – не время славных побед в войнах для евреев, а то время, когда она станут чисты сердцем. Он верил, что этой внутренней чистоты можно достичь не только путем наружной добродетели, но и уповая на необычайное Божье милосердие. И Он верил, что это милосердие простирается на весь Израиль – на неприкасаемых, на нечистых, на отверженных и грешников. Целительством и изгнанием злых духов он демонстрировал реальность этой любви.

Иисус был золотой серединой между божественным и человеческим. Неудивительно, что Его призыв был настолько притягательным. Видимо, Ему удавалось убедить самого закоренелого грешника в том, что тот близок к Богу.

Однако не многим из суетных соотечественников хватало ума для того, чтобы понять Его учение. Иисусу были не по душе обращенные к нему страстные призывы Его последователей, с тем чтобы Он объявил себя Мессией. А зелоты, привлеченные Его харизматическим влиянием, начали видеть в нем подходящую фигуру для поднятия восстания против ненавистных римлян.

Тучи сгущались. Надвигалась беда».

Давид бродил по маленьким квадратным комнаткам,

словно призрак, смотрел, как входят и выходят люди – мужчины, женщины, слуги, дети.

Дом оказался более впечатляющим, чем он ожидал. Он был выстроен по образцу римской виллы, с открытым атриумом посередине и различными помещениями, расположенными по разные стороны от атриума – на манер монастыря. Расположение дома было типично средиземноморским – в комнатах много света, окна нараспашку.

Проповедничество Иисуса только-только началось, но за стенами дома уже раскинулось постоянное поселение: больные, хромые, будущие паломники. Короче говоря, миниатюрный палаточный городок. А точнее – шатровый.

Позднее на этом месте будет воздвигнута домовая церковь, а еще позднее, в пятом столетии, – византийская церковь, которая доживет до времени, когда будет жить Давид, – вместе с преданием о тех, кто когда-то жил здесь.

Вдруг рядом с домом послышался шум. Топот ног бегущих людей, крики. Давид поспешно вышел наружу.

Большинство обитателей шатрового городка – некоторые из них с необычайной резвостью – спешили к сверкающей за домами глади моря. Давид последовал за бегущей толпой, стараясь не обращать внимания на вонь немых тел. К сожалению, соответствующие программы передавали ее с ужасающей подлинностью. А сама червокамера пока запахи передавала не слишком убедительно.

Толпа рассыпалась по берегу небольшого залива. Давид

пробирался к кромке воды, невзирая на то что изображение то и дело меркло, когда мимо него и даже сквозь него про-скакивали галилеяне.

По тихой воде плыла единственная лодка, метров шесть длиной, деревянная, грубо сработанная. Четыре человека спокойно гребли к берегу. Рядом со здоровяком рулевым ле-жала рыбацкая сеть.

Еще один человек стоял на носу лицом к собравшимся на берегу людям.

Давид слышал взволнованный ропот. Он уже проповедо-вал с лодки в других местах вдоль побережья. У него был громкий голос, хорошо разносившийся над водой, у этого Иешо, у этого Иисуса.

Давид пытался разглядеть Его получше. Но вода так свер-кала, что слепило глаза.

«... А теперь мы должны с неохотой приступить к изло-жению истинной истории Страстей.

Иерусалим – запутанный, хаотичный, выстроенный из ослепительно белого местного камня – к этой Пасхе напол-нился паломниками, желавшими съесть пасхального агнца в стенах Священного города, как того требовала иудейская традиция.

Кроме паломников в городе находилось много римских воинов.

Обстановка во время этой Пасхи царила напряженная. В

городе действовало несколько групп, недовольных римской оккупацией Иудеи, – в частности, zeloty, яростные противники Рима, и искарियोты – ассасины, предпочитавшие затеяться в большие праздничные толпы.

Вот в это историческое смешение и вошел Иисус со своими последователями.

Иисус и Его ученики съели пасхальный ужин. (Однако во время ужина не упоминалось о причастии: Иисус не велел принимать хлеб и вино в воспоминание о Нем как части Его тела. Этот обряд, по всей вероятности, является измышлением евангелистов. В ту ночь Иисус думал о многом, но только не о создании новой религии.)

Теперь нам известно, что у Иисуса имелись связи со многими сектами и группировками, действовавшими в рамках тогдашнего общества. Но намерения Иисуса не были связаны с неповиновением властям.

Иисус отправился в место под названием Гефсимания, где до сих пор растут оливковые деревья, и некоторые из них (теперь мы можем это подтвердить) – со времен Иисуса. Иисус пытался очистить иудаизм от сектантства. Он полагал, что Ему удастся встретиться с правителями и вождями некоторых мятежных группировок и попытаться примирить их между собой. Как всегда, Иисус пытался стать золотой серединой, мостом между этими конфликтующими группировками.

Но человечество времен Иисуса было не разумнее, чем в

любые другие времена. В Гефсиманском саду Его встретили вооруженные римские воины, посланные первосвященниками. Дальнейшие события разворачивались с убийственно знакомой логикой.

Судилице не представляло собой большого события с богословской точки зрения. Все, что имело значение для первосвященника – усталого, опасливого, измученного старика, – это то, как сохранить порядок в обществе. Он считал, что обязан оградить свой народ от тяжелых преследований со стороны римлян, выбрав меньшее зло – отдав этого упрямого анархиста и целителя в руки Пилата.

Покончив с этим, первосвященник лег спать, но спалось ему плоховато.

Пилату, римскому прокуратору, пришлось выйти, чтобы встретить иудейских священников, боявшихся войти в преторию из страха оскверниться. Пилат был умным и жестоким человеком, представителем властей, для которых оккупация чужих земель представляла собой многовековую традицию. И все же он тоже растерялся – видимо, испугался народных волнений из-за казни пользовавшегося популярностью в массах лидера.

В настоящее время у нас имеются свидетельства страхов, опасений и страшных расчетов, двигавших людьми, столкнувшимися друг с другом в ту мрачную ночь, – и каждый из них, несомненно, верил, что поступает правильно.

Приняв решение, Пилат дальше действовал грубо и чет-

ко. Ужасающие подробности того, что последовало за этим решением, мы знаем слишком хорошо. Это никак нельзя назвать впечатляющим зрелищем – но, в конце концов, Страсти Христовы продлились не двое суток, а две тысячи лет.

Но все же многое нам до сих пор неизвестно. Сам момент Его смерти не удалось до конца пронаблюдать с помощью червокамеры, ее возможности в этом смысле ограничены. Некоторые ученые полагают, что эти ключевые мгновения настолько насыщены устьями червокамер, что сама ткань пространства-времени повреждается за счет внедрения "червоточин". А эти объективы червокамер, по всей вероятности, нацелены наблюдателями из нашего с вами будущего – а возможно, из нескольких вариантов возможного будущего.

Поэтому мы до сих пор не услышали Его последних слов, обращенных к матери, мы все еще не знаем, действительно ли Он – избитый, умирающий, изможденный – возопил к Богу. Даже теперь, несмотря на всю нашу технику, мы видим Его через тусклое стекло».

В центре города располагалась рыночная площадь, где уже было много народа. Сдерживая дрожь волнения, Давид заставил себя пробираться сквозь толпу.

Посередине этого сборища воин держал за руку женщину. Вид у нее был несчастный, платье порвано, волосы спутанные и грязные, вспухшее, некогда красивое лицо изборож-

дено потоками слез. Рядом с женщиной стояли двое чисто одетых мужчин. Судя по платью, это были либо священники, либо фарисеи. Они указывали на женщину, возбужденно размахивали руками и спорили с кем-то, кого не было видно за толпой народа, – похоже, этот человек сидел на земле.

Давид пытался вспомнить, отражено ли это происшествие хоть как-то в Евангелиях. Вероятно, это была та самая женщина, которую обвиняли в блуде, а фарисеи приставали к Иисусу с какими-нибудь своими заковырыстыми вопросами, пытаясь уличить Его в богохульстве.

Человека, сидящего на земле, окружали несколько друзей. С виду это были крепкие мужчины – возможно, рыбаки. Мягко, но решительно они отстраняли напиравшую со всех сторон толпу. И все же – чем ближе призрачный Давид подходил, тем лучше это было ему видно – некоторым удавалось приблизиться, и тогда они робко прикасались – кто к краю одежды, кто к завитку волос.

«Я не думаю, что Его смерть – смерть униженного, истерзанного человека – должна оставаться центром нашего увлечения Иисусом, как это было на протяжении двух тысяч лет. Для меня зенитом Его жизни, как ее увидел я, является тот момент, когда Пилат отдает Его, уже подвергшегося пыткам, окровавленного, на поругание своим солдатам и на казнь – Его народу.

При том, что все задуманное Им явно рухнуло, вероятно,

уже тогда чувствуя себя покинутым Богом, Иисус, по идее, должен был быть сломлен. И все же он не склонил голову. Человек своего времени, побежденный, но непокоренный, Он – Ганди, Он – святой Франциск, Он – Уилберфорс, Он – Элизабет Фрай, Он – отец Дамиан среди прокаженных⁵². Он – это Его собственный народ, это те страшные страдания, которым этот народ подвергнется из-за религии, основанной во имя Него.

Все основные религии мира проходили через периоды кризиса, когда критике подвергалось их происхождение и неясное прошлое. Ни одна не осталась нетронутой, а некоторые попросту развалились. Но религия – это не просто мораль, не просто личности основателей и последователей. Это невыразимое, высшее измерение нашей природы. И до сих пор есть люди, которых неудержимо тянет к сверхъестественному, к высшему смыслу.

Уже теперь – очистившаяся, реформированная, переоснованная – Церковь начинает предлагать утешение мно-

⁵² Ганди Мохандес Карамчанд (1869-1948) – лидер национально-освободительного движения в Индии, сторонник ненасильственной борьбы за независимость. Святой Франциск Ассизский (1181 – 1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев. Отказался от богатства и всю жизнь посвятил служению духовному наследию Иисуса Христа. Уилберфорс Уильям (1759-1833) – английский политик-христианин, борец за равные гражданские права. Фрай Элизабет (1780-1845) – одна из первых английских феминисток, реформатор английской тюремной системы. Отец Дамиан де Вестер (1840-1889) – католический священник, миссионер, с 1873 года безотлучно проповедовал в колонии для прокаженных на Гавайских островах. Умер от проказы. Канонизирован.

гим людям, озадаченным уничтожением исторической точности и права на частную жизнь.

Возможно, мы утратили Христа. Но мы обрели Иисуса. И Его пример до сих пор способен вести нас в неведомое будущее – даже если в этом будущем для нас есть только Полынь, если роль всех религий только в том, чтобы утешать нас.

И все же история до сих пор хранит сюрпризы для нас: потому что одна из самых необычных, но упрямых легенд о жизни Иисуса вопреки всем ожиданиям подтвердилась...»

Человек, сидевший на пыльной земле, отличался худобой. Его волосы, туго перевязанные бечевкой, рано поседели на висках. Хитон сидевшего был запылен и перепачкан землей. Человека отличали крупный, тонкий, как у римлянина, нос и черные, умные, пронзительные глаза. Казалось, Он сердится. Сидевший что-то чертил пальцем на земле.

Этот молчаливый, задумчивый человек сдерживал фарисеев, даже не разговаривая с ними.

Давид шагнул вперед. Он чувствовал, что ступает по пыли, которой была покрыта рыночная площадь Капернаума. Он потянулся к краю хитона.

... Но конечно, его пальцы прошли сквозь ткань. Солнце померкло, но Давид ничего не ощутил.

Человек, сидевший на земле, поднял голову и посмотрел прямо в глаза Давиду.

Давид вскрикнул. Галилейский свет рассеялся, Давид

увидел над собой озабоченное лицо Бобби.

«В юности, следуя по известному торговому пути вместе со своим дядей, Иосифом Аримафейским, Иисус посетил область в Корнуолле, где находились оловянные прииски.

Вместе со спутниками Он проник дальше, в глубь острова, и добрался до Гластонбери – тогда этот город был важным портом, – и там Он учился у друидов и помогал в строительстве небольшого дома, с которого началась история Гластонберийского аббатства. Это посещение нашло отражение в местном фольклоре.

Мы так много потеряли. Жестокий, беспристрастный взгляд червокамеры превратил такое множество наших сказок в тени и шепоты. Словно роса, испарилась Атлантида. Король Артур ушел во мрак, откуда на самом деле никогда не появлялся. И все же оказался прав Блейк, когда писал о том, что в стародавние времена эти стопы все же прошествовали по зеленым холмам Англии».

ПРИГОВОР

На рождественской неделе две тысячи тридцать седьмого года суд над Кейт завершился.

Зал суда был небольшой, стены в нем были забраны дубовыми панелями. На стене позади судейского стола вяло повис звездно-полосатый флаг. Судья, адвокаты и судебные приставы торжественно восседали перед рядами скамей, на которых врозь сидели несколько человек: Бобби, сотрудники «Нашего мира» и репортеры с софт-скринами.

Жюри присяжных представляло собой ассорти разномастных горожан. Правда, некоторые из них нацепили яркие маски и одежды-невидимки, в последние несколько месяцев вошедшие в моду. Если Бобби слишком старательно не приглядывался, то он мог потерять из виду кого-то из присяжных, до тех пор пока он или она не вздумали бы пошевелиться. И тогда словно бы из ниоткуда возникало лицо, или прядь волос, или взметнувшаяся рука, а потом появлялась вся окутанная дымкой фигура присяжного в ореоле рваного искажения окружающего фона.

«Вот ведь забавно, – думал Бобби. – Эти одежды-невидимки – очередная потрясающая идея Хайрема. Новый продукт "Нашего мира", продаваемый с высоченной прибылью и призванный противостоять назойливому вмешательству

другого продукта».

А на скамье подсудимых в одиночестве сидела Кейт. Она была в простом черном платье, волосы у нее были забраны в узел. Крепко сжав губы, она смотрела прямо перед собой опустевшим взглядом.

Видеосъемку в зале запретили, да и на улице возле здания суда репортеров было не так уж и много. Но все понимали, что любые ограничения и приказы теперь ничего не значат. Бобби представлял себе, что воздух вокруг него кишит парящими в пространстве фокусами червокамер, что они роятся возле его лица и лица Кейт.

Бобби знал, что Кейт настроила себя так, чтобы ни на миг не забывать о жестокости червокамеры. Она сказала, что помешать невидимым зевакам глазеть на нее она не в силах, но зато может лишить их удовольствия видеть, как ей больно. Бобби ее хрупкая одинокая фигурка казалась сильнее и этого суда, и мощной богатой корпорации, которая обвиняла Кейт в преступлении.

Но даже она не могла скрыть отчаяния, когда присяжные передали судье вердикт.

– Брось ее, Бобби, – говорил Хайрем, расхаживая вокруг большого стола в кабинете. За витражным стеклом бушевал грозовой ливень, струи били по окну. – Она не принесла тебе ничего, кроме вреда. А теперь она – судимая преступница. Какие тебе еще нужны доказательства? Хватит, Бобби.

Освободись от нее. Она тебе не нужна.

– Она считает, что ты ее подставил.

– Ну, это меня не волнует. Во что веришь *ты*? Вот что для меня имеет значение. Вправду ли ты веришь, что я настолько злобен, что способен подставить возлюбленную собственного сына – что бы я о ней ни думал?

– Не знаю, папа, – равнодушно отозвался Бобби. Он чувствовал себя спокойно, владел собой. Увещевания Хайрема, явно предназначенные для того, чтобы подавить волю сына, его не трогали. – Я уже не знаю, во что я теперь верю.

– А зачем об этом говорить? Почему бы тебе не воспользоваться червокамерой и не устроить мне проверку?

– Я не намерен шпионить за тобой.

Хайрем в упор уставился на сына.

– Если решил докопаться до моей совести – придется тебе копать глубже. В конце концов, речь всего-навсего о перепрограммировании. Черт подери, ее закроют и ключик сотрут. Перепрограммирование – это ерунда.

Бобби покачал головой:

– Только не для Кейт. Она с этим методом много лет боролась. Она этого по-настоящему боится, папа.

– Да брось. Вот *ты* перепрограммирован – и ничего с тобой не стало.

– А я не знаю, стало или нет. – Бобби поднялся, встал лицом к лицу с отцом. Он чувствовал, что закипает. – Я все ощущал иначе, когда имплантат был включен. И я даже не

понимал, как *должен* себя чувствовать.

– Говоришь совсем как она! – рявкнул Хайрем. – Она перепрограммировала тебя своими разговорчиками и еще кое-чем куда как лучше, чем я – с помощью кусочка силикона. Как ты не понимаешь? О господи... Одно хорошее свойство все-таки было у твоего треклятого имплантата: ты не замечал, что с тобой происходит...

Он умолк и отвел глаза. Бобби холодно проговорил:

– Будет лучше, если ты скажешь, что имеешь в виду.

Хайрем обернулся. Злоба, нетерпение и даже что-то вроде вины сражались в его душе за первенство.

– Задумайся. Твой брат – блестящий физик. Я такими словами просто так не бросаюсь. Возможно, его номинируют на Нобелевскую премию. Что до меня... – Он поднял руки. – Я построил все это из ничего. Тупица этого не смог бы. А ты...

– Хочешь сказать, что все из-за имплантата?

– Я понимал, что есть риск. Творческие способности граничат с депрессивностью. Колоссальные достижения очень часто связаны с маниакальным складом личности. И всякое такое. Но для того, чтобы стать президентом США, больших мозгов не надо, так ведь? Так ведь, а? Так?

И он протянул руку к щеке Бобби, будто собрался ущипнуть его, как ребенка.

Бобби отшатнулся.

– Я помню, ты сто раз, тысячу раз мне это говорил. Просто раньше я не мог понять, к чему это.

– Перестань, Бобби...

– Это сделал ты, да? Ты подставил Кейт. Ты знал, что она невиновна. И ты готов позволить им переверорозить ее мозг. Как переверорозил мой.

Хайрем немного постоял с поднятыми руками и уронил их.

– Гори все огнем. Возвращайся к ней, если тебе так охота, трахайся с ней до потери пульса. Только ты все равно вернешься ко мне, маленький кусок дерьма. Все. У меня полно работы.

И он уселся за свой письменный стол и прикоснулся к крышке. Засветился встроенный софт-скрин, и на лице Хайрема отразились строчки цифр. Казалось, Бобби перестал существовать для отца.

После того как Кейт отпустили, Бобби повез ее домой.

Как только они вошли, она стала бродить по квартире и машинально закрывать шторы, отгораживаться от яркого солнечного света, погружать комнату в темноту.

Она стащила с себя платье, в котором сидела в зале суда, сняла белье и все бросила в мусоропровод. Довольно долго Бобби лежал в постели в непроницаемой темноте, слушая, как льется вода в душе. Потом Кейт вернулась и забралась под одеяло. Она замерзла так, что вся дрожала, и волосы у нее не успели просохнуть. Она приняла холодный душ. Бобби не стал спрашивать зачем.

Он просто прижимал ее к себе, пока в нее не проникло его тепло.

Наконец она прошептала:

– Надо тебе купить шторы поплотнее.

– Темнота не спрячет тебя от червокамеры.

– Знаю, – отозвалась она. – И знаю, что прямо сейчас нас подслушивают – каждое слово. Но мы не должны им помогать. Невыносимо. Хайрем одолел меня, Бобби. А теперь он меня ломает.

«Как сломал меня», – подумал Бобби, а вслух сказал:

– Хотя бы тебя не лишили свободы. Хотя бы мы есть друг у друга.

Кейт стукнула его кулаком в грудь – довольно чувствительно.

– В этом все и дело! Не понимаешь? У тебя не будет *меня*. Потому что к тому времени, как они все закончат, *меня* не останется. Какой бы я ни стала – я стану другой.

Он сжал ее кулак в своей руке, и ее пальцы в конце концов разжались.

– Это всего лишь перепрограммирование...

– Мне сказали, что я, видимо, страдаю синдромом Е. Спазмы гиперактивности в орбитолобной и срединной предлобной доле. Избыточное поступление информации от коры головного мозга не дает эмоциям проникать в сознание. Вот способна совершить преступление против отца моего возлюбленного – бессознательно, без угрызений совести, без от-

вращения к самой себе.

– Кейт...

– И кроме того, меня настроят против пользования червокамерой. Осужденных преступников вроде меня, видишь ли, нельзя и близко подпускать к технике. В миндалину головного мозга – средоточие моих эмоций – мне запишут ложные воспоминания. У меня появится непреодолимая фобия, я не сумею даже помышлять о применении червокамеры, не смогу просматривать записи, сделанные с ее помощью.

– Тут нечего бояться.

Кейт повернулась на живот, подперла лицо ладонями. Бобби в сумраке видел перед собой ее лицо с глазницами, похожими на круглые колодцы, наполненные мраком.

– Как ты можешь защищать их? Ты, именно ты.

– Я никого не защищаю. Но я не верю, что существуют *они*. Все просто-напросто делают свою работу: ФБР, суд...

– А Хайрем?

Бобби даже не попытался ответить. Он проговорил:

– Я хочу только сберечь тебя.

Она вздохнула и положила голову ему на грудь. Он почувствовал тепло ее щеки.

– На самом деле, – немного растерянно произнес Бобби, – я знаю, в чем настоящая проблема.

Она нахмурилась, и он это почувствовал.

– Дело во мне, да? Ты не хочешь, чтобы у тебя в голове появился выключатель, потому что он был у меня, когда мы

с тобой встретились. Ты боишься стать похожей на меня. В каком-то смысле... – И тут он заставил себя произнести эти слова: – В каком-то смысле ты меня презираешь.

Кейт отстранилась от него.

– Ты только о себе и думаешь. А ведь это из моей головы будут выскребать мозг ложкой для мороженого.

Она встала с кровати, вышла из комнаты и аккуратно, холодно закрыла за собой дверь, оставив Бобби одного в темноте.

Он немного поспал.

Проснувшись, пошел искать Кейт. В гостиной было еще темно, шторы закрыты, свет выключен. Но Бобби понял, что Кейт здесь.

– Свет, включись.

Жестокий, яркий свет залил комнату.

Кейт, полностью одетая, сидела на диване. Она не отрывала глаз от столика, на котором стояла бутылка с какой-то прозрачной жидкостью и еще одна бутылочка поменьше. Барбитураты и алкоголь. И спиртное, и лекарство не были откупорены. В бутылке был дорогущий абсент.

Кейт выговорила:

– Я всегда отличалась хорошим вкусом.

– Кейт...

В глазах ее стояли слезы, зрачки стали огромными, и из-за этого она походила на ребенка.

– Забавно, правда? Я писала, наверное, о десятке само-

убийств, а уж о скольких попытках – не сосчитать. Знаю, есть способы и побыстрее. Можно было вены перерезать, а можно и горло. Я могла бы даже прострелить себе башку, пока в нее не полезли эти чертовы перепрограммисты. А так выйдет медленнее. Может быть, больнее. Но зато это легко и просто. Понимаешь? Сидишь себе глотаешь и запиваешь. Глотаешь и запиваешь. – Она холодно рассмеялась. – И даже напиваешься в процессе.

– Ты не хочешь этого делать.

– Не хочу. Ты прав. Вот почему я прошу тебя помочь мне.

Вместо ответа Бобби схватил со столика бутылку и швырнул ее в сторону. Ударившись о стену, бутылка эффектно расплескала свое дорогое содержимое по обоям.

Кейт вздохнула..

– Это не единственная бутылка на свете. Все равно я это сделаю рано или поздно. Я скорее умру, чем позволю им ковыряться у меня в голове.

– Должен быть другой способ. Я пойду к Хайрему и скажу ему...

– Что ты ему скажешь? Что, если он не выложит всю правду, я покончу с собой? Да он посмеется над тобой, Бобби. Он хочет меня уничтожить, и ему все равно как.

Бобби в отчаянии заходил по комнате.

– Тогда давай уедем отсюда.

Кейт снова горько вздохнула.

– Они увидят, как мы отсюда выходим, они за нами про-

следят, куда бы мы ни направились. Мы могли бы на Луну улететь, но и там не обрели бы свободы...

И тут вдруг словно бы прямо из воздуха прозвучал голос:
– Если ты так думаешь, лучше сдавайся прямо сейчас.

Кейт ахнула. Бобби вздрогнул и обернулся. Это был голос девушки, голос девочки... знакомый голос. Но в комнате по-прежнему никто не появился.

Бобби медленно выговорил:

– Мэри?

Сначала Бобби увидел ее лицо, повисшее в воздухе. Она начала стаскивать с головы капюшон. Затем, как только она тронулась с места, степень действия плаща-невидимки начала постепенно уменьшаться, и Бобби смог разглядеть ее силуэт. Рука – словно бы закрытая тенью, туманное бесцветное пятно на месте торса, и повсюду искривление пространства, как при взгляде через широкоугольную линзу. Так выглядели ранние изображения, получаемые с помощью червокамеры. Бобби заметил, что Мэри чисто одета, что она здорова и даже не похудела.

– Как ты сюда попала?

Мэри усмехнулась.

– Если ты пойдешь со мной, Кейт, я тебе покажу.

Кейт заторможенно проговорила:

– Пойду с тобой? Куда?

– И зачем? – добавил Бобби.

– Зачем – это яснее ясного, Бобби, – отчеканила Мэри с

извечной подростковой язвительностью. – Потому что, как то и дело говорит Кейт, если она отсюда не уберется, какой-нибудь гадский дядька начнет ковыряться у нее в мозгу ложкой.

Бобби рассудительно произнес:

– Куда бы она ни пошла, за ней могут проследить.

– Точно, – невесело выговорила Мэри. – Червокамера. Но меня-то вы не выследили с тех пор, как я три месяца назад драпанула из дома. И как я сюда вошла, тоже не видели. Вы вообще не знали про то, что я в квартире, пока я сама не дала о себе знать. Слушайте, червокамера, конечно, офигенное устройство. Но она не волшебная палочка. Людей она попросту парализовала. Все перестали соображать. Даже если тебя увидит Санта-Клаус, что он сможет сделать? К тому времени, когда он прикатит, тебя уже нет – ищи-свищи.

Бобби непонимающе сдвинул брови.

– Санта-Клаус?

Кейт протянула:

– Санта видит тебя все время. В рождественский сочельник он может просмотреть весь твой прошедший год и решить, хорошо ты себя вел или плохо.

Мэри ухмыльнулась.

– Пожалуй, Санта был первым, у кого появилась червокамера. Точно? Счастливого Рождества.

– Я всегда считала, что это безумная сказка, – проворчала Кейт. – Но спрятаться от Санты можно, только если уви-

дишь, как он приближается.

Мэри улыбнулась.

– Это проще простого. – Она подняла руку, оттянула край рукава плаща-невидимки и показала нечто вроде здоровенных наручных часов. Впечатление было такое, словно это довольно компактное устройство собрано в домашних условиях. Сверху находился маленький софт-скрин, он показывал коридор, улицу возле дома, лифты, соседние квартиры. – Везде пусто, – пробормотала Мэри. – Но может быть, какой-нибудь гад где-нибудь подслушивает наш разговор. А нам какое дело? Пока он сюда доберется, нас уже и след простынет.

– Это червокамера, – догадалась Кейт. – У нее на руке. Какая-то пиратская разработка.

– Поверить не могу, – вырвалось у Бобби. – По сравнению с гигантскими ускорителями в «Червятнике»...

– Между прочим, – ехидно заметила Мэри, – Александр Грэхэм Белл ни за что бы не поверил, что телефоном можно будет пользоваться без провода и носить его, как часы.

Кейт прищурилась.

– Инжектор Казимира ни за что не удалось бы уменьшить до таких размеров. Значит, речь о применении сжатого вакуума. Та самая проблема, над которой трудился Давид, Бобби.

– Если так, – с тяжелым сердцем проговорил Бобби, – то как методика могла упорхнуть из «Червятника»? – Он пристально посмотрел на Мэри. – Твоя мама знает, где ты?

– Началось, – фыркнула Мэри. – Пару минут назад Кейт собиралась покончить с собой, а теперь вы обвиняете меня в промышленном шпионаже и волнуетесь из-за моих отношений с мамочкой.

– Боже мой, – прошептала Кейт, – что же это будет за мир, где любой ребенок станет разгуливать с наручной червокамерой?

– Я раскрою вам тайну, – призналась Мэри. – Мы уже с ними разгуливаем. Подробности – в Интернете. Делают такие штуки в домашних мастерских по всей планете. – Она усмехнулась. – Джинн выпущен из бутылки. Слушайте, я пришла, чтоб вам помочь. Гарантий нет. Санта-Клаус не всемогущ, но он сделал так, что прятаться от него стало труднее. Я просто предлагаю вам шанс. – Она посмотрела на Кейт в упор. – Уж получше будет, чем то, что тебе теперь предлагают, а?

Кейт спросила:

– А почему ты хочешь мне помочь?

Мэри явно удивилась.

– Потому что ты из моей семьи более или менее.

Бобби напомнил:

– Твоя мама тоже из твоей семьи.

Мэри свирепо зыркнула на него.

– Ладно, если вам так больше нравится, я предлагаю вам сделку. Позвольте мне вывести вас отсюда. Дайте мне спасти голову Кейт от скальпеля. А я тогда позвоню матери. Договорились?

Кейт и Бобби переглянулись.

– Договорились.

Мэри сунула руку в карман куртки, вытащила свернутую в рулон ткань и встряхнула.

– Плащ-невидимка.

– А он на двоих налезет? – поинтересовался Бобби.

– Так и знала, что ты спросишь, – улыбнулась Мэри. – Пошли. Пора сматываться отсюда.

Охранники Хайрема, поднятые по тревоге монитором червокамеры, прибыли на десять минут позже. Ярко освещенная квартира была пуста. Охранники принялись решать, кто доложит о случившемся Хайрему и возьмет тем самым вину на себя. А потом заткнулись, поняв, что он так или иначе смотрит сейчас на них. Или посмотрит потом.

/Часть третья/ СВЕТ ИНЫХ ДНЕЙ

*Как часто в сонной тишине
Ко мне среди тьмы ночей
Из памяти нисходит свет
Иных, ушедших дней.
Томас Мур (1779-1852)*

ОГНИ РАМПЫ

Рим, 2041 год н. э. Держа за руку Хетер, Давид шел по многолюдному, мятущемуся центру города. Ночное небо, затянутое слоями смога, было оранжевым, словно облака вокруг Титана.

Даже в столь поздний час в Риме было полным-полно туристов. Многие, как Хетер, разгуливали с обручем «Ока разума» на голове или с комплектами для виртуальной реальности, состоящими из очков и перчаток.

Через четыре года после того, как червокамера впервые поступила на массовый рынок, стало модно и привлекательно заниматься «туризмом во времени» во многих древних городах мира, углубляться далеко в прошлое. Давид решил, что должен непременно отправиться на подводную экскурсию по затонувшей Венеции до того, как покинет Италию... Привлекательно, это верно, и Давид понимал почему. Прошлое стало приятным, удобным, знакомым местом, его посещение превратилось в безопасные синтезированные приключения. Где еще можно было так надежно отвернуться от черной громады метеорита, отнимавшей у человечества будущее?

«Какая горькая ирония, – думал Давид. – Мир, лишенный будущего, вдруг начал так высоко ценить свое прошлое».

А побег от реальности так искушал, побег из мира, где настоящее – то, каким оно стало, – сделалось странным и беспокойным.

Почти все теперь постоянно носили с собой червокамеру. Как правило, это была миниатюрная модель размером с наручные часы, изготовленная с применением технологии сжатого вакуума. Персональная червокамера являлась средством связи с остальным человечеством, со славой и ужасами прошлого. Ну и конечно, она по-прежнему оставалась удобной игрушкой для того, чтобы заглянуть за ближайший угол.

А под неусыпным взором червокамеры все очень изменилось.

Люди даже одеваться стали иначе. Люди постарше и здесь, на запруженных улицах Рима, были одеты в вещи, бывшие в моде несколько лет назад. Некоторые туристы разгуливали в кричащих футболках и шортах, как это было принято не один десяток лет. У одной женщины яркая надпись на футболке гласила:

ЭЙ ВЫ ТАМ, В БУДУЩЕМ! ЗАБЕРИТЕ ОТСЮДА ВАШУ БАБУСЮ!

Но гораздо большее число людей предпочитали закрываться с головы до ног, носили цельнокроенные комбинезоны с высоким воротом-стойкой, с длинными рукавами, к которым были пришиты перчатки, длинными брюками, почти закрывающими ботинки. Встречались и одежды, поза-

имствованные из исламского мира: бесформенные платья и туники с подолами, волочившимися по земле, чадры, закрывавшие все, кроме пристальных и опасливых глаз.

Другие поступали совсем иначе. Навстречу прошествовала пара нудистов. Двое пожилых мужчин, держась за руки, с горделивой дерзостью демонстрировали прохожим обвисшие животы и сморщенные гениталии.

Люди старшего возраста, к которым не слишком охотно себя причислял и Давид, держались осторожно или, напротив, дерзко – в их поведении неизменно ощущалось непрерывное постоянное понимание того, что на них смотрит недреманное око червокамеры.

Молодые отличались совсем другим поведением.

Многие юноши и девушки разгуливали абсолютно обнаженными, за исключением предметов чисто практического свойства типа сумочек на поясе или на груди или сандалий. Но у них Давид не замечал ни стеснительности, ни настороженности, имевшей место у пожилых. Эти словно бы насчет одежды рассуждали только с точки зрения практичности или желания как-то продемонстрировать особенности своего характера, а уж о скромности или каких-то табу тут и речи не было.

На глаза Давиду попала группа подростков в масках, изображавших широкоскулое лицо молодого человека. Одинаковые маски были и на мальчиках, и на девочках, но каждая маска чем-то отличалась от остальных: то лицо было за-

брызгано дождем, то залито солнцем, то чисто выбрито, то заросло бородой, то было плачущим, то смеющимся и даже спящим, но все это не имело никакого отношения к тому, чем занимались владельцы масок. Смотреть на подростков было неприятно: казалось, по городу шествует компания клонов.

Это были маски Ромула – новомодный аксессуар от «Нашего мира». Ромул, основатель города, стал чрезвычайно популярен у юных римлян с тех пор, как червокамера доказала, что он действительно существовал, – и пусть его брат и вся эта дребедень насчет волчицы оказалась чистым вымыслом. Каждая маска представляла собой просто-напросто софт-скрин, плотно облегающий лицо и снабженный встроенной червокамерой. На экран проецировалось лицо Ромула в том самом возрасте (с точностью до минуты), в каком находился владелец маски. Другие регионы мира «Наш мир» снабжал масками местных героев.

Товар шел нарасхват. Но Давид знал, что он ни за что не привыкнет видеть лицо юноши времен каменного века, а ниже – обнаженную девичью грудь.

В сквере на скамейке страстно целовались голые парень и девушка, и им не было никакого дела до того, что вокруг них собрались зеваки и таращатся на их любовные ласки.

Давид знал, что некоторые комментаторы (из взрослых) относятся к такому как к гедонизму, к безумным пляскам молодых перед пожаром. Это было легкомысленное моло-

дежное отражение жутких нигилистических философий отчаяния, расплотившихся в последнее время в ответ на неотвратимое приближение Полюны. Вселенная в этих философских воззрениях рассматривалась не иначе как гигантский кулак, собиравшийся размозжить всякую жизнь, красоту и мысль. Конечно, способа остановить медленное угасание Вселенной не существовало никогда, и вот теперь Полюнь сделала эту космическую кончину ужасающе реальной. Что же еще оставалось? Только плясать, заниматься любовью и вопить.

Подобные настроения были весьма заразительны. Но, на взгляд Давида, поведение современной молодежи объяснялось куда проще. Оно было всего-навсего еще одним последствием существования червокамеры – непрерывным легкомысленным отбрасыванием одного запрета за другим в мире, где все стены рухнули.

Один молодой человек лет двадцати – тоже обнаженный, – глядя на целующуюся парочку, медленно мастурбировал.

В принципе *это* до сих пор считалось противозаконным. Но никто не пытался теперь заставлять людей соблюдать такие законы. В конце концов, этот молодой человек мог вернуться в свой гостиничный номер и нацелить свою червокамеру на кого угодно в любое время дня и ночи. Именно для этого большинство людей и пользовались ею с самого первого момента, как только она стала доступна, а кино и журна-

лы этим занимались задолго до появления червокамеры. По крайней мере, лицемерие исчезло.

И все же подобные инциденты уже становились редки.

Появлялись новые социальные нормы.

Мир казался Давиду похожим на тесный ресторанчик. Да, ты мог невольно слышать, что говорит своей жене мужчина за соседним столиком. Но это считалось невежливым: если ты злоупотреблял подслушиванием чужих разговоров, от тебя могли отвернуться. И в конце концов, многие люди просто обожали места, где собиралось много народа, где царили шум, волнение. Чувство принадлежности к толпе могло преодолеть всякое желание сберечь право на частную жизнь.

На глазах у Давида девушка отстранилась, улыбнулась своему любовнику и скользнула вдоль его тела вниз.

Давид с пылающим от стыда лицом отвернулся.

Любовные игры этой парочки отдавали неловкостью, неопытностью, излишней пылкостью. Он и она были очень молоды, но их телам не доставало привлекательности. И то, чем они занимались, не было ни искусством, ни порнографией. Это была просто человеческая жизнь в ее неуклюжей животной красоте. Давид попытался представить, каково ему, этому парню, начисто лишённому запретов, наслаждаться у всех на глазах силой своего тела и тела своей возлюбленной.

Хетер ничего этого не видела. Она шла рядом с Давидом, ее глаза сверкали. Она все еще была погружена в далекое прошлое – и пожалуй, пора было к ней присоединиться. С

чувством облегчения Давид перемолвился несколькими словами с «Поискови́ком», а потом достал из кармана обруч «Ока разума» и ускользнул в иное время.

... Он вошел в свет дня. Но на этой многолюдной улице, застроенной большими, громоздкими многоэтажными жилыми домами, царил полумрак. В условиях особой топографии этой местности – из-за знаменитых Семи холмов – римляне вынуждены были строить высокие дома.

Во многом город создавал удивительное ощущение современности. Но конечно, это был не двадцать первый век: перед Давидом представала живая и яркая столица солнечным летним днем всего лишь через пять лет после жестокой смерти Иисуса Христа. Естественно, тут не было автомобилей и только изредка попадались повозки, запряженные лошадьми.

Наиболее часто знатные горожане перемещались по городу на носилках, которые несли рабы. И тем не менее народа на улицах было столько, что даже пешеходы передвигались жутко медленно.

Давида и Хетер окружали люди, принадлежащие к самым разным слоям населения, – горожане, воины, нищие, рабы. И Давид, и его спутница ростом были намного выше большинства древних римлян, и, кроме того, они не ступали по мостовой древнего города, а парили над ней в нескольких сантиметрах. У нищих и рабов вид был неважный. Некоторые

явно сильно страдали от недоедания и болезней. Сгрудившись около общественных фонтанов, они напоминали стаи крыс. Но многие горожане – некоторые из них в ослепительно белых тогах с золотой каймой, баловни Империи, непрерывно расширяющей свои владения на протяжении многих лет, – были такого же высокого роста, как Давид, и столь же упитанны. Окажись они (в соответствующей одежде, разумеется) на улице города в двадцать первом веке, никто бы не обратил на них особого внимания.

Давид никак не мог свыкнуться с тем, что огромные толпы народа просто-напросто проходили сквозь него. Для римлян, погруженных в свои заботы, он был не более чем бестелесным призраком. А ему так хотелось присутствовать здесь, играть какую-то роль.

Наконец они вышли на более открытое пространство. Это был Римский Форум – искусно вымощенная прямоугольная площадь, окруженная красивыми двухэтажными зданиями, по фасаду которых стояли стройные мраморные колонны. Более высокие и мощные триумфальные колонны, увенчанные статуями с венками из золотых лавровых листьев, гордо возвышались посреди площади, а дальше, за скоплением типично римских красно-черепичных покатых крыш, Давид разглядел плавный изгиб стены Колизея.

В одном из углов Форума он заметил группу богато одетых горожан. Видимо, это были римские сенаторы. Они вели жаркий спор, черкали что-то на дощечках и не замечали

красоты и великолепия, окружавших их. Они служили доказательством того, что этот город не музей, а действующая столица огромной, сложной и хорошо управляемой империи (нечто вроде современного Вашингтона). Удивляла именно обыденность окружения – в отличие от Рима времен до внедрения червокамеры с его аккуратными, чистенькими, отреставрированными музеями, от Рима, предстающего на киноэкранах и в книгах.

Но этому имперскому городу, уже и теперь древнему, жить оставалось всего несколько столетий. Рухнут величественные акведуки, высохнут общественные фонтаны, и еще тысячу лет потом римляне будут носить воду из Тибра вручную.

Кто-то прикоснулся к плечу Давида.

Давид резко обернулся. Перед ним стоял мужчина в скучном угольно-сером костюме с галстуком. Он выглядел совершенно не к месту здесь. Его светлые волосы были коротко острижены, в руке он держал удостоверение и точно так же, как Давид и Хетер, парил в нескольких сантиметрах над мостовой имперского Рима.

Это был специальный агент ФБР Майкл Мейвенс.

– Вы, – процедил сквозь зубы Давид. – Что вам нужно от нас? Вам не кажется, что вы принесли уже достаточно горя моей семье, агент?

– Я вовсе не хотел никому принести горе, сэр.

– А теперь...

– А теперь мне нужна ваша помощь.

Сдержав вздох, Давид поднял руки к обручу «Ока разума». Связь передающего устройства с корой его головного мозга нарушилась, и он ощутил легкое покалывание на коже.

Неожиданно его окутала жаркая римская ночь.

Римский Форум стал меньше. На мостовой валялись крупные обломки мрамора, побуревшие на сколах, трескающиеся в дурном воздухе города. Из величественных древних сооружений уцелела лишь горстка колонн и поперечин, они торчали из земли, будто обнажившиеся кости. В расселинах между плитами мостовой росла чахлая, болезненная городская трава.

Странно, но и среди кричащей толпы туристов двадцать первого века Мейвенс в своем сером костюме смотрелся так, словно здесь ему было не место.

Майкл Мейвенс отвернулся и смотрел на Хетер. А ее широко раскрытые глаза играли жемчужным переливом – такую картину могли создавать только миниатюрные генераторы питания червокамеры, установленные в виде имплантатов на сетчатке глаз. Давид взял Хетер за руку. Она ответила ему легким рукопожатием.

Мейвенс встретился взглядом с Давидом и понимающе кивнул, но не отступился.

– Нам надо поговорить, – настойчиво сказал он. – Это важно, сэр.

– О моем брате?

– Да.

– Хорошо. Пойдемте с нами в гостиницу. Это не так далеко.

– С удовольствием.

Давид пошел между руин Форума, заботливо обводя Хетер вокруг обломков. Хетер поворачивала голову, будто видеокамеру на штативе. Она все еще была погружена в великолепие и славу давно умершего города, и в ее глазах поблескивали искажения пространства-времени.

Они добрались до гостиницы.

По дороге от Римского Форума Хетер почти не разговаривала.

Давид поцеловал ее в щеку, и она ушла в свою комнату. Там она, не включая свет, улеглась на кровать и стала смотреть в потолок сверкающими червокамерными глазами. Давид с нелегким сердцем осознал, что не имеет понятия о том, куда смотрит Хетер и что она видит.

В другой комнате его ожидал Мейвенс. Давид приготовил им напитки, воспользовавшись содержимым мини-бара: себе – солодовый виски, агенту – бурбон.

Мейвенс непринужденно проговорил:

– Знаете, Хайрем Паттерсон простирает свое влияние во все сферы нашей жизни. Просто ужас какой-то. Я вот сейчас зашел к вам в ванную, чтобы вытащить кусочек шпината, застрявший между зубов, – и воспользовался червокамерным зеркалом. У моей жены дома – червокамера-нянька.

Мой брат с женой пользуются червокамерным монитором, чтобы следить за своей тринадцатилетней дочкой, опасаясь, как бы она не попала в беду. И так далее. Подумать только: эта технология – чудо века, а мы пользуемся ею для таких тривиальных вещей.

Давид равнодушно отозвался:

– Покуда червокамера будет продаваться, Хайрему безразлично, для чего мы ее употребляем. Может быть, вы расскажете мне, зачем проделали такой долгий путь ко мне, спецгент Мейвенс?

Мейвенс сунул руку в карман помятого пиджака и вынул диск размером с ноготь. Сжав его двумя пальцами, он повертел его, как монетку, и Давид увидел, как на поверхности диска сверкнула голограмма. Мейвенс аккуратно положил диск на маленький полированный столик рядом со своим стаканом.

– Я разыскиваю Кейт Манцони, – сказал он. – И Бобби Паттерсона, и Мэри Мейз. Я вынудил их прятаться. Я хочу вернуть их. Помочь им заново выстроить свою жизнь.

– А я что могу поделать? – невесело спросил Давид. – Если на то пошло, к вашим услугам все ресурсы ФБР.

– Только не для этого. Правду говоря, агентство от этой троицы отказалось. А я нет.

– Почему? Хотите их еще сильнее наказать?

– Вовсе нет. – Мейвенс явно был задет. – Дело Манцони было самым первым в истории процессом, на котором фигу-

рировали улики, собранные с помощью червокамеры. И мы совершили ошибку. – Он устало улыбнулся. – Я проверял. Вот ведь что поразительно... Червокамера – самое потрясающее устройство в мире для проверок. Понимаете, теперь есть возможность с помощью червокамеры считывать очень много разновидностей информации: в частности, содержимое памяти компьютеров и устройств для хранения записанной информации. Я тщательно проверил то оборудование, которым Кейт Манцони пользовалась во время предполагаемого совершения преступления. И в конце концов я установил, что Манцони с самого начала говорила правду.

– То есть?

– То есть в преступлении был виновен Хайрем Паттерсон – хотя уличить его будет трудно даже с помощью червокамеры. И он подставил Манцони. – Мейвенс покачал головой. – Я знал журналистские работы Кейт Манцони и восхищался ими задолго до начала процесса. То, как она сбросила покров с «Червятника»...

– Вы не виноваты, – спокойно произнес Давид. – Вы просто делали вашу работу.

Мейвенс хрипло проговорил:

– Я запорол эту работу. И не только эту. Но те, кому я навредил – Бобби и Кейт, – исчезли. И они не единственные.

– Прячутся от червокамеры, – уточнил Давид.

– Конечно. Она всех изменяет...

Так и было. В новых условиях открытости бизнес процве-

тал.

Преступность снизилась до такого минимума, что дальше, казалось, уже некуда – то есть на преступления теперь шли только психически нездоровые люди. Политики осторожно нащупали линию поведения в новом мире со стеклянными стенами, при том что каждый их шаг был открыт для глаз зорких, всевидящих граждан и в настоящем, и в будущем времени.

Почти все нации успели принести друг другу извинения. Уцелевшие религии, созданные заново и очистившиеся, освобожденные от коррупции и алчности, опять выходили на свет и – как казалось Давиду – начинали исполнять свою истинную миссию, то есть удовлетворять жажду человечества в сверхъестественном.

От высшего к низшему. Даже манеры поведения изменились.

Люди словно бы становились более терпимы, легче мирились с особенностями и недостатками друг друга – потому что каждый знал: он тоже является объектом наблюдения и критики.

Мейвенс сказал:

– Ощущение такое, будто бы мы все стоим на темной сцене. А потом вспыхивают все огни рампы и прожектора, зажигается свет в зале, и мы видим все-все, вплоть до балкона, – хотим мы этого или нет. Наверное, вы слышали про всеобщее наблюдение? Это следствие того, что у всех теперь

есть червокамеры и все наблюдают за всеми. Неожиданно наша нация наполнилась осторожными, предупредительными гражданами. Но это может быть опасно. Некоторые люди доходят до помешательства на шпионстве, они стараются не делать ничего такого, что позволило бы другим заподозрить их в отклонениях от нормы. Как будто живешь в деревушке, где все любят посплетничать.

Правда, все-таки червокамера поспособствовала и хорошим делам. Взять, к примеру, хотя бы «Открытые небеса».

«Открытые небеса» – это была старинная мечта президента Эйзенхауэра о международной прозрачности. Еще до появления червокамеры началось применение методов воздушной разведки, искусственных спутников, вели свою работу инспекторы по контролю за вооружениями. Но все эти методы имели свои ограничения: инспекторов могли выдворить из страны, шахты для пуска ракет могли замаскировать.

– А теперь, – продолжал Мейвенс, – в этом удивительном червокамерном мире мы следим за ними и знаем, что они следят за нами. И ничего не спрячешь. Всегда можно проверить, как выполняются соглашения по сокращению вооружений, вооруженные конфликты утихли, поскольку одна сторона прекрасно знает, чем занимается другая и какие у нее намерения. И не только это. Простые граждане тоже наблюдают за всем по всей планете...

Диктатуры и репрессивные режимы, оказавшиеся на свету, постепенно рушились. Хотя некоторые тоталитарные

правительства пытались применить новую технологию в качестве орудия давления, демократические воззрения хлынули в эти страны настолько свободно и беспрепятственно вместе с червокамерой, что в итоге и там мало-помалу появилась открытость и подотчетность. Это явилось продолжением работы таких организаций, как «Программа свидетельств», которая на протяжении нескольких лет снабжала группы правозащитников видеооборудованием. *Пусть борьбу ведет правда.*

– Поверьте мне, – сказал Мейвенс, – дела в США идут совсем неплохо. Самый страшный из последних скандалов – это демонстрация «полынных» бункеров-убежищ. Жалкая попытка. Горстка высверленных гор и переоборудованных шахт, предназначенных под убежища в День Пльни для богачеев и представителей власти – или, по крайней мере, для их детишек. О существовании подобных сооружений догадывались, и, когда они были обнаружены, ученые тут же продемонстрировали тщетность попыток спастись с помощью этих убежищ и их строителей высмеяли. Если задуматься, – продолжал Мейвенс, – в прошлом скандалы всегда были раздутыми. А теперь мы все становимся чище. Некоторые вообще утверждают, что мы, возможно, стоим на пороге истинного всемирного правительства всеобщего соглашения. Кое-кто называет это осуществленной утопией.

– И вы в это верите?

Мейвенс кисло усмехнулся.

– Ни на секунду. У меня такое чувство, что, куда бы мы ни шли, куда бы нас ни вела червокамера, последствия этого окажутся намного более неожиданными.

– Возможно, – не стал спорить Давид. – На мой взгляд, мы пережили один из тех моментов, в результате которых меняется перспектива: предыдущее поколение было первым, увидевшим Землю из космоса; наше стало первым, увидевшим истинную историю – и правду о самих себе. И знаете, лично я смог бы это пережить. – Давид натянуто улыбнулся. – Вы слышите это от католика, спецгент Мейвенс. Я вырос с уверенностью в том, что за мной и так уже наблюдает нечто вроде червокамеры. Эта червокамера называлась всевидящим оком Господним. Мы должны научиться жить без уверток и стыда. Да, нам это трудно. *Мне* трудно. Но у меня такое впечатление, что благодаря червокамере мы все становимся более вменяемыми. И ведь что удивительно – все это проистекло из-за появления устройства, которое по замыслу Хайрема должно было стать не более чем сверхусовершенствованной видеокамерой. А теперь Хайрем, где-то старательно прячущийся, уподобился Франкенштейну, страшщемуся того, что создание его рук его уничтожит.

– Возможно, через пару веков мы и вправду сумеем очиститься, – отозвался Мейвенс. – Но пока что не всякий выдерживает обнаженность. Уровень самоубийств остается высоким – вы бы просто поразились, если бы узнали, насколько он высок. И многие люди, как Бобби, исчезли со сцены об-

щественной жизни – не участвуют в голосованиях, в переписях. Некоторые даже удаляют из мышц предплечий специальные имплантаты, с помощью которых их можно было бы обнаружить. Получается, что мы их видим, а вот присвоить им имя не можем. – Он пытливо посмотрел на Давида. – Мы полагаем, что Бобби и еще некоторые люди присоединились к одной из таких групп. Они называют себя беженцами. И именно за такими людьми нам следует наблюдать, если мы хотим разыскать Бобби.

Давид нахмурился.

– Он сделал свой выбор. Может быть, он счастлив.

– Он в бегах. Сейчас у него выбора нет.

– Если вы найдете его, вы найдете и Кейт. И она получит то, к чему ее приговорили.

Мейвенс покачал головой.

– Я могу гарантировать: этого не произойдет. Я же вам сказал, что у меня есть доказательства ее невиновности. Я уже готовлю материал для подачи апелляции. – Он приподнял крошечный диск и снова положил его на стол. – Ну так как, – спросил он, – хотите бросить своему брату спасательный круг?

– Что я должен, по вашему, сделать?

– Разыскивать людей с помощью червокамеры мы можем, просто следя за ними, – ответил Мейвенс. – Это нелегко, это трудоемко, но возможно. Но визуального наблюдателя можно обмануть. Кроме того, слежение с помощью черво-

камеры нельзя надежно привязать к какому-нибудь наружному индикатору и даже к имплантату. Имплантаты можно извлечь, перепрограммировать, уничтожить. Поэтому научно-исследовательская лаборатория ФБР работает над более совершенным методом.

– Который основан?..

– На ДНК. Мы считаем, что будет возможно начать с любого пригодного для анализа органического фрагмента – чешуйки кожи, кусочка ногтя, чего угодно, что поможет выявить «отпечаток» ДНК, – а потом планируется следить за этим фрагментом, пока он не воссоединится с искомым субъектом. А потом с помощью ключевой ДНК мы сможем пронаблюдать за субъектом вперед и назад во времени – настолько глубоко, насколько захотим. На этом диске – программа слежения. Нам нужно, чтобы вы соединили ее с действующей червокамерой. Вы у себя в «Нашем мире» – а особенно вы лично, доктор Керзон, – с этими штуками по-прежнему впереди планеты всей. Мы думаем, что в конце концов представится возможность создать всемирную базу данных последовательности ДНК. Детей будут обследовать при рождении и результаты будут заносить в эту базу. Тогда не придется впоследствии разыскивать органические фрагменты для анализа...

– И тогда, – прервав его, медленно проговорил Давид, – вы сможете посиживать в своей фэбээровской штаб-квартире, а ваши шпики с червокамерами будут обшаривать планету до

тех пор, пока не найдут того, кто вам нужен, – даже в полной темноте. И это будет окончательный крах свободы частной жизни. Так?

– О, перестаньте, доктор Керзон, – не отступался Мейвенс. – Что такое свобода частной жизни? Оглянитесь вокруг. Ребятишки уже трахаются на улицах. Еще десять лет пройдет – и вам придется объяснять им, что же такое означал термин «свобода частной жизни». Эти дети – они другие. Так говорят социологи. Да вы и сами это должны видеть. Они вырастают привыкшими к открытости, на свету, и они все время говорят друг с другом. Вы слышали об «аренах»? Это гигантские непрерывные дискуссии через посредство червокамер – без цензуры, международные. Иногда в них принимают участие одновременно до тысячи человек. И редко бывает, чтобы в дискуссии участвовал кто-то старше двадцати пяти лет. Они начинают мыслить самостоятельно, и им почти безразличен тот мир, который построили мы. И мы в сравнении с ними жутко закомплексованы. Что скажете?

Давид неохотно был вынужден признать, что согласен с этим. И еще он понимал, что этим дело не кончится. Очень могло быть и так, что в скором времени уязвленному старшему поколению, включая и его самого, придется убраться вон со сцены и прихватить с собой все угрызения совести и табу, и тогда молодые унаследуют этот новый мир, воистину ими понимаемый.

– Может быть, может быть, – проворчал Мейвенс, когда Давид озвучил эту мысль. – Но лично я еще не готов сдаться. А пока...

– А пока я мог бы разыскать брата.

Мейвенс задумчиво уставился на свой стакан.

– Послушайте, меня это, конечно, не касается, но Хетер, она... она – «червивая»?

«Червивыми» называли людей, находившихся на последней стадии червокамеромании. После того как Хетер вживили имплантаты в сетчатку обоих глаз, она проводила жизнь в виртуальном сне. Безусловно, она имела возможность настраивать свои червокамерные глаза на настоящее время – или хотя бы на совсем близкое прошлое. Тогда она пользовалась бы глазами так, как если бы в них не было никаких имплантатов. Но Давид знал, что Хетер почти никогда так не делала.

Обычно она странствовала по миру, озаренному выморочным светом далекого прошлого. Иногда она отправлялась на встречи с самой собой в юности, смотрела на мир своими тогдашними глазами, снова и снова переживала давние события. Давид не сомневался в том, что большую часть времени Хетер проводила с Мэри. С Мэри – младенцем у нее на руках, с маленькой Мэри, бегущей ей навстречу. Она не могла – да и не хотела менять ни единой мелочи в этих встречах.

Состояние Хетер совсем не должно было касаться Мей-

венса. Давид считал, что это право каждого – выбирать свой путь, а оберегал он Хетер скорее из-за того что и его самого очень влекло к прошлому.

– Есть ряд ученых, – сказал Давид, – которые утверждают, что такое будущее ждет всех нас. Червокамеры в глазах, в ушах. Мы научимся новому восприятию, при котором слои прошлого будут видны нам как настоящее. Возникнет новый образ мышления, новый образ жизни во Вселенной. Но сейчас...

– Сейчас, – мягко проговорил Мейвенс, – Хетер нуждается в помощи.

– Да. Она слишком тяжело пережила уход дочери.

– Тогда сделайте что-нибудь. Помогите мне. Послушайте, слежение с помощью ДНК – это не то же самое, что прицепить человеку «жучка». – Мейвенс наклонился к столику. – Представьте, чего еще можно достичь с помощью такого метода. Искоренение болезней, например. Можно проследить за распространением эпидемий назад во времени вдоль векторов – воздушных, водных, каких угодно, – и мгновенный поиск заменит месяцы изнурительной и опасной детективной работы... Центры борьбы с болезнями уже ждут не дожидаясь этой методики. А как насчет истории? Ведь за любым человеком можно было бы проследить вплоть до материнской утробы. Немножко подработать программу – и потом можно продолжать слежение по ДНК за любым из родителей. А потом – за их родителями. Назад, в прошлое,

по ветвям генеалогических деревьев. А можно действовать наоборот: начать с исторической личности и обнаружить всех ныне живущих потомков... Вы ученый, Давид. Червокамера уже успела поставить историю и прочие науки с ног на голову – верно? Подумайте, чего можно было бы добиться.

Он держал крошечный диск перед лицом Давида, сжав кружочек большим и указательным пальцами. «Ну просто демон-искуситель», – подумал Давид.

СЛЕЖКА ЗА БОББИ

Ее звали Мэй Уилсон.

Ее намерения были прозрачны, как осколок хрустала.

Все началось с того момента, когда ее приемную дочь Барбару обвинили в убийстве ее приемного сына Миана и приговорили, следом за отцом – мужем Мэй, Филом, к смертной казни посредством смертельной инъекции.

Все дело было в том, что Мэй уже успела свыкнуться с мыслью о том, что ее муж был чудовищем в обличье человеческого, что он совратил и убил мальчика, вверенного их заботам. За годы она научилась обвинять Фила, научилась даже ненавидеть воспоминания о нем и, держась за такие мысли, обрела какое-никакое спокойствие.

Но все же у нее была Барбара – где-то она была, этот осколок, оставшийся от разрушенной жизни Мэй, это доказательство того, что хоть что-то у нее есть хорошего.

И вот теперь, из-за червокамеры, у нее было отнято и это. В конце концов оказалось, что это вовсе не Фил, а *Барбара*. С этим невозможно было смириться. Чудовищем оказался не тот, кто лгал ей все эти годы, а та, которую она вынянчила, вырастила, *создала*.

И она, Мэй, была не жертвой предательства, а – так уж выходило – виновницей всего происшедшего.

Безусловно, разоблачить Барбару было *справедливо*.

Безусловно, это было *правдой*. Безусловно, в отношении Филадельфии была допущена вопиющая несправедливость, да и ко всей семье – из-за ошибочного приговора. И вот теперь эта ошибка была исправлена, хотя бы отчасти, с помощью червокамеры.

Но не справедливости, не правды, не правоты хотела Мэй. Не этого хотели все. И как только этого не видели те люди, которые так обожали червокамеру? Мэй хотела только покоя.

Ее намерения были ясны с самого начала. Нужно было найти новый объект ненависти.

Барбару она возненавидеть, конечно же, не могла, невзирая на все, что та натворила. Она все равно оставалась Барбарой, привязанной к Мэй стальным тросом.

Мэй размышляла и размышляла, и фокус ее внимания смещался.

Сначала она сосредоточила внимание на агенте ФБР Мейвенсе, том человеке, который мог бы с самого начала, во времена до появления червокамеры, узнать правду. Но он не был подходящей кандидатурой. Он был агентом в прямом смысле этого слова – он тупо выполнял свою работу вне зависимости от того, какая техника была в его распоряжении.

Значит, сама техника – вездесущая червокамера? Но ненавидеть неодушевленную аппаратуру – нет, это было слишком мелко, неинтересно.

Она не могла ненавидеть *вещи*. Она должна была ненавидеть людей.

Хайрем Паттерсон, конечно.

Это он наделил человечество чудовищной «машинной правды» только ради того, чтобы еще сильнее разбогатеть, – другой причины Мэй не видела.

И словно бы случайно эта машина вдобавок уничтожила религию, некогда дарившую ей утешение.

Хайрем Паттерсон.

Давид три дня упорно трудился в «Червятнике», и наконец ему удалось связать программу поиска, разработанную в лаборатории ФБР, с действующей «червоточиной».

Тогда он отправился в квартиру Бобби. Он все там осмотрел и обшарил, пока не обнаружил наконец один-единственный волосок Бобби, прилипший к диванной подушке. В одной из лабораторий обширного хозяйства Хайрема он составил последовательность ДНК.

Первым на софт-скрине появилось яркое и четкое изображение самого волоска, лежащего как ни в чем не бывало на подушке.

Давид начал отступление во времени назад. Он придумал способ, как быстро передвигать фокус в прошлое, на манер быстрой перемотки. На самом деле происходило последовательное создание новых «червоточин» вдоль длиннющей цепочки молекул ДНК, выделенной из волоса.

Давид увеличил скорость «перемотки». Дни и ночи слились в серую дымку. Волосок и подушка неизменно оставались в центре изображения.

Что-то быстро промелькнуло.

Давид вернулся назад, отстроил изображение и стал «отматывать» назад более медленно.

Эта встреча произошла более трех лет назад. Он увидел Бобби, Кейт и Мэри. Они стояли и о чем-то серьезно разговаривали.

Мэри была наполовину скрыта плащом-невидимкой. Давид почти сразу понял: они готовятся к исчезновению. В эти самые мгновения все трое пропали из жизни Давида и Хетер.

Эксперимент удался. Программа отслеживания сработала. Теперь Давид мог передвигаться во времени вперед, добраться до настоящего и продолжать движение до тех пор, пока не обнаружит Бобби и остальных... Но пожалуй, это было лучше оставить для спецагента Мейвенса.

Завершив тест, Давид был готов отключить червокамеру, но потом, повинувшись странному импульсу, он вдруг взял в фокус червокамеры лицо Бобби, и словно бы невидимый фотоаппарат повис перед ним и через его глаза уставился во всю полноту его молодой жизни.

И Давид начал обратный просмотр.

На большой скорости он прокрутил важные моменты последних лет жизни Бобби: вот он в суде с Кейт, вот он в «Червятнике» с Давидом, ссорится с отцом, рыдает в объятиях

Кейт, штурмует виртуальную цитадель Биллибоба Микса.

Давид увеличил скорость «перемотки», не спуская глаз с лица брата. Он видел, как Бобби ест, смеется, спит, играет, занимается сексом. Мерцание ночей и дней слилось в пелену, превратилось в отвлеченный фон для лица Бобби. Выражения лица сменялись настолько быстро, что и они словно бы сгладились, и в итоге Бобби все время выглядел задумчивым, с полуприкрытыми глазами – так, словно бы он спал. Приливами и отливами возникало и исчезало летнее солнце, а прическа у Бобби менялась так часто и так внезапно, что это пугало Давида: то он носил короткую стрижку, то длинные волосы, то менял натуральный, черный, цвет волос на светлый, а как-то раз появился выбритым наголо.

Годы шли и шли в обратном порядке, и с кожи Бобби исчезали морщинки, залегшие около рта и вокруг глаз, фигура приобрела юношескую тонкость и гибкость. Сначала не так заметно, потом – все более и более быстро, молодеющее лицо Бобби смягчалось, утончалось и словно бы упрощалось, блестящие полуоткрытые глаза становились более круглыми и невинными. Позади него возникали неприятные, какие-то пугающие тени – фигуры взрослых людей и какие-то огромные дома, стоящие неведомо где.

Давид остановил «прокрутку» через несколько дней после рождения Бобби. На него смотрело круглое бесформенное лицо младенца, голубые глаза которого были широко открыты и пусты, как распахнутые окошки.

Но позади младенца Бобби Давид не увидел, как ожидал, сцену в родильном доме. Бобби находился где-то, где горели яркие флуоресцентные лампы, где посреди блестящих стен стояло какое-то сложное медицинское оборудование и дорогостоящие анализаторы, около которых суетились сотрудники в зеленой униформе.

Это походило на лабораторию.

Давид осторожно продвинулся вперед во времени.

Кто-то держал младенца Бобби, подсунув руки в резиновых перчатках ему под мышки. С привычной легкостью Давид переместил фокус, ожидая увидеть молодую Хетер или хотя бы Хайрема.

Он не увидел ни того ни другого. Перед ним предстала улыбающаяся луноподобная физиономия пожилого седоватого мужчины со смуглой морщинистой кожей. Это явно был японец.

Это лицо было знакомо Давиду. И неожиданно он понял, и каковы были обстоятельства рождения Бобби, и многое-многое другое.

Он долго смотрел на застывшее изображение, пытаясь сообразить, как быть.

Мэй, наверное, лучше всех из живущих на Земле людей понимала, что для того, чтобы сделать человеку больно, вовсе не обязательно ранить его физически.

Она не была непосредственно вовлечена в страшное пре-

ступление, уничтожившее ее семью, ее в тот день даже не было в городе, она ни пятнышка крови не увидела. А теперь все остальные были мертвы и вся боль досталась ей, только ей одной, до самого конца ее жизни.

Поэтому для того, чтобы докопаться до Хайрема, чтобы заставить его страдать так, как страдала она, ей нужно было сделать больно тому, кого Хайрем любил больше всех.

Не так уж долго Мэй пришлось изучать Хайрема, самого публичного человека на планете, чтобы выяснить, кого он любит больше всех. Бобби Паттерсона, своего золотого сыночка.

И конечно, сделать это следовало так, чтобы Хайрем понял, что за все в ответе он, что виноват во всем только он один – как была виновата Мэй. Так ему будет больнее всего.

Медленно-медленно в мрачных пустотах сознания Мэй вырисовывался план.

Она вела себя осторожно. Она не хотела отправиться следом за мужем и дочерью в камеру, где вкалывают смертельную дозу. Она знала, что, как только совершится преступление, власти сразу же с помощью червокамеры просмотрят всю ее жизнь в поисках подтверждения того, что она заранее и намеренно задумала это преступление.

Ей следовало все время помнить об этом. Она словно бы постоянно находилась на сцене при открытом занавесе, и каждое ее действие записывалось, за ней наблюдали, каждый ее шаг анализировали наблюдатели из будущего. Они прита-

ились в темноте за кулисами и делали свои пометки.

Она не могла скрыть свои действия. Значит, ей следовало все обставить так, чтобы это было преступление в состоянии аффекта.

Она понимала, что ей следует притворяться и делать вид, будто бы она понятия не имеет ни о каком расследовании в будущем.

Поэтому она продолжала жить своей жизнью и вела себя как бы естественно, как бы – как все: пукала, сморкалась и мастурбировала. Всеми силами старалась делать вид, что догадывается о будущем расследовании не больше, чем все остальные в эти времена стеклянных стен.

Конечно, ей пришлось собрать сведения. Но и это можно было сделать, не привлекая внимания. В конце концов, Хайрем и Бобби были самыми знаменитыми людьми на планете, и Мэй запросто могла выглядеть не шпионкой-маньячкой, а одинокой вдовушкой, ищущей утешения в телепрограммах, посвященных жизни знаменитостей.

Через какое-то время она решила, что придумала способ, как к ним подобраться.

Это означало, что ей придется освоить новую профессию. Но и в этом не было ничего необычного. Наступил век всеобщей паранойи, всеобщей предосторожности. Все, кто мог себе это позволить, обзаводились личной охраной, бурно развивалась целая индустрия этого бизнеса, и многие люди получили возможность сделать на этом карьеру. Мэй начала

упражняться, укреплять тело, тренировать разум. Поработала у других людей, охраняла их самих и их имущество, и эти люди были никак не связаны ни с Хайремом, ни с его империей.

Она ничего не записывала, ничего не произносила вслух.

Медленно изменяя траекторию собственной жизни, она старалась вести себя так, чтобы каждый ее преднамеренный шаг выглядел естественным, повинующимся собственной логике. Так, словно ее совершенно случайно несло течением к Хайрему и Бобби.

А она тем временем изучала и изучала Бобби – начиная с позолоченного детства до наступления зрелости. Он был чудовищным созданием Хайрема, но он был красивым существом, и у Мэй стало создаваться такое чувство, будто она его знает.

Она намеревалась уничтожить его. Но, проводя с ним все часы бодрствования, она стала замечать, что Бобби мало-помалу начинает занимать место в ее сердце, в его мрачных пустотах.

БЕЖЕНЦЫ

Бобби и Кейт в поисках Мэри осторожно пробирались по Оксфорд-стрит.

Три года назад, вскоре после того, как Мэри привела их в ячейку беженцев, она исчезла из их жизни. В этом не было ничего особенного. Разветвленная сеть беженцев, брошенная на весь земной шар, работала по ячеечному принципу старинных террористических организаций.

Но не так давно, встревоженный отсутствием вестей от сводной сестры на протяжении нескольких месяцев, Бобби выяснил, что искать ее следует в Лондоне. Его заверили в том, что сегодня он с нею встретится.

Над городом нависло серое, приправленное смогом и грозящее дождем небо. Стоял летний день, но было не жарко и не холодно, царило раздражающее ни то ни се большого города. Бобби нервничал, парясь под плащом-невидимкой, но расстегнуть его, конечно, не мог.

Бобби и Кейт маленькими плавными шагами перемещались от одной группы людей к другой. С натренированной ловкостью они проникали внутрь не слишком плотной толпы народа, пробирались в середину, а когда толпа рассеивалась, они снова продолжали путь – и всегда шли не туда, откуда пришли. Если иного выбора не было, они, бывало, даже воз-

вращались назад по своим следам. Они передвигались медленно, но зато ни одному из тех, кто стал бы следить за ними с помощью червокамеры, не удалось бы увидеть их дольше чем на протяжении всего нескольких шагов. Эта стратегия оказалась настолько эффективна, что Бобби гадал, сколько еще беженцев ходит сегодня по Лондону, перемещаясь от одной группы людей к другой.

Не приходилось сомневаться, что, несмотря на климатические сдвиги и всеобщее обнищание, Лондон по-прежнему привлекал туристов. Люди приезжали сюда – вероятно, ради того, чтобы посетить художественные галереи, увидеть древние здания и дворцы, ныне покинутые британским королевским семейством, оставившим страну и обретшим более солнечный престол в монархической Австралии.

Как ни грустно, не было сомнений и в том, что город знал лучшие времена. Большинство магазинов представляли собой прилавки без витрин. Некоторые вообще пустовали, и из-за этих прорех улица походила на шерabatую челюсть старика. И все же тротуары этой городской артерии, тянущейся с востока на запад и некогда игравшей роль одной из главных торговых улиц Лондона, и по сей день были заполнены толпами народа. Поэтому здесь хорошо было прятаться.

Но Бобби вовсе не был в восторге от того, что его со всех сторон окружала человеческая плоть. Прошло уже четыре года с тех пор, как Кейт отключила его имплантат, но он все еще легко пугался, у него все еще вызывало мгновен-

ное отвращение прикосновение к человеческим собратьям. Особенно неприятные чувства будили у него произвольные контакты с животами и обвисшими ягодицами множества пожилых японцев. Казалось, этот народ ответил на появление червокамеры массовым уходом в нудизм.

Гомон голосов вдруг нарушил выкрик:

– Эй! Разойдитесь!

Люди впереди Бобби и Кейт расступались и разбегались, словно навстречу им двигался какой-то злобный зверь. Бобби схватил Кейт за руку и втащил в дверной проем на входе в магазин.

По коридору, образованному расступившимися людьми, бежал рикша – толстый лондонец, голый по пояс. По обвисшим грудям толстяка стекали струи пота. В повозке восседала женщина (по всей вероятности, американка) и с кем-то переговаривалась с помощью устройства, имплантированного в запястье.

Когда рикша пробежал мимо, Бобби и Кейт влились в вновь образовавшуюся толпу. Бобби прикоснулся к ладони Кейт и «проговорил» пальцами:

«Очаровашка».

«Он не виноват, – ответила Кейт. – Оглянись по сторонам. Может быть, этот рикша когда-то был министром финансов...»

Они продвигались вперед. Их путь лежал на восток – туда, где Оксфорд-стрит пересекалась с Тоттенхэм Корт-роуд. Как

только Оксфорд-серкес остался позади, Кейт и Бобби прибавили шагу и сосредоточились, поскольку на открытом пространстве их было легче заметить. Бобби заранее уверился в том, что в этом районе есть пути отхода.

Кейт шла, немного приоткрыв капюшон плаща-невидимки, но ее лицо закрывала тепловая маска. Когда Кейт не шевелилась, голографические проекторы плаща отбрасывали изображение на все, что ее окружало, и тогда она становилась невидимой, с какого угла ни посмотри. Эта иллюзия сохранялась до тех пор, пока она не трогалась с места. Тогда возникала задержка в проекции и ложное фоновое изображение распадалось на фрагменты и расплывалось. Но несмотря на все недостатки, плащ-невидимка мог обмануть не слишком въедливого оператора червокамеры, поэтому носить эту одежду все-таки стоило.

Из этих же соображений Бобби и Кейт сегодня надели и тепловые маски, изготовленные так, что распознать под ними лицо было невозможно. Маски испускали фальшивые инфракрасные «подписи» и были жутко неудобными из-за встроенных теплоэлементов. Кожа под маской у Бобби сильно разогрелась. Вообще-то можно было облачиться в костюмы, которые действовали по этому же принципу, – некоторые из таких костюмов имели инфракрасное излучение, характерное для женщины, замаскировать под мужское, и наоборот. Но Бобби, опробовав это одеяние, пронизанное нагревательными проводками, сразу отказался. Такая степень

дисконфорта была ему не по силам.

Они прошли мимо симпатичного особняка. Вероятно, этот дом был перестроен из магазина, и все стены в нем были заменены прозрачными стеклянными панелями. Глядя на ярко освещенные комнаты, Бобби видел, что даже полы и потолки в доме прозрачные, как и большинство предметов обстановки, – даже сантехника в ванной комнате. Из комнаты в комнату ходили обнаженные люди. По всей вероятности, они были совершенно равнодушны ко взглядам, устремляемым на них снаружи. Этот минималистический дом был еще одним ответом на всепроникающий взор червокамеры, откровенное заявление о том, что обитателям на самом деле все равно, кто на них пялится. Вдобавок и сами обитатели постоянно получали напоминание о том, что всякая кажущаяся свобода частной жизни отныне и вовеки обратилась в иллюзию.

На пересечении с Тоттенхем Корт-роуд Бобби и Кейт подошли к развалинам Центр-Пойнта – башни-блока, никогда не заселенной целиком, а потом пострадавшей от страшного взрыва, устроенного шотландскими сепаратистами.

Здесь «гостей» встретили, как им и обещали.

Мерцающий силуэт преградил путь Бобби. Он заметил тепловую маску под приоткрытым капюшоном плаща-невидимки и протянутую руку. Несколько секунд – и Бобби «услышал» уверенно «произнесенный» кончиками пальцев пароль:

«... 25. 4712425. Я – 4712425. Я...»

Бобби перевернул руку и ответил:

«Понял вас. 4712425. Я 5650982, она 8736540».

«Хорошо. Вот хорошо. Наконец-то, – последовал отзыв, быстрый и уверенный. – Пойдемте скорее».

Незнакомка увела их с широкой улицы в лабиринт переулков. Бобби и Кейт, продолжая двигаться за руки, старались держаться ближе к домам, по возможности – в тени. Но они обходили стороной крепко-накрепко запертые, перед большинством из которых расположились попрошайки.

Бобби взял за руку незнакомку.

«Кажется, я вас знаю».

Женщина ответила ему жестом, выражающим тревогу.

«Никакого толку от этих плащей-невидимок и паролей».

Она имела в виду анонимные идентификационные номера, которые каждый из членов всемирной неофициальной сети беженцев менял каждый день. Номера предоставлялись по требованию из центрального источника, доступного через посредство червокамеры. Поговаривали, будто бы где-то в Монтане, в заброшенной угольной шахте стоит генератор случайных чисел, работающий на основе принципов квантовой механики, и что якобы его систему невозможно раскодировать.

«Не в этом дело», – ответил Бобби.

«В чем же? Толстую задницу даже плащом-невидимкой не прикроешь?»

Бобби с трудом удержался от смеха. Он получил лишнее подтверждение для своей догадки. «4712425» была именно той, о ком он подумал, – женщиной из Южной Англии, лет под шестьдесят, толстухой, шутницей, уверенной в себе.

«Узнал стиль. Стиль языка жестов».

Женщина ответила знаком понимания.

«Да, да, да. Я такое уже слышала. Пора менять стиль».

«Все не изменишь».

«Нет, но попробовать можно».

Алфавит для рукоговорения, при котором кончики пальцев одного человека прикасались к ладони и пальцам другого, изначально был предназначен для людей, страдающих глухонемой и слепотой одновременно. Этот язык быстро взяли себе на вооружение беженцы, скрывающиеся от червокамеры. Разговор с помощью рукоговорения, при том что общающиеся складывали руки «ковшиком», почти невозможно было разгадать стороннему наблюдателю.

... Почти, но не совсем. Не было ничего надежного на все сто процентов. И Бобби все время помнил о том, что пользователи червокамер обладали такой роскошью, как возможность оглядываться назад, в прошлое, и заново просматривать то, что они пропустили, – столько раз, сколько захочется, под каким угодно углом и с каким угодно увеличением.

Но беженцы вовсе не были обязаны облегчать жизнь шпи-ков.

Из обрывочных сплетен и рассказов знакомых Бобби знал

о том, что «4712425» – бабушка. С работы она уволилась несколько лет назад, была чиста перед законом по всем параметрам, и никаких явных причин уйти в подполье у нее не было – как, кстати, у многих из беженцев, с которыми Бобби успел познакомиться за годы пребывания в бегах. А эта женщина просто-напросто не желала, чтобы на нее смотрели, вот и все.

Наконец «4712425» подвела их к двери. Безмолвным жестом она велела Бобби и Кейт остановиться и поправить плащи-невидимки и маски так, чтобы они ничем себя не выдали.

Дверь открылась, за ней была только темнота.

... А потом, окончательно путая следы, «4712425» легко прикоснулась к ним по очереди и повела дальше по улице. Бобби оглянулся и увидел, как бесшумно закрылась дверь.

Миновав еще метров сто, они подошли к другой двери, она открылась и впустила их в колодец, наполненный мраком.

«Спокойно. Шаг, шаг, шаг, еще два...»

В кромешной темноте «4712425» вела Бобби и Кейт вниз по короткой лестнице.

По эху и запаху Бобби почувствовал, что впереди – комната. Большая, с шершавыми стенами, видимо покрашенными поверх штукатурки. На полу лежал ковер, заглушающий шаги. Пахло едой и горячими напитками. Тут находились люди, Бобби ощущал их смешанный запах, слышал негромкое

шуршание, издаваемое ими при передвижении.

«Я начинаю осваиваться, – подумал он. – Еще пара лет – и мне не будут нужны глаза».

Они одолели последнюю ступеньку.

«Одна комната, около пятнадцати квадратных метров, – передала Бобби «4712425». – В дальней стене две двери. Туалеты. Тут люди. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Все взрослые. Окна можно делать непрозрачными».

Это было общераспространенное прикрытие. Помещения, где постоянно царил темнота, легче было распознать как логова беженцев.

«Думаю, тут неплохо, – сказала Кейт. – Есть еда и кровати. Пойдем».

Она начала стаскивать плащ-невидимку, потом – комбинезон.

Со вздохом Бобби последовал ее примеру. Он отдал свою одежду «4712425», а та повесила их на невидимую вешалку.

Потом, когда на них остались только тепловые маски, они снова взяли за руки и присоединились к остальным, анонимным в своей наготе. Бобби подозревал, что до конца собрания он даже сменит тепловую маску, чтобы еще сильнее запутать тех, кто может за ними следить.

Их поприветствовали. К лицу Бобби легко прикасались руки – мужские и женские, они различались по мягкости. Наконец кто-то выделил его. Бобби представил себе женщи-

ну лет под пятьдесят, ниже его ростом. Ее руки, маленькие и неловкие, гладили его лицо, кисти рук, запястья.

Вот так, прикасаясь друг к другу в темноте, беженцы робко изучали друг друга. Узнавание – искомое с трудом, подтвержденное с осторожностью, даже с неохотой, было основано не на именах, не на лицах, не на зрительных и слуховых метках, а на более тонких признаках. Бобби распознавал силуэт женщины, стоящей перед ним в темноте, ощущал ее запах – неистребимый и характерный, невзирая как на слои грязи, так и на самое старательное мытье. Он чувствовал ее прикосновения – то легкие, то более решительные, тепло и прохладу и стиль рукоговорения.

На первой подобной встрече Бобби пугался, его бросало в дрожь от каждого прикосновения. И все же это был не самый противный способ здороваться с людьми. Вероятно – так объяснила Бобби Кейт, – все эти бессловесные действия, касания и поглаживания, взывали к какому-то глубинному, животному уровню человеческой сущности.

Бобби начал расслабляться, ощущать, что он в безопасности.

Конечно, анонимность сообществ беженцев привлекала извращенцев и преступников, и в группы относительно легко проникали те, кто из самых разных соображений желал спрятаться от посторонних глаз. Но Бобби уже знал о том, что в среде беженцев неплохо отлажена деятельность «внутренней полиции». И хотя централизованной координации

не существовало, все были заинтересованы в том, чтобы сохранять интеграцию локальных групп и движения в целом. Поэтому «плохих мальчиков» очень быстро выявляли и вышвыривали, как и федеральных агентов и прочих аутсайдеров.

Бобби размышлял о том, не может ли такая организация стать моделью для общения людей в будущем – будущем, опутанном червокамерной сетью. Не возникнут ли тогда во множестве свободные, самоуправляемые группы, пусть порой хаотичные и даже неэффективные, но при этом подвижные и гибкие? Пока же, на взгляд Бобби, беженцы представляли собой организацию, созданную по типу сетей MAS⁵³, «отрядов правды» и более ранних группировок типа ассоциации астрономов-любителей, открывших Полюнь.

Червокамера отняла у людей табу и право на частную жизнь, и, по всей вероятности, людей потянуло к первобытным формам поведения. Беженцы общались с помощью ритуала ухаживания, как шимпанзе. Наполненные теплом, запахами, касаниями и даже вкусом других людей, эти собрания носили исключительно чувственный, а порой даже эротический характер. Бобби не раз сталкивался с тем, что собрания беженцев перерастали в итоге в откровенные оргии. Правда, в таких случаях они с Кейт всегда старались извиниться и уйти пораньше.

Быть беженцем, в конце концов, было не так уж и плохо.

⁵³ Mutually Assisted Survival (*англ.*) – Взаимно гарантированное выживание.

И уж конечно, из всего, что могла выбрать для себя Кейт, это было не самым худшим вариантом.

Но это была потаенная жизнь.

Нельзя было оставаться надолго в одном месте, нельзя было обзаводиться большим количеством вещей, нельзя было с кем-то слишком сильно сближаться – из страха, что тебя могут предать. Бобби знал имена только горстки беженцев, с которыми познакомился за три года жизни в подполье. Многие стали для Бобби и Кейт приятелями и приятельницами, многие оказывали бесценную помощь и давали очень важные советы, особенно на первых порах, когда Мэри привела к беженцам двоих беспомощных неофитов. Приятели, приятельницы – да, но без хотя бы минимального человеческого общения, казалось, им никогда не стать настоящими друзьями.

Червокамера не окончательно отобрала у Бобби свободу и личную жизнь, но, казалось, отгородила его от человечности. Неожиданно Кейт потянула его за руку, забарабанила кончиками пальцев по его ладони.

«Нашла ее. Мэри. Мэри здесь. Вон там. Пойдем, пойдем, пойдем».

Бобби взволнованно последовал за Кейт.

Она сидела одна-одинешенька в углу.

Бобби легко пробежался пальцами по ее голове, плечам, вокруг нее. Мэри была в комбинезоне. Рядом с ней стояла

нетронутая тарелка с остывшей едой. Тепловой маски на лице Мэри не было.

Она сидела с закрытыми глазами. Она не ответила на прикосновения Бобби и Кейт, но Бобби почувствовал, что сестра не спит.

Кейт поспешно начала прикасаться пальцами к ладони Бобби.

«С таким же успехом можно было поместить тут новую вывеску типа „Я здесь, забирайте меня“».

«Она в порядке?»

« Не знаю, не могу понять».

Бобби поднял вялую руку сестры, помассировал ее, стал пальцами «произносить» ее имя, снова и снова:

«Мэри, Мэри, Мэри, Мэри Мейз, здесь Бобби, Бобби Паттерсон, Мэри, Мэри...»

Она неожиданно очнулась.

– Бобби?

Глубокое, испуганное безмолвие, воцарившееся в комнате, стало осязаемым. Это было первое слово, произнесенное вслух с того момента, как вошли Бобби и Кейт. Кейт наклонилась и прижала ладонь к губам Мэри.

Бобби нащупал руку Мэри и позволил ей обратиться к нему.

«Прости, прости. Отвлеклась».

Она прижала его руку к своим губам, и он почувствовал, что они растянуты в улыбке. Значит, отвлеклась и радуется.

Но это вовсе не обязательно было хорошо. Радостный человек – это беззаботный, невнимательный человек.

«Что с тобой случилось?»

Она улыбнулась шире.

«Мне и порадоваться нельзя, старший брат?»

«Ты знаешь, о чем я».

«Имплантат», – ответила Мэри коротко.

«Имплантат? Какой имплантат?»

«В коре головного мозга».

«О боже», – в ужасе подумал Бобби и быстро передал все, что узнал, Кейт.

«Дерьмово, хуже некуда, – ответила ему Кейт. – Это нелегальная дрянь».

«Знаю».

«... с Ямайки», – сообщила ему между тем Мэри.

«Что?»

«Сетевой друг с Ямайки. Вижу его глазами, слышу его ушами. Получше, чем в Лондоне».

Мэри прикасалась к ладони Бобби так легко, что это можно было сравнить с шепотом.

Новые кортикальные имплантаты, адаптированные версии нейронных чипов для виртуальной реальности, представляли собой последнее слово червокамерной техники: крошечный генератор «червоточин», работавший на сжатом вакууме, вместе с нейросенсорным устройством вживлялся глубоко в кору головного мозга реципиента. Генератор

был окутан нейротропными препаратами, и в итоге через несколько месяцев нейроны реципиента образовывали коллатерали, ведущие напрямую к генератору. А нейросенсор представлял собой высокочувствительный анализатор нейронной активности, способный улавливать отдельные нейронные синапсы.

Такой чип мог считывать и записывать информацию в мозг, мог соединять его с мозгом других людей. Сознательным усилием воли реципиент чипа мог устанавливать червокамерную связь между своим сознанием и сознанием любого другого носителя чипа.

Из «арен», «отрядов правды» и прочих клубящихся смерчей мысли и споров возникало новое, коммутированное сообщество, вооруженное такими чипами. Нарождалась новая, молодежная всемирная общность. Мозг соединялся с мозгом. Сливались сознания.

Они называли себя Едиными.

«Новенькое, с иголки, будущее», – думал Бобби.

Но сейчас перед ним была восемнадцатилетняя девушка, его сестра, – с «червоточиной» в голове.

«Тебе страшно, – сказала Мэри, прикасаясь к его руке. – Ужастики. Групповое сознание. Потеря души. Ля-ля-ля.»

«Да, черт побери.»

«Ничего страшного. Может быть...»

Мэри вдруг отняла руку, отстранилась и поднялась с пола. Бобби пошарил в темноте, наткнулся на ее голову, но она

отшатнулась и ушла.

Тут сразу задвигались все остальные, кто находился в комнате. словно стайка птиц спорхнула с дерева.

Открывалась и закрывалась входная дверь, по полу стелились блики света.

«*Пойдем*», – передал Бобби Кейт, взял ее за руку, и они следом за остальными беженцами тронулись к выходу.

«*Испуган*, – касаниями проговорила Кейт на ходу. – *Ты испуган. Ладонь холодная. Пульс частый. Точно*».

Да, он испугался и не стал отрицать этого. Но страшило его нежданное обнаружение – они с Кейт уже побывали в переделках и похуже, а у групп, собиравшихся в таких домах, всегда имелась разветвленная сеть дозорных, вооруженных червокамерами. Нет, не обнаружения и не поимки он боялся.

Его испугало то, что Мэри и все остальные повели себя все как один. Как один организм. *Единый*.

Бобби быстро надел плащ-невидимку.

ПРАМАТЕРИ

В «Червятнике» Давид сидел перед большим настенным софт-скрином.

На него смотрело лицо Хайрема. Он был моложе, его черты – мягче, но все же это, несомненно, был Хайрем. Лицо обрамлял тускло освещенный городской пейзаж: обшарпанные многоэтажные дома и грандиозные транспортные системы. Этот город словно задумали не для того, чтобы в нем жили люди. Это были окраины Бирмингема, огромного города в самом сердце Англии, в самом конце двадцатого века – за несколько лет до того, как Хайрем покинул эту древнюю, затронутую распадом страну в надежде на большие возможности в Америке.

Давиду удалось скомбинировать программу поиска по ДНК, разработанную Майклом Мейвенсом, с системой управления червокамерой, и затем он усовершенствовал ее так, что стало возможно просматривать целые поколения. И вот теперь точно так же, как раньше, когда он просмотрел жизнь младшего брата до момента его появления на свет, он добрался до жизни Хайрема, производителя ДНК Бобби.

Теперь, движимый любопытством, он намеревался отправиться еще дальше в прошлое и увидеть собственные корни – ведь по большому счету только эта история и имела для

него значение.

В пещерном сумраке лаборатории по стене проплыла размытая тень. Давид заметил ее краешком глаза и не стал отвлекаться.

Он понял, это Бобби – его младший брат. Давид не знал, почему Бобби здесь, но догадывался, что тот присоединится к нему, когда все будет готово.

Давид обвил пальцами маленький джойстик и нажал на кнопку.

Лицо Хайрема начало разглаживаться, молодеть. Фон вокруг него превратился в дымку, в мелькание дней и ночей, смутно видимых домов, которые неожиданно сменились серо-зелеными равнинами болотистой страны, где вырос Хайрем. Вскоре лицо Хайрема уменьшилось в размерах, стало наивным, мальчишеским, и очень быстро – младенческим.

А потом его вдруг сменило лицо женщины.

Женщина улыбалась Давиду – вернее, кому-то, кто находился позади невидимого объектива «червоточины», парившего перед глазами женщины. Эту точку Давид выбрал для начала просмотра линии митохондральной ДНК, передававшейся без изменений от матери к дочери. И это, несомненно, была его бабушка. Она была молода, лет двадцати пяти, – конечно, молода, ведь след ДНК привел от Хайрема к ней в момент его зачатия. К счастью для Давида, ему не предстояло увидеть, как его бабушка старится. Она была красива

тихой, спокойной красотой. Именно такой представлял Давид типичную англичанку: высокие скулы, синие глаза, светло-рыжие волосы, уложенные в тугой пучок.

Азиатскую кровь Хайрем унаследовал по отцовской линии. Давид гадал, какие сложности мог вызвать такой союз у милостивой молодой женщины в такое время и в таком месте.

Он почувствовал, как тень, передвигавшаяся по «Червятнику», переместилась ближе к нему.

Он нажал на кнопку, и мелькание дней и ночей возобновилось. Лицо стало девичьим, немного, едва заметно, изменилась прическа. Потом лицо словно начало терять форму – наверное, из-за подростковой припухлости, а потом и вовсе стало круглым, детским.

И снова резкий переход. Прабабушка. Эта молодая женщина находилась в какой-то конторе. Она сосредоточенно хмурила брови, ее прическа представляла собой сложное нагромождение туго сплетенных кос. На дальнем плане Давид увидел других женщин – большей частью молодых. Они сидели рядами и трудились, орудуя неуклюжими механическими калькуляторами – старательно вертели ручки, нажимали на рычажки, подкручивали колесики. Видимо, это были тридцатые годы, и до появления компьютеров еще оставалось несколько десятков лет. По всей вероятности, это был такой же вычислительный центр, как все прочие на планете в те времена.

«А для меня это прошлое, не такое уж далекое, – подумал Давид, – уже как чужая страна».

Он выпустил девушку из хронологической ловушки, и она устремилась к собственному младенчеству.

Вскоре перед Давидом предстала еще одна молодая женщина, одетая в длинную юбку и плохо сшитую и плохо на ней сидящую блузку. Она размахивала флагом Британского Союза, а ее обнимал солдат в приплюснутой оловянной каске. Улица у них за спиной была заполнена народом – мужчинами в костюмах, кепи и плащах и женщинами в длинных пальто. Шел дождь, стоял пасмурный осенний день, но это, похоже, никого не огорчало.

– Ноябрь тысяча девятьсот восемнадцатого, – проговорил Давид вслух. – Перемирие. Окончание четырех лет кровопролития в Европе. Неплохая ночь для зачатия. – Он обернулся. – Как думаешь, Бобби?

Тень, неподвижно застывшая на фоне стены, словно бы растерялась. Но через несколько мгновений она отделилась от стены и, легко передвигаясь, приняла очертания фигуры человека. Появились лицо и руки, отделенные от невидимого тела.

– Здравствуй, Давид.

– Посиди со мной, – пригласил Давид.

Его брат сел рядом, шурша плащом-невидимкой. Он держался неловко, словно отвык открыто находиться близко к кому бы то ни было. Но это не имело значения, Давид от него

ничего не требовал.

Лицо девушки из Дня Перемирия стало круглее и меньше, превратилось в лицо ребенка. Произошел новый переход. На софт-скрине перед братьями предстала молодая женщина, черты лица которой отразились в ее потомках. Синие глаза, землянично-рыжие волосы. Вот только она была худенькая и бледная, со впалыми щеками. Теряя годы, она перемещалась по дымке мрачных городских пейзажей. Фабрики, ряды домов вдоль улицы, а потом – вспышка детства, а потом – иное поколение, иная девушка, но все тот же унылый пейзаж.

– Они выглядят так молодо, – пробормотал Бобби. Его голос прозвучал хриловато, словно он давно не говорил вслух.

– Думаю, нам придется к этому привыкнуть, – невесело отозвался Давид. – Мы уже занырнули глубоко в девятнадцатый век. Великие открытия в медицине еще не сделаны, познания в области гигиены минимальны. Люди умирают от самых простых, излечимых болезней. И кроме того, мы просматриваем цепочку женщин, которые хотя бы дожили до детородного возраста. Нам не попадаются на глаза их сестры, умершие в раннем детстве и не оставившие потомства.

Поколение уходило вслед за поколением, лица уменьшались в размерах подобно сдувающимся воздушным шарикам, едва заметно изменяясь, послушные генетическому дрейфу.

Лицо молодой женщины, залитое слезами, в то мгновение, когда она родила. Ее ребенка у нее отняли, Давид это увидел. Но в обратном просмотре все выглядело так, словно ребенка женщине *отдали*. Ее беременность была окрашена горем и стыдом, а потом Давид добрался до момента, определившего жизнь бедняжки. Кто-то из родственников – то ли брат, то ли дядя – надругался над девушкой, изнасиловал ее. Очистившись от поругания, девушка стала более юной, хорошенькой, улыбчивой, ее взгляд наполнился надеждой, несмотря на унылую жизнь. Она умела находить красоту в простоте: в краткой жизни цветка, в силуэте облака.

«Наверняка в мире полным-полно таких мучительных биографий, – думал Давид. – Действие разворачивается, отступая в прошлое, деяния предшествуют причине, боль и отчаяние ниспадают по мере приближения к чистоте детства».

Неожиданно фон снова изменился. Теперь вокруг женщины-предка, отделенной от Давида десятком поколений, раскинулась сельская местность: небольшие поля, свиньи, что-то подбирающие с земли, коровы, жующие чахлую траву, множество чумазных ребятишек. Женщина имела изможденный вид: щербатый рот, морщинистое лицо, словом – старуха, но Давид догадывался, что ей никак не больше тридцати пяти – сорока.

– Наши предки были крестьянами, – констатировал Бобби.

– Почти все люди были крестьянами до начала массовой

миграции в города. Но промышленная революция еще не начиналась. Они, видимо, даже сталь еще не научились плавать.

Мерцали времена года, лета и зимы, свет сменялся тьмой, мелькало поколение за поколением женщин, от дочери к матери, а потом – медленнее, от изможденной родительницы к нежной девушке, а от нее – к невинному младенцу. Некоторые женщины появлялись на софт-скрине с лицами, искаженными болью. Это были те несчастные (и их становилось все больше), которые умерли при родах.

История отступала назад. Уходили века, в мире становилось все меньше людей. Европейцы уплывали из обеих Америк и очень скоро должны были забыть о самом существовании этих грандиозных континентов. Золотая Орда – громадные войска монголов и татар, чьи трупы выпрыгивали из земли, перестраивались боевым порядком и отступали в Среднюю Азию.

Но ничто из этого не затрагивало английских крестьян, гнущих спину от рассвета до заката, необразованных, неграмотных, поколение за поколением вспахивающих один и тот же клочок земли.

«Для этих людей, – подумал Давид, – местный сборщик десятины был фигурой пострашнее Тамерлана и Кублахана. Если бы червокамера не показала больше ничего, – думал он, – осталась бы убийственная ясность этого: жизнь большинства людей была жалкой и короткой, они не знали сво-

боды, радости, домашнего уюта, они словно отбывали срок в темнице, и только изредка их выводили на свет».

Наконец возникло лицо девушки с темными, слипшимися от грязи волосами, с болезненно-желтой кожей и крысино-опасливым выражением – и пейзаж резко изменился. Бобби и Давид увидели, как по уныло-серой сельской местности бредет семейство беженцев-оборванцев. Тут и там возвышались горящие груды мертвых тел.

– Чума, – проговорил Бобби.

– Да. Они вынуждены бежать. Но идти им некуда.

Вскоре изображение остановилось на другом безымянном клочке земли посреди большой плоской равнины, и снова потекла жизнь одного за другим поколений несчастных крестьян, прерванная совсем ненадолго.

На горизонте возвышался нормандский собор – величественная зловещая громада, выстроенная из песчаника. Если это были фены – огромная равнина на востоке Англии, то собор, вероятно, стоял в Или⁵⁴. Ему уже исполнилось несколько столетий, и эта грандиозная конструкция походила на гигантский песчаниковый космический корабль, спустившийся с небес. Видимо, собор полностью царил на мысленном пейзаже этих трудяг – да, собственно, в этом и со-

⁵⁴ Илийский кафедральный собор находится в 24 км к востоку от Кембриджа, он выстроен в нормандском, частью готическом, стиле. Прежде на этом месте располагался смешанный (мужской и женский) монастырь, основанный в 673 г., а в 970 г., после его разрушения датчанами, был основан бенедиктинский монастырь. Илийский собор – один из самых больших в Англии.

стояла его цель.

Но вот и величественный собор начал сжиматься, с пугающей быстротой он принимал более скромные и простые архитектурные формы и в конце концов совсем исчез из виду.

А число людей все продолжало уменьшаться. Колоссальный отлив разносил человечество по всей планете. Завоеватели-норманны, про всей вероятности, уже покинули свои крепкие цитадели и огромные замки и убрались во Францию. Вскоре из Британии должны были отхлынуть волны захватчиков из Скандинавии и других областей Европы. В других краях близилась смерть пророка Мухаммеда, мусульмане уходили из Северной Африки. К тому времени, как Христос будет снят с креста, на Земле останется всего около сотни миллионов человек, а это было меньше чем половина населения Соединенных Штатов в то время, в котором жил Давид.

По мере того как мелькали лица женщин-предков, произошла еще одна смена пейзажа – быстрое переселение. Теперь давние пращуры Давида копались в земле на местности, покрытой развалинами – низкие стены, разрытые подвалы, обломки мрамора и других строительных камней.

А потом здания выросли, будто цветы, заснятые с помощью съемки рапидом, разбросанные камни собрались воедино.

Давид сделал паузу и взгляделся в лицо женщины, своей бабушки с восьмидесятикратной приставкой «пра». Краси-

вая женщина лет около сорока, с синими глазами. Ее землянично-красные волосы слегка тронула седина, а нос у нее был крупный, с горбинкой – римский нос.

Унылые поля на дальнем плане исчезли, сменились видом хорошо спланированного города: Давид видел площадь, окруженную колоннадами, статуями и высокими домами с красными черепичными крышами. Площадь была уставлена торговыми рядами. Торговцы замерли в момент зазывания покупателей. Выглядели торговцы потешно – так им хотелось заполучить бессмысленную прибыль. Они понятия не имели о том, что ожидает их в самом ближайшем безрадостном будущем, они не знали, как близка их неминуемая смерть.

– Римское поселение, – проговорил Бобби.

– Точно. – Давид указал на экран. – Думаю, это местный Форум. Вон то здание – скорее всего, базилика, а там – городская палата и здание суда. За этими рядами колонн – лавки и конторы. А вон то здание, вероятно, храм...

– Все выглядит таким правильным, – пробормотал Бобби. – Даже современным. Улицы и дома, конторы и лавки. Видно, что все застроено по принципу прямоугольной решетки, как Манхэттен. Такое чувство, что можно войти в экран и отправиться на поиски бара.

Контраст этого маленького островка цивилизации с многовековым морем невежества и изнурительного труда, окружавшим его, был настолько поразителен, что Давид ощутил

нежелание покидать его.

– Ты рискуешь, придя сюда, – сказал он Бобби. Лицо Бобби, повисшее над плащом-невидимкой и освещенное замороженной улыбкой далекой прапра-пра... бабки, походило на страшноватую маску.

– Знаю, – отозвался он. – И что ты помогал ФБР, тоже знаю. Это выслеживание с помощью ДНК...

Давид вздохнул.

– Если бы не я, кто-то другой придумал бы этот способ. По крайней мере, так я хотя бы знаю, что у них на уме. – Он прикоснулся кончиком пальца к настольному софту-экрану. Вокруг изображения женщины возникло несколько картинок. – Вот, смотри. Червокамера показывает все соседние помещения и коридоры. А вот – автостоянка. Я добавил систему инфракрасного распознавания. Если кто-то появится...

– Спасибо.

– Мы давно не виделись, брат. Я не забыл, как ты помог мне, когда я переживал свой собственный кризис – когда чуть не стал жертвой червокамеромании.

– Кризисы случаются у всех. Ерунда.

– Вовсе нет... Но ты не сказал мне, зачем пришел сюда.

Бобби пожал плечами, его силуэт под плащом-невидимкой оставил в воздухе едва заметный ореол.

– Я знаю, что ты разыскивал нас. Я жив и здоров. Кейт тоже.

– И вы счастливы?

Бобби улыбнулся.

– Если бы я хотел стать счастливым, я бы просто включил чип, вшитый в мою голову. В жизни есть много чего помимо счастья, Давид. Я хочу, чтобы ты передал весточку Хетер.

Давид сдвинул брови.

– Это что-нибудь насчет Мэри? Ей плохо?

– Нет. Нет, не то чтобы плохо. – Бобби провел рукой по лицу. Ему было жарко в плаще-невидимке. – Она в Единых. Мы хотим попробовать вернуть ее домой. Я хочу, чтобы ты помог мне в этом.

Эта новость встревожила Давида.

– Конечно. Ты можешь мне доверять.

Бобби усмехнулся.

– Знаю. Не доверял бы – не пришел сюда.

«А ведь я, – с нелегким сердцем подумал Давид, – со времени нашей последней встречи узнал кое-что важное о тебе».

Он смотрел на открытое лицо Бобби, в его глаза, наполненные любопытством и озаренные светом экрана, запечатлевшего сцену двухтысячелетней давности. Время ли сейчас было нанести Бобби удар в виде очередного откровения из области бесконечных манипуляций, которые творил с его жизнью Хайрем? Ведь речь шла о самом страшном преступлении, совершенном Хайремом в отношении собственного сына.

«Потом, – подумал он. – Потом. Найдется подходящий

момент».

А кроме того, на софт-скрине по-прежнему светилось изображение – зачаровывающее, чужеродное, неотразимое. Червокамера во всех своих проявлениях изменила мир.

«Но все остальное, – думал Давид, – не идет ни в какое сравнение с этим – способностью техники делать видимым то, что казалось утраченным навсегда».

Еще хватит времени на жизнь, на разные трудные дела, на то, чтобы разобраться с непонятным будущим. Пока их манила к себе история. Давид взял джойстик, нажал на кнопку, и римские постройки испарились, будто снежинки под солнцем.

И снова быстрое мелькание. Очередное переселение – и новая женщина-пращур. Все те же характерные землянично-красные волосы и синие глаза, но римского носа тут не было и в помине.

Вокруг мелькающих на экране лиц Давид успевал заметить поля – небольшие, прямоугольные. Их вспахивали плугом, в плуг запрягали волов, а в худшие времена плуг тащили люди. Бревенчатые амбары, овцы и свиньи, коровы и козы. За квадратиками полей темнел земляной вал, превращавший территорию в укрепление. Но по мере углубления в прошлое земляные валы неожиданно сменились грубыми деревянными частоколами.

Бобби заметил:

– Мир становится проще.

– Верно. Как там об этом писал Фрэнсис Бэкон⁵⁵? «Добрые деяния, произведенные основателями городов, создателями законов, отцами народов, истребителями тиранов и героями, живут недолго: в то время как труд Изобретателя, пусть не такой напыщенный и яркий, ощущается повсюду и длится вовеки». Примерно в это время идет Троянская война, и там бьются бронзовым оружием. Но бронза слишком хрупка, вот почему эта война тянулась двадцать лет, а жертв в ней было сравнительно немного. Отсчитывая годы в обратном порядке, мы забыли, как выплавлять железо, поэтому уже не можем убить друг дружку так же здорово, как раньше. Тяжкий и старательный труд на полях продолжался, и почти ничего не менялось от поколения к поколению. Одомашненные овцы и крупный рогатый скот выглядели более похожими на диких животных.

На рубеже ста пятидесяти поколений исчезли и бронзовые орудия труда и сменились каменными. Но обработанные каменными орудиями поля выглядели почти как прежде. Скорость исторических перемен замедлилась, и Давид увеличил быстроту просмотра. Двести, триста поколений ушли в прошлое, мелькающие лица сливались одно с другим, их медленно плавил года, изнурительный труд и смешение генов.

⁵⁵ Бэкон Фрэнсис (1561 – 1626) – философ, родоначальник английского материализма. В своем трактате «Новый Органон» провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, подчеркивал важность научного эксперимента.

«Но очень скоро все это потеряет значение, – подумал Давид. – Очень скоро, после Дня Полыни. В это зловещее утро вся терпеливая борьба, весь тяжкий труд, которому были отданы миллиарды коротких жизней, – все будет стерто с лица Земли. Все, чему мы научились, все, что мы построили, будет утрачено безвозвратно. Не останется, скорее всего, ни единого разумного существа, которое скорбело бы об этой утрате».

А временной тупик был близко, намного ближе той римской весны, которую наблюдали на экране Бобби и Давид. Осталось проиграть совсем немного записей на пластинке человеческой истории.

Вдруг эта мысль стала для Давида невыносимой. Он словно бы впервые в своем воображении сумел впитать реальность Полыни.

«Мы *должны* придумать, как ее оттолкнуть, – мучительно размышлял он. – Ради тех стариков, которые теперь смотрят на нас из будущего с помощью червокамер. Мы должны сделать так, чтобы их исчезнувшая жизнь не потеряла смысла».

И тут снова сменился пейзаж на экране.

Бобби сказал:

– Мы стали кочевниками. Где это мы?

Давид вывел на экран справочную панель.

– Северная Европа. Мы забыли, как обрабатывать землю. Деревни и поселки исчезли. Нет больше империй, нет больших городов. Люди теперь – всего лишь редкая порода зве-

рей, и мы живем кочевыми группами и кланами в поселениях, которые стоят на одном месте от силы пару времен года.

Углубившись в прошлое на двенадцать тысячелетий, Давид остановил просмотр.

Ей, наверное, было лет пятнадцать, и на ее левой щеке красовалось круглое клеймо – грубоватая татуировка. Выглядела она по-звериному здоровой и держала ребенка, завернутого в шкуру какого-то животного. «Мой пракакой-то там дядюшка», – рассеянно подумал Давид, глядя, как юная мать гладит круглую щеку младенца. На ней были кожаные опорки, кожаные штаны и тяжелая накидка из плетеной рогожки. Прочая одежда была скроена из сшитых между собой лоскутков кожи. В опорки и под шапку была набита солома – видимо, для утепления.

Качая ребенка, она шла следом за группой людей – мужчин, женщин, малышей и подростков. Они пробирались по невысокому скалистому хребту, шагали легко, привычно. Таким шагом можно было одолеть долгое расстояние. Но многие взрослые держали наготове копыя с кремневыми наконечниками – скорее всего, они больше опасались нападения диких зверей, чем угрозы со стороны других людей.

Молодая мать добралась до вершины горы. Давид и Бобби, словно бы сидя на плечах у своей дальней праматери, вместе с ней обозрели окрестности.

– ... О господи! – вырвалось у Давида. – О господи!

Перед ними простиралась широкая и плоская равнина.

Далеко впереди, видимо на севере, возвышались горы – темные и мрачные, подернутые слепяще-белыми пятнами ледников. Небо было хрустально-голубым, солнце стояло высоко.

Ни дымка, ни полей, ни изгородей. Все следы человеческой деятельности были стерты с лица этого холодного мира.

Но равнина не была пустой.

Как ковер, подумал Давид, движущийся ковер, сотканный из тел, напоминающих громадные валуны и покрытых длинной, свисающей до самой земли рыже-коричневой шерстью, похожей на шерсть мускусного быка. Они передвигались медленно, все время жевали траву. Громадное стадо состояло из отдельных, менее многочисленных групп. От ближнего края стада отделился малыш, неосторожно отбившийся от матери, и принялся рыть землю. Поджарый белозерстный волк начал подкрадываться к малышу. Мать детеныша бросилась на его защиту, сверкая бивнями. Волк пустился наутек.

– Мамонты, – прошептал Давид.

– Их тут не меньше десяти тысяч. А вон те кто такие? Вроде оленей кто-то? А там – верблюды, что ли? А... о боже, это, по-моему, саблезубый тигр.

– Львы, тигры, медведи, – сказал Давид. – Хочешь продолжить?

– Да. Да, давай продолжим.

Долина из времен ледникового периода исчезла, словно

бы скрылась в тумане, и остались только человеческие лица. Они появлялись и исчезали, будто кто-то отрывал и выбрасывал листки календаря.

Давиду все еще казалось, что в лицах далеких предков осталось что-то знакомое. Круглолицые, удивительно юные ко времени родов, и у всех – синие глаза и землянично-красные волосы.

Но мир очень сильно изменился.

Небо разрывали жуткие грозы, порой они продолжались годы напролет. Далекие предки брели по льдам или засушливым степям, а иногда – и по пустыням. Они голодали, мучились от жажды и не блистали здоровьем.

– Нам повезло, – заметил Давид. – Нам выпало несколько тысячелетий относительной устойчивости климата. Этого времени хватило для того, чтобы изобрести земледелие, построить города и покорить мир. А до того было *вот это*.

– Как хрупки были люди, – зачарованно проговорил Бобби.

Глубина просмотра составляла уже около тысячи поколений, и кожа у далеких предков делалась все темнее.

– Мы мигрируем к югу, – констатировал Бобби. – Теряем приспособленность к существованию в условиях более холодного климата. Возвращаемся в Африку?

– Точно, – с улыбкой отозвался Давид. – Идем домой.

Миновало еще десять поколений, миграция завершилась, и изображение начало стабилизироваться.

Это была южная оконечность Африки, чуть восточнее мыса Доброй Надежды. Группа древних людей добралась до пещеры неподалеку от берега, где поднималась широкая полоса высоких скал, сложенных осадочными породами.

Местность имела плодородный вид. Травянистые пустоши и лес из кустарников и деревьев с большими, яркими, колючими цветами подступали к самой кромке воды. Океан был спокоен, в небе кружились чайки. Полоса прилива была щедро усеяна моллюсками, медузами, водорослями и каракатицами.

В лесу водились разные звери. Сначала Бобби и Давид заметили знакомых животных – антилоп канн, газелей, слонов и диких свиней, но по мере углубления в прошлое в лесу появились менее знакомые виды: длиннорогий бизон, гигантский бубал, животное вроде громадной лошади с полосками как у зебры.

И здесь, в этих незаметных пещерах, жили, поколение за поколением, древние люди.

Скорость перемен стала ужасно медленной. Сначала дальние предки современных людей носили одежду, но поколений через сто одежда стала самого приблизительного свойства, превратилась в мешки из звериных шкур, обвязанные вокруг пояса и надеваемые на голое тело, а потом и шкур не осталось. Люди охотились с копьями, увенчанными каменными наконечниками и с каменными топорами, перестали пользоваться луком и стрелами. Но чем дальше, тем гру-

бее становились каменные орудия, тем примитивнее – сама охота. Зачастую она представляла собой жалкие попытки добить раненую антилопу.

В пещерах, где пол проседал все сильнее с каждым тысячелетием, последовательно исчезли культурные слои. Поначалу жизнь древних людей протекала в соответствии с определенными законами сообщества и в ней была даже некая утонченность. Существовало искусство, изображения животных и людей, старательно наносимые на стены пальцами, вымазанными в краске.

Но наконец, на хронологической глубине более двенадцати сотен поколений, стены очистились от рисунков.

Давид поехал. Он добрался до мира, где отсутствовало искусство: тут не было картин, романов, скульптур и, скорее всего, не было даже песен и стихов. Из мира уходил разум.

Они опускались все глубже и глубже, миновали рубеж трех, четырех тысяч поколений. Необъятную пустыню времени пересекла вереница предков, рождавшихся и прозябавших в унылой, ничем не приукрашенной пещере. Древние бабушки очень походили одна на другую, но все же Давид улавливал на этих темнокожих лицах нечто вроде следов изумления, оторопи, а порой – даже привычного, нескрываемого страха.

Наконец вдруг однообразие резко прервалось. И на этот раз изменился не окружающий пейзаж, а само лицо женщины-пращура.

дателей из будущего сейчас смотрят на меня и моего брата – на нас, ставших первыми людьми на Земле, увидевшими эту женщину, своего родного по крови, далекого-предалекого предка?»»

Он ведь, наверное, и вообразить себе не мог, как они в действительности выглядели, какими пользовались орудиями, о чем думали, – и уж конечно, давняя бабушка-неандерталка никогда в жизни не смогла бы представить себе эту лабораторию, его полуневидимого брата, сверкающие приборы.

А за теми, кто смотрел на Давида и Бобби из будущего, находились другие, следящие за теми, – и так далее, и так далее – вплоть до еще более невообразимого будущего, вплоть до тех времен, пока будет существовать человечество – или те, кто будет жить на Земле после людей. Эта мысль леденила сердце и пугала.

Все это было возможно только в том случае, если бы Польнь хоть кого-то пощадила.

– О, – прошептал Бобби разочарованно.

– Что случилось?

– Ты не виноват. Я понимал, что рискую. Зашуршала ткань, метнулась размытая тень. Давид обернулся. Бобби исчез.

Но зато появился Хайрем. Он ворвался в лабораторию, хлопая дверьми и вопя:

– Я сцапал их! Будь я проклят, я их сцапал! – Он хлопнул

Давида по спине. – Эта слежка с помощью ДНК сработала как по волшебству. Манцони и Мэри, обе попались. – Он запрокинул голову. – Слышишь меня, Бобби? Я знаю, что ты здесь. *Я их сцапал.* И если ты хочешь хоть одну из них увидеть снова, тебе придется явиться ко мне. Ты меня понял?

Давид еще раз взглянул во впалые глаза своего далекого предка – представительницы иного вида, которую от него отделяло пять тысяч поколений, – и выключил софт-скрин.

ИСТОРИЯ СЕМЕЙСТВА

Когда ее насильно вернули в открытое людское общество, Кейт с облегчением узнала, что с нее снято обвинение в преступлении, некогда против нее выдвинутое. А потом в ужасе обнаружила, что ее отделили от Мэри, от всех друзей и почти сразу посадили под арест. И сделал это Хайрем Паттерсон.

Дверь в комнату открылась, как это случалось дважды в день.

На пороге стояла надзирательница: высокая и гибкая женщина в строгом, деловом брючном костюме. Она даже была по-своему красива – но ее темные глаза хранили какое-то мертвенное выражение, и это выражение пугало Кейт.

Кейт знала, что ее зовут Мэй Уилсон.

Уилсон втокнула в комнату небольшой столик на колесах, выкатила вчерашний столик, быстрым профессиональным взглядом окинула комнату и закрыла дверь. Вот так – без единого слова.

Кейт сидела на кровати – кроме кровати, в комнате больше никакой мебели не было. Она встала, подошла к столику, сняла с него белое бумажное полотенце. Ей привезли холодное мясо, салат, хлеб, фрукты и напитки, термос с кофе, воду в бутылке, апельсиновый сок. На нижней полочке лежало свежее постельное и нижнее белье, комбинезоны и салфет-

ки. Все самое обычное.

Кейт уже давно исчерпала варианты того, что могло оказаться на столике, попадавшей к ней в комнату два раза в день. Картонные тарелки и пластиковые ножи, ложки и вилки не годились ни для чего, кроме использования по прямому назначению, и потому были почти бесполезны. Даже колесики столика-каталки были изготовлены из мягкого пластика.

Кейт вернулась к кровати, села и принялась уныло покусывать персик.

Все остальное в комнате также не вселяло никаких надежд. Ровные, без единой выбоинки, стены, покрытые гладким пластиком, который невозможно было подцепить ногтем. Даже светильников не было: серый свет, наполнявший комнату двадцать четыре часа подряд, исходил от флуоресцентных ламп, наглухо спрятанных под пластиковыми потолочными панелями.

До потолка Кейт, так или иначе, не смогла бы дотянуться. Кровать представляла собой пластиковую коробку, ровно пригнанную к полу. Кейт пробовала порвать простыни, но ткань оказалась слишком прочной. На самом деле она еще не была готова даже представить себе, как душит кого-то жгутом – даже Уилсон.

Сантехника – унитаз и душ – также не годились для главной цели Кейт. Туалет был химический, и нечистоты, судя по всему, сливались в герметичный бак, поэтому Кейт не мог-

ла даже с собственными экскрементами передать записку – в смысле, если бы, конечно, придумала, как это сделать.

Но несмотря на все это, она вплотную подошла к побегу. Было так приятно проигрывать в сознании близкую победу.

Она лелеяла замысел в голове, куда пока не могла заглянуть ни одна червокамера. Над приготовлениями она трудилась больше недели. Каждые двенадцать часов она оставляла столик-каталку чуть-чуть в другом месте и – немного дальше от порога. Она мысленно повторяла хореографию своих движений: три шага от кровати до двери, второй шаг немножко короче...

И всякий раз, когда Уилсон являлась, чтобы забрать столик, ей приходилось пройти немного дальше.

Наконец настал день, когда Уилсон, чтобы дойти до столика, была вынуждена сделать шаг в глубь комнаты. Всего лишь шаг, только один – но Кейт надеялась, что этого хватит.

Два шага бегом – и вот она у двери. Ударив Уилсон плечом, она оттолкнула ее дальше в комнату, выскочила за порог и успела сделать еще два шага.

Оказалось, что ее комната-камера – всего лишь кубик посреди гигантского, тускло освещенного ангара с высокими и далекими стенами. Кейт тут же окружили охранники – мужчины и женщины, повскакавшие из-за столов и выхватившие оружие.

Кейт лихорадочно озиралась по сторонам, искала взглядом, куда бежать...

Рука, сжавшая ее руку, была подобна тискам. Мизинец вывернули назад, руку, согнутую в локте, завели за спину. Кейт рухнула на колени, не сдержалась и вскрикнула и услышала, как хрустнула сломанная кость в мизинце, и почувствовала страшную жгучую боль.

Это была, конечно, Уилсон.

Когда Кейт очнулась, она лежала на полу в своей одиночке, связанная, судя по всему, изолентой. С ее рукой возился врач. Уилсон удерживал один из охранников. Ее глаза на лице, словно выплавленном из стали, смотрели на Кейт так, будто Уилсон была готова ее убить.

Потом у Кейт несколько недель подряд палец терзала пульсирующая боль. А Уилсон, явившаяся на первый из своих двукратных визитов, одарила Кейт взглядом, полным неприкрытой ненависти. «Я ранила ее гордыню, – догадалась Кейт. – В следующий раз она прикончит меня без раздумий».

Но Кейт даже после неудачной попытки побега понимала, что вся эта ненависть направлена не на нее, и гадала, кто же является мишенью для Уилсон и знает ли Хайрем о том, что его соотрудница вынашивает какие-то злобные планы.

А еще Кейт понимала, что она никогда не была главной мишенью для Хайрема. Она служила только приманкой на входе в западню.

Она просто стояла на пути у этих безумцев с непредсказуемыми планами.

Размышлять о подобных вещах смысла не имело. Кейт легла на кровать. Потом, чтобы хоть чем-то занять свои пустые дни, она стала делать зарядку. А сейчас, окутанная никогда не гаснущим светом, она попыталась очистить свое сознание от каких бы то ни было мыслей.

И ее руки коснулась чья-то рука.

Посреди неразберихи, взаимных обвинений и злости – всего того, что последовало за поимкой Мэри и Кейт, Давид попросил, чтобы ему разрешили встретиться с Мэри в холодной тишине «Червятника».

Его в который раз поразили цвет глаз Мэри – карих, таких непохожих на глаза из глубины времен, до самой африканской пещеры.

Давид зябко поежился при мысли о том, насколько мимолетна и преходяща жизнь человека. Но из-за этого не менее значительна.

Мэри сказала:

– У тебя озабоченный вид.

– Это потому, что я не знаю, с кем разговариваю.

Она фыркнула, и на мгновение Давид увидел прежнюю – строптивую, вечно всем недовольную Мэри.

– Прости меня за невежество, – сказал Давид. – Я просто пытаюсь понять. Мы все пытаемся. Это для нас нечто новое.

Она кивнула.

– И поэтому – такое, чего стоит опасаться?

– Да, – произнесла она после короткой паузы. – Значит,

так. Мы здесь. «Червоточина» у меня в голове никогда не закрывается, Давид. Все, что я делаю, все, что вижу, слышу, чувствую, все, что думаю, – все это...

– Ты делишь с другими?

– Да. – Она пытливо посмотрела на него. – Но я знаю, что ты подразумеваешь. Что все это *растворяется*. Но это не так. Во мне остается не меньше меня. Но я усилена, увеличена. Это как еще один уровень сознания. Или уровень обработки информации, если хочешь, наложенный на мою центральную нервную систему точно так же, как сама ЦНС наложена на более древние системы организма вроде биохимической. Мои воспоминания по-прежнему принадлежат только мне. Разве так уж важно, что они хранятся в чьей-то еще голове?

– Но ведь это же не просто какая-то сеть мобильной связи с супернадёжным сигналом, правда? Вы, называющие себя Едиными, претендуете на гораздо большее. Есть ли новая личность во всем этом – новое, соединенное «я»? Групповое сознание, связанное «червоточинами», рождающееся в сети?

– Тебе кажется, что если так, то это непременно что-то жуткое, да?

– Я не знаю, что думать об этом.

Давид изучающе смотрел на Мэри, пытаясь выловить ее, и только ее, под оболочкой Единения.

Сильно мешало то, что Единые очень быстро стали пре-

восходными актерами, а если уж совсем точно – записными врунами. Благодаря отсоединенности слоев сознания все они мастерски овладели языком тела и мимикой, и это давало им огромное превосходство над теми способами общения, которые в свое время развились для надежной и честной передачи информации. Подобным уловкам позавидовал бы самый искушенный в своем ремесле драматический актер. У Давида не было причин подозревать, что сегодня Мэри ему лжет, – просто он не мог понять, как догадаться, врет она или нет.

Она поинтересовалась:

– Почему ты не спросишь меня о том, что тебя на самом деле интересует?

Давид взволнованно проговорил:

– Хорошо. Мэри, скажи... *каково* это? Что ты чувствуешь?

Она ответила, неторопливо произнося слова:

– Все то же самое. Просто – *больше*. Так, как будто проснулась окончательно – с ощущением ясности, полной включенности сознания. Уж *ты* это должен знать. Я никогда не была ученым. Но я разгадывала разные головоломки. Я, например, играю в шахматы. Наука – это ведь что-то вроде этого, правда? Ты что-то пытаешься разгадать – и вдруг видишь, как строится игра. Будто облака на миг рассеялись, только на миг, – и ты увидел далеко-далеко, намного дальше, чем раньше.

– Да, – отозвался Давид. – У меня в жизни было несколько похожих моментов. Мне повезло.

Мэри взяла его за руку.

– А у меня такое чувство *все время*. Разве это не прекрасно?

– А ты понимаешь, почему люди вас боятся?

– Они нас не просто боятся, – спокойно отозвалась Мэри. – Они нас выслеживают. Они на нас нападают. Но они не могут нам навредить. Мы всегда видим, как они приближаются, Давид.

Давиду стало зябко от этих слов.

– И даже если одного из нас убьют – даже если убьют *меня*, – все равно мы, точнее, наша общая сущность будет продолжать жить.

– Что это значит?

– Информационная сеть, принадлежащая Единым, очень велика и постоянно растет. Ее, скорее всего, нельзя уничтожить как некий ментальный Интернет.

Давид нахмурился, он был немного раздражен.

– Ты слышал о теории привязанности? В ней говорится о том, что мы психологически нуждаемся в формировании близких взаимоотношений, в интимности. Такие отношения нам нужны для того, чтобы скрыть страшную правду, с которой мы сталкиваемся, когда взрослеем. Эта правда в том, что каждый из нас одинок. Самая грандиозная битва в жизни человека – битва за то, чтобы смириться с этим фактом.

Вот почему вступление в ряды Единых так притягательно.

– Но чип в твоей голове тебе не поможет, – резко выговорил он. – В конце концов от него не будет толку. Умирать тебе придется в одиночку, как и мне.

Она улыбнулась с холодной снисходительностью, и ему стало стыдно.

– Но может быть, все будет не так, – сказала она. – Может быть, я смогу продолжить жизнь, пережить смерть моего тела – тела Мэри. Но я – мое сознание, мои воспоминания, они поселятся не в чем-то одном теле. Они распределятся. Они разделятся между всеми. Разве это не будет прекрасно?

Давид прошептал:

– Но разве это будешь ты? Разве так ты действительно сможешь избежать смерти? Разве эта распределенная личность станет копией тебя?

Мэри вздохнула.

– Не знаю. Да и сама техника пока далека от этого. Пока она не перейдет на новую ступень развития, мы будем по-прежнему страдать от болезней, несчастных случаев, смерти. И мы всегда будем тосковать и печалиться.

– Чем мудрее становишься, тем тебе больнее.

– Верно. Положение человечества трагично, Давид. Чем больше становится Единых, тем яснее я это вижу. И тем острее чувствую.

На ее лицо, еще такое юное, словно бы легла призрачная старческая маска.

– Пойдем со мной, – позвал ее Давид. – Я хочу кое-что тебе показать.

Кейт вздрогнула и отдернула руку.

Вместо того чтобы изумленно ахнуть, она кашлянула и прикрыла рот ладонью, а потом положила руку на прежнее место, поверх простыни.

И снова вернулось это нежное касание. Теплые и сильные пальцы. Их нельзя было не узнать, хотя они были затянуты в перчатки-невидимки. Кейт почувствовала, как пальцы прикасаются к ее ладони, и постаралась не выдавать своих ощущений. Она продолжала есть персик.

«Прости, что испугал тебя. Никак не мог предупредить».

Кейт немного откинулась назад, стараясь загородить свою руку спиной, чтобы не было заметно, как она шевелит пальцами.

«Бобби?»

«Кто же еще? ? ? Симпатичная камера».

«Это в „Червятнике“, да?»

«Да. Слежка по ДНК. Давид помог. Методы беженцев. Мэри помогла. Все семейство в сборе».

«Не надо мне было приходить, – торопливо проговорила Кейт. – Хайрему только этого и надо. Тебя заполучить. Я была приманкой».

«Не брошу тебя. Ты мне нужна. Будь готова».

«Уже пробовала. Охранники опытные и сильные».

Кейт рискнула искоса взглянуть в сторону. Она не заметила никаких признаков его присутствия – не было даже ложной тени, даже вмятины на постели, даже хоть какого-то намека на искажение пространства. По всей вероятности, технология производства одежд-невидимок развивалась столь же стремительно, как и технический уровень червокамеры.

«У меня может и не оказаться другого шанса, – подумала Кейт. – Я должна сказать ему».

«Бобби. Я видела Давида. Плохие новости. Про тебя».

Он отозвался медленно и растерянно.

«Про меня? Что про меня?»

«Твоя семья...»

«Нет, не могу», – подумала она.

«Спроси у Хайрема», – с горечью в сердце «проговорила» она прикосновениями пальцев.

«Спрашиваю у тебя».

«Рождение. Твое рождение».

«Спрашиваю тебя. Спрашиваю тебя».

Кейт сделала глубокий вдох.

«Все не так, как ты считаешь. Подумай хорошенько. Хайрем хотел династию. Давид его сильно разочаровал, он ему не повиновался. Мать – большая помеха. Так пусть будет мальчик без матери».

«Не понимаю. У меня есть мать. Хетер – моя мать».

Кейт растерялась.

«Нет, она тебе не мать. Бобби, ты клон».

Давид откинулся на спинку кресла и одел на голову прохладный металлический обруч «Ока разума». Он начал погружаться в виртуальную реальность, и мир вокруг стал темнеть и стихать, и на краткий миг Давид потерял ощущение собственного тела. Он даже перестал чувствовать прикосновение теплых пальцев Мэри, державшей его за руку.

А потом повсюду вокруг них вспыхнули звезды. Мэри ахнула и крепко сжала руку Давида.

Он парил внутри трехмерной звездной диорамы. Звезды раскинулись на бархате небес, их было больше, чем в самую темную ночь над пустыней, и все же в картине звездного неба прослеживалась определенная структура, как через некоторое время сумел рассмотреть Давид. Громадная река света – звезды, так тесно прижавшиеся друг к другу, что они сливались в светящиеся белесые облака, – текла по небесному экватору. Это, конечно же, был Млечный Путь: величественный звездный диск, внутри которого находился Давид.

Он опустил глаза и увидел собственное тело, знакомое и удобное, четко различимое на фоне света, льющегося из множества источников. А он парил посреди света звезд без поддержки, без скафандра.

Рядом с ним парила Мэри, держась за его руку. Ее прикосновение дарило успокоение и уверенность.

«Странно, – подумал Давид. – Мы можем уносить наше сознание больше чем на две тысячи световых лет от Земли, а

все-таки должны держаться друг за друга. Память о том, что мы произошли от приматов, всегда недалеко от двери нашей души».

Это чужое небо было населено.

Здесь находились солнце, планета и ее спутник. Они окружали Давида – эта троица небесных тел, всегда доминировавшая в среде обитания человека. Вот только солнце было очень странное – это была не отдельная звезда, как Солнце Земли, а двойная.

Главным был оранжевый гигант – тусклый и холодный. В самой его середине горело желтое ядро, окутанное массой оранжевого газа, на глазах становившегося все более и более разреженным.

На этом зловещем диске можно было разглядеть довольно много деталей: ажурный узор желтовато-белого газа, пляшущего на полюсах, уродливые шрамы серо-черных пятен вдоль экватора.

У гигантской звезды имелась звезда-спутник – маленькая, голубоватая, всего лишь светящаяся точка, вращающаяся так близко от звезды-праматери, что почти попадала в наружные слои атмосферы гиганта. Давид заметил, как от гиганта оторвалась тонкая полоска газа и, светясь, обернулась вокруг звезды-спутника и упала на ее поверхность адским водородным дождем.

Давид посмотрел вниз, на планету, повисшую в пространстве у него под ногами. Это был шар размером словно бы

с пляжный мяч, наполовину освещенный смешанным красным и голубым светом двойной звезды. Но по всей вероятности, воздуха на планете не было, ее поверхность представляла собой ассорти кратеров и горных цепей. Вероятно, когда-то здесь имелаась атмосфера и даже океаны; а может быть, планета когда-то играла роль каменного или металлического ядра газового гиганта, бывшего Нептуна или Урана.

«Может быть, – думал Давид, – здесь даже жизнь была».

Если так, то теперь жизнь на этой планете уничтожена или прежние обитатели ее покинули, и все следы жизни вытравило с ее поверхности умирающее солнце.

Но у этой мертвой, выжженной планеты до сих пор была своя луна. Будучи значительно меньше планеты размерами, луна светилась более ярко, она отражала больше смешанного света двойной звезды. На первый взгляд поверхность спутника планеты казалась совершенно гладкой. Маленький планетоид выглядел как бильярдный шар, выточенный на гигантском токарном станке. Однако когда Давид пригляделся получше, он различил сетку тонких трещин и гребней, раскинувшуюся по всей поверхности. Некоторые трещины и хребты тянулись на несколько сотен километров.

«Эта луна, – мелькнула мысль у Давида, – больше похожа на яйцо, сваренное вкрутую. Сварили, а потом долго били по скорлупе ложкой».

Эта луна представляла собой ледяной шар. Гладкость поверхности говорила о том, что сравнительно недавно здесь

произошло глобальное таяние, вызванное, по всей вероятности, нелепым расширением большой звезды, а гребни были швами в тех местах, где столкнулись ледяные глыбы. И наверное, как на спутнике Юпитера Европе, где-то под ледяной поверхностью этой луны таилась незамерзшая вода – древний океан, и теперь способный служить колыбелью возрождения жизни...

Давид вздохнул. Никто этого не знал. А именно сейчас ни у кого не было ни времени, ни средств для того, чтобы попытаться это выяснить. Просто было слишком много дел, нужно было посетить слишком много мест.

Но не каменистая планета, не ее ледяной спутник и даже не странная двойная звезда, а нечто более грандиозное, лежащее за пределами этой маленькой звездной системы, привлекло сюда Давида.

Он повернулся и посмотрел вдаль.

Туманность раскинулась по небу.

Это было смешение цветов – от яркого бело-голубого в середине, за которым следовали зеленый и оранжевый, до торжественных фиолетового и красного на периферии. Это походило на гигантский рисунок акварелью. Цвета так плавно перетекали один в другой. Давид различал в этом облаке слои – текстуру, полосы теней, из-за которых туманность выглядела на удивление объемно. А в ее середине лежала еще более тонкая структура.

Самым поразительным в наружной конструкции была

картина, сотканная темными пылевыми тучами. Эти тучи лежали на фоне светящейся массы в виде громадной буквы V. Казалось, будто гигантская птица раскинула черные крылья над пламенем. А под силуэтом птицы, будто искры из горящего костра, рассыпались тонкой вуалью звездочки, они отделяли черный силуэт от светящегося облака. Величественная река света – галактика – обтекала туманность и продолжала путь.

Давид поворачивал голову вправо и влево и никак не мог окинуть взглядом космическую структуру. То она казалась такой близкой, что как будто протяни руку и прикоснешься. Что-то наподобие гигантского барельефа-модуля, в который можно войти и походить внутри его. То отступала и уходила словно бы в бесконечность. Давид понимал, что его воображения, привыкшего к тысячекилометровой шкале земной перспективы, недостаточно для того, чтобы постичь такие грандиозные расстояния.

Если бы можно было перенести Солнце в центр этой туманности, то люди смогли бы создать межзвездную империю и не нужно было бы пытаться долететь до ближнего края звездного облака.

Давида охватило неожиданное ощущение чуда. «Мне повезло, – подумал он, – что я живу в такое время. Настанет день – и какой-то обладатель червокамеры проникнет под ледяную корку этой луны и узнает о том, что у нее в середине; а может быть, целые бригады исследователей примутся за

изучение поверхности этой планеты и найдут там какие-то реликвии прошлого».

Он завидовал глубине познаний этих ученых из будущего. И все же он знал, что они наверняка будут завидовать его поколению. Летя вперед вместе с расширяющейся границей действия червокамеры, Давид находился здесь *первым*, а таким больше никто в истории похвастаться не мог.

«Давно. Японская лаборатория. Там, где он клонировал тигров для разных знахарей. Хетер была всего лишь суррогатной матерью. Давид все просмотрел с помощью червокамеры. А потом начался этот контроль над твоим разумом. Хайрему не нужны были большие ошибки...»

«Хетер. Я не почувствовал родства. Теперь понятно почему. Как грустно».

Кейт казалось, что она ощущает пульс в невидимой руке, прикасающейся к ее ладони.

«Да, грустно. Очень грустно».

И тут вдруг со стуком распахнулась настежь дверь.

Вошла Мэй Уилсон с пистолетом. Не раздумывая, она выстрелила два раза – по обе стороны от Кейт. Пистолет был с глушителем, выстрелы прозвучали негромкими хлопками.

Послышался вскрик, в воздухе повисло пятно крови, а второе пятно было похоже на маленький взрыв – в том месте, где пуля вылетела из тела Бобби.

Кейт попыталась встать. Но в затылок ей уперлось дуло

пистолета Уилсон.

– Даже не думай об этом.

Плащ-невидимка Бобби рассеивался. Вокруг его ран образовались большие концентрические круги искажения пространства и теней. Кейт видела, что он пытается добраться до двери. Но там его поджидали охранники из службы безопасности Хайрема, он при всем желании не мог уйти.

Но вот появился и Хайрем собственной персоной. Его лицо было искривлено гримасой, за которой стояли непонятно какие чувства. Он зыркнул на Кейт, на лежавшего на полу Бобби.

– Я знал, что ты не удержишься. Я поймал тебя, маленький кусок дерьма.

Кейт не выводили из кубика-одиночки... сколько же времени ее не выводили? Тридцать, сорок дней? Теперь она ужасно непривычно, незащитно чувствовала себя в похожих на пещеры, тускло освещенных помещениях «Червятника».

Выстрелом Бобби пробило плечо, разорвало мышцы, раздробило кость, но – по чистой случайности – он остался жив. Медики, обслуживавшие персонал «Червятника», хотели сделать Бобби общий наркоз, когда обрабатывали его рану, но он, глядя на Хайрема в упор, от наркоза отказался и перенес боль, оставаясь в полном сознании.

Хайрем первым шествовал по безлюдному проходу мимо

безмолвного громоздкого оборудования. Уилсон и прочие охранники шли, взяв Кейт и Бобби в кольцо. Некоторые шли позади и наблюдали за пленниками. Они словно бы давали понять, что о побеге и думать нечего.

Хайрем, погружившийся в размышления о том, что задумал, вид имел опасливый, по-крысиному загнанный. Он сопровождал ходьбу странными, то и дело повторяющимися движениями. Это был человек, который слишком много времени проводил в одиночестве.

«Он сам – субъект эксперимента, – невесело думала Кейт, – человек, лишенный компании, боящийся темноты, подверженный постоянным, наполненным разной мерой враждебности взглядам населения всей планеты».

Его словно бы со всех сторон окружали их невидимые глаза. Его упорно разрушала машина, которую он и представить себе не мог. Он, наверное, даже теперь не понимал, каковы все последствия этого изобретения. Кейт стало даже немного жаль его: она осознала, что во всей истории человечества еще не было человека, который имел больше прав на паранойю.

Но она ни за что не смогла бы простить его за то, что он сделал с ней – и с Бобби. И еще она понимала, что у нее нет ни малейшего представления о том, как Хайрем намеревался с ними поступить теперь, завладев сыном.

Бобби крепко держал Кейт за руку. Он как будто не хотел терять контакт с ее телом, хотел, чтобы они были нераздели-

мы. При этом, словно бы обороняя ее, он слегка опирался на ее руку, но так, что другие этого заметить не могли, и черпал силы, которые она с радостью дарила ему.

Они попали в часть «Червятника», где Кейт никогда прежде не бывала. Тут было сооружено нечто вроде бункера – массивный куб, наполовину утопленный под пол. Внутри он был ярко освещен. Сбоку в куб вела дверь, оснащенная тяжелым штурвалом, как люк в переборке на подводной лодке.

Бобби осторожно сделал шаг вперед, крепко держа Кейт за руку.

– Что это такое, Хайрем? – спросил он. – Зачем ты привел нас сюда?

– А неплохое местечко, правда? – с ухмылкой отозвался Хайрем и уверенно хлопнул по стене ладонью. – Кое-что из оборудования мы позаимствовали со старой базы NORAD⁵⁶, когда-то закопанной посреди гор в штате Колорадо. Весь этот чертов бункер смонтирован на здоровенных пружинах-амортизаторах.

– Так он для этого? Чтобы в нем можно было пережить ядерную атаку?

– Нет. Эти стены не предназначены для того, чтобы выдержать взрыв снаружи. Они, по идее, должны удержать его внутри.

⁵⁶ NORAD – North American Air Defence Command – Объединенное командование ПВО Североамериканского континента.

Бобби нахмурил брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Будущее. Будущее «Нашего мира». *Наше* будущее, сынок.

Бобби сказал:

– Есть и другие, кто знает, что я вернулся. Давид, Мэри, спецгент ФБР Мейвенс. Они скоро будут здесь. И тогда я уйду отсюда. Вместе с ней.

Кейт следила за взглядом Хайрема, а он стрелял глазами то в нее, то в сына, что-то прикидывал в уме.

– Ты прав, конечно, – изрек он после короткой паузы. – Я не смогу вас здесь удержать. Но могу позабавиться попыткой сделать это. Только дай мне пять минут. Позволь мне объясниться, Бобби.

Он натянуто улыбнулся. Бобби с трудом проговорил:

– И это все, чего ты хочешь? То есть – в чем-то меня убедить? Все только ради этого?

– Позволь, я тебе покажу.

И Хайрем кивком велел охранникам ввести Кейт и Бобби внутрь бункера. В стенах из толстенной бронированной стали было тесно, места хватило только для Хайрема, Кейт, Бобби и Уилсон.

Кейт огляделась по сторонам. Видимо, здесь находилась действующая экспериментальная лаборатория: по стенам висели белые пластиковые доски, на которых можно было писать особыми фломастерами, и другие доски, к которым

кнопками были приколоты листки с записями. Софт-скрины, графики, складные стулья и письменные столы, прикрепленные к стенам.

Посередине стояли аппараты, представлявшие, по-видимому, главный интерес, – нечто похожее на теплообменник и небольшую турбину, и кроме того еще какие-то приборы – белые анонимные ящики. На одном из письменных столов стояла полупустая и еще дымящаяся чашка кофе.

Хайрем вышел на середину бункера.

– Мы потеряли монополию на червокамеру скорее, чем мне того хотелось. Но мы сделали на этом гору денег. И делаем еще больше. «Червятник» по-прежнему на голову обставляет все подобные учреждения в мире. И все же мы приближаемся к плато, Бобби. К застою. Еще несколько лет – и червокамера сумеет пересечь Вселенную. И уже теперь, когда у каждого сопляка есть своя собственная червокамера, рынок генераторов постепенно насыщается. Мы еще можем заниматься заменой запчастей и апгрейдом, где потолок прибыли невысок, а конкуренция самая яростная.

– Но у вас, – встряла Кейт, – есть идея получше. Так?

Хайрем свирепо зыркнул на нее.

– Тебя это не касается.

Он подошел к аппаратуре и погладил ее.

– Мы здорово наловчились вылавливать «червоточины» из квантовой пены и расширять их. До сих пор мы использовали их для передачи информации. Верно? Но твой ум-

енький братец Давид тебе скажет, что для записи даже одного-единственного бита информации нужна чертова уйма энергии. Значит, если мы передаем *информацию*, мы и *энергию* тоже передаем. Сейчас это сушая малость – энергии не хватит даже для того, чтобы зажечь электрическую лампочку.

Бобби скованно кивнул. Видимо, ему было больно.

– Но ты собираешься все это изменить.

Хайрем указал на приборы.

– Это генератор «червоточин». Он работает на сжатом вакууме, но намного превосходит рыночные образцы. Я хочу сделать «червоточины» больше и устойчивее – намного устойчивее, чем до сих пор кому-либо удавалось. Они должны быть такими широкими, чтобы через них можно было прокачать значительные порции энергии. И та энергия, которую мы добудем, будет пропущена через эти устройства – через теплообменник и турбину, дабы извлечь полезное электричество. Простая технология девятнадцатого века, но мне больше ничего не нужно, кроме притока энергии. Это всего лишь экспериментальный стенд, но его вполне достаточно для того, чтобы подтвердить справедливость принципа как такового и решить некоторые проблемы – в основном, проблему устойчивости «червоточин»...

– И откуда же, – медленно выговорил Бобби, – ты собираешься черпать энергию?

Хайрем ухмыльнулся и указал себе под ноги.

– Прямо отсюда. Из ядра Земли, сынок. Из железо-никелевого шара размером с Луну, пылающего как Солнце. Вся эта энергия хранится там с тех пор, как образовалась Земля. Этот двигатель питает вулканы, производит землетрясения и сдвиги литосферных плит... Вот отсюда я собираюсь качать энергию. Видишь ли ты, как это красиво? Та энергия, которую мы, люди, сжигаем на поверхности, – жалкая свечка в сравнении с этой топкой. Как только инженеры решат проблему устойчивости «червоточин», все энергетические корпорации разорятся за сутки. Ядерный синтез отдыхает! Но я на этом не остановлюсь. Может быть, в один прекрасный день я научусь подсоединяться к звездам и качать из них энергию. Понимаешь, Бобби? Даже червокамера – ничто в сравнении с этим. Мы изменим мир. Мы станем богаты...

– Есть ли предел твоей алчности? – прошептал Бобби.

– Это мечта, сынок. Я хочу, чтобы мы вместе работали над этим. Ты и я. Мы выстроим будущее, мы построим «Наш мир».

– Отец... – Бобби отвел в сторону свободную руку. – Я восхищаюсь тобой. Я восхищаюсь тем, что ты создаешь. Я не собираюсь мешать тебе. Но мне это не нужно. Все это нереально – твои деньги, твое могущество. Реален только я. Кейт и я. У меня твои гены, Хайрем. Но я не ты. И никогда не буду тобой, как бы ты ни старался этого добиться...

Бобби говорил, а у Кейт в уме начали складываться ку-

сочки головолмки. Так у нее бывало всегда, когда она подбиралась к зерну истины самой сложной истории.

«Я не ты», – сказал Бобби.

«Вот в этом, – догадалась Кейт, – все и дело».

Паря в пространстве, Мэри от изумления широко раскрыла рот. Давид с улыбкой протянул руку и прикоснулся к ее подбородку.

– Не могу поверить, – призналась она.

– Это туманность, – сказал он. – Она называется Тройной.

– А с Земли она видна?

– О да. Но мы так далеко от дома, что свет, исходящий от этой туманности примерно во время Александра Македонского, только теперь достиг Земли. – Он указал. – Видишь вот эти темные пятна? – Это были маленькие ровные шарики, похожие на капельки чернил в подкрашенной воде. – Они называются газопылевыми комплексами. Даже в самом маленьком из этих пятнышек могла бы поместиться вся наша Солнечная система. Мы считаем, что там зарождаются звезды – в этих облаках пыли и газа, которые уплотняются и формируют новые солнца. Конечно, звезда формируется долго. Но последние стадии – когда начинается термоядерная реакция, когда звезда выжигает окружающую ее оболочку пыли и начинает светиться – могут начаться совсем внезапно. – Он посмотрел на Мэри. – Задумайся об этом. Если бы ты жила здесь – может быть, на этом ледяном шаре, что

висит внизу, под нами, – то ты бы за свою жизнь могла увидеть рождение десятков, а может быть – сотен звезд.

– Интересно, какую религию мы бы тогда изобрели? – вырвалось у Мэри.

Это был хороший вопрос.

– Наверное, что-нибудь менее суровое. Религию, в которой преобладали бы образы рождения, а не смерти.

– Зачем ты меня сюда привел?

Давид вздохнул.

– Каждому стоит побывать здесь до того, как он умрет.

– Вот мы здесь и побывали, – немного официально проговорила Мэри. – Большое спасибо.

Давид недовольно покачал головой.

– Не они. Не Единые. *Ты*, Мэри. Надеюсь, ты простишь меня за это.

– Что ты хочешь мне сказать, Давид?

Он растерялся и указал на туманность.

– Где-то там, за этой туманностью, находится центр Галактики. Там – громадная черная дыра, она в миллион раз больше массы Солнца. И она продолжает расти. Облака пыли, газа и осколков звезд втекают в дыру со всех сторон.

– Я видела это на картинках, – сообщила Мэри.

– Понятно. Там уже полным-полно дистанционников. Им трудно приблизиться к самой дыре: сильнейшее гравитационное искажение очень мешает устойчивости «червоточин».

– Ты сказал – дистанционники?

– Фокусы червокамер. Отделенные от своих тел наблюдатели, странствующие по пространству и времени. – Он улыбнулся и указал на себя. – Когда ты привыкнешь к этому способу виртуальных исследований с помощью червокамеры, то обнаружишь, что с собой не обязательно тащить такой тяжелый багаж. Я говорю это все к тому, Мэри, что мы рассылаем сознания людей, как чертополох рассеивает свои семена. Они улетают по пространству-времени на две тысячи световых лет, на сотни тысячелетий в глубь истории, через сотни миллиардов звездных систем, назад, к зарождению человечества. Уже собрано столько информации, что мы не смогли бы ее изучить, даже если бы имели в тысячу раз больше специально подготовленных наблюдателей, – а границы все время расширяются. Некоторые из наших теорий находят подтверждение; другие безжалостно развенчиваются. И это хорошо, так и должно быть в науке. Но я думаю, что существует более глубокий, более важный урок, который мы уже начали усваивать...

– И это значит, что...

– Что разум, что жизнь сама по себе – драгоценный, – неторопливо выговорил Давид. – Просто представить невозможно, насколько драгоценны. Мы только-только начали наши исследования. Но мы уже знаем, что в пределах одной тысячи световых лет от Земли значительной биосферы нет, не нашли мы ее пока и в глубине веков. Ну, может быть, где-

то есть какие-то микроорганизмы, отчаянно борющиеся за жизнь в теплой, наполненной слизью луже или в глубоких расселинах вулканических гор. *Но другой Земли нет.* Мэри, червокамера уводила мое восприятие мира от собственных забот постепенно, шаг за шагом. Я увидел добро и зло в сердцах ближних, увидел ложь в своем прошлом, увидел ужас в истории своего народа. Но теперь мы ушли далеко от этого, далеко от шумных кратких столетий, от бестолкового, мятущегося островка, за который цепляемся. Теперь мы успели повидать пустоту просторов Вселенной и бессмысленное перемалывание прошлого. Мы покончили с тем, чтобы винить себя за истории наших семейств, мы начинаем постигать более важную истину: то, что нас окружают бездны, великое безмолвие, слепое расходование грандиозных бессмысленных сил. Червокамера в конечном счете – это машина перспективы. И мы напуганы этой перспективой.

– Зачем ты мне об этом говоришь?

Давид повернул голову к Мэри.

– Если уж я вынужден говорить с вами – со всеми вами, – то я хочу, чтобы вы поняли, какая на вас может лежать ответственность. Был такой ученый-иезуит, его звали Тейяр де Шарден⁵⁷. Он рассуждал так: жизнь сформировала на Земле биосферу, а человечество – разумная жизнь – постепенно

⁵⁷ Тейяр де Шарден Пьер (1881-1955) – французский геолог, палеонтолог, археолог, философ, католический богослов, священник. Один из первооткрывателей синантропа. Выделял три стадии эволюции материи – литосфера, биосфера и ноосфера.

поглотит жизнь и образует более высокий слой – слой сознания, названный им ноосферой. Он утверждал, что первичная структура ноосферы будет совершенствоваться, пока не сольется в единое сверхразумное существо, которое он называл Точкой Омега.

– Да, – кивнула Мэри и закрыла глаза. – Конец света: глобальная внутренняя сосредоточенность на самой себе ноосферы, достигшей высшего предела сложности и централизованности...

– Ты читала Шардена?

– Мы читали.

– Дело в Польше, понимаешь? – хриловатым голосом проговорил Давид. – Вот в чем моя проблема. Я не могу найти утешения у новых мыслителей-нигилистов. Мысль о том, что этот крошечный клочок жизни и разума должен быть уничтожен – в тот самый момент, когда мы начинаем обретать хотя бы туманное понимание, – каким-то булыжником... Эта мысль просто неприемлема.

Мэри прикоснулась к лицу Давида маленькими юными ладонями.

– Понимаю. Верь мне. Мы над этим работаем.

И Давид, глядя в ее детско-старческие глаза, поверил ей. Свет вокруг них изменился, стало намного темнее.

Бело-голубая малая звезда уходила за массивный диск гиганта.

Давид видел, как сияние малой звезды пронзает много-

численные слои газа на периферии гиганта, а когда звезда-спутник прикоснулась к размытому горизонту газового шара, он воочию увидел тени, отбрасываемые более плотными скоплениями газа на внешние слои с более диффузной атмосферой. Громадные, длиной в миллионы километров, и идеально прямые полосы тянулись к нему. С восторгом он понял, что это закат на звезде, упражнение в небесной геометрии и перспективе.

И все же это зрелище напомнило Давиду не о чем-то другом, а о закатах над океаном, которые приводили его в такой восторг в детстве, когда он играл с матерью на бескрайних атлантических пляжах Франции, – о тех мгновениях, когда снопы света, пронзавшие плотные тучи над морем, заставляли его гадать, уж не свет ли самого Господа Бога он видит.

Были ли Единые на самом деле зародышем нового уровня человечества – уровня сознания? Не устанавливал ли он сейчас и здесь что-то вроде первого контакта с существом, чьи интеллект и восприятие превосходили его собственные настолько, насколько он превосходил свою неандертальскую праматерь?

Но вероятно, было необходимо вырасти новой форме общественного сознания, новым ментальным силам, чтобы оценить широчайшую перспективу, предлагаемую червокамерой.

Давид думал: «Вас боятся, вас презирают, и теперь вы слабы. Я боюсь вас, я вас презираю. Но точно так же боялись

и презирали Христа. А будущее принадлежало Ему. А сейчас, возможно, принадлежит вам. Поэтому вы, может быть, моя единственная надежда, что я и пытался вам показать. Но каким бы ни было будущее, я ничего не смогу с собой поделаться – я все равно буду скучать по строптивой девочке, которая когда-то жила за этими древними карими глазами. А еще меня тревожит то, что ты ни разу не заговорила о матери, проводящей в темных комнатах в своих виртуальных снах те дни и ночи, которые ей отпущены до конца жизни. Неужели мы, ваши предшественники, так мало значим для вас?» Мэри придвинулась ближе к Давиду, обняла его и прижалась плотнее. Несмотря на тревожные мысли, ее простое человеческое тепло его очень утешило.

– Пойдем домой, – сказала Мэри. – Похоже, ты нужен своему брату.

Кейт поняла, что нужно сказать ему.

– Бобби...

– Заткнись, Манцони, – прошипел Хайрем. Он разбушевался – размахивал руками, возбужденно расхаживал по бункеру. – А как же я? *Я сделал тебя*, маленький поганец. Я сотворил тебя, чтобы мне не пришлось умирать, зная...

– Зная, что потеряете все, – закончила за него Кейт.

– Манцони...

Уилсон шагнула вперед, встала между Хайремом и Бобби, держа в поле зрения всех троих. Кейт не стала обращать на

нее внимание.

– Вам нужна династия. Вы хотите, чтобы ваш отпрыск правил треклятой планетой. С Давидом не вышло, и вы попытались снова и даже отказались от такой неудобной мелочи, как мать для Бобби. Да, да, вы *сделали* Бобби, вы пытались им управлять. Но он все равно не желает играть в ваши игры.

Хайрем вперил в нее гневный взгляд, сжал кулаки.

– Желает, не желает – никакой разницы. Я не допущу, чтобы мне мешали.

– Нет, – изумленно произнесла Кейт. – Не допустите, это точно. Господи, Хайрем!

Бобби взволнованно проговорил:

– Кейт, было бы лучше, если бы ты мне рассказала все как есть.

– Нет, я вовсе не хочу сказать, что таков был его план с самого начала. Но существовал запасной вариант – на случай, если ты откажешься... сотрудничать. И конечно, он должен был дождаться того момента, когда созреет техника. Но теперь этот момент настал. Верно, Хайрем? – И тут на место встал еще один кусочек головоломки. – *Вы спонсируете Единых*. Так ведь? Тайно, само собой. Но за технологией брейн-линки стоят ваши ресурсы. У вас на этот счет имелись свои собственные идеи.

И Кейт увидела по глазам Бобби – обведенным черными кругами и наполненным болью, – что он наконец все понял.

– Бобби, ты – его клон. Твое тело и нервные структуры настолько же подобны телу и структурам Хайрема, насколько это возможно для создания человеческих рук. Хайрем хочет, чтобы «Наш мир» жил после его смерти. Он не желает видеть, как его корпорация разрушится – или, что того хуже, попадет в руки кого-то за пределами семейного круга. Ты – его единственная надежда. Но если ты откажешься сотрудничать...

Бобби повернулся к своему клоноотцу.

– Если я не стану твоим наследником, ты меня убьешь. Ты заберешь мое тело и загрузишь в меня твое мерзкое, злобное сознание.

– Но все будет не так, – поспешно затараторил Хайрем. – Разве ты не понимаешь? Мы будем вместе, Бобби! Я сумею победить смерть, клянусь Богом. А когда ты состаришься, мы сделаем это снова. И снова, и снова.

Бобби стряхнул с плеча руку Кейт и решительно шагнул к Хайрему.

Уилсон снова встала между Хайремом и Бобби, оттолкнула Хайрема назад и подняла пистолет.

Кейт попробовала подойти, вмешаться, но ноги ее перестали двигаться, она словно бы увязла в желе.

Уилсон растерялась. Она, похоже, пыталась принять решение. Дуло пистолета подрагивало.

А потом одним молниеносным движением она развернулась и ударила Хайрема по уху с такой силой, что тот рухнул

навзничь, а Уилсон схватила Бобби. Он попытался ударить ее, но она вцепилась в его руку и решительно нажала большим пальцем на раненое плечо. Он вскрикнул, вытаращил глаза и опустился на колени.

Кейт ощущала полное непонимание происходящего и бессилие.

Что же теперь будет? К чему все это приведет? Кто такая эта Уилсон? Ей-то что нужно?!

Резкими ловкими движениями Уилсон уложила Бобби и его клоноотца рядом друг с другом и принялась щелкать кнопками включения на пульте управления, установленном посередине бункера. Загудели пропеллеры турбины, в воздухе запахло озоном, послышалось потрескивание статических разрядов. Кейт почувствовала, как концентрируется огромная энергия.

Хайрем попытался сесть, но Уилсон пнула его ногой в грудь и заставила лечь.

Он прохрипел:

– Какого... черта... ты творишь?

– Иницирую «червоточину», – сосредоточенно пробормотала Уилсон. – Строю мост к центру Земли.

Кейт прошептала:

– Но у вас не получится. «Червоточины» пока нестабильны.

– Знаю, – небрежно бросила Уилсон. – То-то и оно. Еще не поняли?

– Господи! – ахнул Хайрем. – Ты с самого начала это задумала!

– Убить тебя. Совершенно верно. Только и ждала, когда представится возможность. И я ею воспользовалась.

– Но почему, ради всего святого?

– За Барбару Уилсон. Мою дочь.

– За кого?!

– Ты уничтожил ее. Ты и твоя червокамера. Не будь тебя...

Хайрем расхохотался – уродливо, неестественно.

– Лучше молчи. Это не важно. На меня все в обиде. Я всегда знал, что кто-нибудь из обиженных мерзавцев в конце концов прорвется ко мне. Но тебе я доверял, Уилсон.

– Если бы не ты, я была бы счастлива, – проговорила она со зловещим спокойствием.

– Да о чем ты говоришь? Впрочем, кому какая, черт подери, разница? Ладно, ты меня заполучила, – в отчаянии проговорил Хайрем. – Отпусти Бобби. И девчонку тоже. Они ни при чем.

– Еще как при чем. – Уилсон, похоже, была готова разрыдаться. – Не понимаешь, да? *Он* – это самое главное. – Гул оборудования сменился ревом, на экранах мониторов замелькали цифры. – Еще пара секунд, – процедила сквозь зубы Уилсон. – Не так уж долго осталось ждать, правда? А потом все будет кончено. – Она обернулась к Бобби. – Не бойся.

Бобби, едва владевший собой, с трудом выговорил:

– Что?

– Ты ничего не почувствуешь.

– А вам что за дело?

– Есть дело. – Она погладила его по щеке. – Я так долго за тобой наблюдала. Я знала, что тебя клонировали. Это не имеет значения. Я видела, как ты сделал первый шаг. Я люблю тебя.

Хайрем прорычал:

– Червокамерница треклятая. Маньячка. Только и всего? Как это... *жалко*. За мной охотились проповедники, эротоманы, политиканы, преступники, националисты, разумные люди и чокнутые. У всех накопились претензии в творцу червокамеры. Я от всех ушел. А теперь вот дошло до *этого*. – Он снова попытался подняться. – Нет. Не так. Только не так...

Он вдруг крутанулся по-змеиному, бросился к ноге Уилсон и запустил зубы в ее лодыжку.

Она пронзительно закричала и пошатнулась. Хайрем цепко держал ее ногу зубами, как пес, впившийся в плоть мертвой хваткой. У него изо рта струилась кровь лжеохранницы. Уилсон упала на него и замахнулась кулаком. Хайрем разжал зубы и прокричал Кейт:

– Уводи его отсюда! Уводи его от...

Но тут Уилсон заехала кулаком в его окровавленную шею. Кейт услышала хруст хряща и костей. Голос Хайрема пре-

вратился в бульканье.

Кейт схватила Бобби за здоровую руку и поволокла его по полу к выходу, перетасила через порог бункера. Ударившись головой о толстый металлический выступ, Бобби вскрикнул, но Кейт даже оборачиваться не стала.

Как только его ноги оказались за порогом, она налегла на дверь, захлопнула ее. Сразу стих нарастающий рев образующейся «червоточины». Кейт начала заворачивать штурвал.

К бункеру потянулись ошарашенные происходящим охранники.

Кейт, из последних сил поворачивая штурвал, крикнула им:

– Помогите ему подняться и убирайтесь все отсюда!

Но тут стена бункера вспучилась, и Кейт успела увидеть вспышку – яркую, как солнце. Оглушая и ослепшая, Кейт словно бы начала падать.

Падать во тьму.

СИЗИФОВЫ ВЕКА

Двое «дистанционников», два фокуса червокамеры, отделенные от тел наблюдателей – Бобби и Давида, – летели над Южной Африкой.

Было две тысячи восемьдесят второй год. Миновало четыре десятка лет со дня гибели Хайрема Паттерсона. Умерла Кейт, которая тридцать пять лет была женой Бобби.

Прошел год после того, как он принял факт этой жестокой смерти, но она не покидала его мыслей, какие бы чудесные пейзажи ему ни показывала червокамера. Но *он* был до сих пор жив и должен был продолжать жить; он заставлял себя смотреть и изучать Африку.

Сегодня равнины самого древнего из континентов были покрыты сеткой прямоугольных полей. Тут и там громоздились постройки – аккуратные пластиковые домики, и старательно трудились машины – автономные культиваторы, похожие на жуков-переростков. Сверкали под солнцем их панцири – солнечные батареи. Люди медленно передвигались по полям. Все они были в белых одеждах и широкополых шляпах, кожа у всех была покрыта слоями яркого солнцезащитного крема.

В одном из чисто выметенных крестьянских дворов играла компания детей – умытых, хорошо одетых и упитанных.

Они шумели, бегали – яркие камешки на фоне пейзажа, похожего на крышку необъятного стола.

Но сегодня Бобби увидел не так много детей, и эта маленькая горстка казалась ему драгоценной, он смотрел на детей с нежной заботой.

Присмотревшись внимательнее, он увидел, что движения детей сложны и четко координированы – будто они в то же мгновение точно узнают, о чем думают другие. А вероятно, так оно и было. Ему говорили, что уже есть дети, рождающиеся с «червоточинами» в голове, и что эти дети вступают в распространяющиеся групповые сознания Единых еще до того, как покидают материнскую утробу.

От этой мысли Бобби содрогнулся. Он понимал, что его тело реагирует на пугающую мысль – его тело, оставшееся в громадном комплексе, по-прежнему называвшемся «Червятником». Название сохранилось, хотя через сорок лет после смерти Хайрема комплексом владел трест, представлявший собой консорциум музеев и университетов.

Столько времени прошло с того жуткого дня, дня гибели Хайрема в «Червятнике» – а в памяти Бобби все осталось живо, словно его память сама была червокамерой и через нее его разум был соединен с прошлым. И именно прошлое теперь хранило все, что осталось от Кейт, год назад умершей от рака. Каждое из ее деяний погрузилось внутрь неизменной истории, как деяния миллиардов людей, до нее сошедших в могилу.

«Бедняга Хайрем, – думал Бобби. – Он всегда хотел одного: делать деньги».

Теперь, когда Хайрема давным-давно не было в живых, его компания исчезла, его состояние было конфисковано.

И все же совершенно случайно он таки изменил мир...

Давид, невидимо присутствующий рядом с Бобби, уже давно молчал. Бобби подключил вспомогательную программу эмпатии, чтобы посмотреть на пейзаж глазами Давида.

... Залитые солнцем поля исчезли, сменились видом безлюдной и бесплодной местности, где с трудом цеплялись за жизнь редкие чахлые деревья.

Под палящими лучами солнца по земле вереницей медленно брели женщины. Каждая из них несла на голове большой и тяжелый пластиковый контейнер с мутной водой. Женщины были худые как спички, одеты в лохмотья, их спины были напряжены от непосильной ноши.

Одна женщина вела за руку ребенка. Можно было не сомневаться, что несчастное дитя – голенькое, кожа да кости – страдало тяжелой дистрофией от недоедания, а может быть, ребенок был жертвой СПИДа – болезни, которую тут, как с мрачным юмором вспомнил Бобби, называли хворью стройности.

Он тихо проговорил:

– Зачем смотреть в прошлое, Давид? Теперь все гораздо лучше.

– Но таков был мир, созданный *нами*, – с горечью отозвал-

ся Давид. Его голос прозвучал так, словно он находился всего в нескольких метрах от Бобби, в теплой, уютной комнате, а не парил в этой равнодушной пустоте. – Неудивительно, что нынешние дети считают нас, стариков, стаей дикарей. Это была Африка СПИДа, дистрофии, засухи, малярии, стафилококковых инфекций, тропической лихорадки и бесконечных бесполезных войн. Африка, захлебывающаяся дикарством... Но, – закончил он, – это была Африка, где жили слоны.

– Слоны есть до сих пор, – возразил Бобби.

Так и было: осталась горстка животных в зоопарках. Их сперму и яйцеклетки перевозили с одного конца планеты на другой на самолетах в попытках сохранить жизнеспособную популяцию. Существовали даже зиготы слонов и многих других животных, которым грозило вымирание или которые уже вымерли. Зиготы хранили замороженными в резервуарах с жидким азотом в вечной тени одного из кратеров на южном полюсе Луны. Здесь находилось, вероятно, последнее прибежище земной жизни – на тот случай, если бы не удалось отклонить от планеты Полюнь.

Так что слоны на Земле еще остались. Но только не в Африке: от них уже не было никаких следов, кроме костей, время от времени выкапываемых роботами-фермерами. На костях порой обнаруживали вмятины от зубов отчаявшихся найти пропитание людей. При жизни Бобби все они находились на грани вымирания: слон, лев, медведь и даже ближай-

шие родственники человека – шимпанзе и гориллы. Теперь за пределами частных владений, зоопарков, коллекций и лабораторий крупных млекопитающих на планете не осталось – кроме человека.

Но что сделано, то сделано.

Усилием воли Бобби удержал хронофокус брата и увел его вперед.

Они продвигались вверх по пространству и времени, и в поле зрения вернулись залитые солнцем поля. Дети уменьшились, и их почти не стало видно. Обработанные земли превратились в шахматную доску, затянутую туманом и облаками.

А потом, когда стало заметно, как в размерах уменьшилась и сама Земля, перед Бобби предстали очертания Африки, знакомые по школьным учебникам.

Дальше к западу, над Атлантикой, изгибающуюся дугой и покрытую ровными черно-белыми полосами кожу океана пересекал плотный слой облаков. Поворачивающаяся вокруг своей оси планета унесла Африку к зоне ночной тени, и Бобби увидел на экваторе грозовые тучи, раскинувшиеся над землей на сотни километров, увидел робкие лиловые пальцы тьмы.

На даже с такой высоты Бобби мог видеть следы человеческой деятельности.

Вдали виднелась огромная вмятина – закрученные спиралью облака цвета кофе со сливками над синевой океана. Но

это не было естественное скопление облаков: слишком очевидны были правильность и устойчивость, выдававшие его масштаб. Новые функции системы управления погодой медленно, постепенно снижали свирепость ураганов, по-прежнему бушевавших над планетой, в особенности вокруг изрядно потрепанного ими Тихоокеанского побережья.

К югу от древнего континента Бобби увидел огромные корабли, передвигавшиеся по атмосфере. К этим кораблям были присоединены полотнища-проводники. Эти полотнища переливались на солнце, как крылья стрекоз. Они очищали воздух и восстанавливали в нем расщепленный озон.

Вдоль западного побережья на сотни километров тянулись белесые продолговатые пятна: с помощью нового вида кораллов, выведенных путем биоинженерии, там быстро возрождались рифы. Кораллы старательно трудились, присоединяя избыточный углерод и обеспечивая новое прибежище для сообществ растений и животных, которым грозило вымирание и которые прежде населяли природные рифы планеты, давно уничтоженные из-за загрязнения среды, неумеренного лова рыбы и ураганов.

Повсюду работали люди – строили, ремонтировали, реставрировали.

Изменился и вид местности. Континент почти очистился от облаков, его обширные равнины стали черно-коричневыми, живую зелень заслоняла дымка. На колоссальные просторы на севере, некогда бывшие Сахарой, легла тонкая

бело-голубая стека. Вдоль берегов новых каналов уже начала распространяться яркая зелень. Тут и там на глаза Бобби попадались блестящие, похожие на ограненные алмазы постройки станций энергопроводов – осуществление последней мечты Хайрема. Сюда поступала энергия прямо от ядра Земли – подлинное сокровище, бесплатное и экологически чистое, в огромной степени помогавшее стабилизации и трансформации положения на планете. Это был восхитительный вид, его масштабы и организованность поистине поражали; Давид сказал, что это напоминает ему о старинных мечтах о Марсе – умирающей пустынной планете, восстановленной разумом человечества.

Судя по всему, человечество поумнело как раз вовремя, для того чтобы суметь себя спасти. Но взросление на его долю выпало нелегкое.

В те годы, когда население Земли продолжало увеличиваться, изменения климата истощили большую часть запасов питания и воды на планете. В то время огромные территории в Соединенных Штатах и Азии, где прежде выращивались зерновые культуры, превратились в пустыни, многие плодородные низинные земли затопило вследствие повышения уровня моря, загрязнились промышленными выбросами водоносные слои, окислились или пересохли пресноводные озера. Вскоре проблема перенаселенности повернулась обратной стороной. Засухи, болезни и голод начали уничтожать массы людей по всей планете. Но катастрофа но-

сила всего лишь относительный характер; большинство населения Земли уцелело. Но, как обычно, ценой своей жизни за все это расплатились самые хрупкие – старики и дети.

Мир почти мгновенно лишился детства и старости.

Новые поколения явились в мир, постепенно приходящий в себя, где жило еще очень много уцелевших стареющих людей. И молодые – которых было мало, которых холили и лелеяли и которые были соединены между собой с помощью червокамер – относились к старикам со все нарастающей нетерпимостью, безразличием и недоверием.

В школах «дети червокамеры» проводили академические исследования той эры, во время которой родились и выросли их родители, бабушки и дедушки, – и они с трудом представляли себе жизнь в эту эру, от которой их отделяло всего несколько десятилетий, – эру, полную запретов, лжи и подкупов, бесконтрольной преступности, где люди убивали друг друга за обманы и мифы, где планета то и дело страдала от намеренного наплевательства и алчности, где никому не было дела до других, где никто не задумывался о будущем.

А для стариков молодежь казалась шайкой непредсказуемых дикарей, говоривших на своем собственном, непонятном языке, у которых скромности было не больше, чем у стаи шимпанзе...

Но дело было не только в конфликте поколений. Бобби казалось, что намечается гораздо более серьезный разрыв.

Новые суперразумы уже были готовы к тому, чтобы отве-

тить на самые серьезные вызовы: вызовы, требовавшие одновременно могучих высот интеллекта и отказа от разделенности и себялюбия. Изменение климата Земли и управление им, например, из-за хаотически сложной природы глобальных погодных систем было проблемой, некогда казавшейся нерешаемой. А теперь ее решали.

Новые поколения становящихся все более зрелыми Единых уже придавали очертания будущему – такому будущему, в котором, как боялись многие, станет не нужна даже религия; потому что Единые верили – и отчасти не зря, – что они смогут даже искоренить смерть.

Возможно, это будущее не было предназначено для людей.

Оно было удивительно, восхитительно и пугающе. Бобби понимал: ему повезло, что он живет в такое время, потому что такого грандиозного взрыва разума больше произойти не могло.

Но еще было другое, и это тоже было правдой: он сам, и Давид, и все остальные в их поколении, последние из тех, кто не стал Едиными, чувствовали себя все более одинокими на планете, их породившей.

Он знал, что блестящее будущее не для него. После смерти Кейт настоящее потеряло для Бобби интерес. Для него и для Давида осталось только прошлое.

И они с Давидом решили посвятить себя изучению прошлого.

Они решили делать это настолько глубоко и быстро, насколько получится, – двое старых балбесов, которые теперь никому не стали нужны.

Бобби почувствовал прикосновение – легкое, едва заметное, но настойчивое. Словно бы кто-то сжал его руку.

– Давид?

– Ты готов?

Бобби впустил частицу своего сознания в тело всего лишь на секунду; он увидел тени своих рук и ног. Он сделал глубокий вдох, сжал кулаки, распрямил пальцы.

– Давай сделаем это.

Хронофокус Бобби начал опускаться с африканского неба к южному побережью континента. Он падал, а по спокойному лику планеты мелькали дни и ночи, века опадали, будто листья с осеннего дерева.

На глубине в сто тысяч лет они остановились. Бобби и Давид парили, как два светлячка, а прямо перед лицом: тяжелые надбровные дуги, приплюснутый нос, зоркие глаза. Женщина.

Не совсем человек.

За ней небольшая семейная группа – мощного телосложения взрослые и дети, похожие на детенышей горилл, – трудилась около костра, разожженного на берегу. Позади них стояла невысокая прибрежная скала, а небо у них над головами было яркое, темно-синее. Видимо, все это происходило в зимний день.

Братья занырнули дальше в глубь времени.

Пейзаж, семейная группа и ярко-синее небо мигнули и исчезли. Затуманилось изображение неандертальской прама- тери, лишилось выражения. Одно поколение накладывалось на другое слишком быстро, для того чтобы глаз мог уловить какие-то перемены. Пейзаж превратился в сероватый фон. Каждую секунду сменяли друг друга столетия, и в эту секунду умещалась смена времен года и погоды.

Множественный образ женщины-предка таял и менялся. На рубеже полумиллиона лет ее лоб еще больше навис, края глазниц сильнее выступили вперед, подбородок значительно отклонился назад, зубы и челюсти увеличились в размерах.

«Пожалуй, теперь это лицо уже похоже на морду обезья- ны», – подумал Бобби.

Но глаза оставались пытливыми, умными.

Оттенок кожи женщины менялся медленно, постепенно. Из темного стал более светлым, потом – снова темным.

– *Homo Erectus*⁵⁸, – проговорил Давид. – Изготовитель ору- дий. Мигрировал по всей планете. Продолжаем спуск. За се- кунду – сто тысяч лет, Господи Боже! Но как мало измене- ний...

Новая трансформация наступила внезапно. Надбровные дуги опустились еще ниже, лицо вытянулось в длину – но мозг у этой давней прама- тери, хоть и уступал по разме- ру мозгу современного человека, все же был больше мозга

⁵⁸ Человек прямоходящий (лат.).

обещания

Давид, повинувшись порыву чувств, замедлил падение в глубь времен и плавно остановился на рубеже около сорока миллионов лет.

Перед Бобби предстало вытянутое, острое, как у землеройки, лицо особи женского пола с большими пугливыми глазами. Позади нее были видны листья и ветви. Дальше, за густыми зарослями, раскинулась равнина, на которой паслось стадо каких-то зверей, похожих на носорогов, – но у этих зверей были громадные бесформенные головы с шестью рогами. Стадо массивных животных передвигалось медленно, они помахивали хвостами, обкусывали низкие кусты, дотягивались до нижних веток деревьев. Значит, они были травоядными. Молодого зверя, отставшего от стада, окружила группа животных, с виду похожих на лошадей, вот только эти «лошади», вооруженные большущими зубами и передвигавшиеся осторожно и нервно, судя по всему, были хищниками.

Давид сказал:

– Начало расцвета млекопитающих. Леса по всей планете; только-только исчезли травянистые пустоши. Как и современная фауна: тут нет полностью эволюционировавших лошадей, носорогов, свиней, крупного рогатого скота, кошек, собак...

Далекая праматерь, жуящая плоды и листья, каждые несколько секунд вертела головой то в одну сторону, то в

другую. Бобби гадал, какие хищники могут спикировать с этого неведомого неба и броситься на замешкавшегося примата.

С молчаливого согласия Бобби Давид прервал паузу, и они возобновили падение в глубь времен. Пейзаж слился в сине-зеленый фон, лицо пращура замелькало, стало еще меньше, ее глаза – больше, их цвет сменился на черный. Вероятно, ее образ жизни стал ночным.

Бобби замечал растительность – густую, зеленую, большей частью незнакомую. И все же теперь местность выглядела до странности пустой: ни гигантские млекопитающие, ни преследующие их хищники не передвигались на дальнем плане позади вытянутого, остроносого и большеглазого лица особи-предка.

«Мир выглядит словно город, покинутый людьми, – думал Давид, – где посреди грандиозных развалин снуют крысы, мыши и полевки».

Но вот леса начали сжиматься и таять, как туман летом. Скоро земля обнажилась. На месте некогда высоких деревьев на равнине остались только пни.

Неожиданно образовался лед, он лег толстыми пластами на землю. Бобби почувствовал, как жизнь уходит из мира медленным отливом.

А потом появились тучи, и мир погрузился во мрак. От потемневшей земли начали отскакивать капли тусклого дождя. Из грязи поднялись огромные груды костей, на них на-

чали нарастать серые ключья плоти.

– Кислотный дождь, – пробормотал Давид.

Вспыхнул свет – слепящий, невыносимый.

Это был не свет дня, а пламя, охватившее окрестности целиком. Пламя полыхало жестоко, жутко, пугающе.

Но оно отступило.

Под свинцовым небом пожарище начало оседать, постепенно распалось на отдельные очаги, а потом погасли и язычки огня, а на их месте возникла зелень листвы. Пламя в конце концов превратилось в плотные огненные шары, улетевшие в небо, шары стали искрами, а искры собрались в метеорное облако на черном небе.

Потом плотные черные тучи расступились, словно полотнища занавеса. Налетел могучий ветер, на деревья вернулись сломанные ветки, на ветки плавно уселись летающие существа. На горизонте занялось розово-белое сияние и в конце концов превратилось в сноп света, похожий на луч маяка, направленный прямо в небо.

Это был столп расплавленной породы.

Столп осел, сменился оранжевым свечением. А потом, подобно заре, над горизонтом поднялась сверкающая диффузная масса, и на полнеба величественной пламенной дугой растянулся длинный сверкающий хвост. То тускнеющая при свете дня, то ярко горящая ночью, комета день за днем отступала, уносила свой разрушительный вес в глубины Солнечной системы.

Братья оказались в неожиданно возродившемся мире, мире плодородия и покоя, и сделали остановку.

Их предком оказалось большеглазое пугливое создание, сидевшее высоко над землей. Возможно, оно забралось туда по неосторожности и теперь не могло спуститься.

Ниже Бобби увидел местность, напоминавшую побережье внутреннего моря. Болотистые низины поросли роскошными, пышными джунглями, а с далеких синих гор стекала широкая река. Слизистые, мутные воды реки пересекали гребнистые спины – наверное, крокодилов. Эти земли кишели жизнью – до подробностей не знакомой, но все же не так уж сильно отличавшейся от жизни в лесах времен юности Бобби.

А вот небо было не совсем голубого цвета.

«Оно скорее нежно-сиреневое», – подумал Бобби.

Даже силуэты разбросанных по небу облаков казались какими-то неправильными.

По топкому берегу брело стадо рогатых животных, смутно напоминавших носорогов. Однако их движения были странными, почти птичьими. Неуклюже передвигаясь, они спаривались, щипали листву, выводили детенышей, дрались, прихорашивались.

А еще на глаза Бобби попало стадо существ, похожих на страусов. Эти ходили прямо, кивали головами и бросали по сторонам нервные, подозрительные взгляды.

Посреди деревьев Бобби заметил большую тень. Она пе-

редвигалась медленно, будто охотилась за гигантскими травоядными. Возможно, это был хищник.

«Может быть, даже раптор», – подумал Бобби с волнением.

Повсюду вокруг стад динозавров в воздухе висели тучи насекомых.

– Нам повезло, – заметил Давид. – Перед нами – относительно неплохой вид на дикую природу. Век динозавров принес массу разочарований хронотуристам. Как и Африка, эти времена оказались слишком необъятными, унылыми, пыльными и большей частью пустыми. В конце концов, они тянулись несколько сотен миллионов лет.

– Но, – сухо проговорил Бобби, – одним из самых больших разочарований было узнать о том, что тираннозавр был всего-навсего падальщиком... Вся эта красота, Давид, – но нет разума, чтобы оценить ее. Неужели все это время мир ожидал нас?

– Да-да, невиданная красота. «Неужели прекрасные извитые и конические раковины эпохи эоцена и изящные аммониты вторичного периода были сотворены только для того, чтобы по прошествии многих столетий человек восторгался ими, сидя у себя в кабинете?» Дарвин, «Происхождение видов».

– Значит, он тоже не знал.

– Думаю, нет. Это такая страшная старина, Бобби. Ты же видишь: древнейшее сообщество, которое эволюционирова-

ло совместно на протяжении сотен миллионов лет. И все-таки...

– И все-таки все исчезло, когда Польша мелового периода сделала свое черное дело.

– Земля – это гигантское кладбище, Бобби. И чем глубже мы уходим в прошлое, тем больше костей вылезает из-под земли...

– Не совсем так. Есть птицы.

– Да, птицы. Довольно красивый конец этого отдельного отрезка эволюции, правда? Будем надеяться, что и с нами все окажется так же хорошо. Продолжим.

– Не возражаю.

И они снова двинулись в глубь веков и, благополучно преодолев мезозойское лето динозавров, оказались на рубеже двух сотен миллионов лет.

Древние джунгли проносились бессмысленной зеленой волной на дальнем плане, обрамляя испуганные глупые глаза миллионов поколений пращуров – плодящихся, надеющихся, умирающих.

Зелень внезапно пропала, сменилась пыльной равниной и пустым небом над ней.

Обнаженная земля представляла собой плоскую пустыню, жестоко выжженную солнцем. Насколько хватало глаз, тянулись и тянулись километры усыпанной красноватым песком почвы. Даже горы опустились и растаяли в это стародавнее

время.

Здесьшний предок представлял собой маленькое существо, похожее на рептилию. Оно деловито поедало что-то вроде остатков тушки крысенка. Самка находилась на опушке зарослей приземистых папоротников и хвойных растений, стоявших на берегу текущей зигзагами реки.

Мимо протопало животное наподобие игуаны, сверкнуло рядами острых зубов.

«Наверное, мамаша всех динозавров», – подумал Бобби.

А за деревьями Бобби разглядел кого-то вроде бородавочников, копающихся в грязи ближе к мутной реке.

Давид пробормотал:

– Листозавры. Счастливейшие существа на свете. Единственные из крупных животных, кому удалось пережить вымирание.

Бобби смутился.

– Ты имеешь в виду комету, вызвавшую гибель динозавров?

– Нет, – мрачно отозвался Давид. – Я про другую. Мы с ней скоро встретимся – на глубине в двести пятьдесят миллионов лет.

Она была самой страшной...

Вот почему панорама в виде роскошных джунглей исчезла. Земля снова лишалась всего живого. Бобби охватило необычайное чувство страха.

Они снова начали спуск во времени.

Наконец последние чахлые деревца сжались и превратились в семена, из которых когда-то выросли. Остатки зеленой поросли – жалкая трава и кустарники засохли и погибли. Обугленная земля – местность, загроможденная обгоревшими пнями, упавшими ветками, усыпанная грудами костей, – начала преобразовываться. Скалы, все отчетливее проступавшие на фоне отступающего отлива жизни, стали темно-красными.

– Похоже на Марс.

– Потому и похоже, – угрюмо проговорил Давид. – На Марсе нет жизни, о какой можно было бы говорить. А в отсутствие жизни осадочные породы приобрели ржавый цвет: медленное выгорание, последствия эрозии и выветривания, убийственной жары и мертвенного холода. И Земля во время этого самого грандиозного из периодов гибели была такой же: безжизненные камни разрушались от эрозии.

И все это время цепочка маленьких предков человека цеплялась за жизнь, прячась в глинистых норках по берегам внутренних морей, от которых посреди смертельной марсианской пыли остались жалкие лужицы.

Давид рассказывал о том, что Земля в эту эпоху была совсем иной. Тектонические сдвиги сбили все материки в единый гигантский континент – самую большую массу суши за всю историю планеты. Территории тропиков занимали необъятные пустыни, вершины гор были покрыты ледниками. Ближе к центру континента климат резко колебался от

убийственной жары до мертвящего мороза.

И этот и без того хрупкий мир страдал еще от одной напасти: большой избыток углекислого газа добавлял к жуткому климату парниковый эффект.

– Особенно страдала животная жизнь. Она почти опустилась до уровня обитания в лужах. Для нас, можно считать, все кончено, Бобби. Избыток углекислоты отступает туда, откуда он взялся: в глубокие расселины на дне морей, в грандиозные выбросы из вулканических пород. Именно оттуда газы вышли на поверхность Земли и стали ее отравлять. И скоро этот чудовищный материк распадется на части. Но только не забывай: *уцелела*. На самом деле выжили наши предки. Думай об этом. Если бы не так, нас с тобой тут не было бы.

Разглядывая мелькающую перед глазами смесь рептилий и грызунов, Давид постарался утешить себя этой мыслью, но получилось у него не слишком хорошо.

Они миновали рубеж вымирания и ушли в еще более далекое прошлое.

Оживающая Земля выглядела совсем иначе. Не осталось и следа гор. Давние предки человека цеплялись за жизнь по берегам громадных внутренних морей, на протяжении веков то разливавшихся, то почти пересыхавших. Медленно, через миллионы лет, когда удушливые газы убрались под поверхность, на планету вернулся зеленый покров.

Предок людей предстал в виде медлительного, ходяще-

го вперевалку животного, покрытого короткой тусклой шерстью. Но по мере того, как мимо проносились поколения, нижняя челюсть самки удлинялась, черепная коробка словно бы таяла, и наконец она словно бы потеряла зубы и ее морда стала больше походить на клюв. Потом и шерсть пропала, нос вытянулся вперед. На взгляд Бобби, это существо почти ничем не отличалось от ящерицы.

Он понимал на самом деле, что приближается к таким глубинам прошлого, где огромные семейства животных – черепахи, млекопитающие, ящерицы, крокодилы и птицы – сливаются в одну прагруппу. Группу рептилий.

А потом, на глубине более трехсот пятидесяти миллионов лет, предок снова видоизменился. Голова самки стала более тупой, конечности – короче и толще, туловище приобрело более прямолинейные формы. Вероятно, теперь это была амфибия. Наконец короткие лапы стали плавниками, а потом и плавники убрались внутрь туловища.

– Жизнь уходит с суши, – прокомментировал Давид. – Последний из беспозвоночных – может быть, скорпион – уплывает в море. На суше растения скоро утратят листву и перестанут тянуться вверх.

И после этого на суше останутся только самые простые формы жизни, покрытые панцирем...

Неожиданно Бобби словно бы погрузился в воду. Уходящая с суши прамаменья переселилась на мелководье.

В воде было тесно. Ниже располагался коралловый риф,

протянувшийся в млечно-голубую даль. Он был украшен чем-то вроде гигантских цветов на длинных стеблях, и между этими «цветами» сновало великое множество заключенных в раковины и панцири существ, искавших себе пропитание. Бобби узнал моллюсков, похожих на наутилусов, увидел гигантских аммонитов.

В этом мире предок человека представлял собой маленькую, похожую формой на нож неприметную рыбку, одну из метавшейся туда-сюда стайки. Их движения были настолько же сложными и нервическими, как у большинства современных видов рыб.

Вдалеке появилась акула. Ее силуэт нельзя было спутать ни с чем даже в такой глубине веков. Стайка рыб, опасаясь акулы, торопливо уплыла прочь. У Бобби в сердце шевельнулось сочувствие к далеким предкам.

Давид снова прибавил скорость. Четыреста миллионов лет, четыреста пятьдесят...

Ассорти экспериментов эволюции. Хрупкие тела предков покрывались то одной, то другой костяной броней. Некоторые из них протянули не больше пары поколений. Казалось, эти примитивные рыбы не имеют особых планов на будущее. Бобби было понятно, что жизнь занимается сбором информации и накоплением уровня сложности и что эта информация затем будет храниться в самих структурах живых существ. Ее накопление происходило болезненно, на протяжении многих и многих поколений, ценой страданий и гибели.

А сейчас, при обратном просмотре, эта информация, казалось, терялась почти равнодушно и беспечно.

... А потом в одно мгновение уродливая примитивная рыба исчезла. Давид замедлил скорость падения.

В *этом* древнем море рыбы не водились. Далекий предок человека тут был всего лишь белесой тварью, похожей на червя. Существо ползало по подернутому рябью песку на мелководье.

Давид сказал:

– Начиная отсюда все становится значительно проще. Тут только совсем немного водорослей. А на рубеже миллиарда лет останутся одни одноклеточные – и так вплоть до самого начала.

– До этого еще далеко?

Давид негромко проговорил:

– Бобби, мы только начали. До этой точки нам еще три раза по столько нужно пройти.

Спуск продолжился.

Предок оставался примитивным червем, его очертания едва заметно менялись. Но вдруг он преобразился в комок протоплазмы посреди коврика водорослей.

А когда братья опустились еще ниже, остались одни только водоросли.

Неожиданно навалилась тьма.

– Проклятье, – вырвалось у Бобби. – Что случилось?

– Понятия не имею.

Давид унес себя и Бобби еще дальше. Миллион лет, еще миллион. Но глобальная тьма не отступала.

Наконец Давид прервал связь с предком из того периода – микробом или простейшей водорослью – и вынес фокус червокамеры на поверхность, а потом поднял его на тысячу километров выше чрева Земли.

Океан был белым, от полюса до экватора его покрывал лед.

Огромные пласты льда были изборождены складками и ущельями длиной в несколько сотен километров. Над ледяным горизонтом вставал серпик Луны. Ее словно бы покрытый оспинами лик не изменился с настоящего времени. Даже в эту невероятно древнюю эпоху Луна была жутко старой. Но светила Луна в отраженном свете Земли почти так же ярко, как если бы на нее падали прямые лучи Солнца.

Земля стала удивительно яркой – возможно, в этом она даже превосходила Венеру. Жаль, некому было сравнить.

– Ты посмотри, – выдохнул Давид.

Где-то неподалеку от экватора Земли виднелась округлая впадина с довольно гладкими стенками и невысоким зубчатым валом посередине. – Это же кратер. Очень древний. Лед, покрывающий планету, лежит *давно*.

Они продолжили спуск. Мелькающие детали ледяного покрова – трещины и выступы на поверхности льда, снежные холмы, похожие на песчаные дюны, – все это слилось в жем-

чужную гладкость. Но глобальное оледенение продолжалось.

Неожиданно после углубления еще на пятьдесят миллионов лет льды растаяли – будто изморозь на нагретом стекле. Но стоило только Бобби ощутить облегчение, как льды образовались снова и опять покрыли всю планету от полюса до полюса.

Еще трижды таяли льды, пока наконец не исчезли окончательно.

А когда исчезли, перед братьями предстала планета, которая была похожа и не похожа на Землю. Тут были синие океаны и материки. Но все материки были пустынные, их покрывали горы с ледяными вершинами или красно-бурые пустыни, и их очертания были совершенно незнакомы Бобби.

Он наблюдал за медленным вальсом континентов, а они подплывали все ближе и ближе друг к другу, повинувшись слепым порывам тектоники, и сбивались в единую гигантскую массу суши.

– Вот и ответ, – мрачно произнес Давид. – Суперконтинент, то соединяющийся, то распадающийся на части, служит причиной оледенений. Когда эта штука рвется на куски, создается более протяженная береговая линия. Это стимулирует развитие жизни – а сейчас здесь живут только микробы и водоросли во внутренних морях и на мелководье океанов. Жизнь забирает из атмосферы избыток углекислоты. Парниковый эффект отступает, солнце светит немного более тускло, чем в наше время...

– Отсюда – оледенение.

– Точно. То оледенение, то таяние льдов на протяжении двух миллионов лет. Несколько миллионов лет вообще не было фотосинтеза. Просто удивительно, как жизнь уцелела.

Братья снова опустили в глубины океана. След ДНК привел их к невыразительному ковру зеленых водорослей. Где-то тут пряталась ничем не примечательная клетка – предок всех людей, когда-либо живших на Земле.

Выше в холодной голубой воде плыла маленькая стайка существ типа примитивных медуз. Еще дальше Бобби разглядел более сложные создания: перья, луковицы, нечто вроде складчатых ковриков, прилепленных ко дну или свободно плавающих.

Бобби сказал:

– Вот эти не очень-то похожи на водоросли.

– Господи, – вырвалось у Давида. – Совсем как эдикараны. Многоклеточные существа. Но, по идее, до появления эдикаранов еще должна пройти пара сотен миллионов лет. Что-то не так.

Они продолжили падение в глубь времен. Признаки многоклеточной жизни вскоре пропали. Жизнь утратила то, чему с такой болью научилась.

Глубина – миллиард лет. И снова навалился мрак, будто удар молота.

– Снова лед? – спросил Бобби.

– Думаю, я понимаю, в чем дело, – уныло отозвался Да-

вид. – Это был скачок эволюции – очень давнее событие. Нечто такое, чего мы не разглядели в окаменелостях, – попытка жизни преодолеть стадию одноклеточности. Но эта попытка обречена на провал из-за оледенения. Два миллиона лет прогресса – и все зря... Проклятье, проклятье.

Когда льды растаяли – а это произошло еще через миллион лет, – снова появились признаки более сложной жизни. И тут многоклеточные существа попадались на глаза между водорослей.

Еще одна попытка, которая окажется неудачной из-за жестокого оледенения. И снова на глазах у братьев жизнь была отброшена на простейший уровень.

Они падали и падали вниз через долгие и безликие тысячелетия.

Еще пять раз мертвенная длань глобального оледенения сковывала планету, убивала океаны, выдавливала жизнь из всего, кроме самых примитивных существ, обитавших в самых маргинальных средах. Этот суровый цикл обратной связи начинался всякий раз после того, как жизнь успевала хоть чуточку развиться на мелководье и побережьях континентов.

Давид сказал:

– Трагедия Сизифа. Согласно мифу, Сизифу приходилось вкатывать камень на вершину горы – только ради того, чтобы потом смотреть, как он катится вниз, снова и снова. Вот так и жизнь: она пытается достичь сложности и значительно-

сти, а ее вновь и вновь возвращают на самый примитивный уровень. Нечто вроде нескольких ледяных Полюней подряд. Может быть, нынешние философы-нигилисты и правы: только этого мы и можем ожидать от Вселенной – бесконечного уничтожения жизни и духа, потому что для равновесия Вселенной космосу нужна гибель...

Бобби мрачно проговорил:

– Циолковский когда-то назвал Землю колыбелью человечества. Так и есть, это действительно колыбель жизни. Но...

– Но, – подхватил Давид. – Это такая жуткая колыбелька, которая то и дело губит тех, кто в ней лежит. Но хотя бы *этого* теперь не случится. Так уже не будет. Жизнь выработала сложные циклы обратной связи, научилась управлять потоками массы и энергии по системам планеты. Мы всегда думали, что живая Земля – это красивое создание. Не так. Жизни пришлось научиться защищать себя от беспорядочной геологической жестокости планеты.

Наконец они добрались до времени гораздо более далекого, чем то, в котором происходили разрушительные оледенения.

Молодая Земля имела очень мало общего с тем миром, которым ей предстояло стать. Воздух был явно более плотным. Им невозможно было дышать. Не было ни гор, ни берегов, ни скал, ни лесов. Большую часть планеты покрывал мелководный океан без всяких материков. Дно океана представляло собой тонкую корочку, то и дело разрываемую тре-

щинами, через которые выливались реки вулканической лавы и высушивали море. Зачастую густые облака газов окутывали планету на долгие годы – пока над поверхностью не поднялись вулканы и не всосали газы внутрь себя.

Когда стало можно что-то разглядеть за плотным слоем клубящегося смога, солнце проступило яростным, слепящим шаром. Луна была огромная, размером с обеденную тарелку, хотя многие из ее знакомых черт уже находились на своих местах.

Но и Луна, и Солнце словно бы стремительно мчались по небу. Юная Земля быстро вращалась вокруг своей оси, она то и дело погружала свою поверхность и хрупкий груз жизни на ней во тьму ночи. По израненной планете проносились высокие приливные волны.

Предки человека в этом враждебном мире были совсем не амбициозны: это были всего-навсего ничем не примечательные клетки, живущие большими сообществами ближе к поверхности мелких морей. Каждое из этих сообществ начиналось с похожей на губку массы материи, которая затем сжималась слой за слоем, и в конце концов оставался крошечный клочок зелени, плавающий на поверхности воды и дрейфующий по океану, чтобы затем приклеиться к более старому сообществу клеток.

Небо то и дело озаряли вспышки гигантских метеоров, возвращавшихся в дальний космос. Часто – ужасающе часто – по планете проносились водяные волны высотой в кило-

метр, налетали на пылающий шрам, полученный от удара метеорита, а оттуда выпрыгивало огромное светящееся небесное тело – астероид или комета, и улетало в космос, на краткий миг озаряя израненное небо, чтобы потом пропасть во мраке.

Жестокость и частота этих «ударов наоборот» все нарастала.

Но вот неожиданно зеленые ковры водорослей начали мигрировать по поверхности юного бурного океана и увлекли за собой цепочку наследственности – а вместе с ней и фокус червокамеры Бобби. Колонии водорослей сливались между собой, потом снова таяли и снова сливались – будто стремились к какому-то общему ядру.

Наконец они оказались в изолированном озере, замкнутом внутри широкого и глубокого метеоритного кратера – как будто на Луне после наводнения. Бобби видел вокруг зубчатые хребты гор, срезанный центральный пик. Озеро было наполнено неприятно-ядовитой зеленью. Где-то в середине цепочки предков продолжали свое слепое шествие к безжизненности.

Но вот вдруг зеленое пятно сжалось, распалось на отдельные клочки, и поверхность кратерного озера покрылась плотным коричневым ковром.

– О... – в изумлении выговорил Давид. – Мы только что потеряли хлорофилл. Способность производить энергию из солнечного света. Видишь, что произошло? Это сообщество

микроорганизмов было изолировано от остальных за счет падения метеорита или еще какой-то геологической катастрофы – вследствие которой образовался этот кратер. Тут перестало хватать питания. Микроорганизмы должны были либо мутировать, либо умереть.

– И они мутировали, – сказал Бобби. – А если бы они этого не сделали...

– Если бы они этого не сделали, не было бы нас.

А потом последовал жестокий взрыв, все пришло в движение – всепоглощающее, неясное. Вероятно, это и была та катастрофа, о которой сказал Давид.

Когда все было кончено, Бобби вдруг опять оказался под водой, и перед ним предстало плотное скопление коричневой массы, держащейся неподалеку от дымящегося жерла, тускло подсвеченного сиянием недр Земли.

– Вот до чего дошло, – проговорил Давид. – Наши самые дальние предки были поедателями камней. Это термофилы, а может быть, даже гипертермофилы. То есть они обожали высокую температуру. Они питались минералами, попадавшими в воду из жерл вулканов, – железом, серой, водородом... Грубо, неэффективно, но здраво. Им не нужен был ни свет, ни кислород, ни даже органические вещества.

Бобби погрузился во тьму. Он миновал туннели и расселины, и эти расселины и туннели уменьшались в размерах, сжимались. Кромешный мрак прерывали только редкие красноватые вспышки.

– Давид? Ты еще здесь?

– Я здесь.

– Что с нами происходит?

– Мы находимся под дном океана. Перемещаемся сквозь слой базальта. Вся жизнь на планете слипается, Бобби, сжимается на всей протяженности береговой линии океана, на базальтовом дне. Все соединяется в одну точку.

– Где она? Куда мы перемещаемся?

– К твердым породам, Бобби. На глубину около километра. Это будет последнее отступление жизни. Вся жизнь на Земле началась в этой полости, в этом каменном убежище.

– И из чего же, – спросил Бобби с опаской, – она потом появилась?

– Это нам и предстоит выяснить.

Давид поднял фокус червокамеры выше. Братья словно бы повисли в зловонном небе над безжизненной Землей.

Тут был свет – тусклый, оранжевый, как сумерки в городе, где небо затянуто смогом. Солнце, видимо, стояло над горизонтом, но Бобби не мог точно определить, где находится оно и гигантская Луна. Атмосфера была осязаемо плотной и давящей. Внизу чернел и местами вскипал океан. Тут и там над поверхностью воды вспыхивало пламя, прорывавшееся через трещины в дне.

«Теперь на кладбище действительно пусто, – думал Бобби. – Только где-то сохранился глубокий "карман", и там прячутся мои самые далекие предки. Эти юные горы уже от-

дали все, что в них было захоронено».

Но вот собрались в непроницаемую пелену черные тучи, и их словно бы поволокло по небу какое-то жестокое божество. Начался ливень наоборот. Струи воды отскакивали от подернутой рябью поверхности океана к набухшим тучам.

Миновал целый век, а дождь все лил и лил, все бушевал над океаном, и его ярость не ослабевала. То есть мощь ливня была так велика, что уровень воды в океане вскоре заметно понизился. Тучи сгустились еще сильнее, океаны сморщились, остались только отдельные соленые озера в самых низких впадинах на потрепанной, потрескавшейся поверхности Земли.

Прошло две тысячи лет. Дождь не прекращался до тех пор, пока океаны не превратились в облака, пока вся суша не пересохла.

А потом суша стала изменяться.

Вскоре на ее обнаженной поверхности возникли светящиеся трещины, и из них полилась лава. Наконец посреди лавы остались только отдельные островки, каменные осколки, но и они дрожали и таяли, и новый океан покрыл Землю: океан расплавленной породы глубиной в сотни метров.

Начался новый дождь наоборот: жуткая буря поднялась на поверхности, из расплава вылетали светящиеся камни. Капли лавы улетали к водяным тучам, и атмосфера превратилась в страшную смесь пара и лавы.

– Невероятно! – вырвалось у Давида. – Земля накаплива-

ет атмосферу из испарений камня, толщина этого слоя сорок – пятьдесят километров, а давление в сотни раз превышает те показатели, которые мы имеем сейчас. Тепловая энергия немислимая... Верхушки облаков навсрняка светятся. Земля пылает – звезда, окутанная испарениями камня.

Но каменный дождь отнимал тепло у потрепанной планеты, и быстро – всего за несколько месяцев – Земля остыла и стала твердой. Под светящимся небом снова начала образовываться жидкая вода, новые океаны сформировались из остывающих облаков. Но они получались кипящими, поскольку их поверхность соприкасалась с горячими испарениями. А между океанами образовывались горы, они словно бы сами себя лепили из кучек шлага.

А потом мимо Бобби пронеслась волна света, утащила за собой фронт кипящих облаков и пара. Произошел чудовищный взрыв. Бобби вскрикнул...

Давид замедлил их спуск в глубь времен.

Земля снова себя восстановила.

Черно-синие океаны были спокойны. Безоблачное небо имело зеленоватый оттенок. Покрытая оспинками кратеров Луна пугала своими размерами, она напоминала черты лица человека, такие знакомые Бобби, – не хватало только правого глаза... А еще тут было второе солнце – светящийся шар, затмевавший Луну, с хвостом, протянувшимся через все небо.

– Зеленое небо, – пробормотал Давид. – Странно. Может быть, дело в метане? Но как...

– А это, черт подери, что такое? – не выдержал Бобби.

– Ты про комету? Просто чудовище. Размером с нынешние астероиды вроде Весты или Паллады, километров пятьсот в поперечнике. В тысячу раз больше той, которая угробила динозавров.

– То есть размерами она равна Полюни.

– Точно. Не забывай, что Земля образовалась из комет и метеоритов, несколько планетоидов, обращающихся вокруг юного Солнца, сплывались воедино. Самым грандиозным ударом, наверное, было столкновение с другой молодой планетой, из-за которого мы чуть было не превратились в обломки.

– Из-за этого удара образовалась Луна.

– А далее поверхность Земли стала более или менее устойчивой, но и потом ей пришлось выдержать немало сильнейших ударов. Десятки, сотни за несколько сотен миллионов лет. Бомбардировку такой силы нам даже трудно себе представить. Потом частота падения метеоритов ослабела, поскольку их начали притягивать к себе другие планеты, и наступил период относительного спокойствия, продлившийся еще несколько сотен миллионов лет... а потом настало – *это*. Земле не повезло, что она встретила с таким гигантом так поздно. Удар был такой силы, что вскипели океаны и даже горы расплавились.

– Но мы выжили, – мрачно произнес Бобби.

– Да. В нашей глубокой теплой нише.

Они снова оказались под поверхностью Земли. Бобби погрузился внутрь камня вместе со своими самыми дальними предками, скоплением микробов-термофилов.

Он ждал во мраке, а мимо пролетали бесчисленные поколения.

Потом сквозь дымку он снова различил свет.

Он поднимался по какой-то шахте – подобию колодца – к кругу зеленоватого света, к небу этой чужой Земли до начала метеоритных бомбардировок. Круг расширялся и расширялся, и наконец Бобби оказался на свету.

То, что он увидел затем, не поддавалось описанию.

Он словно бы оказался внутри коробки, изготовленной из какого-то стекловидного материала. Давний предок, по всей вероятности, находился здесь – одна-единственная клетка посреди миллионов в этом контейнере. Коробка лежала на чем-то вроде подставки. Отсюда открывался вид...

– О боже, – прошептал Давид.

Это был город.

Бобби увидел архипелаг маленьких вулканических островков, встающих из синевы моря. Но островки были связаны между собой широкими и плоскими мостами. На суше низкими стенами были вычерчены геометрические фигуры. Это походило на поля, но пейзаж не напоминал тот, который создали бы люди. Поля были шестиугольные. Тут были даже

дома – невысокие, прямоугольные, похожие на ангары для самолетов. Бобби заметил, что между постройками что-то передвигается, какой-то транспорт, но издали точно рассмотреть было трудно.

Но вот что-то двинулось прямо к нему.

Оно походило на трилобита. Приземистое членистое туловище, поблескивающее под зеленым небом. Лапки – шесть или восемь – оживленно шевелились. Спереди – нечто вроде головы.

Голова, рот, а во рту – инструмент из блестящего металла.

Голова приподнялась и повернулась к Бобби. Он попытался разглядеть глаза этого невероятного создания. Ему казалось, что он вот-вот прикоснется к покрытой хитином физиономии, и...

И мир погрузился во мрак.

Они были двумя стариками, которые провели слишком много времени в виртуальной реальности, и «Поисковик» попросту вышвырнул их. Бобби, лежа на кушетке, подумал: «Это счастье».

Он встал, потянулся, потер кулаками глаза.

Он побрел по «Червятнику». Прочность и незыблемость всего, что его окружало, казались нереальными после спектакля длиной в четыре миллиарда лет, который ему довелось посмотреть. Бобби разыскал дрона-кофеварку, заказал две чашки кофе и сделал большой глоток. Потом, ощутив себя

немного вернувшись к человеческой жизни, он возвратился к брату и протянул ему чашку. Наконец Давид, с вытаращенными глазами и открытым ртом, сел и взял у Бобби кофе.

– Сизифианцы, – пробормотал Давид хрипло.

– Что-что?

– Вот как мы должны их называть. Они эволюционировали на юной Земле, в промежутке покоя между ранней и поздней бомбардировками. Они так сильно отличались от нас... Это метановое небо. Что бы это могло означать? Вероятно, даже их биохимия была новшеством, она, видимо, была основана на соединениях серы, или аммиак служил растворителем, или... – Он схватил Бобби за руку. – И конечно, ты понимаешь, что у них было очень мало общего с теми существами, которых они выбрали для хранения. Они сохранили наших предков. У них с нашими предками было не больше общего, чем у нас с экзотической флорой и фауной, до сих пор обитающей в глубоководных впадинах на Земле. Но они – термофилы, наши предки – были единственной надеждой на выживание...

– Давид, погоди. О чем ты говоришь?

Давид озадаченно уставился на него.

– Ты еще не понял? *Они были разумны.* Сизифианцы. Но они были обречены. Они знали, что им грозит, понимаешь?

– Огромная комета.

– Да. Точно так же как мы знаем о нашей Польни. А они

знали, что она сделает с их миром: вскипятит океаны и даже расплавит горную породу на сотни метров вглубь. Ты видел их. Техника у них была примитивная. Они были молодым видом. Они не могли покинуть планету, не могли самостоятельно пережить столкновение с кометой или отклонить ее с курса. Они были безнадежно обречены. Но все же они не впали в отчаяние. Они захоронили контейнер – достаточно глубоко для того, чтобы потом до него могла добраться тепловая волна.

– Да. Да! Понимаешь? Они постарались сохранить жизнь. Нас, Бобби, чтобы мы уцелели, несмотря на страшную катастрофу. Вот это и есть наша судьба, Бобби. Точно так же, как сизифианцы сохранили горстку термофильных микробов, дабы те пережили падение кометы, точно так же, как ковры водорослей старались пережить жестокие периоды оледенения, как потом более сложные формы жизни, эволюционируя и приспосабливаясь, переживали вулканические катастрофы, падения метеоритов, геологические аномалии – *так должны поступить и мы*. Даже Единые, новая эволюционная форма разума, являются частью единой цепи, которая ведет к заре жизни.

Бобби улыбнулся.

– Помнишь, как, бывало, говорил Хайрем? «Нет предела тому, чего можно достигнуть, если только трудиться сообща».

– Да. Именно так. Хайрем был не дурак.

Бобби любовно положил руку на плечо брата.

– Я так думаю...

И тут мир снова без всякого предупреждения погрузился во мрак.

/Эпилог/

– Бобби. Пожалуйста, проснись. Бобби. Ты меня слышишь?

Голос доносился до него словно бы издалека. Женский голос. Бобби слышал голос, понимал слова еще до того, как его телу вернулись ощущения.

Его глаза были закрыты.

Он лежал на спине – судя по всему, на мягкой кровати. Он чувствовал свои руки и ноги, медленное биение сердца, вдохи и выдохи. Все вроде бы было нормально.

И все-таки он знал, что это не так. Что-то было неправильно – так же чуточку ненормально, как лиловое небо над Землей мелового периода.

Ему стало ужасно страшно.

Он открыл глаза.

Над ним склонилось лицо женщины: высокие скулы, карие глаза, светлые волосы, немного морщинок вокруг глаз. Лет сорок – пятьдесят. И все же он узнал ее.

– ... Мэри?!

Ему ли принадлежал этот голос?

Он приподнял руку. Тонкое запястье выдвинулось из-под рукава, скроенного из какой-то серебристой ткани. Тонкие кости, длинные и узкие пальцы, как у пианиста.

Это была его рука?

Мэри – если это была Мэри – наклонилась и прикоснулась к его щекам ладонями.

– Ты очнулся. Спасибо за это Хайрему. Ты меня понимаешь?

– Да. Да, я...

– Что ты помнишь?

– Давида. «Червятник». Мы с ним...

– Странствовали. Верно. Хорошо, ты это помнишь. После воскрешения Давид рассказал нам о том, что вы повидали. «Воскрешение, – подумал Бобби. – Оживление».

И его страх исчез.

Он попытался сесть. Она помогла ему. Он чувствовал себя слабым и легким.

Он находился в комнате с ровными пустыми стенами. Было темно. Дверь вела в коридор, наполненный светом. В комнате имелось одно маленькое круглое окошко. За ним синяя полоса над черной полосой.

Синяя Земля. Черное небо.

Воздух Земли был прозрачен, как стекло. Над синевой океана, в сотнях километров от поверхности, серебрилась какая-то конструкция. Он находился на орбите? Нет, Земля не вращалась. Значит, он находился на чем-то вроде орбитальной башни.

«Господи».

– Я мертв? Меня оживили, Мэри?

Она заворчала и провела пальцами по распущенным во-

лосам.

– Давид предупреждал, что все так и будет. Вопросы, вопросы.

Интонация у нее была странная, голос сухой, словно она отвыкла разговаривать вслух.

– Зачем меня вернули? ... О! Полынь. В этом все дело?

Мэри нахмурила брови. Она словно бы на миг прислушалась к далеким голосам.

– Полынь? А, ты про ту комету. Ее мы давным-давно оттолкнули.

Она сказала об этом небрежно, будто речь шла о мошке, которую прогнали, махнув рукой.

– Так что же тогда? – зачарованно спросил Бобби.

– Я могу сказать тебе, *как* ты здесь оказался, – тихо говорила Мэри. – А вот насчет того, *почему*, это тебе придется выяснить самому...

Он узнал о том, что миновало шестьдесят лет.

Помогла, конечно, червокамера. Теперь появилась возможность заглянуть в прошлое и прочесть полную последовательность ДНК в любой момент жизни индивидуума. И стало возможно загрузить копию сознания этого индивидуума – и сделать его на краткое время одним из Единых; на годы, даже на десятки лет – чтобы потом, сплавив между собой ДНК и разум, получить восстановленное тело и загруженное в него сознание.

Вот так воскрешали из мертвых.

– Ты умирали, – объяснила Мэри. – И в тот же миг мы тебя скопировали. Хотя ты об этом еще ничего не знал.

– Мое клонирование.

– Да. Во времена Хайрема эта процедура была еще экспериментальной. Были проблемы с твоими теломерами. Это генетические структуры, управляющие старением клеток. Ты начал очень быстро стариться после того, как...

– После того, что мне вспоминается последним – «Червятник».

– Да.

Как странно было думать о том, что уже в то мгновение, когда он подавал Давиду чашку кофе, его жизнь была фактически кончена, что он тогда представлял собой жалкие останки самого себя.

Мэри взяла его за руку. Когда он поднялся с кровати, он показался себе легким, призрачным. Только теперь он заметил, что Мэри обнажена, но при этом в предплечья и живот у нее вживлены имплантаты. Грудь у нее странно болталась – как-то лениво, словно тут необычно действовала гравитация.

Она сказала:

– Тебе так много всего предстоит узнать. Теперь у нас достаточно места. Население Земли устойчиво. Мы живем на Марсе, на спутниках внешних планет, мы направляемся к звездам. Уже были эксперименты по пересадке человеческого сознания в квантовую пену.

– ... Места для чего?

– Для воскрешения. Мы собираемся воскресить *все* человеческие души, с самого зарождения вида. Всех отверженных, всех абортированных детей. Мы хотим исправить прошлое, победить жуткую трагедию смерти во Вселенной, которая способна прожить десятки миллиардов лет.

«Как это прекрасно, – подумал Бобби. – Сотни миллиардов душ, оживших, как листья на осеннем дереве. На что же это будет похоже?»

– Но, – медленно выговорил он, – это те же самые люди? Я – это я?

– Некоторые философы утверждают, что это возможно. По учению Лейбница, ты – это ты. Но...

– Но ты так не думаешь.

– Нет. Прости.

Он задумался.

– А когда нас всех воскресят, что мы будем делать?

Вопрос ее, похоже, озадачил.

– Ну... все, что угодно, конечно. – Она взяла его за руку. – Пойдем. Кейт ждет тебя.

Взявшись за руки, они пошли к свету.

/Послесловие/

Понятие «хронообъектива», будучи весьма почтенным, в научной фантастике эксплуатировалось довольно редко – вероятно, из-за того, что оно сулит меньше приключений, чем собственно путешествия во времени. И все же на эту тему было написано несколько значительных произведений – от «Викариона» Гарднера Хантинга (1926) до романа Орсона Скотта Карда «Стража прошлого: Искупление Христофора Колумба» (1996). Один из нас кратко описал применение этого устройства в ранних работах – «Конец детства» (1953) и «Паразит» (1953). Пожалуй, наиболее известным – и лучшим – примером является «медленное стекло» Боба Шоу из его романа с таким же названием, как у нас⁶⁰ (1966).

В наши дни это понятие получило первые штрихи научно-го правдоподобия, предложенные современной физикой, – и входит в резонанс с нашим временем, когда людей все чаще окружает аппаратура для наблюдения.

Концепция пространственно-временных «червоточин» хорошо описана у Кипа Торна в его работе «Черные дыры и завихрения времени: возмутительное наследство Эйнштейна» (W. W. Norton, 1994). Предположение о том, что «червоточины» можно генерировать с помощью «сжатия вакуума»,

⁶⁰ В русском переводе В. Баканова и В. Генкина роман называется «Свет былого».

было высказано Дэвидом Хохбергом и Томасом Кепхартом (Physics Letters B, vol. 268, pp. 377-383, 1991).

Весьма спекулятивная и, надеемся, уважительная реконструкция исторической жизни Иисуса Христа в большой степени почерпнута из прекрасной биографии работы Э. Н. Уилсон «Иисус» (Sinclair-Stevenson, 1992). За материалы, связанные с жизнью Авраама Линкольна, авторы в долгу перед Уорреном Алленом Смитом, нью-йоркским корреспондентом издания «Gay and Lesbian Humanist».

Идею о том, что в древности Земля пережила несколько суровых периодов оледенения, мы позаимствовали в работах Пола Хофмана из Гарвардского университета и его коллег (см. Science, vol. 281, p. 1342, 28 августа 1998). А мысль о том, что первобытная жизнь сумела пережить древние бомбардировки Земли метеоритами, спрятавшись глубоко под поверхностью, исследована, например, в «Пятом чуде» Пола Дейвиса (Penguin, 1998).

Мы благодарим Энди Сойера из отдела фонда научной фантастики ливерпульской библиотеки имени Сидни Джонса за помощь в поисках, а также Эдварда Джеймса из университета Рединга и Эрика Брауна за чтение черновиков рукописи. Все ошибки и пропуски – это, конечно, на нашей совести.

Данная книга по самой своей природе содержит много размышлений об исторических фигурах и событиях. Кое-что из того, о чем идет речь, подтверждено современными

ми историческими источниками, кое-что находится на грани уважительного теоретизирования, а кое-что представляет собой плоды не в меру разыгравшегося воображения авторов. Пусть читатель поупражняется и поразгадывает, что есть что, памятуя о том, что опровергнуть наши заявления невозможно до тех пор, пока не будет изобретена червокамера.